

Е. Р. ДАШКОВА И XVIII ВЕК

ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. Е.Р. ДАШКОВОЙ

Е.Р. ДАШКОВА И XVIII ВЕК

ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Москва

2012

МГИ_{им.Е.Р.Дашковой}

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 46
Д 21

Редколлегия:

канд. ист. наук, доц. *Л.В. Тычинина* (отв. ред.)

канд. воен. наук *Р.Б. Мухин*

канд. ист. наук, доц. *Н.В. Бессарабова*

Д 21 Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы.
– М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012. – 344 с., [16] с. илл.

ISBN 978-5-89903-151-9

Сборник научных статей подготовлен по материалам докладов, прочитанных в марте 2011 года на XVII Международных Дашковских чтениях. В центре внимания авторов – различные аспекты жизни и деятельности Е.Р. Дашковой и ее окружения. Ряд статей посвящен внутренней и внешней политике «золотого века» Екатерины Великой, а также культурной жизни этой эпохи.

Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 46

© Московский гуманитарный институт
им. Е.Р. Дашковой, 2012
ISBN 978-5-89903-151-9 © Коллектив авторов, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	5
<i>Л.В. Тычинина</i> (канд. ист. наук, доц.), <i>Р.Б. Мухин</i> (канд. воен. наук) Дашковское общество. 2011 год: хроника событий.....	6
<i>А.Б. Каменский</i> (д-р ист. наук, проф.) Актуальные задачи изучения истории XVIII века	12
<i>Т.Е. Автухович</i> (д-р филол. наук, проф., Республика Беларусь) Жизненное пространство Е.Р. Дашковой как репрезентация культуры Просвещения.....	24
<i>И.Е. Лопатухина</i> (канд. физ.-мат. наук), <i>Е.Н. Поляхова</i> (канд. физ.-мат. наук) По следам года Франции в России (2010): французские ученые XVIII века – почетные члены Санкт-Петербургской Академии наук.....	33
<i>Е.Н. Поляхова</i> (канд. физ.-мат. наук) К 300-летию М.В. Ломоносова: об издании собраний сочинений ученого	47
<i>Е.И. Столбова</i> Новое в иконографии княгини Е.Р. Дашковой	54
<i>В.Н. Алексеев</i> (канд. биол. наук, доц.) Канцлер М.И. Воронцов: личность и государственный деятель.....	60
<i>Г.В. Черногловина</i> Ищите женщину	70
<i>Л.Я. Таёжная</i> Неаполитанские встречи княгини Е.Р. Дашковой и их значение	79
<i>Е.Н. Фирсова</i> Письма Е.Р. Дашковой из ссылки	84
<i>С.Р. Долгова</i> (канд. филол. наук) З.Н. Постников – доверенное лицо семьи Воронцовых	112
<i>Н.Я. Серебрякова</i> Штрихи ушедшего времени	128
<i>М.Ю. Коробко</i> Е.Р. Дашкова и усадьба Узкое: к постановке проблемы	136
<i>Н.В. Зайцева</i> (канд. искусствоведения) От протестантизма к православию (о переходе в православие великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны)	147
<i>И.И. Лециловская</i> (д-р ист. наук, проф.) Черногорец И.М. Подгоричани – российский генерал.....	160
<i>Е.Б. Смилянская</i> (д-р ист. наук, проф.) Символическое значение «русских праздников» в Средиземноморье в 1770-е годы	164

Е.В. Пчелов (канд. ист. наук)

Царица Херсониса Таврического: крымский титул Екатерины Великой 173

Г.А. Наумова

Екатерина II и административная реформа 1775 года (Московская губерния) 180

Т.И. Акимова (канд. филол. наук, доц.)

Развлекательно-литературный характер Эрмитажного салона Екатерины II 188

Т.Л. Лабутина (д-р ист. наук, проф.)

Визит британского врача Т. Димсдейла ко двору Екатерины II 199

Е.Г. Горохова (канд. ист. наук), **Г.С. Маришупа**

О малоизвестном изображении путешествия Екатерины II в Крым 211

Н.Л. Пушкарёва (д-р ист. наук, проф.)Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон»
для изучения «женского письма» ..... 224**Т.П. Петерс**

Княгиня М.А. Гагарина и ее дневник (1829–1835)..... 242

Т.М. Фадеева (канд. ист. наук)

Екатерининская эпоха в трудах писателя П.И. Сумарокова 254

М.А. Яковлева

«Он верил в призвание России...»: граф А.И. Рибопьер 266

А.О. Мецереякова (канд. ист. наук)Английская мода и русские консерваторы: к истории создания
Ф.В. Ростопчиным трактата о плуге и сохе..... 278**К.Г. Боленко** (канд. ист. наук)Князь Н.Б. Юсупов в зеркале своей библиотеки: книжные выставки
музея-усадьбы «Архангельское» в 2010 году ..... 284**М.П. Пряшников** (канд. искусствоведения)Проект создания первого русского профессионального театра
(по материалам Архива внешней политики Российской империи) ..... 292**О.А. Байрд** (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии)«Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает...»: Л.-В.Теппер
де Фергюсон. Музыкальное образование лицейского учителя музыки ..... 304**А.Н. Полосина** (канд. филол. наук)

Вольтер в восприятии Л.Н. Толстого 321

Е.Н. ФирсоваИстория некоторых находок и открытий при изучении жизни
княгини Е.Р. Дашковой..... 330**В.А. Стручков**Система народного образования в родовом поместье
графа И.И. Воронцова-Дашкова..... 338

Список сокращений 341

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Данный сборник научных статей, выходящий по материалам XVII Международных Дашковских чтений, продолжает серию ежегодных изданий Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой, посвященных Екатерине Романовне Дашковой и ее времени.

В центре внимания авторов сборника – различные аспекты жизни и деятельности княгини: руководство Санкт-Петербургской Академией наук, вклад в науку и культуру, мировоззрение Е.Р. Дашковой, ее путешествия и переписка. Ряд работ посвящен окружению княгини: ее родственникам и современникам. В статьях о «золотом веке» Екатерины Великой освещаются актуальные проблемы внутренней и внешней политики императрицы. Работы о литературе, живописи и музыке показывают связь культурной жизни екатерининской эпохи с культурой предшествующего и последующего времени. Также в сборнике опубликованы статьи, рассказывающие о деятельности Дашковского общества.

Точка зрения отдельных авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Авторы несут ответственность за аутентичность использованного фактического материала и за справочный аппарат.

ДАШКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО. 2011 ГОД: ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Л.В. Тычинина

кандидат исторических наук, доцент

Р.Б. Мухин

кандидат военных наук

Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

В 2011 году продолжалась деятельность Дашковского общества*.

25 марта 2011 г. в Центральном Доме ученых Российской Академии наук на Пречистенке состоялись XVII Международные Дашковские чтения. В этом году они объединили более ста человек из многих городов нашей страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Самары, Саранска и др.) и из десяти государств ближнего

---

* О Дашковском обществе см.: Семенова А.В. Дашковское общество: история создания, перспективы деятельности // Е.Р. Дашкова и ее время: исследования и материалы. М., 1999. С. 32–34; Она же. Дашковское общество. 1999 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 9–12; Она же. Дашковское общество. 2000 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 10–12; Она же. Дашковское общество. 2001 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и ее современники. М., 2002. С. 14–18; Она же. Дашковское общество. 2002 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Личность и эпоха. М., 2003. С. 18–21; Она же. Дашковское общество. 2003 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М., 2004. С. 6–10. Она же. Дашковское общество. 2004 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. М., 2005. С. 6–9; Она же. Дашковское общество. 2005 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 6–9; Она же. Дашковское общество. 2006 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова в науке и культуре. М., 2007. С. 6–9; Она же. Дашковское общество. 2007 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008. С. 6–10, Тычинина Л.В. Дашковское общество. 2008 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М., 2009. С. 5–9; Она же. Дашковское общество. 2009 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010. С. 8–10; Мухин Р.Б.. Дашковское общество. 2010 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности. М., 2011. С. 8–12.

и дальнего зарубежья (Киргизии и Белоруссии, Великобритании, Румынии и Венгрии, Ирана и Ирака, Туниса, Вьетнама и Китая).

Право открыть Международные Дашковские чтения, как и в прошлые годы, было предоставлено ректору Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой и председателю Дашковского общества, кандидату исторических наук, доценту Ларисе Викторовне Тычининной, отметившей в своем вступительном слове вклад Екатерины Романовны Дашковой в русскую историю и культуру, а также важность ее наследия для нашей эпохи.

Участникам чтений было зачитано приветствие известного учёного из США русского происхождения, Александра Илларионовича Воронцова-Дашкова, книга которого о Е.Р. Дашковой вышла в 2010 г. в серии «Жизнь замечательных людей»:

«Уважаемые коллеги!

Как старший в роду Воронцовых и потомок княгини Дашковой, от всей души хочу выразить свою признательность Дашковскому обществу и Московскому гуманитарному институту им. Е.Р. Дашковой за приглашение участвовать в очередных XVII Международных Дашковских чтениях. Искренне сожалею, что на сей раз не смогу присутствовать на столь важном для Воронцовых мероприятии. Надеюсь, что в ближайшем будущем мне удастся лично поблагодарить всех Вас за уважение к истории семьи и к богатейшему культурно-историческому наследию княгини Дашковой.

В лице княгини Екатерины Романовны русская женщина впервые стала главой науки и играла ведущую роль в развитии образования в стране. Она активно боролась за осуществление реформ в России и за новые подходы к обучению российского юношества. Княгиня Дашкова считала распространение просветительских идей главным делом своей жизни. Даст Бог, что Вашими усилиями, ее жизнь послужит примером и окажет положительное влияние на дальнейшую историю России.

Желаю Вам успехов и всего самого доброго,
Александр Илларионович Воронцов-Дашков»

В ходе пленарного заседания прозвучало несколько докладов, посвященных актуальным проблемам прошлого и настоящего. Заместитель директора по научной работе Центрального экономико-

математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Георгий Борисович Клейнер постарался дать ответ на вопрос: «Какой должна быть экономика России как социального государства?». Декан факультета истории Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, доктор исторических наук, профессор Александр Борисович Каменский рассказал об актуальных задачах изучения истории XVIII века. Доцент кафедры клинической психологии и психотерапии факультета медицинской психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент Татьяна Дмитриевна Шевеленкова осветила проблемы и перспективы развития современной психологической науки. Научный сотрудник Российского государственного архива древних актов, доцент кафедры истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, кандидат исторических наук Наталья Юрьевна Болотина сообщила о подготовке историко-документальной выставки, посвященной 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова.

Затем по давно сложившейся традиции были представлены изданные институтом в 2010 г. научные труды, в том числе – сборник научных статей «Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурное наследие и современность» и три сборника «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра».

Медалью княгини Е.Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению» были награждены: заведующий отделом редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское», кандидат исторических наук К.Г. Боленко, декан факультета истории Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, доктор исторических наук, профессор А.Б. Каменский, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН по научной работе, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Г.Б. Клейнер, доцент кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института и Института «Русская антрополо-

гическая школа» Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент Е.В. Пчелов, историк и краевед Н.Я. Серебрякова, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии факультета медицинской психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент Т.Д. Шевеленкова, старший научный сотрудник, хранитель фонда живописи XVIII – первой половины XIX в. Государственного Русского музея Е.И. Столбова.

По окончании пленарного заседания в соответствии с программой чтений работали следующие секции: «Е.Р. Дашкова и ее время», «Проблемы политики, экономики и права», «Межкультурная коммуникация и поиски взаимопонимания (проблемы лингвистики и журналистики)», «Проблемы психологии, управления и педагогики», на которых были заслушаны около ста докладов.

Результаты работы XVII Международных Дашковских чтений отражены в настоящем сборнике, а также в трех сборниках «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра».

Членами Дашковского общества продолжается изучение жизни и деятельности Екатерины Романовны: они принимают участие в научных конференциях, публикуют работы, посвященные Е.Р. Дашковой и ее эпохе.

8–9 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге состоялось выездное заседание Дашковского общества. В архитектурно-ландшафтном комплексе Ораниенбауме, входящем в состав Государственного музея-заповедника «Петергоф», встретились члены Дашковского общества и коллектив сотрудников музея-заповедника: председатель Дашковского общества, ректор МГИ им. Е.Р. Дашковой, кандидат исторических наук, доцент Лариса Викторовна Тычинина; заведующая отделом хранения и изучения памятников Ораниенбаума (ГМЗ «Петергоф»), кандидат искусствоведения Наталья Владимировна Зайцева со своими коллегами; старший научный сотрудник отдела живописи XVIII – первой половины XIX в. Государственного Русского музея Елена Игоревна Столбова; преподаватель МГИ им. Е.Р. Дашковой, кандидат исторических наук, доцент Нина Вячеславовна Бессарабова; юрисконсульт МГИ им. Е.Р. Дашковой Екатерина Викторовна Михайлова и другие члены Дашковского

общества. Лариса Викторовна Тычинина вручила в подарок ГМЗ «Петергофу» «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.) – уникальный памятник отечественной лексикографии, подготовленный под руководством Е.Р. Дашковой и переизданный институтом. Наталья Владимировна Зайцева сообщила о достижениях сотрудников музея-заповедника при проведении реставрационных работ в Ораниенбауме, о современном состоянии архитектурно-ландшафтного комплекса и перспективах его развития. Большой интерес вызвала демонстрация интерактивного фильма об истории Ораниенбаума, а также проект «Живая археология». Члены Дашковского общества познакомились с экспозицией Большого (Меншиковского) и Китайского дворцов, а также с Нижним регулярным и Верхним пейзажным парками. Сотрудники музея-заповедника рассказали о проводящейся в последние два года кропотливой работе по реставрации Зала муз и Стеклярусного кабинета Китайского дворца. Участники встречи обсудили ряд актуальных проблем изучения российской истории XVIII в., а также перспективы сотрудничества МГИ им. Е.Р. Дашковой и ГМЗ «Петергоф». Участники выездного заседания посетили Строгановский дворец в Санкт-Петербурге – филиал Государственного Русского музея. Одним из владельцев дворца, построенного в 1750-х гг. по проекту Ф.Б. Растрелли, был Александр Сергеевич Строганов, женатый первым браком на Анне Михайловне Воронцовой – двоюродной сестре Е.Р. Дашковой.

Пробуждение интереса к деятельности Е.Р. Дашковой и её эпохе у молодого поколения – одна из целей деятельности Дашковского общества. 7 декабря в МГИ им. Е.Р. Дашковой состоялось традиционное празднование именин княгини – дня св. Екатерины. С утра в институте было праздничное настроение, играла музыка, в холле висела икона святой великомученицы Екатерины Александрийской, перед которой горела свеча. В теплой непринужденной обстановке в лекционном зале института собрались студенты и преподаватели. С приветственным словом к собравшимся обратилась кандидат исторических наук, доцент Нина Вячеславовна Бессарабова – член Дашковского общества. Рассказывая о Екатерине Александрийской, она отметила: «Из житий св. Екатерины мы знаем, что она отличалась глубокой и всесторонней образованностью, а также что она не отреклась от веры перед лицом смерти. Эти две идеи: первая – идея

образованности, идея просвещения, и вторая – идея верности своим убеждениям – были важными ценностями для Екатерины Великой и Екатерины Романовны Дашковой. Они также ценны для нашего института и для каждого из нас». Зазвучала музыка XVIII столетия, зажглись свечи и публика окунулась в атмосферу той далекой эпохи. На одном дыхании зрители посмотрели выступление театральной студии «Пилигримы», представившей отрывки из пьесы «Две Екатерины» (режиссер – Л.М. Сорокина, авторы сценария – М.В. Кожемякин и Е.Ю. Раскина). Члены Дашковского общества надеются, что «век золотой Екатерины» и личность ее сподвижницы стали понятнее и ближе студентам.

16 января 2012 г., по многолетней традиции в церкви Малого Вознесения на Большой Никитской улице члены Дашковского общества, сотрудники и студенты МГИ им. Е.Р. Дашковой почтили память княгини. Настоятель этого храма о. Василий (Строганов) отслужил панихиду.

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА*

А.Б. Каменский

*доктор исторических наук, профессор
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (г. Москва)*

В наши дни довольно трудно представить, что когда в 1985 г., впервые в советское время, были переизданы мемуары Екатерины Романовны Дашковой, это было крупное научное событие. Книга, вышедшая весьма значительным тиражом, была распродана буквально за несколько дней и сразу же стала библиографической редкостью. Это не вызовет удивления, если принять во внимание, что за все советское время у нас не было опубликовано ни одной книги о Екатерине Великой.

Во второй половине 1980-х гг. отношение к императрице изменилось. Приведу в качестве примера один эпизод из своей жизни, хорошо показывающий, как происходил этот перелом.

В 1988 г. журнал «Вопросы истории» заказал мне очерк о Екатерине II. К этому времени уже было опубликовано много материалов, касающихся переоценки событий советской эпохи, но более ранняя история России пока еще не была переосмыслена. По этой причине было не очень понятно, что можно писать, а чего нельзя, и в какой степени можно игнорировать историографические стереотипы советского времени.

В советское время в школьных учебниках Екатерина II упоминалась прежде всего в связи с восстанием Е.И. Пугачева и характеризовалась как жестокая и лицемерная крепостница. Когда я начал писать статью, то решил для себя, что не буду обращать внимания

---

*В данной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета Высшей школы экономики в 2011 г.

на все эти стереотипные представления, а расскажу об императрице так, как считаю нужным. Сам себе я казался очень смелым.

Написав статью, я отнес ее в редакцию и через некоторое время мне позвонили и сказали, что со мной хочет встретиться главный редактор. Я подумал: наверное, если бы статью отклонили, то незачем было бы ему со мной встречаться. По-видимому, ее будут печатать, но потребуют от меня каких-то переделок, изменений в соответствии с принятыми в советской историографии стереотипами.

Я приготовился отстаивать свою точку зрения и пошел в редакцию. Меня провели в кабинет главного редактора, следом за мной туда зашли еще три человека: ответственный секретарь редакции, заведующий отделом отечественной истории и редактор. Я понял, что мне предстоит тяжелый бой, что одному сражаться с четверыми будет непросто. Главный редактор сказал: «Я прочитал вашу статью. Я даже два раза ее прочитал, она мне понравилась, мы ее будем печатать. Но... – сказал он, сделав паузу, и я понял, что наступил решающий момент. – Но Вы были недостаточно смелы!» Это повергло меня в полное изумление. Он продолжил: «Вы были недостаточно смелы. Вы должны были написать, что время Екатерины – это золотой век русской истории. И вообще, Вы пишете о Екатерине так, как будто ее не любите». Честно сказать, до сих пор я не уверен, что историк обязательно должен любить персонаж, о котором пишет, но так или иначе, почти без изменений статья была опубликована.

Затем произошло нечто совершенно неожиданное и для меня, и для всей редакции журнала. Редакция получила несколько десятков писем от читателей. Оказалось, что проблематика, связанная с Екатериной II, столь же востребована, как и проблематика, связанная с советским периодом.

Для нас сегодня XVIII век – это столетие, с которым тесно связаны имена Петра Великого, М.В. Ломоносова, Екатерины Великой, Е.Р. Дашковой, Г.Р. Державина, А.В. Суворова. Эти имена символизируют для нас XVIII столетие, которое иногда называют также золотым веком русской истории. От этого столетия нас отделяет около трех сотен лет и, если историки нередко спорят о том, где проходит граница между прошлым и современностью, то относительно XVIII столетия нет никаких сомнений – это прошлое, причем прошлое достаточно отдаленное, один из многих веков в

бесчисленной череде столетий в истории человечества. Каждое из этих столетий было отмечено чем-то особым, каждое сыграло свою особую роль в историческом процессе.

Исторической наукой накоплен огромный объем знаний о прошлом, и мы достаточно точно можем определить и ту роль, которую сыграло какое-либо столетие в историческом процессе, и то, что из этого столетия остается актуальным в наши дни. Это в полной мере относится и к XVIII в. Тем не менее, если присмотреться повнимательнее, выясняется, что наследие этого столетия значительно больше, чем просто остатки прошлого, которые можно найти в современности.

Наследие XVIII в. значительно важнее, чем просто пережитки прошлого, которые можно найти в современности. Широко распространенное название XVIII столетия – век разума. Среди прочего это означает, что именно в XVIII в. научные рациональные знания обрели тот социальный статус и то место в обществе, которое сохраняется до сих пор. Вследствие этого свой социальный статус обретает и образование. Образованность, профессиональные знания становятся социальной ценностью, оставаясь таковой и поныне. То, что мы вкладываем в слово «образованность», его содержательное наполнение сформировалось именно в XVIII в. **Обратим также внимание** на то, что в XVIII в. складывается дисциплинарная структура научного, в том числе гуманитарного знания, то есть формируются как самостоятельные основные дисциплины – история, философия, география и т.д.

Если мы обратимся к сфере международных отношений, то увидим, что закрепление Вестфальским миром (1647) понятия государственного суверенитета дало толчок к формированию основных принципов международных отношений, на которых они строятся и до сегодняшнего дня. Это, в свою очередь, породило институт дипломатии, который сформировался и приобрел знакомые нам черты именно в XVIII в.

С этого же времени в Европе началось формирование национальных государств, которые на нескольких последующих веках стали основным типом государственных политических образований.

В XVIII в. у людей начало меняться отношение к войне и миру. Война постепенно перестала рассматриваться как единственный

способ разрешения конфликтов, как путь к обогащению и к славе. Все больше и больше люди начали осознавать, что торговать выгоднее, чем воевать, что человеческая жизнь дороже любых военных трофеев.

Появление этих идей было тесно связано с развитием экономической мысли. Собственно, экономика как наука тоже появилась в XVIII в., когда физиократы впервые стали называть себя экономистами, а Адам Смит сформулировал многие идеи, в которые уходят корнями все современные экономические теории. Представление о ценности человеческой жизни и о самоценности человеческой личности, наряду со сформулированной еще в предыдущем XVII в. теорией общественного договора, привели к переосмыслению представлений о государстве, о взаимоотношениях власти и народа. В результате именно в XVIII в. возникли столь актуальные для нас и поныне понятия правового государства и гражданского общества. Вышедшая в 1747 г. книга Ш.Л. де Монтескье «О духе законов» распространила по всему миру принцип разделения властей как основополагающий принцип политического устройства, по которому вплоть до сегодняшнего дня оценивают те или иные политические режимы. Тот же Ш.Л. де Монтескье сформулировал идею фундаментальных законов, то есть, конституции, как основного закона государства. Эта идея была воплощена в том же XVIII в. впервые в истории человечества: сперва в конституции Североамериканских Соединенных Штатов, затем в польской конституции 1791 г. и наконец – в порожденной революционной Францией Декларации прав человека и гражданина.

Французская революция также сделала актуальными понятия нации и национального, и это положило начало национализму как важнейшему течению общественной мысли, которое оказывало мощнейшее влияние на судьбы народов на протяжении последующих веков.

Распространение и развитие теории общественного договора, переосмысление взаимоотношений власти и народа, формирование представления об их взаимных обязанностях привело к тому, что ключевым политическим понятием стало слово «реформа». Русский император Петр Великий своей жизнью создал пример для всех европейских правителей. С начала XVIII в. реформирование,

преобразование социальной действительности рассматривалось как инструмент политики, как обязанность власти.

Через пятнадцать лет после выхода в свет книги Ш.Л. де Монтескье появилось сочинение Ч. Беккариа, в котором были сформулированы принцип презумпции невиновности, идея соразмерности наказания и преступления, а также аргументы против смертной казни, к которым и по сей день никто не добавил ничего нового.

Если же мы обратимся непосредственно к истории России, то должны будем вспомнить, что именно петровские реформы сделали нашу страну полноправной участницей международного сообщества и создали условия для формирования того типа культуры, который существует до сих пор. Одновременно петровские реформы породили важнейшие (и до сих пор неизжитые) проблемы развития страны, начиная с «ножниц» между статусом великой державы и уровнем жизни населения и заканчивая проблемой «Россия – Запад», которая и поныне остается ключевым вопросом отечественной общественной мысли.

Этот перечень достижений XVIII столетия можно продолжать до бесконечности, дополнив еще и списком технических изобретений, но очевидны два важнейших вывода. Во-первых, это были достижения, обеспечившие в последующие века доминирование европейской цивилизации а во-вторых, это было начало той исторической эпохи, в которой мы живем до сих пор – значит, XVIII столетие в действительности гораздо ближе к нам, чем это может казаться – но сейчас мы переживаем конец этой эпохи.

В современном глобализующемся мире ставится под сомнение принцип государственного суверенитета, а публикации «WikiLeaks» разрушают сложившуюся практику межгосударственных отношений и делают бессмысленной дипломатическую службу. Объединенная Европа фактически лишила смысла понятие национального государства. Радикально меняется на наших глазах понятие образованности, размывается привычная дисциплинарная структура научного знания и приоритетными становятся новые дисциплины и научные направления, возникающие в междисциплинарном поле. Духовные ценности европейской цивилизации подвергаются коррозии: самая главная из них – ценность человеческой жизни – по сути дела аннигилируется деяниями террористов-смертников. Собственно,

основное содержание современной политики составляет уже не доминирование европейской цивилизации, а ее противостояние с цивилизацией исламского мира.

В этих условиях, когда некоторые мыслители говорят о выживаемости европейской цивилизации, к которой мы принадлежим, проблема «Россия – Запад», как мне кажется, приобретает все более схоластический характер. Признаки конца берущей начало в XVIII в. исторической эпохи, конца эпохи Просвещения, также можно продолжать до бесконечности, но это заставляет историков пристальнее вглядываться в события этого казалось бы далекого столетия.

В последние несколько лет мне неоднократно приходилось выступать с докладами и писать о современном состоянии отечественной историографии России XVIII столетия¹. При этом подчеркивалось, что в течение двух постсоветских десятилетий произошел своего рода исследовательский «бум». За последние двадцать лет у нас было издано в несколько раз больше новых книг и монографий о русском XVIII столетии, чем за все советское время. При этом, наряду со многими работами, написанными в традиционном русле политической и социально-экономической истории, появились и работы, которые условно можно назвать «антропологически ориентированными». Среди них, в частности, работы А.С. Лаврова и Е.Б. Смилянской о религиозности, О.Е. Кошелевой – о первых жителях Петербурга, Е.Н. Марасиновой – о русском дворянстве, Н.В. Козловой – о купечестве, О.И. Елисеевой – об эпохе Екатерины Великой, К.А. Писаренко – о Елизавете Петровне, И.П. Кулаковой – об университетской среде, Е.В. Акельева – о криминальном мире Москвы и др. Их авторы, в той или иной степени испытавшие влияние новейших достижений современной исторической науки, сумели сформулировать новые исследовательские задачи, ввести в оборот новые комплексы источников, апробировать на российском материале новые для нашей науки методики, рассмотреть хорошо известные сюжеты в новой исследовательской оптике, значительно расширить тематику исследований. Сегодня мы вправе констатировать, что образ России XVIII в. за эти годы серьезно изменился: он стал гораздо более объемным и многогранным, а наши знания об этой эпохе – значительно более глубокими и детальными. Дело не только в том, что, отказавшись от историографических стереотипов

советского времени, историки сумели переоценить и переосмыслить многие суждения о русском XVIII столетии – произошло реальное приращение нового знания, позволяющее говорить о качественном изменении историографической ситуации. Конечно, история любого периода таит в себе бесчисленное множество сюжетов и проблем, привлекающих внимание новых историков, а выводы и наблюдения, которые мы делаем сегодня, рано или поздно будут пересмотрены, ведь, не имея возможности предвидеть будущее, мы не знаем, какие проблемы прошлого станут интересны завтра. Именно это и обеспечивает непрерывное существование и развитие науки. И все же, как представляется, современная историография России XVIII в. подошла к определенному рубежу, когда имеет смысл «остановиться, оглянуться» и попытаться сформулировать некоторые задачи на будущее.

Обратим внимание лишь на два момента, которые представляются наиболее значимыми и перспективными.

Первый сюжет связан с проблемами изучения социальной структуры общества. Когда к концу 1980-х гг. отечественные историки обрели методологическую свободу, они, пытаясь освоить недоступные им в советское время методологические достижения западных коллег, вполне естественно, обратились к тем новым направлениям, которые именно в это время (то есть в конце 1980-х – начале 1990-х гг.) занимали приоритетные позиции на Западе. Популярными стали антропологически ориентированные исследования, у которых в западной историографии была некая предшествующая основа в виде так называемой социальной истории, пережившей расцвет в 1950–1980-х гг. и рассматриваемой чаще всего на материале Франции. Этот этап в развитии мировой исторической мысли для нашей историографии оказался, по сути дела, пропущенным. Между тем, генеалогия ставших столь популярными антропологически ориентированных направлений и субдисциплин тесно связана как раз с социальной историей 50–60-х гг. XX в., и они в значительной мере опираются на ее достижения.

Центральным понятием социальной истории середины XX в. было понятие *общества*, а предметом изучения – его социальная структура в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Казалось бы, социальная структура средневековой Франции известна

всем, даже не специалистам, еще со школьной скамьи. Тем не менее, основной вопрос, который был сформулирован тогда, звучал примерно так: в какой степени *реальными* были известные сословия французского общества – дворянство, буржуазия, крестьянство, духовенство. Исследования основывались на служившем отправной точкой тезисе о том, что априорно нам ничего не известно о социальной структуре французского общества и ее следует реконструировать по источникам, как будто давая возможность людям прошлого самим заявить о своей социальной принадлежности. Исходная гипотеза состояла в том, что социальное поведение людей, их жизненная стратегия, коммуникативная среда, экономическое поведение, их самоидентификация определялись множеством факторов, зачастую формировавших реальность, далекую от их формального юридического статуса, или, по крайней мере, не вполне совпадавшую с ним. Помимо этого, социальная структура общества в действительности была значительно более сложной, чем это обычно представляется. Внутри каждого из привычных сословий существовало немало социальных групп, подчас очень различавшихся между собой по образу жизни и самосознанию². Подобная постановка вопроса может оказаться чрезвычайно плодотворной и по отношению к русскому обществу XVIII в.

В последнее время историкам, которые отказались от рассмотрения социальной структуры общества исключительно сквозь марксистскую концепцию классов, сделано очень много для изучения процессов конструирования в России юридических сословий. Антропологически ориентированные исследования заставили обратить внимание на существование социальных групп, плохо вписывающихся в строго регламентированную классовую структуру, но подчас игравших весьма активную социальную роль. Приведу несколько различных по масштабам, но характерных примеров.

Переведенное на русский язык и изданное в 2002 г. исследование американского историка Э. Виртшафтер³ фактически открыло для нас заново значение категории разночинцев. Исследовательница показала, что практически на протяжении всего XVIII в. власть стремилась эту социальную категорию уничтожить, но так и не преуспела в этом. Не преуспела именно потому, что процессы социально-экономического развития вновь и вновь порождали новых разночинцев, и их число со временем увеличивалось.

Исследование тамбовского историка П.П. Щербинина⁴ впервые обратило внимание на судьбы женщин-солдаток и их детей – довольно массовой категории, появившейся в России в результате создания регулярной армии. Представляет интерес и категория отставных военных – солдат и унтер-офицеров. Многие из них, как показано в работах Е.В. Акельева⁵, пополняли криминальную среду, другие попадали в инвалидные команды, третьи и вовсе меняли свой социальный статус. Какого было самосознание этих людей, мы практически не знаем.

То же самое можно сказать и о многочисленных мелких служащих центральных и местных учреждений. Что они представляли собой? Я думаю, если задать такой вопрос, каждый из нас вспомнит гоголевского Акакия Акакиевича. Но ведь Акакий Акакиевич жил уже в XIX столетии, а мы говорим о XVIII веке. Если попытаться представить себе социальный портрет чиновников более высокого уровня – тех, кто после реформы местного управления 1775 г. отвечал за деятельность приказов общественного призрения, служил в судах разных инстанций и т.д., то не исключено, что мы опять обратимся к Н.В. Гоголю и будем вспоминать персонажей «Ревизора». Серьезных исследований на эту тему по XVIII в., по сути, не существует – а ведь речь идет о русской бюрократии, то есть о важнейшей социальной группе! Процесс бюрократизации управления считается составной частью процессов модернизации, о социальной роли русской бюрократии написано немало – а специальных исследований, в особенности на материале XVIII в., как уже сказано нет. Примечательно, например, что бюрократия как отдельная социальная категория отсутствует в вышедшем недавно фундаментальном труде Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, посвященном истории российских сословий⁶, хотя в книге есть разделы, посвященные членам царской семьи и инородцам, которые, соответственно, рассматриваются как отдельные сословия. Можно возразить, что основная масса чиновников, обладавших классным чином, принадлежала к дворянству. Далеко не факт, что самоидентификация чиновника средней руки, в особенности если он не был дворянином по рождению, а выслужил чин и не владел поместьем и крепостными, была связана именно с дворянством, а не с принадлежностью к бюрократии. Во-вторых, множество чиновников многочисленных воеводских, а до 1775 г.

провинциальных канцелярий дворянского статуса не имели, зачастую являясь выходцами из городских слоев тех городов, где служили. Они были связаны с городской общиной семейными связями, но формально в нее не входили. Причем, зачастую канцелярская работа была основным занятием нескольких поколений.

А ведь к разночинцам относились еще лекари с аптекарями, существовали дворцовые служители, среди которых были бывшие горожане, бывшие крестьяне и т.д. Петровские реформы породили новую социальную группу – однодворцев, формально входивших в категорию государственных крестьян. При этом многие из них продолжали владеть крепостными крестьянами, другим после многолетних судебных тяжб удавалось доказать свою принадлежность к дворянству, третьи добились его службой. Подчас однодворцы были ближайшими родственниками человека с генеральским чином. Как общались они между собой? Каковы были отношения в такой семье?

Конечно, велик соблазн маркировать все эти социальные категории как маргинальные. По сути, они и являлись таковыми по отношению к формальной закрепленной законом социальной структуре, однако их роль в жизни общества, как уже сказано, была весьма значительной⁷.

Если же обратиться к традиционным сословиям, то выяснится, что мы также очень мало знаем о том, как они взаимодействовали друг с другом и насколько сказывались в их повседневном общении межсословные перегородки. Знатный аристократ, крупный вельможа и богатый душевладелец имел, как правило, дом в Москве или Петербурге, а мелкий помещик? Где останавливался он, приезжая в уездный или губернский город? Как и у кого покупал он предметы домашнего обихода? У кого шил одежду? У кого одалживал деньги?

Исследования последних лет дают основания предполагать наличие местных локальных сообществ, включавших находившихся в постоянном тесном взаимодействии представителей различных социальных групп. Изучение этих локальных сообществ с использованием методов смежных дисциплин, в частности – социологии и культурной антропологии, представляется весьма перспективным и, как можно ожидать, приблизит нас к пониманию социальных процессов в России XVIII в.

Нетрудно заметить, что то, о чем говорилось выше, тесно связано с проблемой используемого исследователями понятийного аппарата. Стоит заметить, что терминологический аппарат российской исторической науки сложился в основном во второй половине XIX – начале XX в. и с тех пор практически не менялся. Усвоенные на студенческой скамье термины и понятия нередко автоматически, на подсознательном уровне вызывают у исследователей определенный ассоциативный ряд, зачастую заставляющий мыслить шаблонно и затеняющий стоящую за теми или иными понятиями историческую реальность. Автоматически употребляя те или иные понятия и не задумываясь над их смыслом, мы подчас воспринимаем их как некую реальность, как нечто материальное – в то время как речь идет в большинстве случаев о понятиях достаточно абстрактных.

Приведу лишь один пример. Речь идет о неразрывно связанном с российской историей XVIII в. понятием «абсолютизм». Этот термин, как и почти весь терминологический аппарат исторической науки, был заимствован русской историографией начала XX в. из западной историографии. Для советских историков он также оказался весьма значимым, поскольку его использование помогало доказывать единство стадий исторического развития народов Европы и России. Правда, о содержании российского абсолютизма и его особенностях велись жаркие дискуссии, их некоторые слишком активные участники даже подверглись административным наказаниям, но само существование в России абсолютизма ни у кого сомнений не вызывало.

Между тем, на протяжении последних десятилетий в мировой исторической науке произошли очень серьезные изменения, и сегодня наши зарубежные коллеги, пересмотрев это понятие, практически отказались от его применения по отношению к европейским странам, сочтя его неадекватно отражающим историческую реальность. Не так давно известный американский историк, автор книг по истории России XVII–XVIII вв. Пол Бушкович, выступая с докладом в Москве в Германском историческом институте, довольно остроумно заметил, что скоро студенты, изучая историографию, будут обнаруживать, что единственная страна, в которой был абсолютизм – это Россия.

Заметим, что понятие «абсолютизм» заслоняет от нас гораздо более важное – «российское самодержавие», сущность и смысл кото-

рого менялись на протяжении столетий. Изучение этой важнейшей проблемы – еще одно весьма перспективное направление развития нашей исторической науки.

Примечания

¹ См.: Каменский А.Б. История России XVIII века: проблемы изучения // XVIII век в истории России: Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация / Труды Государственного Исторического музея. Вып. 148. М., 2005. С. 60–68; *Он же*. Современное состояние, проблемы и некоторые перспективы изучения истории России XVIII в. // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / New Directions and Results in International Russistics. Budapest, 2005. С. 129–132; *Он же*. Новое в историографии России XVIII века // Справочник учителя: История 5–11 классы. М., 2008. С. 140–160.

² См.: Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 26–40.

³ Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи / Под ред. А.Б. Каменского. Пер. с англ. Т.П. Вечериной. М., 2002.

⁴ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XIX в. Тамбов, 2004.

⁵ Акельев Е.В. Московские карманники: организация преступных групп в середине XVIII в. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 46–48; *Он же*. Преступный мир Москвы. Два «повинных доношения» профессиональных воров. 1741 г. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 209–214; *Он же*. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. (по материалам следственных дел по доносу Ивана Каина, 1741–1748) // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 510–518.

⁶ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начала XX века). М., 2009.

⁷ Своего рода «прорывом» в этой теме следует считать появление монографического исследования Н.В. Козловой: *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, убогие в Москве XVIII века. М., 2010. *Прим. редколлегии:* презентация этой книги состоялась во время заседания секции «Е.Р. Дашкова и ее время» XVII Международных Дашковских чтений.

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО Е.Р. ДАШКОВОЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Т.Е. Автухович (Республика Беларусь)

доктор филологических наук, профессор

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Категория жизненного пространства чрезвычайно важна для понимания специфики как исследуемой культуры, так и личности, которая эту культуру репрезентирует. При этом следует подчеркнуть, что жизненное пространство никоим образом не тождественно пространству территории, взятой в ее цивилизационном (городском или деревенском) либо национальном (российском или европейском) измерении, хотя и тесно связано с ним. Жизненное пространство – понятие из области аксиологии, за ним стоит определенная система ценностей, которая регулирует структурирование и организацию человеком любой среды, в которой он оказывается по воле судьбы. Совершенно очевидно, что жизненное пространство конкретного человека, отражая его аксиологические установки, в то же время является репрезентацией повседневности, характерной для определенного типа культуры. Соответственно, жизненное пространство, реализуясь в материальных знаках повседневного быта, в поведенческих установках личности и специфике ее ментальных проявлений, где ментальность – «совокупность устойчивых интенций смыслообразования»¹, является отражением тесной взаимосвязи «культура – повседневность – человек».

Именно жизненное пространство как смысловая целостность определяет дискурс эпохи, характеризуя границы и формы артикуляции своего «я» ее представителями. Дискурс в данном случае выступает, по словам Л.В. Щербы, как «деятельность человека, направленная к определенной цели, к наилучшему и наименее удобному выражению своих мыслей». В применении к литературному произведению эта деятельность предполагает определение границ между фактом и достоверностью его отражения в тексте в процессе письма, между истиной и (сознательной или бессознательной) ложью

со стороны пишущего. В применении к мемуарному тексту речь может идти о ценностной дифференциации потока воспоминаний, в результате которой и очерчивается жизненное пространство личности и эпохи, которую она репрезентирует.

В случае Е.Р. Дашковой – эпохи Просвещения, которая, как и любая другая эпоха, проявляла свои мировоззренческие установки в особой направленности обыденного сознания и повседневного поведения современников. Поэтому при всем разнообразии и кажущейся неувовимости повседневных практик Екатерины Романовны, отразившихся во фрагментарной структуре ее «Записок», в них нельзя не увидеть тот «ценностный центр» (по М.М. Бахтину), который определял конфигурацию жизненного пространства княгини и ценностно-смысловые доминанты ее мемуарного повествования. Этим ценностным центром для княгини как человека эпохи Просвещения выступает Большая История. Именно перед лицом Большой Истории Е.Р. Дашкова постоянно ощущает себя, через категорию Большой Истории осознает соотношение Быта – Бытия – Небытия и очерчивает модель повседневной экзистенции.

В свое время М. Фуко, размышляя над вопросом «Что такое Просвещение?», писал о характерной для эпохи тенденции к «героизации» настоящего, которую он, наряду с формированием себя как автономного субъекта, считал одним из проявлений принципиально нового способа философского вопрошания, предложенного Просвещением. Новый способ философского вопрошания, согласно М. Фуко, системно регулирует область отношений с вещами, область взаимодействия с другими людьми и область отношений с самим собой (в другой артикуляции – ось знания, ось власти и ось этики). Направление проблематизации этих отношений, считал М. Фуко, позволяет определить историческую уникальность эпохи.

Для Е.Р. Дашковой осознание себя в Истории именно как ответственного субъекта означало решение прежде всего вопросов взаимоотношений с властью и вопросов ценностных. Став в юности деятельной участницей дворцового переворота 1762 г., она до конца своих дней не могла преодолеть травму насильственного выпадения из Истории, травму несоответствия между занимаемым (отведенным) ею местом в иерархии и государственным мировоззрением, которое явно или неявно артикулировалось эпохой. Как ни парадоксально, но именно дворцовый переворот 1762 г., когда Екатерина Романовна

впервые ощутила чувство причастности к решению судеб своей страны, стал сюжетообразующим фактором всей ее дальнейшей жизни, обусловив внутреннюю противоречивость многообразных проявлений личности, «отравленной» Историей. Вектор проблематизации для нее заключался в том, что вызовы Просвещения и ее собственные интуиции, сформированные сначала чтением философов, а затем опытом личного деятельного участия в политике, подсказывали ей позицию суверенной, независимой личности, способной на личный выбор и ответственные решения государственного масштаба, в то время как повседневная социальная практика нивелировала возможность их реализации.

Анализ «Записок» Е.Р. Дашковой отчетливо выявляет характерную для ее восприятия мира склонность редуцировать повседневность и все, что с повседневностью связано. Это проявляется, во-первых, в том, что в мемуарах мало места занимают чувства и переживания княгини, связанные с мужем и детьми, прежде всего, телесные практики. Рассказывая о знакомстве с будущим мужем, Екатерина Романовна в большей степени акцентирует его внешний облик («человек, показавшийся мне великаном»)², его манеру общения («застенчивая учтивость»), возможные препятствия к их браку и реакцию окружающих на ее союз с князем М.И. Дашковым, нежели свои чувства. Та же эмоциональная холодность характерна и для повествования о рождении детей; их судьбы предстают в «Записках» лишь как иллюстрация, с одной стороны, героических усилий автора по преодолению житейских трудностей, а с другой стороны – концептуальных представлений Е.Р. Дашковой о воспитании. Создается впечатление, что единственным человеком, который вызывал у княгини именно эмоциональную привязанность, была Екатерина II, и это от противного доказывает наш тезис о доминировании рационального начала в мироотношении Е.Р. Дашковой. Ее внутренний мир – порождение века Просвещения; ее жизненное пространство ограничено сферой интеллектуальных, государственных, политических интересов. При этом соотношение частного, приватного с одной стороны и статусного, публичного с другой в этом пространстве трансформировано: частное, приватное пространство, которое символически воплощается в доме, семье, материальных ценностях, ценностно незначимо, поэтому система координат приобретает вид

следующей оппозиции: статусный, светский, ложный – нерегламентированный, государственный, истинный.

Именно поэтому Екатерина Романовна не придает значения таким статусным, семиотически сильным факторам, как одежда, жилище. Ее выбор – «носить самую скромную одежду»³, простые черные платья даже тогда, когда траур после смерти мужа закончился⁴; показательно в этом контексте ее замечание о том, что в связи с приближающейся коронацией Александра I она «занялась приготовлением... гардероба, который... совершенно запустила за последние семь лет»⁵. Сквозным мотивом через воспоминания проходит указание на отсутствие своего дома в столице или бедность (скромность) того жилища, в котором она находит себе пристанище: «Приехав в Москву, я хотела поселиться в деревне, но узнала, что дом мой совсем развалился; тогда я велела выбрать крепкие балки и выстроить из них маленький деревянный дом и следующей весной поселилась в нем на восемь месяцев»⁶.

Жизненное пространство Е.Р. Дашковой носит условный характер, его основное качество – отсутствие или «неотмеченность» вещного мира. Поэтому репрезентантами жизненного пространства княгини в ее «Записках» оказываются часто явления нематериальные: путешествия, общение с политиками, интеллектуалами, дипломатами, писателями: «Иностранные артисты, литераторы и министры всевозможных иностранных дворов, находившиеся в Петербурге и посещавшие постоянно моего дядю, должны были платить дань моей безжалостной любознательности»⁷. Также репрезентантами жизненного пространства Екатерины Романовны могут служить вещи, которые являются носителями духовных ценностей: личная библиотека (ее библиотека уже к моменту замужества составляла девятьсот томов), клавесин («В обществе моего клавесина и моей библиотеки время для меня быстро летит»)⁸, театры, концерты, музеи, церкви, мастерские художников.

Во-вторых, нельзя не заметить, что собственно повседневность воспринимается Е.Р. Дашковой через две прямо противоположные призмы: с одной стороны, она склонна сакрализировать («героизировать»), если использовать формулу М. Фуко) свой быт и частную жизнь, осмысливая их как способ проявления своей исключительности, как частное, приватное пространство, противопоставленное

пространству статусному, а с другой стороны – воспринимать их с раздражением (когда неурядицы в семье дочери, незапланированные зигзаги в судьбе сына неожиданно разрушают этот выстроенный по рациональным законам конвенциональный, но понятный мир).

В самом деле, через «Записки» проходят и мотив постоянно-го победного преодоления обстоятельств и трудностей («я считаю героическим мужеством не храбрость в сражении, а способность жертвовать собой и долго страдать, зная, какие мучения ожидают вас впереди»)⁹, и мотив жертвенного служения детям, родственникам, («я не в первый и не последний раз была жертвой своего бескорыстия»)¹⁰, службе, долгу («я никогда не имела в виду ни личных интересов, ни преступного возвышения моей семьи»)¹¹, а также мотив физической слабости, который оттеняет и высвечивает духовную стойкость героини («я привыкла к физическим страданиям, и так как жила вне себя, то есть только для других и любовью к детям, я способна была смеяться и шутить во время сильных приступов боли»)¹².

В своей совокупности эти мотивы выявляют в «Записках» дискурс светского жития, который подчиняется композиционным принципам «духовной лестницы»:

- скромная жизнь, удаление от придворной среды как отказ от земных благ;
- заграничное путешествие с целью воспитания детей как духовное и нравственное самоопределение;
- деятельность в Академии наук и благоустройство собственных имений как общественное служение;
- ссылка при Павле I как испытание гордыни.

Тем не менее, это именно светское житие, которое демонстрирует своеобразный синтез двух систем ценностей: архетипической и новой, относящейся уже к эпохе Просвещения. Так, комментируя свое душевное состояние в период ссылки, Е.Р. Дашкова пишет: «Меня поддерживали сознание моей невинности, чистота совести и какая-то душевная гордость, придававшая мне силы и мужество, неожиданные для меня самой и являющиеся загадкой для меня, которую я могу разрешить только приписывая их *смирению*, при-сущему каждому *благоразумному* человеку»¹³. Выделенные нами слова принадлежат разным мировоззренческим системам: *смирение* – категория религиозной этики, а *благоразумие* синонимично такой

важной категории этики Просвещения, как *здравый смысл*, за которым, согласно Т.Б. Длугач, стоит формирование идеи суверенной и ответственной личности, которая в своих поступках полагается исключительно на собственный разум¹⁴.

В то же время данный дискурс характеризует жизненное пространство Е.Р. Дашковой, объясняя, почему повседневность в ее «Записках» возводится в ранг больших исторических событий. Редукцией повседневности объясняется стремление мемуаристики сакрализировать свой облик, героизировать пережитое. Так, основными собеседниками Екатерины Романовны являются, как уже отмечалось, дипломаты, министры, философы, короли и члены королевских фамилий, которые допущены в ее жизненное пространство. По существу княгиня постоянно утверждает свое жизненное пространство. Поэтому выделенными в повествовании становятся эпизоды, в которых акцентируется независимость поведения героини, ее исключительность.

Один из таких эпизодов – коронация Екатерины II, во время которой Е.Р. Дашковой, считавшей себя главной участницей дворцового переворота, отведено было, по ее мнению, унижительное место, «самое последнее в соборе». Мемуаристка не только сообщает о том, что друзья советовали ей обидеться и не ходить на церемонию; не только рассказывает, как «весело улыбаясь», отправилась на уготованное ей место, – она дважды в рамках одного эпизода обосновывает свое понимание как значимости собственной личности, так и категории жизненного пространства. Именно в этих «конклюдиях» выявляется ментальная природа категории жизненного пространства: «Мне совершенно безразлично, на каком месте я буду сидеть; я настолько горда, что думаю, что я своим присутствием украшу самое последнее место и сделаю его равным самому первому... Те, кто согласится со мной, что можно быть униженным только собственными поступками, не удивятся тому, что я отнеслась так равнодушно к этому инциденту»¹⁵.

Безусловно, подобная позиция поначалу не вполне искренняя и не вполне последовательная. Как отмечает Е.Н. Марасинова, для русского дворянства XVIII в., характерно «определенное расхождение между идеалами, убеждениями, “вербализированными” ценностями, формируемыми под воздействием официальной идеологии и господствующего общественного мнения, с одной стороны, и жизненными

потребностями, интересами, реальным повседневным поведением – с другой»¹⁶. В декларируемом идеальном жизненном пространстве материальные блага, награды и отличия тем не менее занимали достаточно большое место. Не случайно сразу за вышеприведенной декларацией, по существу опровергая ее пафос, Е.Р. Дашкова констатирует восстановление справедливости: «По выходе из церкви ее величество села на трон; тут же я была назначена статс-дамой»¹⁷, сопроводив эту краткую информацию более чем красноречивой сноской: «Это высшее назначение при петербургском дворе, потому что статс-дама занимает место сейчас за императорской фамилией»¹⁸. Такой интерес к наградам и отличиям для себя и для сына она будет проявлять на протяжении всей жизни.

Вместе с тем, и это тоже показательно, вещи, материальные ценности имеют для автора «Записок» скорее символический смысл, являясь, к примеру, доказательством благоприятного отношения к ней императрицы. Поэтому Е.Р. Дашкова никогда не злоупотребляла возможностями, которые открывала перед ней благосклонность Екатерины II; эпизод с покупкой дома после возвращения из-за границы, когда княгиня сэкономила казне тридцать тысяч и тем самым увеличила свой долг, свидетельствует об этом с полной очевидностью.

Гораздо более значимыми для Екатерины Романовны оказываются иные знаки внимания и приязни к ней государыни: возможность присутствовать на концертах во внутренних апартаментах императорского дворца, на которые, как подчеркивает мемуаристка, «даже статс-дамы не могли попасть иначе, как по особому приглашению»¹⁹; право обедать с Екатериной II в числе избранных «за маленьким столом», где всегда для нее будет накрыт персональный куверт. Эти привилегии значили гораздо больше, чем награды или земли в Белоруссии, что понимала княгиня и ее окружение. Сама мемуаристка пишет об этом так: «...меня осыпали знаками внимания, которые, не имея действительной ценности, все же возбуждали зависть и порождали много врагов при дворе, несмотря на то, что мое состояние оставалось всегда даже ниже среднего»²⁰. Эти и другие привилегии символического характера означали не только признание заслуг Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. и исключительного статуса «подруги»-«сестры» императрицы, ее бескорыстной стонницы, но прежде всего расширение жизненного пространства княгини, обретение права на свободу передвижения в том числе.

«Как дворянка, я имела на это полное право, – писала княгиня, – но, как кавалерственная дама, я обязана была испросить на то позволение императрицы»²¹. Примечательна ремарка, завершающая соответствующий эпизод в «Записках»: «Она (Екатерина II. – Т.А.) не решилась отказать»²².

Путешествие по Европе, предпринятое Е.Р. Дашковой, по ее утверждению, для того чтобы дать своим детям хорошее образование и воспитание, имело и другую цель, которую выявляют многочисленные оговорки мемуаристки. Повествование о путешествии представляет собой сложную структуру, в которой переплетаются по крайней мере два мотива – мотив успешной реализации предпринятого педагогического проекта и по существу доминирующий мотив признания членами европейских придворных кругов исключительного статуса княгини. Нельзя не заметить, что Екатерина Романовна умело «театрализует» свое путешествие, становясь режиссером и актером собственного спектакля, о чем свидетельствует путешествие под именем госпожи Михалковой: инкогнито давало ей статус частного лица, позволяло сократить расходы и избежать ненужных, как подчеркивает мемуаристка, визитов и контактов. Парадокс же заключается в том, что именно эта «уловка» обеспечила Е.Р. Дашковой постоянное внимание членов королевских дворов и европейской интеллектуальной элиты. В описании встреч и бесед с ними ощутимо звучит мотив восхищения собеседников Екатериной Романовной, ее умом, образованностью, знанием языков, их эксклюзивного внимания к ней. Примеров много, приведу лишь один. В Германии во время смотра войск король сделал невиданное до сих пор исключение для княгини, покинув войско ради разговора с ней. В качестве последнего акцента в описании данного эпизода фигурирует фраза: «Супруга принца Генриха сказала мне за ужином, что мое имя будет отмечено в истории, так как король сделал для меня исключение из общего правила»²³. Путешествие по Европе, повторю, расширяло жизненное пространство Е.Р. Дашковой, поскольку давало возможность удовлетворить свои амбиции. Внутренний статус княгини, таким образом, получал и внешнее подтверждение, которого она была лишена в России.

Совершенно очевидно, что путешествие по Европе было для Екатерины Романовны формой внутренней эмиграции, способом привести в соответствие свой высокий внутренний статус и статус

внешний. В России достичь такого равновесия было почти невозможно, чаще всего ее попытки утвердить себя носили демонстративный характер и порождали конфликтные отношения, поскольку статусность изначально присуща государственной сфере и привнести в нее нерегламентированные, как того хотела княгиня, отношения нельзя. В этом заключалось одно из самых драматичных (в плане личной экзистенции) противоречий эпохи Просвещения, которая артикулировала захватывающий утопический проект разумного мироустройства, разумных отношений между людьми, разумной этики здравого смысла. Ось знания, ось власти и ось этики, о которых писал М. Фуко, в разной степени трансформировались под влиянием утопии Просвещения, обусловив как конфигурацию жизненного пространства «по Дашковой», так и его проблемные зоны.

Примечания

¹ *Сиротина И.Л.* Отечественный тип философствования в мемуарах русской интеллигенции от XIX к XXI веку. Саранск:, 2002. С. 5.

² *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810 / Подг. текста, статья и комментарии Г.Н. Моисеевой; отв. ред. Ю.В. Стенник. Л., 1985. С. 8.

³ Там же. С. 71, 86.

⁴ Там же. С. 76, 79, 88.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ Там же. С. 192.

¹² Там же. С. 99.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ *Длугач Т.Б.* Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеция, Руссо). М., 1995.

¹⁵ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 61.

¹⁶ *Марасинова Е.Н.* Психология российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М., 1999. С. 76.

¹⁷ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 61.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 73.

²² Там же.

²³ Там же. С. 130.

ПО СЛЕДАМ ГОДА ФРАНЦИИ В РОССИИ (2010): ФРАНЦУЗСКИЕ УЧЕНЫЕ XVIII ВЕКА – ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И.Е. Лопатухина

кандидат физико-математических наук

Е.Н. Поляхова

кандидат физико-математических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Известно, что 2010 г. был заявлен как перекрестный год Франции в России и России во Франции. В этом аспекте уместно напомнить русско-французские научные связи Санкт-Петербургской Академии наук. В сущности, они начались еще до ее создания, когда Петр I посетил Париж в 1717 г., побывав при этом на заседании Парижской Академии наук, единогласно избравшей его своим почетным членом. Царь особенно заинтересовался географическими картами и захотел встретиться с их автором, которым оказался королевский географ-картограф Гийом Делиль. Обсуждая с ним возможности переезда нескольких французских ученых в Россию для работы в будущей Санкт-Петербургской Академии наук, Петр I остановился на кандидатурах двух младших братьев географа. Это были астрономы Жозеф-Никола и Луи Делили, которые к этому времени уже были известными учеными и членами Парижской Академии наук. Они прибыли в Петербург в 1725 г., доставив с собой из Парижа несколько человек механиков и набор астрономических, навигационных и геодезических инструментов высокого качества. Сразу по прибытии они приступили к астрономическим и метеорологическим наблюдениям, налаживали картографическую и навигационную работу на флоте. Позднее при Санкт-Петербургской Академии наук был создан Географический департамент.

Жозеф-Никола (Осип Николаевич) Делиль (Joseph Nicolas Delisle, 1688–1768) – французский астроном и картограф, член Па-

рижской Академии наук (1716), окончил Мазариниевский коллеж, затем изучал астрономию и математику. В 1712 г. он создал небольшую собственную обсерваторию. С 1718 г. являлся профессором математики в Коллеж-Ройяль. В 1726 г. Ж.-Н. Делиль был приглашен в Россию в качестве первого академика астрономии основанной незадолго до того Санкт-Петербургской Академии наук, создал Петербургскую (а с ней и российскую) астрономическую научную школу. Ученый состоял членом Санкт-Петербургской Академии наук до 1747 г., когда он по политическим соображениям вернулся в Париж, где его место сохранялось за ним все годы, проведенные в России. Здесь Ж.-Н. Делиль получил должность астронома французского военного флота и возобновил преподавание в Коллеж-Ройяль, где работал до 1761 г. Многочисленная семья Делилей дала не только ученых, но и поэтов. Одним из потомков этого поколения Делилей был автор «Марсельезы» К.Ж. Руже де Лиль.

Ж.-Н. Делиль создал первую в России астрономическую обсерваторию в помещении знаменитой Кунсткамеры, сформировал коллектив астрономов-профессионалов, увлек астрономическими наблюдениями ученых других специальностей. Также он обучал навигации капитанов и штурманов молодого российского флота. Ученый организовал несколько многолетних географических и астрономических экспедиций в разные регионы России. Его деятельность как географа, астронома и картографа имела важное значение для российской армии и флота. Налаженная Ж.-Н. Делилем работа астрономической обсерватории была настолько плодотворной, что последующие сто лет, пока в 1839 г. не открыли Пулковскую обсерваторию под Петербургом, эта академическая обсерватория вместе с Географическим департаментом работала по методикам Ж.-Н. Делиля. По ним трудился М.В. Ломоносов как глава Географического департамента, С.А. Румовский как директор обсерватории (будучи одновременно помощником Е.Р. Дашковой по Российской Академии), Ф.И. Шуберт как преемник С.А. Румовского на посту директора обсерватории, его сын геодезист и картограф Ф.Ф. Шуберт. Последний работал по делилевой системе картографических проекций для составления карт России (система проекций, созданная Ж.-Н. Делилем специально для разработки карт и атласов России как огромного по своим географическим размерам государства).

Фридрих Теодор (Федор Иванович) фон Шуберт (1758–1825) – немецкий математик и астроном, учился в университетах Грайфсвальда и Гёттингена. В 1780-х гг. он стал знаменитым специалистом в области картографии, небесной механики, сферической тригонометрии и геометрии. В 1785 г. обсуждалась кандидатура Ф.И. Шуберта на место профессора Санкт-Петербургской Академии наук. В июле 1785 г. Е.Р. Дашкова отправила Ф.И. Шуберту первое приглашение, а в декабре 1785 г. – окончательное приглашение с условиями договора с Географическим департаментом. В январе 1786 г. Ф.И. Шуберт приехал в Петербург. 18 сентября 1786 г. его избрали адъюнктом Санкт-Петербургской Академии наук по математике. Его кандидатуру также предлагали на пост директора академической библиотеки и заведующего нумизматическим кабинетом, а также ответственного за коллекцию астрономических и физических инструментов и приборов, привезенных в свое время Ж.-Н. Делилем из Франции. 18 июня 1789 г. Ф.И. Шуберт стал ординарным академиком и заведующим отделения астрономии. Позднее, в 1803 г., как преемник Ж.-Н. Делиля он получил должность директора Астрономической обсерватории в Санкт-Петербургской Академии наук. Как директор Географического департамента он проводил большую работу, чтобы сохранить и разработать далее математические принципы составления географических карт, предложенные Ж.-Н. Делилем и Л. Эйлером еще в первой половине XVIII в. и поддержанные М.В. Ломоносовым в его бытность директором Географического департамента. Согласно предписаниям Е.Р. Дашковой, Ф.И. Шуберт принимал участие в реставрации Готторпского глобуса, пострадавшего от пожара 1747 г. в Кунсткамере вскоре после отъезда Ж.-Н. Делиля из России. Раньше этот глобус, привезенный в Россию Петром I, курировал Ж.-Н. Делиль со своими помощниками. Теперь главной задачей Ф.И. Шуберта было представить современную обновленную географическую карту мира взамен старой, основанной на средневековых знаниях XVI в. Ф.И. Шуберт также ставил перед собой задачу дополнить библиотеку Санкт-Петербургской Академии наук, упорядочить имеющиеся и найти утерянные книги, привезти новые издания и журналы из Европы. В этих начинаниях его активно поддерживала Е.Р. Дашкова, причем существует ее переписка с Парижской Академией наук насчет приобретения книг. Напомним, что Ф.И. Шуберт – прапрадед

Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891) по материнской линии. Через Ф.И. Шуберта, удачно приглашенного Екатериной Романовной, установилась связь двух великих женщин России – Е.Р. Дашковой и С.В. Ковалевской.

Княгиня всегда высоко ценила и хорошо знала французскую литературу, особенно труды французских просветителей и энциклопедистов. В молодости она владела французским языком лучше, чем русским. Влияние французской культуры на ее личность было очень значительно, а ее личные дружеские отношения с ее лучшими представителями (Д. Дидро, Вольтер) и переписка с ними вошли в историю отечественной культуры.

Тем не менее, как отмечает В.А. Сомов, влияние французской культуры не могло победить неоднозначного отношения Е.Р. Дашковой к культурным и политическим деятелям Франции эпохи Просвещения, а зачастую и прямой неприязни к самим представителям этой нации. Он называет несколько причин этого, из которых самая главная – неприемлемое для княгини освещение во французской «Россике» ее роли в дворцовом перевороте 1762 г. и ее дальнейших отношений с императрицей Екатериной II и российским императорским двором.

Всем, кто читал «Записки» Е.Р. Дашковой, известно, что княгиня неоднократно полемизирует с французскими писателями – авторами сочинений о России, на страницах которых ее имя встречается чаще других. Ее «Записки», по ее собственным словам, были задуманы как опровержение французских «клеветников» на российскую историю. Все эти неоднозначные отношения следует оценивать на фоне сложных и зачастую негативных политико-дипломатических отношений между двумя странами, особенно после Великой Французской революции, а также на неизменно блестящем уровне художественно-культурных связей.

Существует еще одна линия контактов Е.Р. Дашковой с французами, в которой не была места ни клевете, ни зависти, ни придворным интригам. Это Санкт-Петербургская Императорская Академия наук, которую Екатерина Романовна возглавила в 1783 г. Она получила Академию наук в весьма неприглядном состоянии, однако со всем научным наследием и традициями более чем пятидесятилетней давности (как известно, Санкт-Петербургской Академия наук была

основана в 1724 г.). Здесь влияние Франции и французских ученых на протяжении XVIII в. было положительным, а в некоторых отраслях науки – еще и основополагающим. Русско-французские научные связи Санкт-Петербургской Академии наук с французскими учеными прослеживаются по переписке Екатерины II, Е.Р. Дашковой, российской и французской аристократии, а также по избранию французских ученых почетными академиками Санкт-Петербургской Академии наук, а российских ученых – Парижской Академии наук. Мы остановимся в основном на представителях физико-математических наук, хотя упомянем и некоторых ученых других направлений.

Выдающаяся фигура среди почетных членов Санкт-Петербургской Академии наук – **Жан Лерон Д'Аламбер** (Jean Le Rond Baptiste D'Alembert, 1717–1783) – французский математик, член Берлинской Академии наук с 1746 г., член Французской Академии с 1754 г., почетный член Санкт-Петербургской Академии наук с 1764 г., член Парижской Академии наук с 1765 г. Ж.Л. Д'Аламбер также был членом многих других европейских академий. Кроме математики и литературы он занимался астрономией, гидромеханикой и физикой.

Д'Аламбер был незаконным сыном маркизы де Тансен от артиллерийского офицера Детуша. Вскоре после рождения младенец был подкинут матерью на ступени парижской «Круглой церкви св. Иоанна» («Jean le Rond»). В честь этой церкви ребенок был назван Жаном Лероном. Мальчик воспитывался в усыновившей его семье стекольщика Руссо. Его родной отец в это время был за границей. Вернувшись во Францию, Детуш привязался к сыну, часто навещал его, помогал приемным родителям и оплатил образование Ж.Л. Д'Аламбера, хотя официально признать не решился. Мать-маркиза никакого интереса к сыну так и не проявила. Позднее, став знаменитым, Ж.Л. Д'Аламбер никогда не забывал стекольщика и его жену, помогал им материально и всегда с гордостью называл своими родителями. Фамилия д'Аламбер, по одним сведениям, произведена от имени его приемного отца Аламбера, по другим – придумана самим мальчиком или его опекунами: сначала Жан Лерон был записан в школе как Дарамбер (Darembert), потом сменил это имя на D'Alembert.

С 1750 г. Ж.Л. Д'Аламбер вместе с Д. Дидро трудился над созданием «Энциклопедии или Толкового словаря наук, искусств

и ремесел», являясь также автором многих статей в ее выпусках. Первый том вышел в 1751 г. В нем было напечатано знаменитое предисловие Ж.Л. Д'Аламбера, являвшее собой самостоятельное философское произведение, а также около сотни его статей и замечаний. В 1754 г. Ж.Л. Д'Аламбер стал членом Французской Академии, созданной кардиналом Ришелье в 1635 г. для изучения французского языка и литературы (ее аналог – Российская Академия, созданная в Санкт-Петербурге в 1783 г. по инициативе Е.Р. Дашковой). Последние десять лет жизни Ж.Л. Д'Аламбер был секретарем Французской Академии.

Ж.Л. Д'Аламбер сотрудничал с Д. Дидро в «Энциклопедии» до 1757 г. как один из редакторов, а после начала гонений на это издание – только как автор статей. Твердое материальное положение он получил только в 1765 г. после его избрания полноправным членом Парижской Академии наук.

В 1752 г. прусский король Фридрих II пригласил Ж.Л. Д'Аламбера в Берлинскую Академию на пост ее президента, однако ученый отказался. В 1762 г. императрица Екатерина II сделала Ж.Л. Д'Аламберу еще более заманчивое предложение – стать воспитателем ее сына, великого князя Павла Петровича. На это предложение тоже последовал деликатный, но твердый отказ. Между философом и императрицей завязалась оживленная переписка, которая, однако, оказалась недолгой.

Среди французских математиков и астрономов, которые были почетными членами Санкт-Петербургской Академии наук, уместно упомянуть Ж.Ж.Ф. де Лаланда. Перевод его книги «Сокращения астрономии или звездозакония» (СПб. 1789) был выполнен по решению академической Конференции академиком физико-математического направления Михаилом Евсеевичем Головиным – племянником, воспитанником и учеником М.В. Ломоносова. Астроном **Жозеф Жером ле Франсуа де Лаланд** (Joseph Jerome le Francois de Lalande, 1732–1807) – член Берлинской Академии с 1751 г., Парижской Академии наук с 1753 г., Лондонского Королевского Общества с 1763 г., почетный член Санкт-Петербургской Академии наук с 1764 г. Ж.Ж.Ф. де Лаланд был широко известен в Европе не только как специалист, но и как популяризатор астрономии. Его упоминает Е.Р. Дашкова в своих «Записках» в связи с его письмами в Россию

об ожидаемых небесных явлениях, которые читались не только в Санкт-Петербургской Академии наук, но и в придворных кругах. В 1769 г. Ж.Ж.Ф. де Лаланд организовал в Европе наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца, его инициатива была поддержана и в Санкт-Петербургской Академии наук, пославшей ряд экспедиций для наблюдений этого редкого астрономического явления. Один из кратеров на Луне носит имя Ж.Ж.Ф. де Лаланда.

Знаменитый естествоиспытатель, биолог и натуралист граф **Жорж Леклерк Бюффон** (George Louis Leclerc, Comte de Buffon (1707–1788) – член Парижской Академии с 1733 г. и Американской Академии с 1781 г., стал почетным членом Санкт-Петербургской Академии наук 23 декабря 1776 г.

Его многотомное сочинение по естественной истории, которое выходило в Париже с 1749 по 1788 гг. (36 томов) было по решению Е.Р. Дашковой и с одобрения Екатерины II переведено на русский язык. Первый том вышел уже после отставки княгини как «Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона; переложения с французского языка на российский по Высочайшему Повелению. Санкт-Петербург. Изданием Императорской Академии наук. 1798». Том предварялся гравированным портретом Ж.Л. Бюффона работы петербургского гравера И.Х. Майра (Johann Christoph Mayr), которому принадлежит и широко известная гравюра с портрета Е.Р. Дашковой работы Д.Г. Левицкого. Сочинение Ж.Л. Бюффона в русском переводе было издано в десяти объединенных томах в период с 1789 г. по 1808 г.

Задолго того, как Е.Р. Дашкова возглавила Санкт-Петербургскую Академию наук, ее почетным членом был в 1746 г. избран писатель и философ **Вольтер** (настоящее имя – Франсуа Мари Аруэ, Francois Marie Arouet de Voltaire, 1694–1778), член Парижской Академии наук с того же 1746 г. Тем самым Санкт-Петербургская Академия наук оценила его вклад в ньютонианство в борьбе с консервативным картезианством в Европе. В 1738 г. Вольтер издал в Париже книгу о натурфилософии И. Ньютона «Elements de la philosophie de Newton», в которой обсуждал книгу И. Ньютона «Principia Naturalis Philosophia Mathematica» (1687). Позднее Вольтер стал соавтором перевода книги И. Ньютона на французский язык. Этот перевод, выполненный маркизой дю Шатле (Gabrielle Emilie Le Tonnelier de Breteuil, Marquise Du

Chastelet, 1706–1749), впервые познакомил картезианскую континентальную Европу с английским ньютонианством. Именем Вольтера назван кратер на Марсе, так как в своем научно-фантастическом памфлете «*Micromegas*» (1752) Вольтер верно угадал, что у Марса существует только два спутника. Спутники Марса были обнаружены в XIX в. и получили имена Фобос и Деймос.

По представлению Екатерины II почетным академиком был избран в 1773 г. **Дени Дидро** (Denis Diderot, 1713–1784), французский писатель и философ-просветитель, редактор и издатель «Энциклопедии», вышедшей с 1751 г. по 1780 г. Д. Дидро в 1773–1774 гг. предпринял путешествие в Россию, чтобы лично поблагодарить императрицу за ее щедрость – покупку его библиотеки за 15 тысяч ливров с пожизненным оставлением книг в его пользовании и с назначением его на должность библиотекаря-хранителя с выплатой жалования вперед, за последующие 50 лет. После смерти Д. Дидро 31 июля 1784 г. библиотека из трех тысяч книг была перевезена в Петербург. В 1786 г. она была размещена в Эрмитаже, однако ее каталог в дальнейшем был утерян, а сама библиотека распылена по разным книгохранилищам. Известно, что Екатерина II предлагала Д. Дидро свое покровительство в печатании томов «Энциклопедии» в России, когда в 1757 г. в Париже начались политические гонения на это издание. Выпуск книг Д. Дидро продолжил в Риге. Д. Дидро много писал о России, и его работы, касающиеся России, в русских переводах вошли в десятый том московского издания собрания сочинений Д. Дидро 1947 г.

Контакты Е.Р. Дашковой с французскими учеными касались не только почетных членов Санкт-Петербургской Академии наук, принятых до нее или при ней. Существовали также бюрократические контакты с администрацией Парижской Академии наук, в том числе с ее президентами и учеными секретарями.

Первым президентом Парижской Академии наук был избран **Христиан Гюйгенс** (1629–1695). Он к тому времени уже был членом Лондонского королевского общества (с 1663 г.), а президентом Парижской Академии наук он пробыл с 1666 г. по 1681 г. Ее первым «непременным секретарем» в 1666 г. был избран королевский духовник, историк, математик и астроном **Жан Батист Дюамель** (Jean Baptist Du Hamel), автор книги по истории Королевской Академии наук (J.B. Du Hamel. *Regiae Scientiarum Academiae Historia*. Lipsiae, 1700).

В 1697 г. на посту секретаря Парижской Академии наук его сменил математик и философ **Бернар де Фонтенель** (Bernard le Bovier de Fontenelle, 1657–1757), автор известной книги по астрономии «Рассуждения о множественности миров» (B. Fontenelle. *Entretiens sur la pluralite' des mondes*. Paris, 1686). Он был одновременно и директором математического класса в Парижской Академии наук. В 1699 г. Б. де Фонтенель организовал издание периодических тематических выпусков трудов Парижской Академии наук, в частности, по физико-математическим наукам: «*Histoire de l'Academie Royale des Sciences / Avec les Memoires de Mathematique et de Physique...*». Б. де Фонтенелю принадлежит также важная и полезная инициатива печатать в них подробные научные биографии академиков («Eloge», или «Похвальное слово»), в том числе и научные биографии почетных академиков Парижской Академии наук (ее иностранных членов), после их кончины – вместо формальных печальных некрологов («*Eloges des academiciens de l'Academie Royale des Sciences*. Paris»). Эта традиция оказала в дальнейшем неоценимую услугу историкам науки. Б. де Фонтенель стал корреспондентом Петра I, который 22 декабря 1717 г. был, как известно, представлен к избранию почетным членом Парижской Академии наук. В те же годы Б. де Фонтенель проявил еще одну важную и полезную инициативу: начиная с 1720 г. Парижская Академия наук ежегодно объявляла международный научный конкурс, а издание премированных работ под заголовком «*Recueil des pieces qui ont remporte' le (les) Prix de l'Academie Royale des Sciences pour l'annee'...* (Paris)» или сокращенно «*Prix Paris*» стало своеобразным международным периодическим изданием.

Б. де Фонтенель оставался на посту секретаря Парижской Академии наук вплоть до 1741 г., после него в течение двух лет, с 1741 г. по 1743 г., неперменным секретарем был физик, метеоролог и астроном **Жан Жак Дорту де Меран** (Jean Jacques Dortous de Mairan, 1678–1771) – член Парижской Академии наук с 1718 г., будущий почетный член Санкт-Петербургской Академии наук (с 1734 г.), многолетний научный корреспондент Л. Эйлера и Ж.-Н. Делиля. В 1743 г. неперменным секретарем Парижской Академии наук стал астроном **Жан Поль Гранжан де Фуши** (Jean Paul Grandjean de Fouchy, 1707–1788).

С 1776 г. по 1794 г. секретарем был философ и математик маркиз **Мари Жан Антуан Никола де Кондорсе** (Marie Jean

Antoine Nicolas Marquis de Condorcet, 1743–1794), почетный член Санкт-Петербургской Академии наук с 1776 г. по 1792 г. Контакты А. де Кондорсе с Санкт-Петербургской Академией наук были разнообразны. Известно, что полное издание трехтомника «Писем к одной немецкой принцессе» (с эйлеровского оригинала, написанного на французском), как копия петербургского издания 1768–1772 гг. было выпущено снова в Париже в 1787–1788 гг. уже после смерти Л. Эйлера. Предисловие написал секретарь Парижской Академии наук А. де Кондорсе, подписавшись «уважаемый Эйлером маркиз Кондорсет». Научный комментарий был написан совместно А. де Кондорсе и французским математиком Сильвестром Франсуа Ла Круа (1764–1843). Возможно, что это издание книги Л. Эйлера по физике было также известно Б. Франклину в США. Что касается франклиновской «унитарной теории электричества», то она тоже была известна Л. Эйлеру. Упомянутый выше французский астроном и геодезист Ж.Ж.Ф. де Лаланд в своем письме Эйлеру от 7 мая 1760 г. дал детализированное описание эксперимента с электричеством, проведенного в Париже двумя физиками – Жаном Антуаном Нолле (1700–1770) и **Пьером Луи Леруа** (1699–1774) – причем последний также был почетным членом Санкт-Петербургской Академии наук с 1735 г. Время от времени при описании их экспериментов в этом письме Ж.Ж.Ф. де Лаланд обсуждает связь между этими двумя опытами, франклиновской теорией электричества и открытиями М.В. Ломоносова. Таким образом русско-французские связи в области физики электричества были начаты задолго до Е.Р. Дашковой – и более не прерывались.

В годы, когда княгиня возглавляла Санкт-Петербургскую Академию наук, переписку с секретарями Парижской Академии вел ученый секретарь Иоганн Альбрехт Эйлер, сын знаменитого математика Леонарда Эйлера. Тем не менее, были мемориальные или праздничные события, по поводу которых княгиня сама писала или отвечала на письма из Парижа. Примером такого общения может служить ситуация, связанная с мемориальными мероприятиями по случаю смерти великого математика Л. Эйлера в 1783 г.

Леонард Эйлер умер 18 сентября 1783 г., траурное собрание состоялось в Академии наук 22 (11) сентября 1783 г. Старейший академик Яков Штелин (1709–1785), профессор в области лингви-

стики и поэзии, друг и коллега покойных М.В. Ломоносова и Л. Эйлера, выступил с прощальным словом. Он начал с упоминания, что Е.Р. Дашкова и все друзья-ученые глубоко скорбят о кончине великого Эйлера. 3 ноября (23 октября) 1783 г. академик Н.И. Фусс выступил с длинным докладом-некрологом о жизни Л. Эйлера и его научном наследии под названием «Eloge de Monsieur Leonhard Euler lu a l'Academie Imperiale des Sciences, dans son Assemblée' du 23 Octobre 1783 par Nicolas Fuss». Доклад Н.И. Фусса, написанный и прочитанный по-французски, был сразу же опубликован Санкт-Петербургской Академией наук в 1783 г. по инициативе Е.Р. Дашковой. В немецком переводе он был издан в Базеле в 1786 г., а в 1801 г. снова вышел в России, но уже в русском переводе с французского, выполненным академиком С.А. Румовским.

15 марта 1784 г. мраморный бюст Л. Эйлера (56 x 26 см) был установлен в конференц-зале Санкт-Петербургской Академии наук. Автором работы был академик Академии Художеств в Петербурге, французский скульптор Жан-Доминик Рашетт (1744–1809), лично знакомый с Л. Эйлером. Эта скульптура была создана в 1783–1784 гг. по особой просьбе Е.Р. Дашковой как директора Санкт-Петербургской Академии наук и при общем согласии и финансовой поддержке всех академиков в память «великого Эйлера». Красивый мраморный постамент-колонна для этого скульптурного портрета был подарен Академии наук Екатериной Романовной лично. Скульптура была установлена в зале старого здания Санкт-Петербургской Академии наук (бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны, разобранный в 1819 г.), напротив места председателя, затем в 1789 г. была перенесена в новое здание Академии наук (архитектор Дж. Кваренги). Теперь эта скульптура на том же самом дашковском постаменте находится в Москве, в резиденции Президиума Российской Академии наук на Ленинском проспекте.

В 1788 г. Ж.-Д. Рашетт выполнил копию этой скульптуры размером 53 x 30 см, которая ныне хранится в Эрмитаже в отделе русского искусства XVIII в. В Петербурге находятся и несколько более поздних копий бюста Л. Эйлера, в том числе одна в Кунсткамере. За два года до смерти Л. Эйлера в 1781 г. Ж.-Д. Рашетт создал барельеф с его профилем (с натуры) размером 50 x 40 см в гипсе. После смерти Л. Эйлера медальонная копия барельефа по предложению Е.Р. Даш-

ковой была подарена Парижской Академии наук в память об Л. Эйлерере, о чем в 1785 г. сообщение в Париж послал ученый секретарь Академии И.А. Эйлер. Ответное письмо из Парижской Академии наук, адресованное Е.Р. Дашковой и ученому секретарю И.А. Эйлеру, было написано ученым секретарем Парижской Академии А. де Кондорсе и выражало сердечную благодарность французских ученых и лично А. де Кондорсе. Екатерина Романовна ответила французам любезным письмом с выражением удовлетворения и благодарности за память о выдающемся российском ученом.

Напомним, что А. де Кондорсе оказался единственным почетным членом Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII в., который был лишен этого звания по политическим соображениям, точнее – по требованию императрицы Екатерины II. Будучи членом Конвента и участником суда над королем в 1792 г., он поставил свою подпись под смертным приговором Людовику XVI. Исключение А. де Кондорсе состоялось 6 сентября 1792 г., однако неизвестно, узнал ли он об этом. Судьба ученого оказалась трагичной: во время революционного террора он был арестован, заключен в тюрьму, приговорен к гильотинированию и отравился в тюрьме. В XIX в. таких исключений из почетных членов не было, а в XX в. в начале Первой Мировой войны по требованию Николая II были исключены из почетных членов Академии наук несколько немецких ученых.

Авторитет Санкт-Петербургской Академии наук был настолько высок в Европе, что нередко сами европейские ученые изъявляли желание быть принятыми в ее почетные члены. Из французских ученых можно назвать **Луи Франсуа Антуана Арбогаста** (Louis Francois Antoine Arbogast, 1759–1803) – политика, физика, инженера, математика, профессора и ректора Страсбургской Артиллерийской школы. Он много лет состоял в научной переписке с Санкт-Петербургской Академией наук, а в 1790 г. получил премию, объявленную ею по конкурсу 1787 г. за «мемуар» по математике, который был немедленно напечатан в трудах Академии. 20 октября 1791 г. Е.Р. Дашкова дала согласие на представление Л.Ф.А. Арбогаста к избранию в члены-корреспонденты. В 1793 г. он прочел Конвенту (как депутат Парижского Законодательного собрания с 1791 г.) научный доклад об унификации мер и весов, о новых контрольно-измерительных приборах, разработанных в Парижской Академии наук и о создании Парижской Палаты мер и весов. За эти разработки Л.Ф.А. Арбогаст

был в 1794 г. избран почетным членом Санкт-Петербургской Академии наук, хотя в России к унифицированным системам мер и весов перешли только в конце XIX в. С 1795 г. Л.Ф.А. Арбогаст стал членом Парижской Академии наук.

В 1794 г. (последний год, когда Е.Р. Дашкова руководила Академией наук) еще несколько иностранных ученых были избраны в почетные члены Санкт-Петербургской Академии наук (французов среди них нее оказалось): граф Иоганн Мориц Брюль (1736–1800) – немецкий астроном, Абель Бурья (1752–1816) – немецкий математик, писатель и друг Л. Эйлера, Франц Ксавьер фон Цах (1754–1803) – немецкий математик. Помимо ученых физико-математического направления следует упомянуть **Иммануила Канта** (1724–1804) – немецкого философа и астронома, соавтора знаменитой космогонической гипотезы Канта-Лапласа, профессора Кёнигсбергского университета.

Следует заметить, что персональный состав Санкт-Петербургской Академии наук показывает за XVIII в. большое число немецких ученых – как на постоянной службе в России, так и избранных почетными членами. При этом мы видим почти полное отсутствие французов на постоянной службе в Петербурге за немногими исключениями. Даже деятельность астронома Ж.-Н. Делиля была связана не столько с финансовой стороной дела, сколько с научными соображениями. Ж.-Н. Делиль был убежденным ньютонианцем, как и большинство приехавших в Петербург молодых ученых, а в Парижской Академии наук еще безраздельно царствовало картезианство как философская концепция науки, так что Ж.-Н. Делиль пришлось там «не ко двору».

Что касается преобладающего числа немецких ученых, это объясняется не столько географической близостью немецких княжеств к России, сколько их бедностью и раздробленностью в XVIII в. – они не могли сколько-нибудь достойно содержать ученых. Достаточно вспомнить гениального математика Готфрида Вильгельма Лейбница – главного советника Петра I в Европе по вопросу организации Санкт-Петербургской Академии наук. Известно, что Г.В. Лейбниц занимал жалкое положение учителя и библиотекаря при ганноверском герцоге. Таких примеров множество. В отличие от немецких княжеств и нищей Берлинской Академии наук, президентом которой был тот же нищий Г.В. Лейбниц, Парижская

Академия наук давала свои ученым твердое денежное обеспечение, причем сама она с самого своего основания в 1666 г. существовала на средства государственной казны (даже Французская революция не изменила этой ситуации при национализации королевской казны). Поэтому французские ученые как в XVIII в. так и в XIX в. сравнительно редко интересовались постоянной работой в России (отказы Ж.Л. Д'Аламбера приглашавшей его императрице Екатерине II – тому пример), однако все они очень высоко ценили почетное звание члена Санкт-Петербургской Академии наук.

Литература

- Бакланова Н.А. Культурные связи России с Францией в 1-й четверти XVIII в. // Литературные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика, культура). М., 1966.
- Брейяр Ж. Об одном русском мотиве в творчестве К.-Ж. Руже де Лиля // Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008.
- История Академии наук СССР: в 3 т. Т. 1. (1724–1803). М.; Л., 1958.
- Леонард Эйлер: К 300-летию со дня рождения: сборник статей / Отв. ред. В.Н. Васильев; сост. Л.И. Брылевская, Р. Матмюллер, Ж. Сезиано. СПб., 2008.
- Летопись Российской Академии наук. Т. 1 / Под ред. Н.И. Невской. СПб., 2000.
- Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1978.
- Невская Н.И. Петербургская астрономическая школа XVIII века. Л., 1984.
- Поляхова Е.Н., Бессарабова Н.В. Е.Р. Дашкова как директор Санкт-Петербургской Академии наук: поддержка развития математических и астрономических научных школ // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности. М., 2011.
- Российская Академия наук. Персональный состав. Т. 1 (1724–1917). М., 1999.
- Россия – Франция: Век Просвещения // Русско-французские культурные связи в 18 столетии. Л., 1987.
- Русско-французские научные связи / Сост. А.Т. Григорьян и А.П. Юшкевич при участии Т.Н. Кладо и Ю.Х. Копелевич. Л., 1968.
- Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: Очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб., 2006.
- Сомов В.А. «Президент трех академий» Е.Р. Дашкова во французской «России» конца XVIII века // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000.
- Тургенев А.И. Памятные записки о поверенных в делах, посланниках и послых Франции при российском дворе. 1723–1783 // Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. СПб., 2005.
- Тычинина Л.В. Великая россиянка: Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002.
- Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. «Она была рождена для больших дел...»: Летопись жизни княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2009.

К 300-ЛЕТИЮ М.В. ЛОМОНОСОВА: ОБ ИЗДАНИИ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ УЧЕНОГО

Е.Н. Поляхова

кандидат физико-математических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Научная биография Михаила Васильевича Ломоносова порождает столь широкий спектр исторических, биографических, гуманитарных и естественно-научных вопросов, что даже к 300-летию ученого (ноябрь 2011 г.) многие из них остаются недостаточно изученными. Ломоносовская тема в мировой науке и истории поистине неисчерпаема. Мы ограничимся лишь узким вопросом о роли княгини Е.Р. Дашковой в осуществлении публикаций научного наследия великого ученого и о последующей истории изданий его сочинений, в основу которых было положено «дашковское» издание. Не останавливаясь на общеизвестных биографических сведениях об ученом, мы относим читателя к ряду книг разных лет, причем этот список никоим образом не претендует на полноту.

Список литературы об М.В. Ломоносове мы хотели бы начать с книги Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951) – физика, историка науки, президента Академии наук СССР в 1945–1951 гг. Занимаясь исследованием оптических проблем физики, С.И. Вавилов в 1936 г. обратил внимание на соответствующие работы М.В. Ломоносова и накануне окончания Великой Отечественной войны, в январе 1945 г., написал работу «Ломоносов и русская наука». 29 марта 1945 г. он прочел лекцию по ней в Политехническом музее в Москве. С этого времени ломоносовская тематика важное большое место в его научной работе. По инициативе С.И. Вавилова при Академии наук СССР была создана Комиссия по исследованию творчества М.В. Ломоносова, которой было предложено подготовить восьмой, завершающий том так называемого академического собрания сочинений М.В. Ломоносова и начать подготовку первого полного собрания сочинений великого ученого. Восьмой (последний) том академического издания

под редакцией самого Сергея Ивановича вышел в 1948 г. С.И. Вавилов был также инициатором создания в Ленинграде мемориального музея М.В. Ломоносова в здании Кунсткамеры, который был открыт 5 января 1949 г. в присутствии всех членов Президиума АН СССР. На открытии Сергей Иванович выступил с речью, в которой поставил перед музеем задачу стать центром по изучению творческого наследия великого ученого.

Первые издатели трудов М.В. Ломоносова уделяли внимание в основном поэтическому и литературно-историческому творчеству мыслителя.

Первые два издания собрания сочинений М.В. Ломоносова были осуществлены еще при его жизни. Первое из них вышло в одном томе в 1751 г. Оно увидело свет по инициативе самого автора и было опубликовано Санкт-Петербургской Академией наук под названием «Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайлы Ломоносова». Второе прижизненное издание в двух томах было выпущено в Московском университете по инициативе Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797). В начале первого тома был помещен гравированный портрет М.В. Ломоносова работы Х. Вортмана с живописного портрета Э. Фессара. Это был первый в истории российского книгопечатания случай выпуска книги с портретом автора, причем еще при жизни автора. Позднее этот же портрет работы Фессара-Вортмана был помещен в первом томе академического собрания сочинений, инициированного Е.Р. Дашковой.

В 1768 г. вышло третье (первое посмертное) издание, стереотипное первому изданию, а в 1778 г. – четвертое, в трех томах. Оно было напечатано в типографии Московского университета, но уже не под редакцией И.И. Шувалова (который с 1763 г. по 1777 г. жил за границей), а под редакцией одного из самых образованных людей своего времени – епископа, архимандрита и профессора философских и словесных наук Дамаскина (Д.Е. Семенова-Руднева) – ректора Славяно-Греко-Латинской академии в Москве, в которой в молодости учился Михаил Васильевич. Издание носило название «Покойного статского советника М.В. Ломоносова Собрание разных Сочинений в стихах и прозе. Расширенное» (Кн. 1–3. М.: Тип. Московского университета. 1778). Второе стереотипное «тиснение» этого издания было выполнено в 1787 г. как «Собрание Разных Со-

чинений М.В. Ломоносова» (Изд-е 2-е. М., 1787). Здесь впервые была помещена биография М.В. Ломоносова.

История биографий великого ученого детально освещена в ряде посвященных ему исследований. Первая биография была кратко, на двух страницах, написана графом Андреем Петровичем Шуваловым (сыном графа Петра Ивановича Шувалова) и издана на французском языке отдельной брошюрой в 1765 г. сразу после смерти М.В. Ломоносова. На русском языке первая краткая биография была написана Николаем Ивановичем Новиковым и опубликована в 1772 г. в его книге «Опыт исторического словаря о российских писателях», заняв три страницы. Она и была включена в упомянутое московское (четвертое) издание сочинений М.В. Ломоносова 1778 г.

Четвертое издание легло в основу пятого, так называемого академического издания, выполненного по инициативе Е.Р. Дашковой и содержавшего принципиально новый подход к творчеству М.В. Ломоносова не только как литератора, но и как разностороннего деятеля и патриота российской науки. Княгиня приступила к работе над пятым изданием трудов М.В. Ломоносова сразу после занятия ею поста директора Санкт-Петербургской Академии наук. Первый том вышел в 1784 г. под названием «Полное Собрание Сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений» (Часть Первая. В Санкт-Петербурге, изданием Императорской Академии наук). Он предварялся портретом ученого работы Фессара-Вортмана и биографическим очерком «жизни сочинителя», причем последний был помещен без подписи. Его авторство до сих пор является предметом обсуждения исследователей. Эта биография, написанная по-русски, в дальнейшем получила название академической биографии М.В. Ломоносова. Роль Екатерины Романовны в создании и переводе (с немецкого) этой биографии освещена в книге Г.И. Смагиной «Сподвижница Великой Екатерины».

Пятое издание (академическое) было фактически первым собственно научным изданием трудов Михаила Васильевича. Е.Р. Дашкова осуществляла его на протяжении 1784–1787 гг. Первые тома повторяли, в основном, трехтомное московское (четвертое) издание, однако в 1786 г. по инициативе княгини была начата работа по выпуску еще трех томов, содержащих научные труды М.В. Ломоносова

и его письма. Шеститомное издание было закончено к 1787 г. Оно дважды переиздавалось стереотипно: в 1794–1797 гг. (второе «тиснение») и в 1803–1804 гг. (третье «тиснение»). В первом «тиснении» отпечатали 200 экземпляров, вторая допечатка имела тираж 500 экземпляров, так как было много дополнительных заявок на книги, которые распространялись только по подписке, третья допечатка вышла тиражом в 600 экземпляров. Более столетия академическое «дашковское» издание оставалось самым полным собранием сочинений великого ученого.

Екатерина Ромаовна организовала еще и отдельные издания литературных произведений М.В. Ломоносова, так что к 1799 г. существовало (вместе с вышедшими ранее) шесть изданий «Российской грамматики» (два последних, «дашковских», – в 1788 г. и в 1799 г.) и три «дашковских» издания «Краткого руководства к красноречию» (1788, 1791, 1797 гг.).

Одновременно с третьим «тиснением» пятого издания в Петербурге в типографии Шнора в 1803 г. было осуществлено шестое издание – «Новое, исправленное, с присовокуплением обстоятельного описания сочинителевой жизни, взятой из Московского и Академического издания». Седьмое собрание сочинений М.В. Ломоносова в трех частях было издано в 1840 г. Российской Академией – детищем Е.Р. Дашковой. От всех этих изданий отличается восьмое собрание сочинений, изданное в 1874 г. известным книгопродавцом А.Ф. Смирдиным.

Девятое (второе после «дашковского» научное издание) было предпринято Санкт-Петербургской Академией наук и получило название «сухомлиновского» – по фамилии академика М.И. Сухомлинова, по предложению которого оно затевалось и который был его главным редактором. Он сам работал над первыми пятью томами, отыскивая новые ломоносовские материалы в архивах и по переписке с различными учреждениями и лицами. За период с 1891 г. по 1902 г. М.И. Сухомлинов выпустил пять томов сочинений М.В. Ломоносова под своей редакцией и еще десять томов «Материалов для истории Императорской Академии наук» (Т. I–X, 1885–1900), в которых также им были помещены новые найденные материалы, касающиеся М.В. Ломоносова. После смерти М.И. Сухомлинова в 1901 г. издание надолго остановилось и было возобновлено уже в советское время, в 1934 г., когда вышел шестой том под редакцией

Г.М. Князева и Б.Н. Меншуткина – выдающихся историков науки и Академии наук. Седьмой том под редакцией Б.Н. Меншуткина вышел в том же 1934 г., однако издание завершилось лишь после Великой Отечественной войны. Восьмой, завершающий том этого «второго академического» издания вышел, как уже отмечалось, в 1948 г. под редакцией академика С.И. Вавилова и с комментариями историка Л. Б. Модзалевского. Общее название всего издания звучит так: «Сочинения М.В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова» (Т. I–VIII. СПб; Л., 1891–1948).

В 1930-е гг. Академия наук начала подготовку к изданию серии «Ломоносов. Сборник статей и материалов». Первоначально тома этой серии выходили под редакцией историков А.И. Андреева и Л.Б. Модзалевского. Эти восемь сборников послужили ценнейшим дополнением к «сухомлиновскому» собранию сочинений М.В. Ломоносова. Первый том вышел в 1940 г., второй – в 1946 г., третий – в 1951 г., четвёртый – в 1960 г., пятый – в 1961 г., шестой – в 1965 г., седьмой – в 1977 г., восьмой – в 1983 г.

По инициативе С.И. Вавилова после Великой Отечественной войны была начата работа над последним (к настоящему времени), десятым изданием сочинений М.В. Ломоносова – «Полным собранием сочинений» в одиннадцати томах, осуществленным с 1950 г. по 1983 г. Академик С.И. Вавилов сам возглавил главную редакцию издания и предложил распределить тома по разделам деятельности М.В. Ломоносова, а в пределах каждого тома разместить материал в хронологическом порядке. В отличие от прежних изданий, первые тома были посвящены естественно-научным трудам (первый – 1950 г., второй – 1951 г., третий – 1952 г., четвёртый – 1955 г., пятый – 1954 г. – с опозданием); шестой том (1952 г.) – трудам по русской истории, по общественно-экономическим вопросам и по географии; седьмой том (1952 г.) – работам по русской грамматике и филологии; восьмой том (1959 г.) – художественным произведениям. В девятом (1955 г.) и десятом (1957 г.) томах опубликованы официальные документы и письма М.В. Ломоносова. Одиннадцатый, завершающий том, вышедший только в 1983 г., являлся справочным. Таким образом, издание томов по номерам происходило не в хронологическом порядке, так как тематика томов и, соответственно, их редакторы были разные.

Увековечение памяти М.В. Ломоносова происходило в России не только в виде изданий его сочинений, но и путем создания его портретов и скульптурных изображений, а также монументальных памятников в Архангельске, Москве и Петербурге.

Первым изображением М.В. Ломоносова был живописный портрет, написанный в 1750 г. австрийским художником Георгом Гаспаром Преннером (1722–1766), который в течение пяти лет работал в Петербурге, создав галерею портретов семьи графов Воронцовых. После смерти ученого с этого портрета на мозаичной ломоносовской фабрике была выполнена мозаика. Оба оригинала, портрет и мозаика, долгое время принадлежали М.И. Воронцову и хранились в его галерее. К настоящему времени они считаются утраченными.

Вторым прижизненным портретом Михаила Васильевича был большой парадный портрет (130 x 105 см), заказанный самим ученым по просьбе его семьи как копия с портрета работы Г.Г. Преннера. Портрет хранился в доме М.В. Ломоносова и остался у его дочери, Елены Михайловны Ломоносовой (в замужестве – Константиновой), а потом перешел к внучке ученого Софье Константиновне Раевской, супруге генерала Н.Н. Раевского – героя Отечественной войны 1812 г. Портрет хранился в семье Раевских и их потомков вплоть до 1917 г., причем он участвовал в выставке в начале XX в. Дальнейшая судьба портрета неизвестна, хотя существует черно-белая репродукция с него.

Третий прижизненный портрет М.В. Ломоносова был заказан в 1757 г. Иваном Ивановичем Шуваловым, который, как и М.И. Воронцов, был покровителем ученого. На этот раз портрет предназначался для фронтисписа к изданию сочинений М.В. Ломоносова Московским университетом в 1759 г. Он был сделан французским гравером Э. Фессаром, которому послали во Францию рисунок, выполненный неизвестным художником с портрета Г.Г. Преннера. По рисунку Э. Фессар награвировал портрет и прислал в Петербург, где в Гравировальной палате Академии наук сделали оттиски, предназначенные для издания сочинений. Портрет М.В. Ломоносову не понравился, и он сам поручил отставному академическому граверу Христиану Вортману сделать новый вариант французской гравюры. Исправленный портрет отпечатали в 1200 экземплярах и поместили в первый том московского издания сочинений М.В. Ломоносова. Это изображение и получило название портрета работы Фессара-Вортмана.

Все последующие живописные портреты были выполнены уже после смерти ученого и представляли собой авторизированные копии прижизненного «преннеровского» портрета М.В. Ломоносова в той или иной гравированной редакции. Таковой была и копия, заказанная Е.Р. Дашковой для конференц-зала нового здания Санкт-Петербургской Академии наук, выполненная художником Л.С. Миропольским. В дальнейшем на базе этих же первых прижизненных оригиналов была сделана гравюра М. Шрайера по рисунку его учителя Х. Шульце, которая в 1878 г. была отпечатана большим тиражом.

Литература

- Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001.
- Андреева Г.А. Издание собраний сочинений М.В. Ломоносова в XVIII – XIX в. // Ломоносов. Исследования и материалы. Т. 3. М., 1960.
- Бабкин Д.С. Биографии М.В. Ломоносова, составленные его современниками. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 2. М.; Л., 1946.
- Вавилов С.И. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961.
- Глинка М.Е. М.В. Ломоносов (опыт иконографии). М. -Л. 1961.
- Глинка М.Е. Памятники Ломоносову // Ломоносов: сборник статей и материалов. Т. 4. М., 1960.
- Ломоносов // Краткий энциклопедический словарь / Ред.-сост. Э.П. Карпеев. СПб., 2001.
- Майстров Л.Е. Академическая биография М.В. Ломоносова. Историко-астрономические исследования. Вып. 13/ Под ред. Л.Е.Майстрова. М., 1977.
- Менишуткин Б.Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова / С доп. П.Н. Беркова, Л.Б. Модзалевского, С.И. Вавилова. М.; Л., 1947.
- Михаил Васильевич Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л., 1962.
- Михайло Ломоносов // Летопись научно-технической мысли в России в лицах и документах. Сост. Г.Е. Павлова, А.С. Орлов. М., 1989.
- Морозов А.А. Ломоносов / Под ред. С.И. Вавилова. М., 1965 (Пятое издание этой книги в серии «Жизнь замечательных людей». Первое издание вышло в 1950 г. В 1952 г. писатель, филолог-германист, ломоносовед и знаток Русского Севера Александр Антонович Морозов (1906–1992) получил за эту книгу Сталинскую премию).
- Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов // Путь к зрелости. М.; Л., 1962.
- Нарбут А.Н. Род и потомки М.В. Ломоносова // Родословные росписи. Вып. 11. М., 2003.
- Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765 / Под ред. Е.П. Велихова. М., 1988.
- Пенчко И.А. Основание Московского университета. М., 1953.
- Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины. СПб., 2006.

НОВОЕ В ИКОНОГРАФИИ КНЯГИНИ Е.Р. ДАШКОВОЙ

Е.И. Столбова

Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

В 2006 г. на одном из скандинавских аукционов частным коллекционером из Санкт-Петербурга был приобретен небольшой (31 x 24см) холст, представляющий собой уменьшенную копию с самого известного портрета княгини Е.Р. Дашковой кисти Д.Г. Левицкого. Живопись была скрыта сильно пожелтевшим лаком. После кропотливой реставрации, проведенной в Государственном Русском музее, портрет засиял всеми своими яркими красками.

По ярко-синему цвету «молдавана» (популярной в свое время нарядной безрукавки, надевавшейся поверх платья) очевидно, что он исполнен с живописного оригинала Д.Г. Левицкого. Как известно, сам портрет ныне находится в музее Хиллвуд (Вашингтон, США) авторское повторение – в собрании семьи С.В. Шервинского (Москва) один из вариантов того же типа – в музее Кадриорг (Эстония). Существует еще один портрет иконографического типа Д.Г. Левицкого (Алупкинский дворец-музей. Инв. № Ж-157), в котором «молдаван» черный – это свидетельствует о том, что он исполнен скорее всего с гравюры.

Новый портрет повторяет оригинал Д.Г. Левицкого во всех деталях – здесь присутствуют даже полукруглые затемнения по углам, в первоначальном портрете уходящие под полукруглые вставки по углам золоченой рамы. Заметим, что их нет ни на портрете из Алупки, ни на портрете, находящемся в Кадриорге.

Собранные в складки рукава, складки на атласном «молдаване», кружева написаны мастерски. Блеск драгоценных камней на звезде ордена и статс-дамском знаке также выдают руку опытного мастера. Вместе с тем психологическая характеристика, очевидное желание сделать образ как можно более «миловидным», не позволяют приписать работу кисти самого Д.Г. Левицкого. Мастер писал портреты небольшого формата (портреты Н.А. Львова, автопортрет и др.), однако острота психологической характеристики в них не

уступает, а в некоторых случаях даже превосходит эти качества в портретах большого формата.

Противоречит предположению об авторстве Д.Г. Левицкого и состояние красочного слоя. После удаления старого лака стали ясно видны так называемые «масляные разрывы» – повреждения, возникшие в результате несоблюдения пропорций в составе грунта или недостаточно последовательно соблюденной технологии масляной живописи. Если кракелюр – трещины красочного слоя – почти неизбежен для произведений, отдаленных от нас двумя или тремя столетиями, то масляные разрывы для работ Д.Г. Левицкого, уделявшего большое значение технологии живописи, не характерны.

Вместе с тем автора портрета можно отнести к числу профессиональных живописцев XVIII в. О времени написания свидетельствует и старый холст, хорошо видный на кромке. Плохо различимый штамп на верхней планке подрамника может относиться к процессу изготовления самого подрамника и не определяет авторства.

Интересно было бы выяснить место вновь обретенного портрета в иконографии Е.Р. Дашковой. Почти четверть века прошло со времени появления первой публикации о портретах княгини¹. В работе были названы многие из них, упоминаемые в документах – но чье местонахождение на тот момент было неизвестно. За это время произошло много событий, дополнивших иконографию княгини. Замечательными событиями стали публикации о вновь найденных портретах княгини.

Е.П. Ренне обнаружила в собрании маркиза Бата в имении Лонглит портрет, увезенный в Англию знаменитой подругой Е.Р. Дашковой Мартой Уилмот². Это большой (110,4 x 76,8 см) холст, изображающий княгиню во весь рост, повторяющий композицию трех портретов Екатерины Романовны из российских собраний – из Президиума Российской Академии наук, Государственного Исторического музея и Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Вопрос о первенстве остается открытым – узнать, который из портретов был оригиналом, пока не представляется возможным. Владельцы предполагают, что автором английского портрета могли быть И. Грасси или М. Баччарелли.

Замечательным событием стало обнаружение Л.А. Маркиной в Таллине портрета Е.Р. Дашковой, известного ранее по негативу,

сделанному на Исторической выставке портретов 1870 г.³ Ранее этот необыкновенно выразительный портрет не входил в постоянную экспозицию музея Кадриорг, возможность увидеть его появилась лишь в последнее время.

Наконец, обнаружен был и портрет работы Дэниэла Гарднера. Он был известен по упоминанию в каталоге выставки русского искусства в Лондоне в 1935 г. на которую был предоставлен графом Пемброк и Монтгомери (Уилтон-хаус)⁴. В каталоге собрания живописи Уилтон-хауса портрета Е.Р. Дашковой не было. В свое время профессор Э. Кросс по моей просьбе обращался к 17-му графу Пемброк, с которым был близко знаком, и тот в письменной форме утверждал, что у него нет портретов Е.Р. Дашковой. Оказалось, что портрет был, но имя княгини с годами было утрачено. История его чудесного воскрешения описана в статье Т.М. Фадеевой⁵. На конференции в Алупке представительница графа Пемброка госпожа Лиддингтон обратилась к сотрудникам Воронцовского дворца с вопросом: «Кто эти дамы на портретах... на которых никто не смотрел в течение многих лет?». Е.Р. Дашкова была опознана.

Вновь определенный портрет может быть соотнесен лишь с одним – экспонировавшимся в 1901 г. на «Выставке художественных произведений старины», открытой в залах Строгановского училища (№ 601). В то время портрет хранился в собрании князя Н.Н. Оболенского. Мы можем располагать свидетельством И.Э. Грабаря, который считал его безусловным произведением кисти Д.Г. Левицкого, ставя под сомнение имя Е.Р. Дашковой⁶. Нужно помнить, что в 1901 г. исследователям не был доступен ни один из двух подлинных живописных портретов работы Д.Г. Левицкого.

Следует отметить с большим сожалением, что искусствоведческие работы порой остаются вне поля зрения историков. В статьях по иконографии княгини были подробно описаны все детали ее одежды, награды: орден св. Екатерины, статс-дамский портрет императрицы в обрамлении драгоценных камней – но в авторитетной биографии Е.Р. Дашковой появляется заявление, что она была фрейлиной, а портрет на ее груди *подарен* императрицей.

Екатерина Романовна никогда фрейлиной не была. Обе ее старшие сестры, М.Р. и Е.Р. Воронцовы, были взяты ко двору в раннем возрасте, жили в изолированной, почти казарменной обстановке:

«Придворная служба в XVIII веке была весьма опасна, жестокость нравов сказывалась в полной мере на и судьбах женщин, приближенных ко двору»⁷.

Мария Романовна Воронцова была взята ко двору в двенадцать лет и стала фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны. В возрасте двадцати лет она была влюблена и пользовалась взаимностью, однако для ее избранника Льва Нарышкина Екатерина выбрала невесту в соответствии со своими политическими планами⁸. М.Р. Воронцову обвенчали с другим человеком⁹, при она получила весьма значительное приданое¹⁰.

Елизавета Романовна в одиннадцать лет стала фрейлиной великой княгини Екатерины Алексеевны. Позже в своих мемуарах Екатерина II отзывалась о ней самым обидным образом: «оливковый цвет лица», «неопрятная до крайности», после оспы «все лицо ее покрылось рубцами»¹¹. Когда роман Елизаветы Романовны с великим князем Петром Федоровичем перешел грань придворного флирта, она просилась домой, к отцу¹², но Екатерина Алексеевна не отпустила ее. Возможно, она желала и дальше оставаться в роли оставленной жены, что было выгодно для нее ввиду ее далеко идущих планов. В «Записках» императрица Екатерина II именovala бывшую соперницу «любимая султанша».

Е.Р. Дашкова росла в доме дяди среди книг и картин, ею занимались учителя, она была свидетельницей большой политики¹³. Рано выйдя замуж, она уже не могла стать фрейлиной. Должность статс-дамы, которую Екатерина Романовна получила в 1762 г., когда ей было всего девятнадцать лет, не предполагала никаких обязанностей при дворе. Это было почетное звание, хотя в «Табели о рангах» оно именовалось «чином»¹⁴. Знаком отличия был украшенный драгоценными камнями портрет императрицы на голубом банте, который носили на левой стороне груди¹⁵. Княгиня хранила его всю жизнь, по ее завещанию он был передан племяннице, Екатерине Семеновне Воронцовой, в замужестве Пемброк¹⁶.

С этим знаком и с орденом св. Екатерины Е.Р. Дашкова изображена на большинстве портретов. Мы видим их на полотне работы Д.Г. Левицкого, а также на всех копиях с этого портрета.

Работа по иконографии княгини не может считаться законченной. Не все портреты, известные по документам, обнаружены. Не

найден пока выставлявшийся в 1935 г. портрет Екатерины Романовны, подписанный «Maurice 1771»¹⁷. Нет сведений о скульптурном портрете княгини работы Жана-Антуана Гудона, о котором сама Е.Р. Дашкова писала в «Записках», что мастер сильно польстил ей. Бюст экспонировался на парижском Салоне 1783 г., как «Madame la Princesse Dashkow, Directrice de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg»¹⁸, дальнейшее его бытование пока представляется неизвестным. Таинственным остается тканый портрет, выполненный по оригиналу П. Ротари¹⁹.

Кроме безусловных портретов, есть ряд маргинальных, связать которые с именем Е.Р. Дашковой можно лишь условно, но и они очень важны для нас. Не исключено, что дальнейшие поиски покажут княгиню с неожиданной стороны.

Примечания

¹ Столбова Е.И. Портреты княгини Екатерины Романовны Дашковой // Панорама искусств. 1987. № 10. С. 297–320.

² Ренне Е.П. Портрет Е.Р. Дашковой в частном собрании в Англии // Воронцовы. Два века в истории России. Вып. 7. СПб., 2002. Именно с этого портрета была сделана гравюра, приложенная к первому изданию «Записок» на английском языке 1840 г. и первому русскому изданию 1856 г.

³ Маркина Л.А. Портрет Е.Р. Дашковой из собрания дворца-музея Кардиорг // Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008.

⁴ Catalogue of the exhibition of Russian art. London, 1935. № 669.

⁵ Фадеева Т.М. Е.Р. Дашкова и английская ветвь Воронцовых: о малоизвестном портрете княгини, хранящемся в поместье Вилтон-Хаус (Англия) // Е.Р. Дашкова: великое наследие и современность. М., 2009.

⁶ Список произведений Д.Г. Левицкого с примечаниями. Сост. И.Э. Грабарь // Гершензон-Чегодаева Н.М. Дмитрий Григорьевич Левицкий. М., 1964. С. 434.

⁷ Васютинская Е.Ф., Перевезенцева Н.А. За любовь и отечество // Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII – начала XX века. М., 2004. С. 15.

⁸ Савина А.Н. Мария Романовна Бутурлина, урожденная Воронцова (Материалы к биографии) // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 9. Петушки, 2004. С. 111–120.

⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М., 1989. С. 428. Это почти судьба крепостной. Екатерина Алексеевна цинично отмечает, что при дворе заключались пари – кто из новобрачных раньше изменит супругу.

¹⁰ Болотина Н.Ю. Женщины рода Воронцовых в повседневной жизни императорского двора XVIII века // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 148–152.

¹¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 295.

¹² Там же. С. 528.

¹³ Ее двоюродная сестра Анна Михайловна Воронцова была фрейлиной, однако, получая фрейлинское жалование, жила дома. Мать ее, Анна Карловна (урожденная Скавронская), была очень влиятельной дамой, родственницей императрицы, обер-гофмейстериней.

¹⁴ *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2005. С. 317.

¹⁵ Одна из статс-дам носила его справа, это была А.А. Матюшкина (см.: *Караба-нов П.Ф.* Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX века. СПб., 1872. С. 136). Такой же портрет имели право носить и «камер-фрейлины» – незамужние дамы, рангом выше фрейлин. Портрет Екатерины, который отказывалась носить Елизавета Романовна, был ей вручен ей, когда Петр III пожаловал ее камер-фрейлиной в 1762 г. (Записки императрицы Екатерины. С. 530).

¹⁶ Записки княгини Дашковой / Под ред. и с предисловием Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 315.

¹⁷ Catalogue of the exhibition of Russian art. London, 1935. № 814. Портрет до 1935 г. принадлежал Е.-М. Уокер (Оксфорд), как и портрет кисти Д.Г. Левицкого.

¹⁸ *The Princess & the Patriot.* Philadelphia, 2006. P. 102.

¹⁹ A Tapestry portrait of prinsess Dashkoff by A.A. Polovtsoff and V.E. Chambers // *Burlington Magazin.* 1919. Vol. 34. № 195. Jun. P. 243–247.

КАНЦЛЕР М.И. ВОРОНЦОВ: ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В.Н. Алексеев

кандидат биологических наук, доцент

Московский государственный областной гуманитарный институт

С середины XVIII в. имя канцлера М.И. Воронцова (1714–1767) всегда уподоблялось путеводной звезде, светившей всем последующим поколениям рода Воронцовых. Став первым в роду дипломатом, к тому же достигшим званий вице-канцлера и канцлера, Михаил Илларионович был образцом для подражания своим племянникам, их вторым отцом, о котором никто из последующих поколений не сказал ни одного плохого слова.

Между тем, не только государственная деятельность, но и сама личность М.И. Воронцова до сих пор не получили однозначной оценки и вообще не были исследованы. Даже в трехтомном издании по истории Министерства иностранных дел России канцлер Воронцов упомянут всего девятью словами: он охарактеризован как «сторонник более активного ведения войны, более тесного сближения с Францией»¹.

Большинство авторов, так или иначе упоминавших о Михаиле Илларионовиче, называли его малоспособным, малообразованным и поддающимся чужому влиянию. Например, А.Н. Шапкина писала: «Он весьма лояльно относился и к Пруссии, и к Франции, а главное – не горел желанием тщательно заниматься службой, в отличие от Бестужева, для которого служба была основой жизни»². Первоисточником подобных нелестных суждений, возможно, стала негативная оценка М.И. Воронцова, принадлежавшая его политическому противнику – прусскому генералу и мемуаристу Х.-Г. Манштейну, который писал о вице-канцлере: «...это человек весьма честный, но чрезвычайно ограниченного ума, без особого образования и еще менее того научившийся впоследствии; он не имел никогда случая заниматься политическими делами, однако после смерти князя Черкасского был назначен вице-канцлером»³.

С другой стороны, начиная с авторов «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, о Михаиле Илларионовиче пишут и как о человеке честном, мягком и гуманном⁴. Как ни странно, такие крайне противоречивые оценки личности канцлера приводятся без фактических обоснований, отчего последние превращаются в исторические штампы. Все это показывает если не недостаточную сложность, то, по крайней мере, слабую изученность личности М.И. Воронцова.

В большинстве источников о Михаиле Илларионовиче сообщаются весьма скудные биографические сведения. Вслед за описанием начала придворной карьеры будущего графа (от пажа до камер-юнкера) всегда отмечается его бракосочетание с двоюродной сестрой императрицы Елизаветы Петровны, а также подчеркивается, что карьера графа была построена благодаря богатству М.И. Сурминой – жены его брата Романа Илларионовича⁵. Последнее суждение основано на предании, а карьера М.И. Воронцова строилась на основе его редких умственных способностей⁶.

Можно предположить, что отрочество Михаила Илларионовича прошло в Ростове, где отец юноши был воеводой, а мать пользовалась дружбой известного просветителя митрополита Дмитрия Ростовского. Атмосфера созданной святителем Ростовской духовной школы могла оказать очень благотворное влияние на мировоззрение и образование молодого человека.

М.И. Воронцов был одним из наиболее образованных людей при дворе Елизаветы Петровны, хорошо владел французским языком, имел большую библиотеку. В начале своей карьеры он исполнял обязанности секретаря цесаревны и пользовался ее исключительным доверием. Это подтверждают фразы из писем цесаревны Елизаветы к М.И. Воронцову 1739–1740 гг.: «...токмо остаюсь всегда одинакова к вам – как была, так и пребуду верной»⁷, «...понеже я ни на кого такую надежду не имею, как на вас: так как себе верю, понеже много абрабации (апробации. – В.А.) имела...»⁸. Подобные подписи и в дальнейшем были обычны в переписке между цесаревной и ее камер-юнкером Михаилом Илларионовичем.

Вряд ли можно осуждать общеизвестное участие М.И. Воронцова в дворцовом перевороте 1740 г., приведшим на трон Елизавету Петровну. Благо Отечества, которое предвещала смена императриц,

не могло оставить Михаила Илларионовича в стороне от дел. Вместе с А.М. Черкасским и Н.Ю. Трубецким он составил манифест о восшествии Елизаветы Петровны на престол, а с 30 ноября 1741 г. стал лейтенантом лейб-кампании. Естественно, что он оказался среди тех, кто был щедро награжден новой императрицей.

В 1744 г. М.И. Воронцов был назначен вице-канцлером при канцлере А.П. Бестужева-Рюмине. С этого времени все суждения о нем выносились только как о политике, причем подавляющее большинство этих суждений принадлежало иностранцам, которые оценивали Михаила Илларионовича только в свете интересов своего государства. Именно этим и объясняется уже отмеченная резкая противоречивость оценок личности графа.

Можно только догадываться, насколько сложной была жизнь молодого начинающего дипломата, попавшего в атмосферу ожесточенной политической борьбы, существовавшей при российском дворе в первые годы правления Елизаветы Петровны. Крайне обострившиеся отношения между Пруссией, Австрией, Россией, Швецией и Францией требовали от русских дипломатов предельной осторожности в действиях, уклончивости и двусмысленности в переговорах, тонкости отношений с собственной императрицей. Естественно, что со стороны политических врагов эти необходимые хорошему политику качества могли истолковываться как двуличность, нежелание заниматься делами, трусость, малообразованность и т.п. Иного и быть не могло.

Косвенным подтверждением сказанному могут служить существовавшие в то время негативные высказывания даже в адрес опытного политика канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, чьи дипломатические способности не вызывали никаких сомнений. Так, по словам Х.-Г. Манштейна, канцлер А.П. Бестужев «...надмен, корыстолюбив, скуп, развратен, до невероятности лжив, жесток и никогда не прощает провинившихся перед ним»⁹. Следует иметь в виду, что Х.-Г. Манштейн бежал из России в 1744 г., был заочно приговорен к смертной казни и, конечно, не испытывал никаких симпатий ни к А.П. Бестужеву, ни к М.И. Воронцову.

Между тем, именно благодаря «бездеятельности» этих политиков России удалось сохранить нейтралитет в первых двух Силезских войнах, хотя оборонительные союзные договоры связывали ее и с

Австрией, и с Пруссией. Умелые действия русских дипломатов все это время поддерживали равновесие политических сил в Европе. Уже через месяц после начала дипломатической службы М.И. Воронцов стал участником выдворения из России маркиза И.-Ж. Шетарди, активно порочащего двор императрицы и ее саму, а также интриговавшего против А.П. Бестужева и всеми силами пытавшегося втянуть Россию в войну против Австрии.

Раскрытие истинного образа И.-Ж. Шетарди перед лицом государыни было поручено Воронцову, что он и сделал во время поездок Елизаветы Петровны в Троице-Сергиев монастырь¹⁰. Вообще для переубеждения императрицы в целях интересов страны требовалась долгая и кропотливая работа, лежавшая почти исключительно на плечах М.И. Воронцова. О ситуации при дворе в то время писал саксонский резидент Пецольд: «Сама она (императрица. – В.А.) обнаруживает так мало желания знать о делах, что нередко проходят целые недели, прежде чем она удосуживается выслушать самый краткий доклад или подписать свое имя...»¹¹.

Канцлер в личном общении и в письмах разъяснял М.И. Воронцову основы своего понимания внешней политики. Говоря о безопасности России, А.П. Бестужев писал вице-канцлеру, что имеет целью «своих союзников не покидать для соблюдения себе взаимно во всяком случае таких приятелей, на которых бы положиться можно было»¹².

Иностранные посланники в Петербурге всеми силами стремились соблюсти интересы своих стран. Кроме императрицы главными объектами их внимания становились российские канцлер и вице-канцлер. Если попытки (включая подкуп) склонить первых лиц в русской политике на свою сторону не приводили к успеху, в ход пускали интриги и наговоры. Хотя ни А.П. Бестужева, ни М.И. Воронцова подкупить не удалось, эти интриги получили широкую огласку и постепенно приобрели признаки достоверности при характеристиках личностей российских дипломатов.

Так, французский резидент в России Дальон сообщал, что пытается подкупить русских канцлера и вице-канцлера и что Михаил Илларионович в конце концов свергнет А.П. Бестужева. Спустя некоторое время тот же Дальон писал почти обратное: «Я вторично сделал канцлеру те приятные предложения, которые особенно могли

бы его подвигнуть, но он выслушал их равнодушно. Вице-канцлер сказал мне: не делайте нам зла, а мы вам его делать не будем... Итак, в настоящее время о союзе толковать нечего»¹³.

Действительно, М.И. Воронцов отказался от суммы в 100 тыс. руб., предложенной ему Дальюном, чем подтвердил свою честность и неподкупность. По этому случаю он писал: «Когда Дальон вздумает подлинно 50 000 предлагать, тогда я ему скажу, что он сам помнит, что и в 100 000 я ему отказал, и теперь нестати будет принять 50 000»¹⁴. Подобные документы показывают, как мало в поисках характеристик русских сановников можно полагаться на письма иностранных дипломатов.

Не вдаваясь в подробности уже изложенной нами дипломатической службы М.И. Воронцова как вице-канцлера, а с 1758 г. – канцлера¹⁵, отметим, что это время в целом можно охарактеризовать как период вполне успешного внешнеполитического положения России. Не позволив вовлечь себя в нежелательные военно-политические союзы, Россия сохранила союзников в Европе, выиграла Семилетнюю войну, улучшила свои отношения со Швецией. В 1758 г. Михаилом Илларионовичем были подписаны оборонительные союзы со Швецией, Австрией, Пруссией¹⁶. Единственным фактом серьезного поражения русской политики за эти годы был русско-пруссский трактат о вечном мире, возвращавший Пруссии все отвоеванные у нее территории¹⁷. Тем не менее, этот договор был заключен по приказу Петра III, и никакой вины подписавшего документ канцлера в том не было.

Уместно вспомнить и собственные оценки М.И. Воронцовым своих трудов на благо Отечества, не доверять которым у нас не оснований. Еще в 1746 г. он писал императрице: «Я должен думать, что тонкая и хитрая злость только умела неприметно вкрасться и так бессовестно повредить меня у вашего и. в-ства и такими красками написать, что я ежели уже неверным вовсе, то хотя по малой мере сумнительным пред глаза вашего и. в-ства представлен нахожусь. Бог свидетель сердца моего, сколько много я сверх моей всеподданнической должности ваше и. в-ство люблю и за вас живот мой во всяком случае отдать хочу: того ради не знаю, за что б мне лишиться дражайшей вашей милости и прежней поверенности?»¹⁸.

В конце 1749 г. вице-канцлер подал письмо Елизавете Петровне, в котором говорилось: он много раз обращался с письмами

к государыне о том, чтобы направить его послом в какую-нибудь страну, но кроме «сродного милосердного ответа» ничего не получал. Призывая Бога в свидетели, М.И. Воронцов клялся, что остается таким же верным и истинным рабом, каким был до получения чина вице-канцлера: «Я Сердцеведца Бога во свидетели представляю и себя на Его страшный и праведный суд предаю, что как до сего несчастного моего чина вице-канцлера Вашему Императорскому Величеству верный и истинный раб был, столь более ныне в сем чину желаю себя достойным учинить вящей высочайшей милости Вашего Императорского Величества. Я никакого пристрастия и ненависти ни к какому иностранному государю не имел, не имею и впредь иметь не буду; они все у меня дотоле в почтении содержатся, доколе к Вашему Императорскому Величеству в искренней дружбе и любви пребудут. Главная моя регула и правило в начале в том состоит – ведать и исполнять волю Вашего Императорского Величества, а потом крайне стараюсь наблюдать должность честного человека по чину и присяге моей, имея по смерти мою в виду любовь Отечества, во всем том, что до блага и пользы государства касаться может, у меня из памяти не выйдет; а все, что к вреду, безславию и опасности онаго быть может, всячески отвращать и не допускать желаю, и в сем моем намерении есмь и пребуду, доколе Бог жизнь мою продолжать благоволит»¹⁹.

Умение вникать в суть вещей граф М.И. Воронцов проявлял не только в дипломатической службе. Являясь сугубо гражданским человеком, Михаил Илларионович очень хорошо разбирался даже в проблемах внутреннего устройства русской армии. В одном из своих писем главнокомандующему В.В. Фермору он скрупулезно перечислял насущные проблемы русской армии: отягощение избыточным багажом, излишек солдат-денщиков, медленное перестроение и маневрирование пехоты, отсутствие мобильности у гренадеров, неудовлетворительное состояние лошадей, плохое руководство личным составом. Осмотрев армию в полевых условиях, канцлер посчитал, что «...пальба производилась целыми шеренгами, но в сильном беспорядке; весь полк в кучу съехался, многие лошади споткнулись, и люди с них попадали. Не разумеют они точности в экзерциции, и все для них равно, что один рейтар направо, другой налево, а третий вперед смотрит... Гусары составляют лучшую кавалерию, хотя во-

обще у них недостает порядка, равенства, живости и ученья; офицеры их очень мало разумеют о патрулях, рекогносцировках, засадах, ибо их ничему этому не учат»²⁰. Весьма точные характеристики деловых качеств получили и многие военачальники. Все это показывает, с каким глубоким пониманием дела М.И. Воронцов разбирался в проблемах армии, хотя его власть над ней была более чем ограничена. Результатом указаний канцлера стали многочисленные указы об улучшении положения в армии²¹.

Несмотря на явное политическое разногласие с Петром III, канцлер проявил неожиданную твердость в соблюдении присяги при перевороте 1762 г. Почти тотчас после переворота Михаил Илларионович написал прошение об отставке и тут же письменно сообщил об этом племяннику Александру Романовичу²². Тем не менее, М.И. Воронцов все же остался на своей должности, но с началом правления Екатерины II наступил закат его государственной деятельности. Некоторое время Михаил Илларионович еще пользовался авторитетом мудрого человека и даже убеждал императрицу воздержаться от брака с Г.Г. Орловым²³. Его спокойная рассудительность использовалась при дворе и прежде. В последние годы правления Елизаветы Петровны канцлер не раз успокаивал великую княгиню Екатерину Алексеевну в минуты ее отчаяния в семейных ссорах²⁴.

4 августа 1763 г. был подписан указ об увольнении М.И. Воронцова, но звание канцлера за ним еще сохранялось. В указе императрицы сообщалось: «...канцлер наш граф Воронцов представляет нам, что он по слабости здоровья не в состоянии больше нести трудов звания своего, ежели переменою воздуха или целительными водами не воспользуется, и для того просил нас всеподданейше о увольнении его и с фамилиею по крайней мере на два года в чужие края. Мы в рассуждении его законных причин всемилостивейшее дозволяем ему канцлеру, так и жене его нашей обер-гофмейстерине графини Анны Воронцовой пробыть вне отечества чрез два года, где они сами за благо рассудят...»²⁵.

М.И. Воронцов возвратился в Петербург 24 февраля 1765 г. и тут же был извещен об увольнении от службы²⁶. Он переселился в свою подмосковную усадьбу Коньково, а лето проводил в селе Кимры Тверской губернии. 13 февраля 1767 г. граф скончался в Москве от долговременной чахоточной болезни.

Весьма отчетливо личность М.И. Воронцова проявилась в его поучительных письмах к племянникам Александру и Семену. Последние искренне почитали дядю как второго отца и старались во всем следовать его наставлениям. Показателем моральных устоев канцлера могут стать нижеприведенные фразы из его писем племянникам: «...труд в твоём возрасте и особенно обучение добродетели и чести суть единственные средства, которые сделают тебя полезным Отечеству и в преклонном возрасте доставят тебе то спокойствие и тот душевный мир, которые единственные могут создать твоё благополучие»²⁷, «...советую вам во всяких приключениях быть твердо и великодушно, презирая все случающиеся в жизни нашей страшные происшествия, полагаясь твердо на Промысел Божий и беспорочное свое поведение, оставляя прочее жребию и полагаясь несумненно на благодать Божию и Его покровительство; я..., будучи всегда в сих мнениях многие неприятные в жизни моей приключения без большой тягости перенес»²⁸.

Завершая анализ дипломатической деятельности графа М.И. Воронцова, приведем малоизвестные, но наш взгляд весьма правдивые отзывы о его личности. Так, секретарь французского посольства в России в 1760 – 1761 гг. Ж.-Л. Фавье писал: «Этот человек хороших нравов, трезвый, воздержанный, ласковый, приветливый, вежливый, гуманный, холодной наружности, но простой и скромный... Его вообще мало расположены считать умным, но ему нельзя отказать в природном рассудке. Без малейшего или даже без всякого изучения и чтения он имеет весьма хорошее понятие о дворах, которые он видел, а также хорошо знает дела, которые он вел. И когда он имеет точное понятие о деле, то судит о нем вполне здраво»²⁹.

Добрыми словами отозвался о М.И. Воронцове и князь М.М. Щербатов, вообще редко о ком говоривший хорошо: «...Михайло Ларионович Воронцов, женатый на Анне Карловне Скавронской, двоюродной сестре императрицы, после пожалованный графом и бывший канцлером, коего тихой обычай не позволял оказывать его разум, но по делам видно, что он его имел, а паче дух твердости и честности в душе его обитал, яко самыми опытами он имел случай показать...»³⁰.

Еще одна характеристика Михаила Илларионовича содержалась в отчете прусского кабинет-министра Карла фон Финкенштейна

о русском дворе 1748 г.: «Граф Воронцов, состоявший при дворе сей Государыни еще во время предыдущего царствования и имевший счастье быть причастным к знаменитому перевороту, каковой ее на престол возвел, был также одним из первых, кого она доверием почитала. Из всех русских, кого я знаю, кажется, мне сей граф самым благородным и возвышенным по образу мыслей. Не назову его гением перворазрядным, однако ж и не откажу в достоинствах, для ведения дел необходимых. Много в нем здравомыслия, а ум если и не блестящий, то справедливый и основательный; подлинно предан он особе Государыни... Он честолюбив и полагал, что сможет страсть свою утолить, однако же имел несчастье остановленным быть в середине пути тем из русских, кто более всего ему обязан. Может он себя упрекнуть, что сам возвышению Канцлера помог, когда же заметил ошибку свою, поздно было уже ее исправлять или пришлось бы для того взять меры, на кои по робости характера он не способен, так что к графу Бестужеву воспылал вечной ненавистью и тем ограничился, а сие чувство, признаемся, более чем законное»³¹.

Таким образом, анализ дипломатической деятельности графа М.И. Воронцова представляет его одним из важнейших и весьма способных российских дипломатов в период с 1744 г. по 1762 г. Судя по его собственным письмам и отзывам современников, Михаил Илларионович обладал на редкость высокими нравственными качествами личности, безусловной верностью присяге, был прекрасным воспитателем, покровительствовал наукам и искусствам. Его по праву можно причислить к наиболее выдающимся государственным мужам елизаветинского времени.

Примечания

¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России: в 3 т. Т. 1. М., 2002. С. 186.

² Шапкина А.Н. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин и союз с Австрией // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 62.

³ Маништейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 206.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. VII. СПб., 1892. С. 221.

⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870. С. 12; Половинкина М.Л., Шляпникова Е.А. Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 63.

⁶ Алексеев В.Н. Граф М.И. Воронцов – вице-канцлер, канцлер и дипломат. Часть 1 (1744–1758 гг.) // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 13. М., 2011. С. 16–17.

- ⁷ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 243.
- ⁸ Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870. С. 6–7.
- ⁹ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 243.
- ¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 21. М., 1993. С. 263.
- ¹¹ Сб.РИО. Т. 6. СПб., 1871. С. 447 (письмо Пецоляда графу Брюлю от 29 октября 1742 г.).
- ¹² Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 23.
- ¹³ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 346–347.
- ¹⁴ Там же. С. 348.
- ¹⁵ Алексеев В.Н. Указ. соч. С. 16–25.
- ¹⁶ ПСЗ-I. Т. 15. С. 445–450.
- ¹⁷ ПСЗ-I. Т. 15. С. 1034–1039.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 11. Д. 748. Л. 26–28 (цит. по С.М. Соловьеву).
- ¹⁹ Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 613–614.
- ²⁰ Воронцов М.И. Письмо путешественника из Риги. Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 24. С. 93–95.
- ²¹ ПСЗ-I. Т. 15. С. 70–154.
- ²² Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1872. С. 102.
- ²³ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. М., 1989. С. 57.
- ²⁴ Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 234–235.
- ²⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 31. М., 1885. С. 239–240.
- ²⁶ Там же. С. 344–345.
- ²⁷ Там же. С. 87. (авторский перевод с франц.).
- ²⁸ Там же. Кн. 5. М., 1872. С. 130–131.
- ²⁹ Фавье Ж.-Л. Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге. // ИВ. 1887. Т. 29. № 8. С. 189. Цит. по: Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 244.
- ³⁰ Цит. по: Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 58.
- ³¹ Цит. по: Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000. С. 408.

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Г.В. Черноголовина

г. Протвино Московской области

«Впоследствии я охотно приписывала благоприятное впечатление, которое мы произвели друг на друга при встрече (от чего мы оба не отпирались) Божьему Промыслу, которого нельзя было избежать», – вспоминала в своих «Записках» Екатерина Романовна Дашкова о первой встрече с суженым¹.

«Встреча была подстроена...» – утверждает наш современник, принадлежащий к роду княгини, историк А.И. Воронцов-Дашков². Действительно, слишком театрально, «Deus ex machina» (лат. «Бог из машины»), выглядит появление «великана» князя ночью, в конце малолюдной улицы, странно скоропалительны знакомство и сватовство молодых людей. «...Нельзя исключить, что такая неожиданная, если не просто невероятная встреча будущих супругов на пустынной ночной улице явилась не простой случайностью, а была устроена Самариными с согласия молодого князя Дашкова», – пишет В.Н. Алексеев³.

Почему, если юная Екатерина Воронцова так нравилась князю, он не мог познакомиться с нею и просить ее руки обычным способом? «Да потому, что его перестали принимать во многих солидных домах, включая дом канцлера...» – утверждает А.И. Воронцов-Дашков. Сама княгиня о других «солидных домах» не упоминала, а просто писала: «...В нашем доме князя Дашкова не принимали и имя его никогда не произносилось», и чуть дальше продолжала: «...связь его с одной близкой нашей родственницей, которую я не могу назвать, его явная вина перед ней должны были бы отнять у него всякую надежду на то, что мы можем принадлежать друг другу»⁴. А.И. Воронцов-Дашков полагает: «Кажется, он допустил “непростительную неосторожность” и был вовлечен в скандальный роман с кузиной Дашковой Анной»⁵.

Попытаемся и мы разобраться, была ли «подстроена» встреча М.И. Дашкова и Е.Р. Воронцовой, а если да – то кем? Дом Самари-

ных, конечно же, принадлежал к числу «солидных». Екатерина II, не упускавшая случая позлословить насчет членов семьи Воронцовых, утверждала, что Анна Карловна, супруга канцлера М.И. Воронцова, которая была «очень дружна с женой церемониймейстера Самарина», встречалась у нее со своим «очень тайным и скромным любовником, саксонским резидентом Прассе, узнававшим от нее “множество подробностей”», по-видимому, дипломатического характера⁶.

Тем более странно, что зная о семейном скандале, постигшем Воронцовых, о том, что князя М.И. Дашкова в их доме не принимают, Самарина могла на свой страх и риск устраивать знакомство человека с испорченной репутацией с таким юным и чистым созданием, как племянница ее душевной подруги. Так можно было поступить или «назло», или об этом знакомстве мог попросить кто-то, кто был значительней Воронцовых, и кому Самарина не могла и не смела отказать.

Не рискнуть ли нам с предположением, что это была сама Елизавета Петровна, без соизволения коей, по сути дела, не происходило ни одно сватовство при дворе? Именно государыней был задуман брак юной графини Анны Михайловны Воронцовой с бароном Александром Сергеевичем Строгановым. Весной 1756 г. старый барон Сергей Григорьевич начал торопить сына с возвращением из Парижа. Александр, считая, что еще не завершил своего европейского образования, медлил под всяческими предлогами, пока отец не перестал высылать ему деньги на содержание⁷. На полпути домой молодой барон получил известие о том, что его отец скончался 30 сентября, но остаться в Европе Александр не смог, получив высочайший приказ немедленно вернуться в Россию.

23 июля 1757 г. А.С. Строганов приехал в Петербург и уже 20 сентября обручился с четырнадцатилетней графиней. Свадьба была назначена на 18 февраля следующего года, а до этого Александр поехал в Москву, повидаться с тетушкой Марьей Артемьевной и другими родственниками. Вряд ли за такой короткий срок молодые успели узнать, а тем более – полюбить друг друга. Анна Михайловна со своей все более расцветающей красотой осталась при дворе – а какие неожиданности подстерегали юных фрейлин в дворцовых закоулках, живописал К.А. Писаренко в очень любопытной книге о повседневной жизни елизаветинского двора⁸. Есть основания

предполагать, что образ жениха с его не слишком привлекательной внешностью – Екатерина II в шутку называла его мартышкой – без труда затмил блестящий гвардеец, представитель древнего рода Рюриковичей М.И. Дашков.

Дед князя Петр Иванович был стольником у царицы Натальи Кирилловны⁹, и она выдала за его сына Ивана Петровича свою племянницу Анастасию Михайловну, урожденную Леонтьеву. Таким образом, матушка молодого князя Дашкова и государыня Елизавета Петровна были троюродными сестрами. Когда в 1743 г. семилетний Михаил лишился отца, его взял под крыло бывший фаворит Елизаветы Петровны, московский генерал-губернатор Александр Борисович Бутурлин, а поскольку он проводил время в основном в Санкт-Петербурге, в Сенате, то и Михаил Дашков, с младенчества пожалованный сержантом гвардии и зачисленный в Преображенский полк, видимо, находился при нем. Так, в 1752 г. шестнадцатилетний подпоручик сенатской роты Дашков во исполнение высочайшего именного указа сопровождал ярославских купцов Федора Волкова и братьев с их театром в Санкт-Петербург¹⁰. Видимо, А.Б. Бутурлин, опекая М.И. Дашкова и давая ему поручения, способствовавшие продвижению по службе, не прочь был породниться с древним княжеским родом. В своем письме в Париж Екатерина Романовна просила брата Александра Романовича Воронцова «...хранить в тайне ее признание, потому что князя Дашкова хотят женить на одной из девиц Бутурлиных»¹¹.

Разумеется, Анна Михайловна Воронцова была одним из многих увлечений князя М.И. Дашкова – типичного представителя золотой офицерской молодежи с ее кутежами, картами, волокитством – но здесь он действительно допустил «непростительную ошибку»: юная графиня А.М. Воронцова являлась родственницей Елизаветы Петровны (её мать Анна Карловна Воронцова – двоюродная сестра государыни). До императрицы не могли не дойти слухи о слишком пылких отношениях Анны Михайловны и М.И. Дашкова. Наверное, ей было доложено и о пари между графом К.Г. Разумовским и датским посланником Остеном о том, «кто из троих новобрачных будет раньше всех рогоносцем». На масленицу 1758 г. были сыграны три свадьбы с интервалом в несколько дней: Льва Нарышкина, Петра Бутурлина и Александра Строганова. Впоследствии Екатерина II,

описавшая это в своих «Записках», не упустила случая заметить, что «...выиграли пари те, кто держал за Строганова, молодая супруга которого казалась самой некрасивой, самой невинной и наиболее ребенком»¹².

Вечером 17 февраля, в канун свадьбы А.С. Строганова, императрица ужинала в доме Воронцовых¹³. Похоже, она хотела убедить, что все в порядке – но после свадьбы тайное стало явным.

К репутации своих родственниц императрица относилась очень ревниво. Достаточно перечитать у К.А. Писаренко историю камер-юнкера М. Софонова, за которого была выдана двоюродная сестра государыни Марфа Симоновна Гендрикова¹⁴. После свадьбы М. Софонов несколько раз «оскорбил действием» молодую жену. Сгоряча, не разобравшись в причинах, Елизавета Петровна заключила его в Петропавловскую крепость, а когда при допросах в Тайной канцелярии выяснилось, что побои были вызваны непривлекательным добрачным прошлым юной жены, М. Софонову прислали пуховик, одеяла, подушки, шубу – и все же он вынужден был провести в крепости более года, по сути дела, за небольшую провинность в сравнении с поступком М.И. Дашкова.

Что можно было поделаться с князем? Заключить, как М. Софонова, в Петропавловскую крепость? Или по решению Военной коллегии «выбрать местом службы» подпоручика Дашкова Кизляр, куда отправляли вызвавших немилость государыни офицеров¹⁵? Это значило – привлечь ещё большее внимание к скандалу вокруг семейства вице-канцлера М.И. Воронцова, которому, в связи с арестом А.П. Бестужева прочили должность канцлера. К тому же М.И. Дашков был не простым дворянином, как М. Софонов, а князем, Рюриковичем, родственником самой императрицы – пусть и дальним.

Так что же – пусть остается в северной столице, женится на юной графине Бутурлиной, блистает на балах, где неизбежны встречи с обесчещенной Анной Михайловной, теперь уже баронессой Строгановой, при любопытствующих взглядах и перешептываниях? Нет, надо было любой ценой удалить князя из Петербурга, но как?

Можно представить атмосферу тех дней в доме Воронцовых и понять, почему Екатерину Романовну так долго, будто из-за кори, держали в деревне, хотя она уже не представляла опасности для

окружающих. Ей даже не дали возможности проститься с любимым братом: 28 февраля 1958 г. Александр Романович Воронцов уехал в Париж, и это очень больно ударило по девочке. До нее, наконец-то вернувшейся в дядюшкин дом, здесь никому не было дела. Одиночество и непрерывное чтение способствовали развитию меланхолии и экзальтации, как бы подготовивших ее к встрече с князем и мгновенно вспыхнувшему чувству¹⁶.

Пожалуй, единственным человеком, всерьез беспокоившимся за Екатерину Романовну в этот период, была императрица, приказавшая своему лейб-медику Бургаву выяснить, в чем причина ее болезненного вида.

После смерти Марфы Ивановны Сурминой, которой Елизавета Петровна оставалась благодарна за неоценимую помощь, оказанную в те дни, когда она была еще бедной цесаревной, государыня постоянно опекала трех ее дочерей: две старшие, Мария Романовна и Елизавета Романовна, были взяты во фрейлины – как и их кузина Анна Михайловна. Почему же будущую княгиню Дашкову не взяли ко двору? Возможно, императрица не могла представить себе эту особенную, умную, начитанную девочку в качестве прислужницы на придворных церемониях. Тем не менее, устроить судьбу крестницы она чувствовала себя обязанной, хотя найти жениха для гордой, самостоятельной и, к сожалению, не обладавшей большим приданым Екатерины Воронцовой было непросто.

Между тем лейб-медик Бургав, проявив «неизменное усердие», после внимательного осмотра и обследования девочки объявил, что ее физическое здоровье безупречно, но, очевидно, ее гложет какое-то душевное страдание, что и отражается на внешнем виде¹⁷. Во времена оны в таких случаях делался вывод: «Замуж пора девице».

Когда человек решает сразу несколько задач, они неизбежно пересекаются друг с другом, и это пересечение может привести к совершенно неожиданному творческому озарению. Так могло случиться и с Елизаветой Петровной, ведь она не лишена была полета вдохновения, не зря же писала в молодости хорошие стихи. Государыне вполне могла придти в голову блестящая идея: а что, если переключить «общественное мнение»? Дескать, вовсе не Анной Михайловной был увлечен князь, а ее кузиной, и женитьба на Екатерине Романовне будет тому подтверждением. Таким образом, и скандал с

А.М. Воронцовой сойдет «на нет», и крестница императрицы станет княгиней. Она и расстроженные родовые имения Дашковых приведет в порядок, и повесу мужа сумеет держать в руках – а князь Михаил Иванович под благовидным предлогом окажется выслан к матушке в Москву.

Можно понять, почему, в отличие от устройства брака А.С. Строганова, где она действовала чуть ли не напролом, здесь Елизавета Петровна сохраняла полное инкогнито, возможно, лишь не отказав себе в удовольствии сочинить романтическую сцену первой встречи Екатерины Романовны Воронцовой с князем Дашковым. К исполнению замысла были привлечены верные, умеющие молчать царедворцы. О Самариных мы кое-что уже знаем, а что представлял из себя князь Голицын?

«Очень остроумный 65-летний человек»¹⁸, – характеризовала его Екатерина Романовна. Упоминание о возрасте князя позволяет предположить, что это был Алексей Дмитриевич Голицын, 1697 года рождения (Е.Р. Дашкова могла ошибиться на несколько лет), других князей Голицыных приблизительно такого возраста нам обнаружить не удалось. Известный государственный деятель, вскоре после восхождения на трон Елизаветы Петровны пожалованный в тайные советники, а затем, в 1757 г., ставший действительным тайным советником, сенатор князь А.Д. Голицын вполне мог быть избран государыней для исполнения ее замысла, и возможно, именно ему было поручено провести приватную беседу с подпоручиком князем Дашковым, коему дано было понять, что с немилостью государыни шутки плохи, что ему не простят соблазнения дочери вице-канцлера, а женитьба на ее кузине и отъезд в московские имения на длительное время предпочтительнее, чем, скажем, отправка в Кизляр, и от него требуется лишь одно: «робкой учтивостью» завоевать сердце Екатерины Романовны. С более убедительным обоснованием мы можем предполагать, что именно князь Алексей Дмитриевич Голицын ездил в Петергоф к родным Е.Р. Воронцовой просить ее руки для князя Дашкова¹⁹.

Трогательно красноречивы воспоминания Екатерины Романовны о том, как крестная мать благословила ее и князя: «Позвав нас обоих в отдельную комнату, она промолвила, что знает нашу тайну... пожелала нам всевозможного счастья, заверив, что не перестанет

принимать самое горячее участие в нашей судьбе...». Еще государыня пообещала распорядиться, чтобы фельдмаршал А.Б. Бутурлин предоставил М.И. Дашкову полугодовой отпуск для поездки в Москву. Заметим, что после свадьбы князь два года пребывал с молодой женой в «отпуске» в Москве и в имениях – это в то время, когда его покровитель А.Б. Бутурлин готовился стать главнокомандующим действующей армии.

Кстати, если изучить сцену «благословения» – скорее всего, состоявшуюся 25 августа 1758 г.²⁰, можно понять, что она тоже была тщательно продумана. Прием готовила Екатерина Воронцова. Тетушка Анна Карловна, которая видимо, не примирилась с этим сватовством и браком, ни в театре, ни дома не присутствовала. Зато в доме оказался князь Дашков, что и требовалось государыне.

Конечно, этот внезапный союз сильно потряс Анну Карловну, ненавидевшую виновника семейного несчастья своей дочери – жизнь молодых Строгановых не сложилась с самого начала. Тетушка заболела так серьезно, что свадьбу Екатерины Романовны пришлось откладывать, и в конце концов, провести «без лишнего шума». Тончайший психолог, Елизавета Петровна позаботилась, чтобы «следов» истинных обстоятельств знакомства Екатерины Воронцовой с М.И. Дашковым не осталось.

В феврале 1759 г., когда была сыграна свадьба, скандальная история успела в обществе подзабыться, а скромная племянница и воспитанница вице-канцлера далеко уступала по известности красавице кузине. Умы были прикованы к событиям Семилетней войны, так что вряд ли кому-либо пришло в голову выяснять подробности сватовства князя Дашкова. Это уже после того, как по настоянию Петра III чета Дашковых вернулась в северную столицу, а затем в связи с дворцовым переворотом 28 июня 1762 г., Е.Р. Дашкова стала «Екатериной Малой» при Екатерине Великой, ее сподвижницей и соперницей на поприще славы, а штабс-капитан Михаил Иванович Дашков, наряду с камер-юнкерством и чином вице-полковника лейб-кирасирского полка, получил свой наиболее известный титул – «муж княгини Дашковой» – даже до европейских салонов докатились всевозможные слухи и домыслы, типа анекдота К.Рюльера о том, как пятнадцатилетняя Екатерина Воронцова женила на себе князя: «Однажды князь Дашков, один из отличнейших придворных, забавлял

ее разговором в лестных на своем языке выражениях, она подозвала великого канцлера с сими словами: “Дядюшка! Князь Дашков делает мне честь своим предложением и просит моей руки”. Собственно говоря, это был предлог, и молодой человек, не смея открыть первому в государстве человеку, что сделанное им его племяннице предложение не совсем было такое, на ней женился и отправил ее в Москву за 200 миль»²¹. Многие принимали этот анекдот на веру или, по крайней мере, признавали возможность подобного поведения пятнадцатилетней девочки, выросшей в мире книг и мечтаний: дескать, она вполне могла сама найти и выбрать себе жениха.

«Насколько точно описал секретарь французского посольства в Петербурге Клод Рюльер предысторию замужества Екатерины Романовны, пожалуй, не столь уж существенно, – отмечает Л.Я. Лозинская. – Даже если это просто исторический анекдот, это знакомит нас с чертами, которые действительно были с молодых ногтей приуси Дашковой: находчивость и решительность»²².

С умозрительной точки зрения, может, все и правильно, но Екатерина Романовна жила не в безвоздушном пространстве, ее поведение определялось многими факторами, в том числе – отнюдь не формальной заботой крестной матери императрицы. Было бы странно, если бы Елизавета Петровна по-матерински не беспокоилась будущим крестницы. Так почему бы не обсудить и эту версию? Как говорится, «Cherchez la femme» – «Ищите женщину».

Примечания

¹ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 41.

² Воронцов-Дашков А.И. Екатерина Дашкова. М., 2010. С. 44.

³ Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 183.

⁴ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 41.

⁵ Воронцов-Дашков А.И. Указ. соч. С. 45.

⁶ Сочинения Екатерины II. М., 1990. С. 208.

⁷ Русева Л. Род именитых // Смена. 2004. № 10. С. 33.

⁸ Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М., 2008. С. 121–125.

⁹ Пчелов Е.В. Генеалогические связи Е.Р. Дашковой по мужу // Екатерина Романовна Дашкова: исследования и материалы. СПб., 1996. С. 198–201.

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. М., 1993. С. 269.

¹¹ Веселая Г.А., Фирсова Е.Н. Москва в судьбе княгини Дашковой. М., 2002. С. 14.

¹² Сочинения Екатерины II. С. 212.

¹³ Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. Княгиня Дашкова и императорский двор. М., 2006. С. 16.

¹⁴ Писаренко К.А. Указ. соч. С. 121–125

¹⁵ Там же. С. 451.

¹⁶ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. Указ. соч. М., 2006. С. 16.

²¹ Рюльер К.К. Истории и анекдоты революции в России в 1762 г. // Мыльников А.С. «Он не похож был на государя»: повествование в документах и фактах. СПб., 2001.

²² Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1978. С. 9.

НЕАПОЛИТАНСКИЕ ВСТРЕЧИ КНЯГИНИ Е.Р. ДАШКОВОЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Л.Я. Тайёжная

г. Москва

Известно, что во время второго путешествия по Европе Е.Р. Дашкова посетила Италию – страну, в которой ей хотелось побывать еще во время первого пребывания за границей. В любой поездке она находила что-то значимое, полезное для себя, своей семьи, и непременно – для Отечества. Ее встречи и знакомства были весьма содержательными и представляли определенную ценность как для России, так и для Европы.

На одном из маршрутов княгини по Италии хотелось бы остановиться подробнее. Это касается посещения Екатериной Романовной Неаполя и его окрестностей, в то время именовавшихся Неаполитанским королевством. О приезде в эту часть Италии Е.Р. Дашкова сообщила в «Записках»: «Прибыв в Неаполь, я с удовольствием узнала, что для меня уже приготовлен превосходный дом на набережной с прекрасным видом на залив (Неаполитанский залив. – *Л.Т.*) и Везувий»¹. Видимо, этот действующий вулкан становится смысловым центром ее дальнейшего передвижения по неаполитанской территории.

Материалы раскопок, начатых здесь еще в XVI в. и развернувшихся более широко и планомерно в XVIII в., были в немалой степени следствием периодических извержений Везувия. Драматические события произошли в 79 г. н.э., когда произошло извержение вулкана одновременно с землетрясением и цунами. Пострадали многие окрестные селения и погибли три города – Помпеи, Геркуланум и Стабии.

В XVIII в. и в последующее время окрестности Везувия стали своеобразным местом паломничества. Известный русский живописец С.Ф. Щедрин в 1828 г., находясь в Италии, отмечал: «Слухи об извержении (Везувия. – *Л.Т.*) тотчас дошли до Рима, откуда множество иностранцев (в том числе и русских. – *Л.Т.*) пустились в Неаполь»².

Е.Р. Дашкова также поднималась на Везувий, о чем она свидетельствовала в своих «Записках»: «Утомительная поездка на вершину Везувия едва не стала для меня роковой...»³. Оказавшись в Неаполе, Екатерина Романовна стала свидетельницей археологических открытий мирового значения.

Из «Записок» видно, что в Неаполе в то время находилось немало соотечественников, в частности «министр и чрезвычайный посланник», граф Андрей Кириллович Разумовский⁴. С некоторыми встретившимися в Неаполе знакомыми княгиня путешествовала ранее по Северной и Средней Италии. К ним можно отнести госпожу Дамер, английского скульптора⁵. Среди новых знакомых Е.Р. Дашкова выделяла лорда В. Гамильтона, подчеркивая: «Я приобрела знакомство с лордом Гамильтоном, министром английского короля и его супругой...»⁶. Вильям Гамильтон находился в Неаполе с 1764 г. по 1800 г. в качестве английского посла. Помимо основной своей дипломатической деятельности, он был известен как музыкант-любитель, археолог и антиквар. Его дом в Неаполе и вилла Ангелика близ Везувия были центром культурной жизни. Во время пребывания в Неаполе Е.Р. Дашкова с дочерью, как она сама отмечала, «проводили все вечера у госпожи Гамильтон»⁷, первой супруги В. Гамильтона, выдающейся пианистки. Как указывала Екатерина Романовна, «коллекция антиков, собранная шевалье Гамильтоном, была поистине драгоценна»⁸. Впоследствии это ценнейшее собрание древностей стало принадлежностью Британского музея. Особенно восторгалась княгиня редчайшими находками лорда Гамильтона. В частности, она писала: «...восхитило меня кольцо с астреей, камень этот, некогда превосходно описанный Плинием, долгое время никому не удавалось найти, и потому считалось, что великий натуралист видел его во сне»⁹. Камень астрей (по-гречески звездовик), обладающий редкими оптическими свойствами, принадлежит к белым драгоценным камням. Он был описан древнеримским ученым Плинием Старшим в его энциклопедической естественной истории. Е.Р. Дашкова могла познакомиться с этим трудом, издававшимся в XVIII в. в переводах на немецкий и французский языки (русский перевод появился только в 1818 г.). Символично, что жизнь Плиния Старшего оборвалась во время извержения Везувия в 79 г. н.э.

На фоне общей увлеченности коллекционированием, Екатерина Романовна не потеряла научного взгляда на непрерывную линию

развития знания, на определенные связи древней и современной ей науки. Открытие утраченных, казалось, ценных предметов (как в случае с кольцом с астреей) позволяло княгине сделать вывод о необходимой научной добросовестности: «Такова судьба истин, которым либо по нерадению, либо по неведению не могут найти доказательств, поскольку удобнее и легче попросту отрицать то, чего не знаешь»¹⁰.

Из Неаполя Е.Р. Дашкова совершила поездку в близлежащий город Портичи¹¹. Он был опустошен извержением Везувия в 1631 г., а затем восстановлен и превращен при короле Карле II из династии Бурбонов в место пребывания неаполитанской знати¹². Именно здесь был открыт музей, в котором Екатерина Романовна познакомилась с сокровищами Геркуланума, Помпей и Стабий.

Как уже отмечалось, Неаполь и его окрестности в XVIII в. приобрели необычайную привлекательность для путешественников. Сюда устремились архитекторы, художники и археологи, но более всего Неаполитанское королевство интересовало антикваров. Отсюда увозились коллекции древностей в разные страны Европы, нередко становившиеся основой музейных собраний. В отличие от антикваров, любителей древностей или торговцев античными раритетами, княгиня, испытывая интерес к предметам искусства, приобретала произведения современных ей авторов. Это следует из ее краткого замечания, сделанного в «Записках»: «Я купила несколько картин, эстампов и изделий из мрамора»¹³. Очевидно, ее позиция, научный подход к историческому материалу и памятникам культуры основывались на внутреннем побуждении сберечь их как некое ценное достояние для человечества, имеющее и материальную, и территориальную значимость. Понимание необходимости сохранения памятников искусства и культуры, принадлежащих любой стране, в данном случае Италии, в их целостности и единстве отличало Е.Р. Дашкову от многих прагматичных современников, людей ее круга, одержимых страстью обладания древностями, редкими находками. Она руководствовалась иными принципами. Присущая ей жизненная философия, отсутствие стремления «пожиться» за чужой счет, пусть даже за счет другой страны, придавали личности Екатерины Романовны нравственную высоту, добропорядочность государственного человека, общественного деятеля.

Важный эпизод, посвященный встрече княгини с неаполитанским королем Фердинандом IV, подтверждает именно эти особенности ее натуры. Будучи в Казерте, где Е.Р. Дашковой был оказан сердечный прием самим королем и его супругой Марией Каролиной, она выразила свой взгляд на проводившиеся тогда в королевстве археологические изыскания. В «Записках» Екатерина Романовна излагает это следующим образом: «Я позволила себе заметить их величествам, что было бы выгоднее утроить число рабочих, занятых на раскопках Помпеи, а затем в город, полностью освобожденный из-под пепла, возвратить все находки – мебель, домашнюю утварь и прочее – на свои места, часть королевской стражи отрядить на охрану города с сокровищами; когда же все будет завершено, объявить просвещенной Европе, что можно обозревать подлинную картину жизни и обычаев, домашнюю утварь и орудия труда жителей античного города... похитив у прошедших времен картину столь необычную, столь интересную...»¹⁴. В сущности, речь шла о создании археологического комплекса. При таком подходе в еще только оформлявшейся археологической науке, которая сформировалась к концу XIX – началу XX в., наименование «археологический комплекс» в сущности могло рассматриваться лишь на уровне научных идей, заинтересованно принятых или беспощадно отвергнутых. Судя по реакции неаполитанского короля, эта мысль была воспринята им одобрительно. Слова: «Она (Дашкова. – Л.Т.) весьма решительная женщина. Думаю, она права, а все наши антиквары, преклоняющиеся перед древностью, не смогли до этого додуматься»¹⁵, – красноречиво определяют его позицию. Надо полагать, что появление музейно-археологических комплексов в Помпеях и Геркулануме и их облик конца XVIII–XX в. имеет непосредственное отношение к этой встрече и высказанным княгиней идеям.

Заметим, что казавшееся стихийным коллекционирование в XVIII в., по-видимому, было в Италии довольно-таки налаженным коммерческим делом, приносившим антикварам немалые прибыли. Аналогии этому можно найти в современном мире, в том числе и в нашей стране (к примеру ныне рыночным товаром являются находки подводной археологии). Если бы наука не включилась в спасение целостности археологических комплексов, мы сегодня многое могли бы не знать о великих культурах древности, таких как культура Дву-

речья или Крито-Микенская культура, а также о подобных культурах в нашей стране и на сопредельных территориях: о Трипольской, Абашевской, Причерноморской и других археологических культурах. В этих достижениях мы должны отметить роль Е.Р. Дашковой, ее важный вклад в археологическую науку.

Примечания

¹ *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 133.

² К.П. Брюллов. М., 1961. С. 61.

³ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 135.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 134.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Левит Р.* Неаполь и побережье Амальфи. М., 2009. С. 92.

¹³ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 134.

¹⁴ Там же. С. 134, 135.

¹⁵ Там же. С. 135.

ПИСЬМА Е.Р. ДАШКОВОЙ ИЗ ССЫЛКИ*

Е.Н. Фирсова

г. Москва

Известно, что Павел I, придя к власти, отправил княгиню Е.Р. Дашкову в ссылку, в новгородские земли ее сына. Ей не было указано точное место. В деревне Коротово княгиня оказалась по воле случая. Как следует из объявления в «Московских ведомостях» от 16 сентября 1808 г., помещенном после смерти князя Павла Михайловича Дашкова, среди его имений, предназначенных для продажи, были «Новгородской губернии в Череповском уезде Колоденской волости в селе Гришкине с деревнями 846 душ, земли 17 000 десятин...». Одной из них и была деревня Коротово, в которой числилось около 130 душ.

В Москве нашелся житель тех мест, крестьянин Зайцев, который предложил Е.Р. Дашковой свой дом в деревне Коротово для жительства. Он же согласился проводить княгиню до места. Гостивший у нее дальний родственник и воспитанник, подполковник Василий Лаптев, выразил желание сопровождать Екатерину Романовну до места назначения.

Готовясь к поездке, Е.Р. Дашкова составила завещание, назначая душеприказчиками брата Александра Романовича Воронцова и Ивана Петровича Гагарина – кузена своего покойного мужа:

«Завещание моё прошу, братец, выполнить.

- 1) Если Лаптев при мне в ссылке останется, то ему после смерти моей отдать новокупленную мою подмосковную (деревня Дашковка Серпуховского уезда. – *Е.Ф.*).
- 2) Мисс Бейтс пять тысяч рублей.
- 3) Катерине Николаевне Чочетовой три тысячи рублей (см. письмо от 8 февраля. – *Е.Ф.*).

---

*Переиздание статьи (частично сокращённой, с дополнениями и уточнениями): *Фирсова Е.Н.* Ссылка княгини Дашковой в Коротово // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 9. Петушки, 2004.

- 4) Всем людям, которые со мной в ссылке, жалование кое ныне получают, по смерть производить и двойное жалование однажды в награждение выдать.
- 5) Всех девок и женщин, кои со мной в ссылке, на волю отпустить вечную, и по сто рублей каждой в награждение выдать.

Княгиня Дашкава.

1796, декабря 24 дня

Дочери моей по две тысячи в год доходу по смерть давать и долги ей прощаю».

Накануне отъезда Екатерина Романовна послала письмо брату А.Р. Воронцову в Москву из Троицкого, где она находилась. Большая часть письма была написана под ее диктовку рукой Елизаветы Петровны Долгорукой, которая приходилась княгине двоюродной племянницей по родной тетке – Прасковье Илларионовне Татищевой, урожденной Воронцовой.

Елизавета Петровна, по отцу Бакунина, была женой князя Михаила Александровича Долгорукова. Е.Р. Дашкова называла племянницу женщиной незаурядного ума, такта и высоких чувств. Племянница помогала тетушке собираться в ссылку, продумывая каждую мелочь для ее удобства.

Это и следующие письма, адресованные А.Р. Воронцову, написаны большей частью по-французски (перевод М.П. Михайловой). Русские строки будут выделены курсивом.

«Троицкое, 25 Декабря 1796.

Поскольку я опасюсь, что мне не хватит физических сил дописать это письмо, я прибегла к услугам моей очень мне дорогой и уважаемой племянницы. Начну с сообщения о том, что я сегодня, 25 числа, послала часть своего багажа за 30 верст отсюда на моем пути, в пункт, где я намереваюсь завтра переночевать. Конечно, мой путь будет лежать не через Москву. Моя любовь к тебе позволяет сказать тебе, как сильно твои предубеждения ни коем образом не ехать через Москву и не компрометировать себя в письмах, ранили бы меня в другое время. Но я убеждена, что ты и я – два слепка, которые природа создала по одной матрице, и я также уверена, что ты меня нежно любишь. Вот почему я говорю тебе святую правду, что я никогда ничего не сделаю, ничего не скажу и не напишу ничего такого, что могло бы усугубить ужас моего положения. Если это воля Божья или воля

верховой власти, я не могу этому противиться; И если у меня хватит физических сил перенести мои испытания, от этого они не выиграют ничего, поскольку возвысится лишь моя душа, хоть чувствительная, но гордая. Если я иногда проявляла недовольство при прежнем царствовании, это потому, что я любила императрицу. Император, однако, своим отношением ко мне, лишается права на то же мое чувство.

Но поговорим о другом. Сегодня ко мне прибыл курьер моего сына с представлением подтверждения благородного происхождения Федяши^I. Это некий Шрейдман^{II}, через которого я просила тебе передать насколько важно, чтобы мой сын более не был рядом с ним. Я отослала его через полчаса, приказав не хвастаться тем, что он был у меня от имени моего сына. Сыну я написала, чтобы он не покидал службу, и что, если я обладаю достаточным мужеством выдержать удары, обрушившиеся на меня, то его несчастий я не выдержу. Таким образом, он избежит всевозможных неприятностей. Шрейдман сообщил мне, что у сына нет ни гроша. Я не могу ему ничего послать, так как того немногого, что я здесь имею, Бог знает, будет ли достаточно при всех неприятностях, связанных с нападками на меня. Но я написала Санти^{III} передать тебе 1200 руб. с тем, чтобы ты мог переслать эти деньги моему сыну первой почтой.

Что касается Федяши, боюсь, что я забыла упомянуть о нем в приписке к завещанию^{IV}, которое я тебе послала, поэтому прошу тебя в случае моей смерти передать ему на наиболее выгодных условиях три тысячи рублей, или из капитала, который я тебе передала, или из средств, порученных мною графу Александру Санти^V.

Я тебя умоляю, мой друг, послать ко мне слугу. Извини, если я повторяюсь. Отправь его 15 января. Сообщи мне сведения о моей судьбе. Должна ли я сделать мою хижину менее ужасной, или, если это не надолго, я могу избавить крестьян от этих хлопот? Пришли мне газеты, несколько новых занимательных книг, французских или русских. Пришли также серебряные часы или медные, надежные, с оплатой из моих денег.

Мой дорогой друг, возьми из моего капитала 7000 рублей, чтобы избежать продажи Ярославских земель моего сына^{VI}. В остальном собери все возможные поступления и сбереги их для меня. Прошу тебя также заплатить все, что я должна мисс Бетси.

Для меня очень важно при моем прибытии, когда мой дорогой Лаптев меня покинет, *чтоб сдать батальон, вверенной на его отчет*

другом его, чтоб Иван Алексеев^{VII} или Николай Алекс. Воронцов^{XVIII} первое время были бы рядом со мной. Мой друг, будь добр написать и организовать это, потому что я не имею желания никому писать кроме тебя и моего сына.

Лаптев обещал оставить службу и вернуться ко мне. Оставшиеся 4220 р. за проданную Орловскую рошу^{IX} в нынешнем месяце через Ваака^X получишь, мой друг. Есть ли угодны будут цуг лошадей моих князь Гавриле Петровичу^{XI}, то я приказала племяннице их к нему доставить, и тогда возьми с него за них 300 рублей тот час, а остальные 1200 рублей в течение 10 месяцев получишь от него же. Отпиши пожалуй к Овсову, чтоб деньги мои 1200 р. за наем дачи переслал к вам; а провизии я никакой из Петербурга выписать не буду, потому что и денег моих там нет, да и переписки ни с кем не буду иметь же.

Неужели я не увижу тебя, мой дорогой? Неужели я скажу тебе последнее прости только в письме? Я рассчитываю отправиться в воскресенье, несмотря на слабость и болезненность. Меня слабит девять и даже одиннадцать раз в течение 24 часов. Я умоляю тебя приехать хотя бы на один день. Я даже не знаю дороги отсюда на Торжок.

Посылаю тебе векселя и обязательства^{XII}, кроме бумаг Санти и Долгорукова, которые необходимо продлить^{XIII}. Я прошу тебя собрать все возможные средства, потому что, если я доживу до того, как меня вернут из ссылки, я поеду в Карлсбад. У меня слишком оскорблена душа, чтобы оставаться на родине. Будь добр, напиши моему человеку в Круглое, – Овсову, и в Орел – секретарю вице-губернатора, который является моим поверенным, чтобы они всю мою корреспонденцию адресовали тебе. Я надеюсь, ты не откажешь мне в этой поддержке и утешении.

Другая услуга, о которой я прошу – послать мне через три недели одного из твоих слуг, и сообщай мне все, что будешь узнавать о моей судьбе. Пришли мне сыра и чая, черного и зеленого. Также сообщи вести о моем сыне. Пришли газет. Прошу тебя поговорить с Пестелем^{XIV} о том, как мне получать письма и газеты. Напиши, прошу, Иван Алекс. Воронцов, чтобы он приехал повидаться со мною в ссылке и, главное, прислал бы мне стул и стол.

Прощай, мой друг, я совсем лишилась сил, написав это письмо. Я тебе посылаю одного молодого человека, парикмахера. Будь добр,

приюти его и научи писать и играть на скрипке. Расходы отнеси на мой счет, в частности из денег, которые я тебе передала. Я тебе заплачу с благодарностью».

- ^I Федяша – маленький мальчик, найденный в лесу и подаренный Е.Р. Дашковой в качестве крепостного. Она сделала его казачком, очень любила, красиво одевала и всегда возила с собой.
- ^{II} Шрейдман, или Шейдеман – офицер, служивший под началом князя П.М. Дашкова в Киеве; был послан им с письмом для матери и с заданием проводить ее до места ссылки.
- ^{III} Возможно, здесь речь идет о Петре Львовиче Санти – племяннике Екатерины Романовны и ее управляющем, а впоследствии и душеприказчике. Он был сыном графа Льва Францевича Санти и двоюродной сестры княгини – Анны Александровны, которая была дочерью Пелагеи Илларионовны Воронцовой. Может быть, здесь Е.Р. Дашкова имела в виду брата Петра Львовича – Александра Львовича, или их отца, с которыми состояла в постоянной переписке.
- ^{IV} Приписка к завещанию не сохранилась. В последнем же завещании, написанном в 1807 г., княгиня Федяшу не упоминает.
- ^V У Льва Францевича Санти был брат Александр и сын Александр. Кого из них упоминает Екатерина Романовна – неизвестно.
- ^{VI} В объявлении о продаже земель покойного П.М. Дашкова от 16 сентября 1808 г. ярославские земли не упоминаются.
- ^{VII} «Иван Алексеев сын Воронцов (советник посольства)» упоминается как свидетель в «Сговорной графа Романа Ларионовича Воронцова о сговоре невестки своей, вдовы Писаревой, за Арсеньева, 5 апр. 1763 г.»¹. Повествуя о своем первом заграничном путешествии, Екатерина Романовна сообщает в «Записках»: «Со мною, кроме детей, путешествовали девица Каменская и мой кузен Воронцов, бывший нашим посланником в Гааге»². В период этой поездки, а именно 29 июля 1771 г. из бельгийского города Спа Е.Р. Дашкова писала отцу, Роману Илларионовичу Воронцову: «Брат Иван Алексеич поехал на две недели с Александром Николаевичем Строгановым в Голландию»³. В завещании Р.И. Воронцова есть такие строки: «Общему нашему родственнику советнику посольства Ивану Алексеевичу Воронцову оставляю Вологодские мои деревни»⁴. Княгиня надеялась увидеть Ивана Алексеевича в Коротове, так как знала, что завещанные ему ее отцом земли находятся поблизости. Остается неизвестным, навещал ли И.А. Воронцов Екатерину Романовну в ссылке и прислал ли ей стол и стул. Из приведенных выше цитат следует, что именно Иван Алексеевич был тем кузеном Воронцовым, упомянутым Е.Р. Дашковой в «Записках», который сопровождал ее

в первой заграничной поездке, а не Артемий Иванович Воронцов и не Ронцов – незаконный сын Р.И. Воронцова, как указано в примечаниях к опубликованным в разные годы «Запискам» княгини⁵. Иван Алексеевич Воронцов, троюродный брат Екатерины Романовны – внук Прокофия Гавриловича – родного брата деда княгини – Иллариона Гавриловича Воронцова.

^{VIII} Николай Алексеевич Воронцов, вероятно, старший сын Авдотьи Андреевны Воронцовой и брат Евграфа Алексеевича, о которых речь будет идти ниже: в письмах от 27 января и 27 февраля. Отцом Николая и Евграфа мог быть троюродный брат Е.Р. Дашковой Алексей Гаврилович, внук Ильи Гавриловича – родного брата Иллариона Гавриловича Воронцова. После ссылки Екатерина Романовна писала брату А.Р. Воронцову из Троицкого 12 мая 1797 г.: «Дорогой Николай Алекс, не найдя меня в Коротова, приехал сюда. Он передал мне твое письмо. Для меня его визит истинное удовольствие»⁶. В письме за 28 июня: «Я не получаю писем от Н.А. Воронцова. Это меня огорчает, потому что я бы хотела, чтобы он уже уехал отсюда в Круглое, где каждая задержка увеличивает мои потери...»⁷. Сохранились два письма Н.А. Воронцова к Александру Романовичу⁸. Первое из Вологды с обращением «дядюшка» написано в 1786 г., а второе, в 1794 г. из Петербурга из дома «дядюшки» Ивана Алексеевича, видимо, того самого советника посольства, о котором речь шла выше. В этом письме Николай Алексеевич Воронцов предлагал дяде купить его деревню в Вологодской губернии и жаловался на свое здоровье и бедность. Вероятно, по просьбе Александра Романовича Е.Р. Дашкова взяла Н.А. Воронцова к себе в управляющие.

^{IX} Орловская роща находилась в орловском имении княгини Птицыно-Дашково.

^X Ваак – приказчик Екатерины Романовны в Троицком.

^{XI} Князь Гаврила Петрович Гагарин (брат Ивана Петровича – см. выше) – кузен мужа Е.Р. Дашковой, поэт, философ, масон. В последние годы царствования Екатерины II попал в опалу и имел огромные долги. Жил в Москве и в подмосковном имении Богословском. В период пребывания княгини в ссылке прислал ей три письма.

^{XII} Векселя из тех, что Екатерина Романовна послала брату: «1) от князя Гагарина (?) на 2.000 р. срок 1797 г.; 2) от князя Гаврилы Гагарина на 6.740 р., срок выплаты 1797 г.; 3) от графа Льва Франц. Санти на 6.000 р. срок 1797 г.; 4) от бригадирши Настасьи Васильевны Мерлиной на 8.500, срок 1796 г.; 5) от князя Александра Маврокордато на 2.000, платёж по объявлению; письмо от племянника Дмитрия Писарева на 5.000 р. срок выплаты 1797 г.; письмо от гр. Дмитрия Бутурлина, срок 1796 г. Март»⁹. Имена этих должников будут встречаться в последующих письмах Е.Р. Дашковой.

- XIII Видимо, эти две бумаги княгиня оставила при себе: «1) вексель от гр. Санти (?) на 2.400 р. срок 1797 г.; 2) закладная на 240 душ крестьян в рязанском наместничестве на 19.000 р. князя Михаила Александровича Долгорукова, срок 1797 г июнь»¹⁰. Последний был мужем любимой племянницы Елизаветы, провожавшей Е.Р. Дашкову в ссылку. Супруги имели троих детей. Видимо, эти обстоятельства заставили Екатерину Романовну отсрочить платеж.
- XIV Иван Борисович Пестель – начальник почтового ведомства Новгородской губернии.

Свое путешествие в Коротово, начатое 26 декабря 1796 г., Е.Р. Дашкова подробно описывала в своих «Записках». Представленные здесь письма ее к брату Александру Романовичу, охватывающие весь период ссылки, включая дорогу, являются интересным дополнением к ее воспоминаниям, так как передают каждодневное состояние княгини, ее мысли и чувства.

«Боровск. 27 декабря

Я, мой друг, кое-как дотащилась до здешнего города и по своей болезни и то за милость Божию считаю. Понос и спазмы еще продолжают, но рвоты совсем не было сегодня. Завтра постараюсь побольше переезд сделать, т.е. 45 верст до Можайска доехать, чтобы поскорее, повинаясь воле монаршей, доехать до избы крестьянской, мне жилищем назначенной. Подкрепи себя, не тужи обо мне: Бог милосерд и страдальческой моей жизни перемену сделает. Я уже привыкла к горестям чрез многие лета. Спокойная совесть и надежда на Создателя донесет меня подкрепляла; для чего же не надеяться, что и впредь подкрепит? Сегодня шесть ложек супу и две чаши чаю удержались в моем желудке. Я приписываю оное воздуху, что в твоей широкой кибитке еду. Прости, мой друг. Племяннице Долгорукой и всем из наших родных кланяйся. Мысленно тебя обнимает твоя Дашикова»¹¹.

«Можайск, 28

Завтра утром, проведя здесь ночь, я выеду в Ерополиц¹. а из Твери дорога моя поворачивается на Весь Йоргольскую¹¹, которая в 40 верстах от назначенного моего жилища, деревни Коротова. Я помаленьку тащусь; дорога худа, но погода, благодаря Бога, который видимо меня подкрепляет, очень хороша. Я сегодня хлебала щи

и водки пила без рвоты, что я приписываю воздуху и рубарбе, кою я другой день по половине ложки принимаю.

Прости, мой друг, отдай сию цыдулку бесценной нашей Долгоруковой. Здесь нет ни приказа, ни шпионажа^{III}. Может это не моя дорога, но это маршрут Москва-Серпухов, который мне указан. Орлов^{IV} проехал мимо меня. Его путь не понятен, потому что он проехал здесь из Серпухова в стороне от Битюка. Бог да поможет ему! Казалось, вся наша жизнь, дела и свойства так розны, что нам одной участи иметь не должно было.

Прощай, мой друг, я тебя обнимаю. Бедная мисс Бейтс^V, у которой сейчас лихорадка, передает тебе свой привет. Это письмо отправлю с крестьянином из Троицкого, который привез овес».

^I Город Ярополец.

^{II} Город Весьёгонск (или Весь Йогонская).

^{III} Е.Р. Дашкову сопровождал шпион, о котором пойдет речь в следующих письмах.

^{IV} Граф Алексей Григорьевич Орлов. Павел I наказал убийцу своего отца куда гуманнее. Вызвав его из Москвы, государь поначалу отнесся к нему весьма милостиво, дважды сажая за императорский стол – а затем заставил участвовать в похоронной процессии, неся за гробом Петра III корону. Скоро А.Г. Орлов получил приказ отправиться за границу, где благополучно прожил все четыре года правления Павла Петровича.

^V Мисс Бейтс – экономка Е.Р. Дашковой, англичанка.

«Вторник, 30 декабря. Тимашево.

Не знаю, мой друг, когда я пошлю тебе эти строки, но перед сном с тараканами мне хотелось бы тебе сообщить, что после 5 дней перехода и двух дней на дорогах таких узких, что пришлось отпрягать 3ю лошадь нашей кибитки, я нахожусь не более чем в 100 верстах от Москвы и в 15 верстах от Яропольца. Моя диарея почти прошла, но продолжают довольно сильные спазмы в желудке, хотя свежий воздух хорошо на меня действует; погода хорошая и мои силы в значительной степени восстановились. Пока до свидания».

«31 декабря

Мы пообедали в Яропольце. После этого мы потеряли направление и вместо 15 верст проехали 24^I. Мои бедные лошади устали; после обеда мы проехали 15 верст до Лотошина князя Мещерского,

где я нашла хижину без тараканов, но в качестве компенсации по стенам ее сочилась влага; Бог помог мне выдержать это, в этом нет сомнения, мой друг. Мы все еще в 75 верстах от Твери, которую мы не можем избежать; может быть, я пошлю тебе это письмо завтра с повозкой, которая подвозит овёс для моих лошадей. Важно, чтобы знали почему я не двигаюсь вперед, потому, что мне кажется, что сейчас за мной не следят и следовательно не знают где я нахожусь. Мои лучшие пожелания тебе, мой друг, в новом году; прошло 12 месяцев с того дня, как ты провел у меня целый вечер; но человек должен изведать страдания. Прошу тебя поторопить моего англичанина передать тебе 4420 рублей за рощу, чтобы ты выкупил земли в Ярославле, которые негодяй Алферов¹ сдал в залог. Прости меня за то, что я нагружаю тебя своими поручениями, но мой отъезд был таким скоропалительным, и я была так больна, что не могла сама ничего сделать. Поскольку Ваак является партнером моих крестьян в покупке рощи, он может отсрочить уплату, как они это всегда делают.

1 января

Мы, наконец, в 33 верстах от Твери».

¹ В «Записках» это происшествие княгиня описала очень подробно.

² По-видимому, речь идет об отце, или брате невестки Е.Р. Дашковой – Анны Семеновны, урожденной Алфёровой.

Не доезжая Твери, Екатерина Романовна послала еще одно письмо. Оно сохранилось без даты и начала.

«...Я переночевала здесь на полдороге. Надеюсь обедать и ночевать в Твери. Я забыла тебя попросить, друг мой, взять у Писарева¹, зятя нашего Исленьева, 5000, которые он мне должен и взыскать 6 процентов. Что касается Санти, то нужно, чтобы он дал 1000 на расчет, а на остальное перезаключить договор с Маврокордато² на тех же условиях: если он не может заплатить все, пусть даст, по крайней мере, 1000, без этих денег ты не сможешь выкупить земли моего сына. В Твери я задержусь только, чтобы дать отдых лошадям и подковать их. Я не хочу, чтобы видели, что я пишу, поэтому отправлю это письмо только через день. До свидания, мой друг. Что бы я ни отдала, чтобы узнать, что ты сейчас делаешь и как себя чувствуешь!

Попроси своего лекаря, чтоб горьких капель мне сделал, но без жалапу. – только померанцы, можжевельник и полынь Мне только

что сообщили, что одна из повозок разгрузила овёс, и я сейчас, не ложась спать, отправила ее, чтобы крестьяне не пожалели лишних расходов. Через два дня я пошлю еще повозку и напишу тебе, мой друг, из Твери: осталось еще 220 верст до моего места ссылки. Я закончу этот путь, надеюсь. Через 6 дней; мои бедные лошади измучены плохими дорогами.

Тысячи приветов Долгорукому. Я надеюсь, он передал тебе кредитные письма, которые мой сын послал Кочетову^{III}, чтобы выкупить из залога его землю. Поскольку я тебе поручила заплатить за нее моими деньгами, аккредитивы уже не нужны, и я тебя прошу их уничтожить.

Всем, кто из родных меня вспомнят, мой дружеский поклон».

^I Дмитрий Писарев был мужем Натальи Петровны – одной из двух дочерей супругов Исленьевых: Петра Алексеевича и Елизаветы Петровны (урожденной Хрущовой) – двоюродной сестры Е.Р. Дашковой по линии тетки Дарьи Илларионовны Воронцовой.

^{II} Князь Александр Маврокордато – муж племянницы княгини – Александры Львовны (урожденной Санти) по родной тетке Пелагее Илларионовне Воронцовой.

^{III} Кочетов Николай Иванович – муж двоюродной сестры Е.Р. Дашковой – Натальи Петровны (урожденной Хрущовой), являющейся родной сестрой Елизаветы Петровны Исленьевой и Анны Петровны Жеребцовой.

Дорога в ссылку была очень долгой, так как княгиня ехала на одних и тех же своих лошадях. В Твери она и ее спутники задержались дольше обычного, потому что были прекрасно приняты губернатором города А.В. Поликарповым. Этот человек понёс впоследствии наказание за свое благородство – был уволен со службы, а восстановлен лишь с приходом к власти нового императора.

«Тверь, 3 января (1797).

Я прибыла сюда вчера вечером. Господин Поликарпов окружил меня заботливостью и нежностью. Он меня убедил остаться здесь на сегодня, чтобы дать отдых моим людям и лошадям. Я полагала, что за мной не шпионят, а оказывается все тот же майор Иевлев был здесь вчера вечером, продолжая слежку за мной. Губернатор дал почтовых

лошадей посланному моего сына и передал приказ трём городничим городов, через которые я должна следовать, *Бежецк, Красный Холм и Весь Иергонская*, обязывающий их приготовить для меня лучшие апартаменты и их протопить, он просил меня отдохнуть в этих городах. Тронутый моими несчастьями, он мне сказал, что это еще не окончательное решение и что, возможно, Архаров^I, имея особые причины удалить меня, а также из карьерных соображений, усугубил мой печальный жребий. Он сказал, что, если бы я при первой катастрофе написала императору и, если бы кто-нибудь, знавший об этом приказе, поговорил с ним в мою пользу, моя участь была бы облегчена. Он меня умолял написать князю Репнину^{II} и обещал передать ему письмо. Он мне сказал, что он не имеет ничего даже против Орлова, но что Гагарин и другие от этого потеряли. Он сказал, что моего брата ждут в Англии. Я забыла тебе сообщить относительно книг, которые ты хотел получить через меня, о чем Бакунин^{III} написал мне в своем глупом письме с намерением приобрести их за мой счет. Поэтому дай распоряжение офицеру, который находится у меня, сообщить приказчику Глазунова^{IV}, чтобы он передал тебе этот пакет. Ты видишь, мой друг, что ни несчастья, ни усталость, ни болезни не мешают мне быть верным и аккуратным исполнителем твоих поручений.

Вот маршрут, которым я буду следовать. Отсюда первый город *Бежецк*, второй *Красный Холм* и последний *Весьегонц*, всего 233 версты, а до места моего обитания еще 40 верст. Я буду в 25 верстах от *Череповец* и в 70 от *Устюг Железнопольский*^V. Наместник мне сказал, что если ехать через монастырь *Троица*^{VI} и *Кашин*, дорога от Москвы до места моей ссылки сократится на 90 верст. Скажи об этом князю Долгорукому. Я попросила у губернатора разрешение посылать и получать мою корреспонденцию через *Весьегонц* и, если ты захочешь мне писать через губернатора, или договоришься с начальником почты посылать письма через *Весьегонц*, я их буду получать более надежно и быстро.

Здесьшний начальник почты находится под началом Пестеля и, если он распорядится послать адресованные мне письма через *Весьегонц*, а не через моих людей, эти письма избегнут надзора Архарова, который, согласно слухам, скоро перестанет быть губернатором Новгорода.

Все вокруг меня спят, и я пользуюсь этим, чтобы написать тебе, мой дорогой друг. Мои ноги опухли и ослабли. Но мой желудок

стал лучше. Свежий воздух благоприятно на меня подействовал. Но я не понимаю, как мое тело сопротивляется всевозможным недугам, которые его подтачивают, и моя чувствительность не уменьшаясь, как еще не подавила эту душу гордую, но нежную, которой наградили меня небеса. Это проблема для меня.

Я полагаю, что мое путешествие окончится не раньше, чем через шесть-семь дней. Завтра через 33 версты отсюда мне обещают белая изба, где я переночую и увижу одного из моих крестьян из Троицкого. До свидания, дорогой друг, я устала.

^I Иван Петрович Архаров, назначенный Павлом I военным губернатором Москвы.

^{II} Князь Николай Васильевич Репнин, пожалованный Павлом I в фельдмаршалы, был родственником Е.Р. Дашковой по мужу.

^{III} Павел Петрович Бакунин – племянник княгини, которому она передала руководство Академией наук в Петербурге.

^{IV} Глазунов Иван Петрович – издатель в Петербурге.

^V Троице-Сергиева Лавра.

^{VI} Архаров Николай Петрович – наместник Новгородской губернии, в состав которой входила деревня Коротово, – старший брат Ивана Петровича Архарова.

«Село Кушавино¹. 32 версты от Твери, 4 Генваря.

Не знаю, мой друг, доставит ли тебе моя писанина столько же удовольствия, сколько я нахожу утешения в общении с тобой, но, зная твою сердечность, я надеюсь, что даже независимо от родственных уз, связывающих нас, ты проявишь интерес к тому, о чем может написать больная 54-х летняя женщина, Бог знает за что преследуемая. Губернатор сказал мне, что он не получал ни указа, ни даже каких-либо распоряжений относительно моей ссылки, что все происходящее касается лишь императора и меня, и что по пути следования я могу говорить, что моя поездка имеет целью осмотр земель моего сына. Он был настолько любезен, что сообщил мне кто за мной шпионит. Зовут его Иевлев. В город он не заезжал, задание же, полученное им от Ивана Архарова, состоит в том, чтобы удостовериться что я не поеду в Петербург. Какая низость и абсурд подумать такое! Он заверил меня, что в Бежецке повернет обратно, чтобы успокоить этого подлеца и его брата. Он мне также сказал, что в деле, связанном с банком были замешаны иностранные банкиры,

которых сослали в Сибирь на рудники. Людей из комиссариата также заковали в кандалы. Идеи свободы, возникшие было у крестьян и господских слуг, начинают исчезать оттого, что людей этих подвергают наказаниям. Если мое изгнание будет продолжаться, прошу тебя, пришли мне семена *огурцов, моркови, гороху, капусты, кресс-салату* и что-нибудь еще. Я отправлю своего крестьянина через три часа. На ночлег я останусь здесь. Я нашла хорошую избу, но пока нахожусь в 240 верстах от своего дома. Меня пугают разговорами о том, что за исключением *Бежецк* и *Красной Холм*, я не найду для ночлега ничего, только *чорныя избы*, а мне предстоит быть еще 6 дней в дороге. *Федяша* тебе кланяется, также мисс Бейтс и милый *Лантев*, который из-за доброты своего сердца рискует потерять состояние и быть заключенным на год в крепость, согласно новому уставу. Я написала князю Репнину, прося его обратить внимание Его Величества на то, как со мной обращаются. Среди прочего я сообщила ему, что за мной шпионят, несмотря на мою покорность, что коррупция и взаимные происки чиновников представляют собой картину, которая ужаснула бы саму простодушность, и что это дело врагов и только лишь врагов Его Величества, терроризирующих его подданных, и что за мной нет никакой вины в отношении Его Величества. Что, если бы граф Панин^{II} был жив, то он бы подтвердил, что мы сотрудничали с ним в полном согласии. Такова была суть моего письма, написанного мною в первый и в последний раз. Губернатор уверил меня, что Куракин^{III} не осмеливается говорить, и на всё отвечает только улыбкой. Прощай, мой друг, пиши мне».

^I Правильное название села – Кушалино

^{II} Граф Никита Иванович Панин – воспитатель Павла I, министр, опекун детей Екатерины Романовны, дядя ее мужа, в начале царствования Екатерины II, был, как и Е.Р. Дашкова, сторонником ограничения ее правления в пользу Павла Петровича.

^{III} Князь Александр Борисович Куракин – родственник княгини по мужу. У Павла I был в фаворе. Е.Р. Дашкова, надеясь на его покровительство, писала ему после получения указа императора об увольнении ее из Академии.

«*Красной Холм*, 10 Генваря.

Дороги, снежные бури и невозможность поменять лошадей иначе как одну на одну стало причиной того, что, приехав вчера со-

вершенно измотанная, я остаюсь сегодня, чтобы дать отдых слугам и лошадям».

«11

Сегодня мы проехали 36 верст. Мы находимся в деревне, принадлежащей господину Батюшкину¹. Избы хорошие, построенные владельцем, которого они благословляют. Я очень устала, мой друг. Сейчас девять часов и я постараюсь заснуть. Может быть, во сне я увижу тебя. Я благодарю создателя за то, что во время немногих часов, отводимых отдыху, я, по крайней мере, не видела плохих снов, в то время, как мои спутники видят каждый раз пугающие сны. Меня очень мучат кашель и спазмы. Прощай, мой дорогой, на этот вечер».

¹ При издании этого письма в «Русском архиве» редактор П.И. Бартенев делает сноску после фамилии Батюшкина: «Вероятно, Даниловское, родовое имение Батюшковых; там жил тогда отец поэта, Николай Львович, человек образованный». Даниловское не стояло на пути следования Е.Р. Дашковой, а находилось значительно севернее даже Весьегонска, до которого было еще много верст пути. Оно находилось возле города Устюжна, куда Екатерина Романовна не должна была заезжать. Путь же ее проходил через деревню Кесьма – имение двоюродного дяди поэта К.Н. Батюшкова – Ивана Семеновича Батюшкова, надворного советника.

Далее следовал город Весьегонск. Его княгиня несколько раз упоминала в предыдущих письмах, называя по-разному, видимо, воспринимая название на слух.

Интересно, что в 1776 г. Екатерина II в указе об учреждении новых уездных городов Тверской губернии повелела переименовать бывшее здесь село в город Весьёгонск, Весь Йогонская («весь» – название древнего племени; «йюга», «йюки», «йюк» – слово «река» в языках народов, ранее населяющих эти земли: черемисов, финнов, карелов)¹².

В Весьегонске Е.Р. Дашкова оставалась довольно долго, но письма оттуда нам неизвестны. Возможно, она не находила времени и сил писать, так как, судя по описанию этого времени в «Записках», ей было не до того. Сначала ее одолели два городничих: уволенный и новый. Вновь заступивший был, как пишет княгиня,

«двоюродный брат самого надежного орудия тирании и деспотизма Павла I – Аракчеева»¹³. Тут явился Шейдеман, который привез Екатерине Романовне письмо от сына. Его никто не должен был видеть. Е.Р. Дашкова пережила страшные минуты в волнении за сына, пока Шейдеман не уехал. Затем, не зная, чем утешить бедного уволенного городничего, прослужившего верой и правдой 40 лет на своем месте, княгиня попросила его сопровождать свою дочь Анастасию Михайловну Щербинину, которая поехала с ней в ссылку, и мисс Бейтс на проходившую в это время в Весьегонске традиционную ярмарку, бывшую тогда, по словам Екатерины Романовны, одной из замечательных в империи.

До Коротова оставалось не более 30 верст. Кибитки спустились с холма прямо на заснеженную реку Мологу. Такой прямой путь до Коротова из Весьегонска был только зимой.

Деревня Коротово стояла на возвышенности, окруженная замерзшими болотами. За ними начинались смешанные леса, а затем тянулись на многие версты сосновые и еловые леса. «Моя изба, – писала Е.Р. Дашкова, – была довольно просторная; напротив нее была кухня, а лучшая изба в боковом переулке была приготовлена для моей дочери»¹⁴. Из воспоминаний коротовского крестьянина Демьяна Кузьмина: «Она расположилась в трех избах, в одной спала, в другой сидела и обедала, в третьей жили люди»¹⁵.

«13 янв.

Наконец-то, мой друг, я прибыла в Коротово, на место моей резиденции. Крестьяне встретили меня восторженно. Моя хижина оказалась лучше, чем я ожидала. Теперь, мой друг, я могу признаться, что на меня находили минуты отчаяния при мысли, что я не доеду сюда. Меня преследовали различные болезни и неудобства, даже опасности, которые заставляли предполагать конец всех моих страданий. Я благодарю тебя за твое 1 письмо от 31 декабря. Опять появился этот легкомысленный Шейдеман, посланный моим сыном со слугой, который ехал через Троицкое и привез мне книги, что ты мне послал. Я тебе посылаю письмо моего дорогого сына, который, по словам Санти, без конца произносит мое имя и плачет. Я дрожу за его здоровье. Храни его Бог! Я благословляю его бесконечно. Этот Шейдеман, опередив меня на пути, вместо того, чтобы удовлетвориться передачей писем при моем прибытии сюда, возвратился в

город. Это было причиной моего беспокойства. К счастью, я отвела от него глаза городничего. Я глубоко тронута твоей добротой, с которой ты занимаешься моими делами, и я никогда не думала обременять тебя делами моей дочери, которой я передам Чернявку^I при первой возможности. Что же касается векселей, которые не передоверены, они все от надежных людей. Гагарин без сомнения не сможет расплатиться; нужно попытаться, чтобы он заплатил тысячу рублей, а Мерлина^{II} две тысячи, потому что совершенно необходимо выкупить Ярославские земли моего дорогого сына. Нужно, чтобы Бутурлин^{III} заплатил мне все, по крайней мере, 3000. У меня здесь достаточно средств на три или четыре месяца. Я сегодня подарила Лаптеву 500, а поскольку нам нужно заплатить 7000, чтобы выкупить земли моего сына, я рассчитываю выслать матери Лаптева еще 3000. Полагаешь ли ты, что этого достаточно за то, что он сопровождал меня сюда; дальнейших услуг от него я не хочу. Он возвращается в свой батальон и передаст тебе это письмо. Это прекрасный малый, но неустойчивость его настроения и ложное понимание чести, нелепое представление о возвышенности души, заставляют его ни с того ни с сего приходить в ярость^{IV}; он мне уже сказал, что из-за чувства привязанности ко мне, он без колебания согласился бы лишиться всего, что приобрел своей кровью и ранами. Но пусть это останется между нами.

Прощай, дорогой любимый брат и друг. Обними за меня нашу дорогую уважаемую Долгорукую».

^I Деревня в Курской губернии Новооскольского уезда, подаренная дочери Е.Р. Дашковой Анастасии Михайловне ее мужем А.Е. Щербининым. Чернявку оспаривали его родители в Сенате, но Екатерина Романовна выиграла процесс.

^{II} Анастасия Васильевна Мерлина, урожденная Лачинова, дочь родной сестры мужа Е.Р. Дашковой – Марии Ивановны.

^{III} Дмитрий Петрович Бутурлин – сын старшей сестры княгини – Марии Романовны.

^{IV} Яростные, жестокие выходки Лаптева по отношению к нижним чинам и службе отмечала впоследствии в своих письмах Марта Вильмот.

«Коротова. 16 января

От всей души благодарю тебя, дорогой друг, за письмо и ящик с книгами, которые человек Долгорукой доставил мне вчера вечером. Что касается писем, которые, как ты сообщаем, ты адресовал мне в

Можайск и Торжок, то я их не получила, я и не проезжала этого последнего города. Я очень рада твоему сообщению о векселях. Поверь, мой друг, я очень сожалею, что нагружаю тебя своими делами. Это воля Божья, чтобы я была лишена возможности заниматься этим сама и чтобы я не избежала этого испытания. Заверяю тебя, что всю оставшуюся жизнь я буду чувствовать, что я у тебя в долгу. Что касается предположений о том, что меня оклеветали, я могу лишь сказать, что после смерти императрицы, по приезде в Москву, я виделась только с князем Маврокордато и с Массаловым. С последним я говорила только о его трудах. Едва я прибыла в Москву, Измайлов¹ представил мне приказ покинуть город когда я принимала только родных, которые увидели во мне одно лишь смирение и терпение. Кто может избежать судьбы, predetermined клеветой? Напоминаю тебе, что 12 ноября я уже была отстранена от Академии, через несколько дней меня лишили всяких привилегий, а 4 декабря я получила приказ оставить Москву. Я не заслужила этого невероятного наказания ни словом, ни делом. Время прояснит правду. Мое письмо к Куракину не могло произвести неблагоприятного впечатления; однако, хватит об этом. Я узнала страдания; я достаточно горда, чтобы не жаловаться, и спокойствие моей совести, я надеюсь, сохранит мне остаток здоровья. Моя хижина лучше, чем я могла надеяться. Крестьяне выражают мне свою любовь и уважение; мисс Бейтс вся в заботах, и я начинаю читать книги и газеты каждый раз, когда какая-нибудь печальная мысль посещает меня. Из-за состояния моих глаз я уже не могу долго читать, надеюсь, я буду проводить время спокойнее, чем в период моих неприятностей. Я тебе написала вчера через Лаптева. Через 2-3 дня один крестьянин поедет по своим делам в Москву, и я тебе снова напишу через него, потому, что я знаю о твоих чувствах ко мне и не хочу оставлять тебя надолго без известий. До свидания, мой дорогой друг. Привет мадам и мадемуазель Протасовым и тем моим родственникам, которые помнят обо мне. Мисс Бейтс и Федяша передают тебе поклон. *Вчера ночью я обратно Шейдемана к сыну отправила*».

¹ Измайлов Михаил Михайлович – гражданский губернатор Москвы.

«26 Генваря.

Для того, чтобы отвлечься от печальных мыслей, которые обуяют меня, несмотря на мою твердость духа, я обычно беру книгу

или перо, чтобы написать своим единственным друзьям: тебе, мой дорогой друг, моему доброму сыну и моей дорогой Долгоруковой. Это последние два ресурса, к которым я прибегаю сейчас. Хотя я не имею ни малейшего представления, когда смогу послать тебе эти строки, я благодарю тебя за письмо в *Можайск*, которое начальник почты в *Устюжножелезно*, в 72 верстах отсюда, мне переправил через почтальона с письмом от себя очень вежливым и с предложением услуг. Это немец, судя по стилю его письма, довольно образованный человек. Почтовый тракт проходит через деревню моего сына в 4 верстах отсюда и, таким образом, когда мои крестьяне перестанут ездить в Москву, я время от времени буду просить почтальона (которому я заплачу за труды) заходить ко мне за письмами для тебя в конверте для Пестеля. – Мои крестьяне объявляются с какой-нибудь провизией для меня, речь идет о *клюква*, *пряники* и всяких других пустяках, которые эти хорошие люди приносят мне в дар. Прощай, я тебя покидаю».

Е.Р. Дашкова упомянула в этом письме город Устюжну. Здесь она написала его название по-русски: *Устюжножелезно*, а ранее, в письме за 3 января, княгиня называла его *Устюг Железнопольский*.

Этот город был основан в 1252 г. в устье реки Ижины на Железном поле, что обусловило название Устюжна (с ударением на первом слог). Город считался вторым после Тулы центром железоделательной промышленности России. В 1703 г. по приказу Петра I в Устюжне был задут Ижинский железоделательный завод, производящий продукцию для российского флота. В самой деревне Коротово и в окружающих ее деревнях (Уломе и других) были многочисленные кузницы. Ковались в них, преимущественно, гвозди. Кузница была и напротив дома княгини, так что звукиковки она могла слышать каждый день.

Гвозди из Коротово использовались при строительстве в Троицком. Е.Р. Дашкова заказывала, каких гвоздей и сколько ей должны прислать: «...не забудьте прислать по первому зимнему пути тоже число, что и нынче прислали судаков, сухих снетков и сырых, клюквы и морошки мочёной кадочку, свеч маканных пуд, четырёх сортов гвоздей, одното́су тысяча, двоето́су две тысячи, троето́су две тысячи, шикатурных десять тысяч»¹⁶.

«27 января.

После того, как я отложила свое перо, друг мой, день мой оказался полный сюрпризов. Во-первых, через одного старого священника из деревни моего сына, что находится в 20 верстах отсюда, мне передали письмо от кое-кого, кому, как тебе известно, я писала из Твери^I. Я даже не осмеливаюсь назвать его по имени, настолько я боюсь допустить оплошность по отношению к этому порядочному человеку, который заклинал меня всем святым ни в коем случае не упоминать его. Он проезжал через эту, вышеупомянутую деревню. Тебе, возможно, было уже известно еще до получения этого письма, куда он поехал и почему. Мне известно первое и неизвестно второе. Его письмо – это письмо порядочного человека и друга. Он настаивает, чтобы я последовала совету, который он мне дает, и о котором я тебе скажу в конце этого письма. Он не назвал себя священнику, а то, о чем он пишет, доказывает, что умами овладел подлинный страх, и потому он меня просил больше ему не писать. Так как ты являешься моим вторым «я», от тебя я ничего не скрываю.

Во-вторых, наш малыш Vor.^{II} из Сибири преподнёс мне сюрприз, появившись вечером у меня. Я ожидала скорее увидеть его старшего брата^{III}, но вот суди сам, в каком неведении мы находимся относительно того, что нам предстоит увидеть, услышать в тот, или иной момент, или что с нами может произойти. От него, кто, как я полагала, находится в 5000 лье отсюда, я узнала, что тот, кого я напротив считала безвыездно осевшим в этих краях, уехал в Астрахань. Я отправила молодого человека сразу же на следующий день, рекомендовав ему не останавливаться у своей матери более одного дня и вернуться как можно скорее на свой пост».

^I Речь идет о князе Н.В. Репнине, посовествовавшем Е.Р. Дашковой обратиться за помощью к императрице. Николай Васильевич был послан Павлом I усмирять крестьянский бунт в Вологодской губернии.

^{II} Малыш Vor. — **Евграф Алексеевич Воронцов** (см. выше примеч. к письму от 25 декабря, пункт VIII). Весной 1794 г. княгиня писала Александру Романовичу из Петербурга: «Новосильцев навестил меня здесь вчера. Он сказал, что уже предъявил в военную коллегияу представление на Глебова. Он заполнил вакансию нашего маленького Воронцова, который отправится в армию в полк Стрельмана в Сибири». А вот ее письмо брату от 5 февраля 1803 г.: «Наш дорогой Воронцов здесь уже два дня.

Он очень хотел выразить тебе лично свое почтение, но он раб военной службы. Он мне сказал: “Я набрался терпения надеясь, что другие полки нас заменят, но необходимость оставаться наподобие ссыльного 9 лет в Каменогорске и быть забытым так долго меня лишают последнего мужества”. Помоги ему, мой друг, вырваться оттуда на любой пост и ты сделаешь доброе дело, потому что этот молодой человек любезен и достоин уважения. Все, кто помнят покойного канцлера, находят, что он очень на него похож, и я его сравнила с портретом Ротари с моего дяди и нашла сходство поразительным». В статье Т.М. Фадеевой «Е.Р. Дашкова – директор Академии наук» в сборнике «Е.Р. Дашкова и XVIII век» (2010) приведена эта фраза из письма – и неверно указано, что речь идет о М.С. Воронцове, а не о Евграфе Алексеевиче Воронцове. При этом канцлером, изображенным на портрете П.А. Ротари, на которого якобы похож Михаил Семенович, автор посчитала Александра Романовича, а не Михаила Илларионовича Воронцова, что также ошибочно. В «Записках» Е.Р. Дашковой о визите в Коротово Е.А. Воронцова не упомянуто, но в письме от 27 февраля 1797 г. она сообщала брату о приезде матери Евграфа Алексеевича (см. ниже).

III Видимо, Николая Алексеевича Воронцова (см. письмо от 25 декабря, прим. VIII).

«Коротово. 31 янв.

Все эти дни я чувствовала себя довольно неважно. Моя лачуга построена так плохо, что продувается всеми ветрами и, даже когда снаружи легкий ветер, в щелях посвистывает так, будто поднялась буря. Я плохо спала, а скорее почти совсем не спала последние трое суток, и к тому же у меня еще сегодня болит голова. Но так как мне хотелось бы сегодня отослать обратно человека, исполняющего роль управляющего моего сына, которого я захватила с собой из Москвы, я заставила себя написать тебе несколько строк, чтобы сообщить, что я последовала совету того человека, копию письма которого я тебе отправила. Почмейстер *Устюг Желез.* принял письмо и вложил его в пакет в присутствии моего слуги; получится ли все удачно, одному Богу ведомо».

По совету князя Н.В. Репнина Е.Р. Дашкова все же решилась написать императрице Марии Федоровне, а в ее письмо вложить письмо к Павлу I. Близилась весна, а с ней половодье, и княгиня надеялась вернуться по последнему санному пути.

«1 февраля

С 10 января, дорогой мой друг, я не имею никаких известий о том, как у тебя обстоят дела, и эта неизвестность для меня крайне тягостна. Чего бы только не отдала я за то, чтобы новости от тебя приходили чаще! Вчера я не смогла закончить своих писем – настолько плохо я себя чувствовала. Я провела весь день в постели, что бывает со мной только в случаях крайней вынужденности. Всю ночь я потела и сейчас чувствую крайнюю слабость, но с болями в боку и с мигренью стало лучше. В Москве сейчас находятся несколько крестьян моего сына; напиши мне, умоляю тебя и пошли с ними. Я даже не могу достать чернил в двух соседних деревнях. Боюсь к тому же, что мои письма будут тебе очень скучны. Прощай, мой дорогой друг».

«Коротова. 8 февраля

Умоляю тебя, прикажи своему управляющему в Петербурге выплатить 365 рублей этому жулику столяру Фрому. Уже не в первый раз он ловчит подобным образом; было и раньше^I. Но таков уж мой жребий страдать от клеветы, несправедливости и разорения. Твой управляющий должен знать, что представляет из себя этот негодяй. Не найдётся ни одного честного человека, который бы ни поручился за меня в том, что я всегда честно расплачиваюсь по долгам. Но вот приходится страдать.

Благодарю тебя, дорогой друг, за твое письмо от 28 января, которое почмейстер *Устюжна Железна* доставил мне вчера. Я очень расстроена смертью мадам Протасовой, и прошу тебя передать ее сыну и дочери мои соболезнования. Почему мадам Жеребцова^{II} и наши племянницы Кочетова и Исленьева^{III} не написали мне ни строчки? Я нежно люблю их обеих, и потому молчание их меня удручает, – не откажи в любезности написать мне о том, что с ними. Говорят, что несчастья обостряют чувствительность, и человек начинает крайне болезненно воспринимать то, как к нему относятся. У меня не было нужды в такой школе. Я всегда была и, даже в большей степени, чем это можно было бы предположить, чувствительна к поведению других в отношении меня. Но что причиняет мне наибольшую боль, так это бессердечие тех, кого я люблю. Такая боль может оказаться слишком сильной для нравственного и физического здоровья твоей Дашковой».

- ^I По-видимому, Е.Р. Дашкова неоднократно пользовалась услугами этого Фрома; последний раз, проживая в 1794 г. в Петербурге, в доме Александра Романовича на Фонтанке, княгиня затеяла там капитальный ремонт, чтобы отблагодарить брата за предоставленное ей жильё.
- ^{II} Анна Петровна Жеребцова, урожденная Хрушова, в первом браке Кошелева – дочь родной тетки Е.Р. Дашковой Дарьи Илларионовны Воронцовой (Хрушовой). В своих «Записках» Михаил Дмитриевич Бутурлин неверно называет А.П. Жеребцову и ее сына своими дальними родственниками по линии своей матери Анны Артемьевны. Жеребцовы были такими же родственниками матери М.Д. Бутурлина, как и его отцу, Дмитрию Петровичу, который приходился двоюродным братом своей жене.
- ^{III} Екатерина Николаевна Кочетова и Анна Петровна Исленьева – двоюродные сестры – любимые племянницы Е.Р. Дашковой по ее родной тетке Дарье Илларионовне Воронцовой (Хрушовой). Е.Н. Кочетова несколько лет неотлучно жила у Екатерины Романовны, благодаря стараниям которой в 1801 г. была назначена фрейлиной при дворе. После этого, до самой смерти княгини, возле нее находилась Анна Исленьева.

«10 февраля.

Этой ночью крестьянин, который сопровождал управляющего, удивил меня своим прилежанием, доставив мне твое письмо от 6 числа сего месяца и семена, за что, дорогой друг, я тебе искренне благодарна. Чтение твоих писем и газеты – это для меня одно из приятнейших занятий, которое я желала бы иметь всегда и всюду, а тем более в этой глуши, где, как я ожидаю, я буду забыта и покинута как раз теми, кто всю свою жизнь должен бы вспоминать обо мне с дружественностью, тем более в *Коротова* твое внимание ко мне не только меня глубоко волнует, это подлинное благодеяние для твоей несчастной Дашковой. Сообщи мне, прошу тебя. Что с Лаптевым, не бывал ли он проездом в Москве или, может быть, он арестован и несчастен? Сообщи мне также, передал ли тебе сын Санти мои деньги, так как я ему велела оставить лишь столько, сколько требуется для мелких издержек по дому. Надеюсь, что ты получил уже мои письма – одно, отправленное почтой, другое – через Троицкое, в которых я просила тебя выплатить 360 рублей жулику столяру. Если спустя 10 лет возможно придумать такое с долгами, то мне остается только ожидать новых жульнических требований. Крестьяне, доставившие мне то письмо, где ты известил меня об этом

мошенничестве, находились в пути 13 дней, и потому я не могла ответить на него раньше».

«13, вечером.

Только что, мой дорогой друг, чиновник, посланный Архаровым, доставил мне указ, который я прилагаю. Через четыре, или пять дней я уезжаю отсюда, но так как я буду передвигаться короткими переходами, то пробуду в дороге 9 или 10 дней. Не откажи мне тогда в удовольствии видеть тебя у себя в Троицком. Прощай, мой дорогой. Я так взволнована, что мне необходимо отдохнуть».

В «Записках» Е.Р. Дашкова подробно описывала свое освобождение. Первая попытка Марии Федоровны вручить письмо княгини императору не увенчалось успехом, а лишь вызвало его гнев. Тем не менее, при помощи женской хитрости супруга императора и его фаворитка Е.И. Нелидова все-таки заставили Павла I прочесть письмо Екатерины Романовны, в котором она просила не столько за себя, сколько за невинно страдающих своих людей. Ей было разрешено переехать в Троицкое.

«15 февраля (*Коротова*. 1797)

Сегодня после ужина я отправила лакея и одного из поваров приготовить мой квас и кислые щи. Не знаю сама, когда я смогу уехать. Моя горничная мисс Бейтс заболела и, помимо огорчений, вызванных этим, возникают бесконечные затруднения. Вот уже 9 дней как я не видела своей дочери, которая притворяется больной. Она поскандалила со своим немцем. Я же себя чувствую настолько слабой, настолько обессиленной, что даже не знаю где взять силы преодолеть это путешествие. – Прощай, мой дорогой друг. Возможно, я тебе напишу перед своим отъездом отсюда».

«17 февраля.

Я уверена, мой дорогой друг, что ты будешь огорчен, узнав, что моя хорошая мисс настолько больна, что лежит в постели уже много дней и без врача, если не считать моего лечения. Это меня очень беспокоит, и я не двинусь отсюда, пока она не сможет без угрозы её здоровью предпринять путешествие. Моя дочь сказывается больной, я ее не видела уже 10 дней. Я здорова, но, помимо этого огорчения,

я имею много забот. По прибытии в Троицкое я сейчас же напишу Овсову, чтобы он больше не боялся подписываться и писать мой адрес. Только сегодня утром, разбирая бумаги, я нашла черновики, которые я давно хотела тебе послать и, к своему стыду, не могла найти. Ты мне их верни при свидании.

Прощай, мой дорогой друг. Я очень тебе обязана, я сознаю, что я и мой сын доставили тебе много хлопот, но ты всегда найдешь во мне нежного и признательного друга, ты можешь быть совершенно уверен в этом. Мой привет господину Посникову»¹.

¹ Посников Захар Николаевич – управляющий Андреевским, имением графа Александра Романовича Воронцова.

«Корот. 20 февр.

Я надеюсь отправиться через четыре или пять дней. Боюсь, что не получу твоих писем до приезда в Троицкое. Я не смогу быть покойна, пока не буду знать, что ты и дорогая Долгорукая благополучны. Обними её за меня. Я сегодня ей не написала, потому что у меня было очень много дел. Надеюсь написать из Твери. Моя дорогая мисс со вчерашнего дня чувствует себя значительно лучше. Дочь я не видела уже 13 дней».

Собираясь в дорогу, Е.Р. Дашкова отправила ряд писем. Первое, с курьером императора, она послала Н.П. Архарову, который к этому времени был переведён с поста губернатора Новгорода на пост губернатора Петербурга. Письмо это было необходимо передать секретарю Российской Академии, профессору Ивану Ивановичу Лепёхину, которого Екатерина Романовна не без основания считала своим преданным другом (по возвращении в Троицкое княгиня получила от И.И. Лепёхина редкие, нужные ей лекарства и семена). Второе письмо, вернее письма, предназначались ее английским друзьям (видимо, миссис Гамильтон и миссис Морган).

«21 февраля.

Вчера я написала тебе, мой друг, по почте, а сегодня получила письмо через господина Игнатьева. Покидая Киев, он взял на себя труд передать мне его. Ужасно боюсь, что мой сын из-за чувства нежности и беспокойства обо мне совсем расстроится, и поэтому я

прошу тебя, мой друг, ему сообщить о доброте Императора, разрешившего мне возвратиться а Троицкое. Пошли ему копию приказа Его Величества, которую я тебе направила.

Я не в состоянии ему писать, поскольку его и твои письма, а также мои ответы заставляют меня плакать до судорог¹.

Как меня внезапно испугали сейчас! Сказали вдруг: почта-льон; – это письмо Её Величества Императрицы, оно следующего содержания: Княгиня Дашкова! Приказы Императора, которые Вы, возможно, получите раньше, чем это письмо, Вас убедят в его доброте и милосердии и удвоят истовость Ваших молитв о сохранении и счастья нашего любимого Императора. Желаю Вам сохранения здоровья, и да хранит Вас Господь. Мария. 10 февраля.

Ты проявил ко мне такое нежное внимание и так сочувствовал моим страданиям, что я пишу тебе, несмотря на боль в глазах. Сейчас уже за полночь, а мы обычно ложимся в 10 часов. Ради Бога, сообщи моему сыну приятную новость о моём возвращении в Троицкое. Обними дорогую Долгорукую вместо меня.

Устюжна.

О доставлении просит Ея сиятельство кн. Катерина Романовна Дашкова господина почт-директора Ивана Борисовича Пестеля».

¹ Из писем П.М. Дашкова, которые княгиня получила в Троицком и в Коротове, видно, как сильно он переживал за мать и как надеялся на примирение матери с фактом его женитьбы на Анне Алфёровой. Но напрасно – Е.Р. Дашкова не могла преодолеть себя, отчего страдала сама и заставляла страдать сына¹⁷.

«Коротова. 22 февр.

Написанное мною сейчас я смогу отправить только по приезде в Тверь, но так как у меня есть минута свободного времени, то я посвящаю ее тебе, мой дорогой друг, и спешу сказать, мой дорогой брат, что я тебе очень, очень обязана за то, что ты приказал своему управляющему заплатить 365 рублей этому жулику. Только ты называешь его Гейер, а его имя Фром».

«Коротова. 27 февр.

Меня прервал приезд Авдотьи Андреевны Воронцовой с дочерью, которая узнав из моего письма ей, что наше соседство под-

ходит к концу по причине моего отъезда, захотела меня увидеть. Эта славная досточтимая женщина проделала 300 верст сюда и обратно, чтобы засвидетельствовать мне свою признательность и представить свою дочь. Сын ее все еще не вернулся, а потому я боюсь, что еще, наверно, долго я не смогу получить от тебя письма, потому что я пишу эти строки в 52 верстах от оставшегося позади Бежецка, в деревне под названием Алексеевская, в 68 верстах от Твери, где я рассчитываю быть или поздно вечером завтра, или в воскресенье утром. Я отправлю это письмо оттуда. Я чувствую себя довольно хорошо, мой друг, и я поставила на ноги мою добрую мисс, для которой я была заботливым доктором. В Твери я остановлюсь только на один день; дороги очень хорошие; у меня 10 лошадей, и я найму еще семь. Если бы у меня не было своих собственных, я была бы в большом замешательстве».

Письмо это, видимо, начато в Коротове 22 числа, а продолжено по дороге в Тверь. «Крестьяне поставили в нескольких местах подставы, так что я в один день проехала путь, который приезжая, совершила в два с половиной дня»¹⁸ – по этой фразе из «Записок» понятно почему Е.Р. Дашкова так быстро оказалась далеко от Коротова. В воспоминаниях Екатерины Романовны также указано, что А.А. Воронцова гостила у княгини целую неделю, то есть, вероятно, с 22 числа до самого дня отъезда.

В мемуарах Е.Р. Дашковой о визите Авдотьи Андреевны сказано следующее: «Вскоре меня посетила госпожа Воронцова с дочерью. Она была вдова моего родственника, довольно дальнего, но мною уважаемого. Эта почтенная во всех отношениях женщина считала долгом выразить мне таким образом благодарность за мои заботы о ее младшем сыне которого доверила мне в семилетнем возрасте. Я заботилась о его воспитании, пока ему не исполнилось 16 лет и он не вступил на службу в чине майора ...Его нравственные качества, поведение и нежная почтительность к матери были главным утешением в ее жизни»¹⁹.

Младший сын А.А. Воронцовой – это Евграф Алексеевич, упомянутый выше. Впоследствии Е.Р. Дашкова продолжала помогать Е.А. Воронцову и оставила ему наследство.

Последние дни пребывания княгини в Коротове известны по сохранившимся воспоминаниям крестьянина этой деревни, Демьяна

Кузмина: «На масленицу велела выстроить гору и качели; наделали санок, сама приходила смотреть, громко смеялась, ребят ласкала и была весела (это было уже когда ее простили). Первую неделю поста говела; служба была на дому, и дома же приобщал ее священник села Гришкина, отец Григорий, который прежде был ее крепостным человеком и отдан был в солдаты, а потом она его вывела в попы. Сама смотрела, чтобы печи топили как должно, приказывала закрывать окна глуше, чтоб не слышатьковки, но работы отнюдь не останавливала. Лошадей у нее было четыре тройки: буланая, рыжая, вороная и серая. Когда уезжала, то остановилась на крыльце и сказала крестьянам, указывая на прикащиков, – вы им не верьте, это алтынники, они за алтын продадут человека. Какое будет дело, прямо ко мне приходите. Всей деревней шла пешком; вся вотчина пришла её провожать. Голос был громкий, сама видная, полная, а дочь худошава... Приехала в Коротово на Крещение, уехала на 2-й неделе поста»²⁰.

«Тверь. 28 февр.

Я только что приехала сюда, мой дорогой друг, и хочу поблагодарить тебя за твои два письма от 16 и 19 числа, которые мне передал сам почмейстер. В письме, отправленном через курьера, я тебе написала, что Его Величество прислал мне письмо, разрешающее мне вернуться в Троицкое. Я тебе его прокомментирую, когда буду в Троицком. Я также ответила на любезное письмо Императрицы. Уже поздно, я очень устала, и, тем не менее, я уеду завтра после обеда, если сумею найти шесть лошадей, недостающих мне, так как моих 10 лошадей недостаточно. Прощай, мой дорогой друг».

Екатерина Романовна уезжала из Коротова, когда еще стояла настоящая зима, а через девять дней путешествия, подъезжая к реке Протве, которая протекала через ее усадьбу, княгиня увидела уже зазеленевшие берега.

Примечания

¹ Сборник старинных бумаг П.И. Щукина. Ч. 9. М., 1901.

² *Даикова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 95.

³ Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 138.

⁴ ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 901. Л. 9.

⁵ Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 334; Записки княгини Е.Р. Дашковой. М., 1991. С. 524.

⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1872. С. 270.

⁷ Там же. С. 274.

⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 252.

⁹ Там же. Ф. 1261. Оп. 11. Д. 3176.

¹⁰ Там же.

¹¹ Это и последующие письма: Архив князя Воронцова. Кн. 5. С. 243–260.

¹² Кутцов Б. Весьегонск. Тверь, 1997. С. 11.

¹³ Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 241.

¹⁴ Там же. С. 242.

¹⁵ РА. 1864. Стб. 571–586.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Л. 44; РА. 1864. Стб. 583.

¹⁷ Подробно об этом см. в нашей статье: Фирсова Е.Н. Дети и воспитанники Дашковой // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 13. М., 2010.

¹⁸ Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 250.

¹⁹ Дашкова Е.Р. Записки. М., 1987. С. 196.

²⁰ РА. 1864. Стб. 571–586.

З.Н. ПОСТНИКОВ – ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО СЕМЬИ ВОРОНЦОВЫХ

С.Р. Долгова

кандидат филологических наук

Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

Захар Николаевич Постников (17 марта 1765 – 8 декабря 1833) – тайный советник, сенатор, чиновник Министерства иностранных дел, обер-прокурор Сената. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге¹. Занимая разные гражданские должности, в течение многих лет он был доверенным лицом Воронцовых и заведовал их делами. В фонде Воронцовых (Российский государственный архив древних актов) сохранилась его переписка с Семеном Романовичем и Михаилом Семеновичем Воронцовыми и с управляющими их имений.

Целый пласт документов освещает время кончины Александра Романовича Воронцова в селе Андреевском 5 декабря 1805 г. 9 декабря 1805 г. З.Н. Постников через доктора Кира (который лечил Александра Романовича до последних дней) отправил в Лондон письмо к Семену Романовичу, где описывал состоявшиеся похороны. «Сиятельный граф, милостивый Государь! Хотя я 7-го числа сего месяца и писал к вашему сиятельству, вруча оное г[осподину] доктору Киру для личного доставления: но как он может нескоро быть в Лондоне, то я долгом моим считаю здесь, сколько мои силы позволят, сказать об отданном мною последнем долге любезному брату вашему, моему единственному благодетелю. 6 число сего месяца был день, в которой погребен родитель ваш, я и сыну его, точно согласно с волею покойного благодетеля, избрал. Поселяне все, оставя свои дома, стеклися, повергались пред гробом ниц со слезми; и с сердечною горестию, я нес печальные остатки, заключавшие прежде превосходную душу. Многолюдный дом, столько рыдания. Горестной предмет, которой из мыслей у меня не выходит, все лишает меня возможности описывать. Сиятельный граф! Зная вашу любовь к брату, я не могу говорить более, щадя вашу чувствительность. Возложите печаль свою на Бога и сохраните драгоценное ваше здоровье

для нас, осиротелых. При сем прилагаю копию с собственноручного письма, мне оставленного вашим братцом. По исполнении всего донесу подробно вашему сиятельству. Благодарность моя обязывает меня к соблюдению всего. Я потщусь доказать пред вами оную. С глубочайшею преданностию пребываю вовеки, сиятельнейший граф, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший и преданнейший слуга Захар Посников.

Село Андреевское. Ч[исла] 9 декабря 1805 г.

PS. Согласно воле покойного благодетеля я приступил к исполнению. Вещи нашел в целости и занимаюсь теперь разбором бумаг. З. Посников. О деньгах, какие найду и обо всем донесу вашему сиятельству»².

В феврале последовало ответное письмо Семена Романовича, где он писал о получении «несчастного известия о кончине любезного брата, друга и отца. Ибо таков он был для меня во всю свою жизнь. Скорбь, которую я чувствую, не дает мне довольно силы писать к вам своеручно... Примите, мой любезный сродственник, за точное выполнение воли покойного моего брата... благодарность. Зная ту любовь и доверенность, которую он всегда к вам имел, я надеюсь, что вы и обратите на меня и моих детей, аки на сирот, оставшихся без отца, те самые чувства, которые вы к покойному моему брату имели... Прошу вас ради Бога подать мне и детям моим руку помощи, взять на попечение смотрение за всеми нашими имениями... Я надеюсь, что как родственник, как друг и как сохраняющий память покойного моего брата не откажете мне мою просьбу»³. Заметим, что Семен Романович называет З.Н. Постникова «сродственником»; установить этот факт не удалось из-за отсутствия родословной З.Н. Постникова в справочниках.

Вместе с ответным письмом Семен Романович отправил в Россию «Верующее письмо Коллегии иностранных дел коллежскому советнику З.Н. Посникову», которому доверялось его введение в наследство брата, а также поручается «смотрение» за деревнями и домами покойного и бывших в их совместном владении»⁴.

В Андреевском, где в последние годы жил Александр Романович, был свой маленький двор, который обслуживали дворовые люди, актеры, музыканты, садовники. В имении была оранжерея с экзотическими растениями, кладовая с редкими марками вин. В доме

хранились награды и фамильное серебро, а также дипломатические бумаги Министерства иностранных дел. Со всем этим хозяйством предстояло разобраться Захару Николаевичу. Прежде всего все кладовые и наличные деньги были сверены с прежними описаниями, «алмазные и золотые вещи в собственность покойного кабинете находящиеся, равным образом и бумаги» З.Н. Постниковым были разобраны и «за печатью оставлены»⁵.

Захаром Николаевичем были описаны имеющие государственное значение бумаги и награды Александра Романовича для представления в Капитул орденов. В опись попали: «1-е крест, звезду вышитую блесками, ленту и цепь золотую Андреевского ордена. 2-е крест, звезду такую же и ленту Александровского ордена. 3-е крест, звезду такую же и ленту Владимирского ордена. 4-е ключ камергенский вызолоченный»⁶.

Тяжело больной А.Р. Воронцов работал до последних дней; об этом свидетельствует его переписка с сотрудниками Московского главного архива Министерства иностранных дел, которые доставляли ему материалы о сношениях России с европейскими государствами. Печатные же издания и некоторые рукописи имелись в его библиотеке. Дипломатические бумаги были доставлены в Коллегию иностранных дел.

Семен Романович проявил особую заботу о сохранности уникальной библиотеки своего брата. В одном из первых писем 14 февраля 1806 г. З.Н. Постников писал ему: «Согласно подтверждению Вашему библиотека французская, по рассмотрением Тимофея Данилова находящемся, запечатана, а русские книги с таковою же бережливостью хранится под надзиранием Игната Евдокимова в кабинете графском. Навсегда заперта, ни для кого топить не позволю»⁷. Разбирая библиотеку, Захар Николаевич нашел незаконченную «бесценную рукопись», видимо автобиографию А.Р. Воронцова, которая была передана Михаилу Семеновичу⁸.

З.Н. Постников был озабочен также и сохранением находящихся в погребе коллекционных вин; он считал, что «оный (погреб. – С.Д.) требует надзирания опытного; а по сему, чтобы соблюсти вины от порчи», найти знающего винооторговца⁹.

Печальная судьба сложилась в Андреевском у оранжерей и театра. К этому времени померанцевая оранжерея пришла в ветхость

и требовала обновления новым тесом¹⁰; часть редких деревьев была продана.

В помещении закрытого театра шли ремонтные работы, по распоряжению Захара Николаевича «в зале, в коей помещался донные театр, сцену представления и все декорации вынуть; пол старый выломать и настлать новый из сосновых досок, вязскою на манер штучного, стены вновь оштукатурить»¹¹. Одновременно в селе возводилась каменная стенка от угла театра до «зеленого погребца».

Продолжалось начатое в 1804 г. «его сиятельством строение огромной каменной на Воскресенском погосте Матренинской церкви, которая мерою в окружности на 65 саженьях»¹². Для продолжения строительства церкви в 1806 г. был вызван архитектор Щетинин, который прожил в имении 6 суток и дал нужные распоряжения¹³.

Интересна история, произошедшая с домом А.Р. Воронцова, достраивающемся в Покровском. З.Н. Постников с негодованием сообщал Семену Романовичу: «На сих днях... покровский предводитель Григорий Александрович Безобразов, который в самую рабочую пору наглým образом въехал с собаками своими в дом его сиятельства и помял хлеба на поле»¹⁴.

Захар Николаевич должен был решать судьбу отпущенных на волю по завещанию А.Р. Воронцова дворовых и следить за положением крестьян в деревнях. О распоряжении Семена Романовича не отягощать положение крестьян свидетельствуют следующие строки, «чтобы оброку к крестьянам не прибавлять, чтоб служители покойного брата и все наши дворовые люди получали то же жалованье, которое им было выдаваемо от брата»¹⁵. В ответном письме З.Н. Постников писал, «чтобы крестьяне Ваши никакими новыми налогами не были обременены, сие правило я свято наблюдать старался, и без собственной вашей воли, конечно, ни одной копейки оброку наложено не будет. Ибо сие произвело бы в вас отвращение». Ваши оброки «меньше всех прочих помещиков, но и самим состоянием крестьян ваших несоразмерны»¹⁶. Из этого же письма мы узнаем о переселении 2 600 душ в малоземельные вотчины пожалованных земель. Дворовые, получившие вольную, были растеряны, они не знали, как распорядиться своею судьбою; многие из них пожелали остаться на службе в имении. Другие, получившие жалованье, платье и белье, отправились по разным местам. Так, «капельмейстер Алек-

сандр Баранчеев с женою отпущен к полковнику К.М. Поливанову Ярославской губ. Ростовской округи в село Переетино; часовой мастер Иван Тресвятской во Владимир; повар Андрей Никитин в Москву; Федор Емельянов, служивший у доктора, в Петербург; пивовар Федор Кузьмин в Петербург; хлебник Алексей Кирилов в Петербург; полочист Михаил Белокуров в Петербург; портной Михаил Родионов в Петербург; певчий Иван Родионов в Петербург; портные, садовые работники в Петербург; кузнец Анисим Андреев в Полтаву». Также упомянуты слесари и печники¹⁷. Этот список также дает представление, как был устроен быт знатного вельможи в провинции.

В связи с этим был составлен список музыкантам, имеющих у себя инструменты; так, Игнатий Скрябин имел два инструмента, из коих скрипка ему была пожалована Александром Романовичем, а кларнетом просил наградить.

Многие письма З.Н. Постникова С.Р. Воронцову посвящены ссоре с управляющим имением в Андреевском Федором Дугиным, которого он обвинял в «лютости» по отношению к крестьянам и противился против «телесного наказания», когда людей могли засечь до смерти. 29 апреля 1807 г. Семен Романович узнал, что «Дугин не перестает неистововать, ударил табакеркою смотрителя дома»¹⁸.

З.Н. Постникова обвиняли, что «из женщин андреевских Марфа актриса отменною фавор сею пользовавшая (Захара Николаевича. – С.Д.) страстная [была] до фруктов. Прочие садовники из уважения к особе, которого фаворию она пользовалась, и также к водке, которая у нее не переводилась, тащили к ней вишни, персики, абрикосы, арбузы, дыни и сливовые ананасы»¹⁹. Таким образом становится известно не только о симпатии холостого Захара Николаевича, но и какими садовыми богатствами обладал в Андреевском Александр Романович. З.Н. Постникову удалось сохранить часть и устроить выставку «больших яблонных и грушевых 77 деревьев». В саду росли кедры, орехи с них были посланы Михаилу Семеновичу «для редкости»²⁰. 13 июня 1806 г. З.Н. Постников дал распоряжение приискать «знатока каков был Иван Иванович Диц» для осмотра каждого дерева и оценки его достоинства для продажи владимирским помещикам²¹.

В переписке часто упоминается имя мальчика, которого ласково называют «Матюша». Это, видимо, воспитанник Александра

Романовича, к которому он был очень привязан и о котором знали все родственники. Семен Романович просил о попечении «бедного Матюши, которого брат весьма любил», и напоминал следить, чтобы он не был в «праздности», упражнялся в чтении полезных книг. З.Н. Постников, уезжая из Андреевского в Москву, брал мальчика с собой²². В дальнейшем Воронцов предполагал продолжить его обучение в Англии, для этого Матюшу должны были отправить в Лондон через контору Томсона и Потари²³.

Семен Романович упоминал еще об одном воспитаннике А.Р. Воронцова, «молодом Суслове, который был у господина Лефрмора», получившего прекрасное образование в Англии.

К сожалению, имя Е.Р. Дашковой в переписке упоминается всего несколько раз. 3 марта 1806 г. З.Н. Постников послал в Лондон копию письма к нему Екатерины Романовны и своего ответа к ней. «Я признаю, – пишет он Семену Романовичу, – что я не смел исполнить ее требование, да и не хотел дать пример собою, что можно что-нибудь раздавать без воли вашей. Если заблагорассудите отослать к ней ящик, которого она желает, прошу меня приказом уведомить»²⁴. Речь идет о лекарствах – единственном, что просила тяжело больная княгиня из оставшегося имущества своего любимого брата. Семен Романович незамедлительно распорядился: «Ящик с лекарствами прошу Вас теперь отослать к сестре моей»²⁵. Вскоре в вотчинном журнале появилась запись: «Отправлен ящик с лекарствами для княгини Екатерины Романовны»²⁶, а также штофы с водкой.

Эпистолярное наследие З.Н. Постникова дает новые сведения для биографии Михаила Семеновича Воронцова, который после возвращения из Англии вплотную занялся хозяйственными делами в имениях; по многим вопросам Захар Николаевич советовался с ним. В письмах З.Н. Постникова Семену Романовичу в Англию сообщались точные даты передвижения его сына: 1806 г. «5 ноября Михаил Семенович уезжал в армию»²⁷. 1810 г. «Граф Михаил Семенович перенес довольно серьезную болезнь, и теперь, слава Богу, совершенно оправляться стал». 1810 г. 22 декабря. Санктпетербург. «Сего дня приехал граф Михаил Семенович в совершенном здоровье, так что несравненно здоровее кажется нежели отсюда отправлялся»²⁸. Накануне войны 1811 г. 6 апреля: «Курьер из армии вчерась приехал с известиями благоприятными, но подробности еще не вынесено в публику. Может быть и правда, что некоторые говорят даже, что

граф Михайла Семенович был в знаменитом деле начальником авангарда»²⁹.

Семен Романович проявлял постоянную заботу о сыне, в 1810 г. он поручил З.Н. Постникову прибавить сыну еще 6 тысяч, «дабы он имел 32 тысячи ежегодного дохода... Кроме вина и белья есть ли сыну моем понадобится что другое, как-то столовые приборы, фарфор, фаянс и серебряные чаши, блюда и тарелки и всякое другое нужное ему потребно; также и есть ли какая провизия ему понадобится, то прошу ему доставить в армию, ибо все что мне принадлежит, принадлежит столько же и ему»³⁰.

Особый интерес представляют письма, отражающие события Отечественной войны 1812 г. 12 сентября 1812 г. управляющий Андреевским Алексей Гнездарев подробно сообщил З.Н. Постникову о прибытии в село раненого М.С. Воронцова и других офицеров. Всего в Андреевском лечилось 110 человек, которые по распоряжению Семена Романовича были обеспечены всем необходимым. «От его сиятельства графа Семена Романовича писано оставить на надобности его сиятельства графа Михайла Семеновича денег сколько нужно. А как его сиятельство для излечения раны с 28-го августа и по 29-е число октября изволил пребывание иметь в Андреевском, а с ним были раненые же: 1-й граф Сентприест³¹, 2 – граф Гудович³², 3 – генерал Кретов³³, штаб и обер офицеров⁴², нижних чинов и рядовых 65.

Всего – 110 человек, кои все по приказанию его сиятельства довольствованы были столом, винами и прочим; также для имеющих у господ чиновников деньщиков и людей пища и для двухсот лошадей овес и сено покупаемо было на счет его сиятельства; то на все сие из собранных в Московской домовою конторе, Андреевском и Костромском правлениях доходов в счет следующей его сиятельству за 1813-й год суммы издержано 22 614 рублей. Управитель Алексей Гнездарев. 15 декабря 1812»³⁴.

В донесениях также подробно описывается положение в деревнях М.С. Воронцова после нашествия французов.

Письма Михаила Семеновича З.Н. Постникову во время зарубежного похода хранятся в архиве в плохом физическом состоянии, поэтому мы их можем только прокомментировать. В июне 1815 г. из Грасфурта граф писал Захару Николаевичу о получении сочине-

ний В.Н. Татищева, просил написать управителю или приказчику «батьюшкиными деревнями Кавказской линии» о необходимости покупки ему «несколько лошадей горских из лутчих черкесских заводов», о присылке в Россию вместе с письмом миниатюрного портрета генерала И.В. Сабанеева³⁵, «истинного друга» М.С. Воронцова для перегравировки. «При сем посылаю к Вам миниатюрный портрет генерала Сабанеева, бывшего начальника Главного штаба и моего истинного друга, он не хотел в том месте остаться и теперь командует 27-й дивизиею. Сделайте милость, прикажите оный на мой щет гравировать с приложенною надписью. Всю продажу, кроме 20-ти или 30-ти экземпляров, которых гравер для меня оставить граверу в пользу предоставить, сделайте милость, выберите хорошего гравера. При сем дневная записка моя (копия оной) с 1813-го года, которую прошу вас покорно положить в моем кабинете»³⁶. 7/19 июня 1815 г. «из Мениха» (так в тексте): «Любезный Захар Николаевич. Поздравляю вас с Парижем и с концом войны. Волинтон³⁷ одним ударом направил разбить прусаков и во всем разрушил могущество Бонапартия, которой сам теперь не зная, с верою с великою отдался в руки агличанам...»³⁸. Письмо из Парижа от ноября 1815 г. касалось денежных вопросов: пересылки денег, продажи векселя и др., с просьбой приобрести в Петербурге каталог американской библиотеки. «Зделайте милость, велите там в Петербурге каким-нибудь образом за деньги каталог американской библиотеки и пришлите с хорошим случаем...»³⁹.

Приведем два документа к биографии самого З.Н. Постникова. В фонде Воронцовых хранится копия указа Александра I Сенату от 22 февраля 1806 г.: «Находившихся при покойном государственном канцлере графе Александре Романовиче Воронцове ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежского советника З.Н. Постникова и переводчика Бутягина всемилостивейше жалуем первого в статские советники и последнего в коллежские асессоры, повелевая производить жалованье статскому советнику З.Н. Постникову по тысячи восьмисот семидесяти пяти рублей, а коллежскому асессору Бутягину по семисот пятидесяти рублей на год из сумм вообще на иностранный департамент отпускаемых»⁴⁰.

8 марта 1810 г. З.Н. Постников был назначен в третий департамент первого отделения Сената на должность обер-прокурора. По

этому поводу он писал Семену Романовичу: «Сия столь неожиданная мною перемена меня изумила, тем более что я нахожу в ней много удивительного. Во первых потому, что никого не имею, кто бы за меня ходатайствовал к получению такого места, которое многим должно быть лестно. По приезде моем сюда мое недоумение разрешилось, узнав от самого министра, что он хочет, чтобы имела пользу от людей, кои в ней употребляются...»⁴¹. В этом же году Захар Николаевич женился на дочери И.П. Архарова.

Документы публикуются согласно «Правилам издания исторических источников» (М., 1990) с сохранением стилистических особенностей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№1. 1812 г. сентября 12 – Рапорт управляющего Андреевским имением Алексея Гнездарева З.Н. Постникову

Его превосходительству, милостивейшему государю Захару Николаевичу, его сиятельства графа Семена Романовича управителя Гнездарева.

Рапорт

На сей владимирской почте вашему превосходительству доношу, что его сиятельство граф Михайло Семенович, раненый в ногу, минувшего августа 28 числа изволил прибыть из армии в Москву, о том вашему превосходительству чрез Московский почтамт я рапортовал. После того его сиятельство со свитою своею выехал из Москвы на третий день в Андреевское благополучно, и теперь, слава Богу, находится в Андреевском и от раны чувствует облегчение.

Вслед за ним с повеления его сиятельства успел я отправить из московского дома в Андреевское: первое, всех пенсионеров в Милете живущих; второе, всех людей, а потом выехал сам с конторщиками в Милет, и взяв оттуда с собою Юлию Петровну, приехал в Андреевское благополучно.

До прибытия же его сиятельства в Москву и в самое присудствие его отправлено из Москвы в Андреевское: 1-е, все серебро; 2-е, большая часть ренсковых вин и 3-е, нужные все крепости и планы, а за тем осталось в Москве на жертву неприятелям до двух тысяч бутылок вин, вся в доме мебель и в кладовых разная мелочь,

чего вывезть не успели, да стороннего имущества, кое хранилось в кладовых, как-то: графини Марьи Васильевны Дебальменной сундуки и прочее (кроме серебра, кое сохранено и Ивана Васильевича Нарышкина три сундука: все сие как и слободской его сиятельства неприятелями разграблено и к сожалению созджено.

Теперь в Андреевском как с его сиятельством господ и разных воинских чинов раненых, так и своих пенсионеров и прочих людей имеется превеликое множество.

Опасности от нашествия неприятеля в здешних местах слава Богу поныне не предвидится, а что впредь последует, неизвестно.

Сентября 12 дня 1812 года.

Вашего превосходительства всенижайший слуга Алексей Гнездарев.

Село Андреевское.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 581. Л. 1–1 об.

№2. 1812 г. – Журнал вотчинного правления с. Андреевского

Во время нашествия неприятельского в Россию, хотя его сиятельства имение и много претерпело разорения и убытков, но с доходов подлежащие в казну пошлины и на следующий 1813-й год взносимы будут те же, как и в нынешнем году.

Граф Михайло Семенович писал ко мне, что он желает по совету архитектора г. Кампорези сгоревший в Москве слободской дом исправить к весне покрышкою, а флигели будущим летом внутри и отделкою. Я не нахожу большой надобности так скоро отделявать флигели, потому что доходы его сиятельства теперь весьма недостаточны, о чем я обоим графам и пишу.

Пенсионеры, кои перевезены из московского дома в Андреевское, могут жить спокойно и в Андреевском в том флигеле, где они тобою помещены.

Андреевские дворовые люди должны остаться довольными и тем, что в присутствии его сиятельства графа Михайла Семеновича получили от него себе изрядное награждение, и сверх того позволяется на нынешнюю зиму для их коров давать сено, на покупку коего должно употребить из суммы его сиятельства до тысячи рублей.

По выписке из штатов видно, что в вотчинных правлениях имеется дворовых мальчиков в школьниках 37 и отданных в разные

мастерствы 9, всего сорок шесть человек, да девок от двенадцати и до двадцати лет шестьдесят. О мальчиках сделать в вотчинные правления предписания, чтоб каждое правление старалось способных из них к занятию конторской должности доучивать, а неспособных к тому раздать в мастерствы разного звания года на четыре или на пять сторонним людям на хозяйское содержание; покуда же они не будут рассортированы, производить им обыкновенную месячину и сверх того снабжать одеждою и обувью так, чтоб на каждого кроме хлеба в год не более выходило пятнадцати рублей.

О девках вотчинным правлениям предписать, чтоб отцы их выдавали в замужство за крестьян, так как дочери рабочих дворовых людей в деревнях к крестьянской работе уже привыкли, а естли сего не выполнять, то не будет им производима на них хлеба; которую ж кто из молодых дворовых людей пожелает взять за себя, таковым позволять женится не иначе как с тем, чтоб он принял жизнь крестьянскую, за что дано ему будет льготы от всех податей на пять лет, и сверх того снабдится чета сия для посева хлебом господским на три года, на каждый по три четверти.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 581. Л. 5 об.—8.

**№3. 1814 г. сентября 23. Письмо З.Н. Постникова
гр. С.Р. Воронцову**

Сиятельнейший граф. Милостивый государь!

Я чувствую себя весьма виновным пред вашим сиятельством в долговременном молчании и конечно ласкаюсь на ваше, как единственного моего благодетеля, великодушие, что меня простите. Первоначальная причина была та, что я, наскуча одинокою жизнью и ощутя совершенную пустоту во время продолжительной моей болезни, как скоро стал выздоравливать, то и начал помышлять, чтобы устрои(ть) себя по-человечески. Бог меня благословил в моем благом начинании, и я женился, со стороны спокойствия могу сказать счастливо. Долг мой был уведомить о том предварительно вас, моего благодетеля, в сем намерении. Как скоро помолвил, писал я к графу Михайлу Семеновичу и, надеюсь, что он о сем в свое время известил ваше сиятельство. Женясь и вступя в новую для меня жизнь, я несколько пробыл как в чадy, и хотя ничто на свете не может изгладить из сердца моего ваших милостей, но изъяснить пред вами

чувств моих некоторое время не был в состоянии, и потому к всем не писал. Потом узнав, что скоро едет в Англию Иван Иванович Смирнов¹, счел сей случай самым лучшим пространно писать: но и он что-то долго замешкался, так что едва наконец отъезд его точно уже назначен.

Между тем все переводы денежные сделаны в свое время, о коих для поверки прилагаю при сем краткой счет.

Полученная мною чрез г. Раевского графине Арине Ивановне, князю Григорию Семеновичу и Григорию Алексеевичу тот час мною отправлены по их назначению, равно как и г. Гварении доставлено. Что же касается письма и посылки графу Федору Васильевичу Ростопчину^{II}, то я их отдал ему здесь лично.

Крупы, грибы и паюсная икра отправлены к вам в два раза, и я думаю, что до вас уже давно дошли.

Андрею Васильевичу Назаревскому тотчас по получении письма вашего сиятельства две тысячи рублей дано, и я видел его очень обрадованным таковою вашему к нему милостию, и он тогда же принес ко мне письмо, которое у сего прилагаю. Потом полученное мною на его имя письмо к нему я отослал.

Теперь я во исполнение воли вашего сиятельства занимаюсь собранием по всем вотчинам вашим сведений о соседственных к ним оброках. По разности губерний и способов крестьянских положены разные оброки, и там, осмеливаюсь чистосердечно вашему сиятельству сказать, что всех под одну меру оброка подводить никак нельзя, ибо иные теперь платят по 9 рублей, напротив малороссияне, коих более семи тысяч душ, одни платят по 4 1/2.

Если изволите припомнить, что я в начале достопамятного 1812-го года писал к вам, чтобы прибавить оброк, и на то получил в начале лета ваше соизволение, которое однако же при таких несчастиях, каковыми угрожалось наше отечество, в действие до совершенного окончания войны приводить не было возможности, то я выдумал привести оное теперь, так чтоб было еще пятьдесят тысяч или около того наложено оброку, разверстав оные по мере возможности крестьян. Прежняя переоброчка, которую по воле вашей я делал, была так удачна, что и в 1812 и 1813-м годах, когда большая часть помещиков, иные вовсе, а некоторые половины доходов своих не получали, ваше сиятельство свой доход получили весь, исключая

двухсот душ Московской и несколько сот Калужской губернии, где был неприятель; которым по необходимости надобно было дать облегчение рассрочкою неполученного оброка. Сим немногие помещики похвалиться могут. Итак, если вашему сиятельству угодно будет удостоить утверждением мнение, то я за большое удовольствие почту употребить все мое старание сделать вам угодное и вместе полезное.

Коротмы всякой раз при новой отдаче возвышаются. Что же касается лесов, то по нахождению их в таких местах, откуда сбывать их неудобно, не обращали они на себя внимания покойного брата вашего, моего незабвенного благодетеля, в отношении том, чтоб делать из них доход: но, в прочем, не оставляю я о сем предмете согласно воле вашего сиятельства объясниться и вместе подумать с графом Михайлом Степановичем.

Двум племянницам вашим графиням Катерине Артемьевне и Марье Артемьевне я объявил благотворительное ваше к ним расположение. И так как теперь остается в Московской конторе оброчных доходов не с большим две тысячи рублей, то по получении оных и доставил я к ним каждой по тысяче рублей, а по другой тысяче не прикажете ли им давать к святой неделе, что и для них будет веселее, ибо на к празднику всегда больше нужд случается. Впрочем если сие не угодно будет вашему сиятельству, то я им доставлю из первополучития имеющих доходов. Как они примут по первой тысяче, не премину донести вашему сиятельству.

Князь Александр Борисович Куракин^{III} свидетельствует вашему сиятельству свое почтение.

Гаврила Романович Державин, коему я в прошлом году оказывал о высоком мнении вашем об его поэзии, узнав от меня желание ваше иметь его сочинения, прислал ко мне весною письмо на ваше имя и четыре тома его творений. Но после взял их сам, перечитывал и ошибки поправлял. Также прислали гимн его. Оные письмо и сочинения Гаврила Романовича при сем посылаю. Кажется мне, что он просит о напечатании в Лондоне его гимна. Издержки он приемлет на себя. Конечно сей гимн, будучи плод его старости, не может сравниться с другими его произведениями: но он много привязан к сему последнему чаду его гения.

Бытности здесь нашего вселюбезнейшего государя исполнила все сердца восхищением. Время его здесь пребывания было время

беспрестанных торжеств. Излиянные им на всех его верноподданных милости неисчислимы. Манифест 30 августа, при сем прилагаемый, покажет вам, что подобного еще не было.

Перемена в Министерстве только в том состоит, что министр юстиции Иван Иванович Дмитриев^{IV} получил отставку с 10-ти тысячным пансионом, а на его место определен Дмитрий Прокофьевич Трощинской^V, которого уповаю, что ваше сиятельство изволило лично знать. Он был в то время как ваше сиятельство посещали Петербург первым статс-секретарем прежде учреждения министерства, в которое он поступил. Из сего определения многие догадываются, что оно есть предвещание важнейших перемен. Я, потеряв в прежнем министре юстиции человека мне весьма благоприятствовавшего, утешаюсь тем только, что я некогда считался в команде у нынешнего, и прежние труды мои ему несколько известны, и хотя очень тяжело служить без покровительства, но я привык уже, не надеясь на оное, полагать упование на Бога и прямо служить так как мне честь и совесть моя велят. Простите меня, сиятельнейший граф, что я занимал вас собою; но чтя вас в душе моей как единственного благодетеля и отца, не скрываю от вас моих помышлений.

Граф Федор Васильевич Растопчин уволен от начальства Московую, а на его место определен Александр Петрович Тормасов^{VI}. Николаю Николаевичу Новосильцову^{VII} на пути в Брест государь император пожаловал орден св. Александра Невского.

Указа о новой ревизии еще нет. Я уверен однако же, что по вашим деревням убыли в числе душ не будет.

Возвращения государя-императора ожидают сюда к 12-му декабря, дай Бог, чтобы прежде.

Поручаю себя достойным милостям и покровительству вашему.

Остаюсь вечно вам преданным. Сиятельнейший граф, милостивый государь! Вашего сиятельства всепокорнейший и преданнейший слуга Захар Посников.

С. Петербург. Ч. 23 сентября 1814

P.S. Илья Яковлевич Аршеневский, сенатор и казначей российских орденов, отдал недавно в Сенате заготовленное им к вашему сиятельству письмо, которое при сем прилагаю.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 564. Л. 145–150 об.

- ^I Отец Иаков Смирнов (1754–1840) – священник русской миссии в Англии.
- ^{II} Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826) – главнокомандующий Москвы, член Государственного совета.
- ^{III} Куракин Александр Борисович (1752–1812) – вице-канцлер, президент Коллегии иностранных дел.
- ^{IV} Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – министр юстиции, писатель.
- ^V Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1754–1829) – статс-секретарь.
- ^{VI} Тормасов Александр Петрович (1752–1819) – генерал-губернатор и главнокомандующий в Москве.
- ^{VII} Новосильцов Николай Николаевич (1761–1836) – граф, член Государственного совета.

Примечания

- ¹ Саитов В.И. Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 483.
- ² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 564. Л. 5–6.
- ³ Там же. Д. 567. Л. 194.
- ⁴ Там же. Л. 190–191 об. На управление Санкт-Петербургскими, Выборгскими и Олонецкими имениями выдана была доверенность сенатору К.С. Рындину.
- ⁵ Там же. Оп. 7. Д. 1398.
- ⁶ Там же. Л. 4.
- ⁷ Там же. Л. 2.
- ⁸ Там же. Д. 564. Л. 33.
- ⁹ Там же. Оп. 2. Д. 505.
- ¹⁰ Там же. Д. 504. Л. 15.
- ¹¹ Там же. Д. 564. Л. 15.
- ¹² Там же. Л. 14.
- ¹³ Там же. Д. 1398. Л. 29.
- ¹⁴ Там же. Д. 1396. Л. 57 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 567. Л. 195 об.–196.
- ¹⁶ Там же. Д. 564. Л. 93–93 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 1398. Л. 35.
- ¹⁸ Там же. Д. 563. Л. 7 об.–8.
- ¹⁹ Там же. Д. 564. Л. 5.
- ²⁰ Там же. Д. 1398. Л. 58 об.
- ²¹ Там же. Л. 47.
- ²² Там же. Д. 564. Л. 21 об.
- ²³ Там же. Д. 567. Л. 199.
- ²⁴ Там же. Д. 564. Л. 20 об.
- ²⁵ Там же. Д. 567. Л. 204. Письмо от 16/21 августа 1806 г.
- ²⁶ Там же. Д. 1398. Л. 29.
- ²⁷ Там же. Д. 564. Л. 61.
- ²⁸ Там же. Л. 106 об., 112.
- ²⁹ Там же. Л. 98 об.
- ³⁰ Там же. Д. 567. Л. 215 об.–216 об.

³¹ Э.Ф. Сен-При (1776–1814) – граф, генерал-лейтенант; состоял при начальнике Главного штаба 2-й Западной армии, при Бородине тяжело контужен.

³² Н.В. Гудович (1758–1841) – граф, генерал-лейтенант; с октября 1812 г. начальник объединения Черниговско-полтавского ополчения.

³³ Н.В. Кретов (1773–1839) – генерал-лейтенант; в кампании 1812 г. командовал 1-й бригадой Екатеринославского и Орденского кирасирских полков.

³⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 581. Л. 3–3 об.

³⁵ И.В. Сабанеев (1770–1829) – генерал от инфантерии. В кампанию 1812 г. определен начальником главного штаба 3-й Западной армии.

³⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 229. Л. 46.

³⁷ Валантен (1763–1822) – барон империи, французский бригадный генерал.

³⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 229. Л. 47–48.

³⁹ Там же. Л. 53 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 7. Д. 1304. Л. 29.

⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 564. Л. 104 об.–105.

ШТРИХИ УШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Н.Я. Серебрякова
г. Санкт-Петербург

Рашетты и Воронцовы

В 2011 г. вышла в свет книга С.Н. Рошета¹, потомка Ж.-Д. Рашетта², в которой рассказывается о семье скульптора, о его родственном окружении и потомках, среди которых были известные деятели русской истории и культуры.

Жак-Доминик Рашетт (1744–1809) – скульптор, француз по происхождению, русский по творческой биографии. Наряду с именами Федота Шубина, Михаила Козловского и Ивана Мартоса его имя было широко известно в России в конце XVIII – начале XIX вв.

В отличие от многих скульпторов Ж.-Д. Рашетт не оставил автопортрета. Единственное его изображение – силуэтный портрет, сделанный художником И.Ф. Антингом (1753–1805) и подписанный Ж.-Д. Рашеттом 1 сентября 1784 г. Портрет находится в рукописном альбоме Ф. Антинга, когда-то принадлежавшем графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву³.

Жак-Доминик Рашетт приехал в Россию в 1779 г. по приглашению князя А.А. Вяземского на должность модельмейстера Императорского фарфорового завода. Наиболее известно его имя в области фарфоровой пластики – им созданы настольные украшения к парадным фарфоровым сервизам, среди которых знаменитые Арабесковый, Яхтинский и Юсуповский сервизы, сервиз для князя А.А. Безбородко, сервизы великих княжон Александры Павловны, Елены Павловны, Екатерины Павловны и Марии Павловны. Он также является автором скульптурного убранства Холодных бань с Агатовым павильоном в Царском Селе, пяти скульптур на Большом каскаде в Петергофе, барельефов Казанского собора в Петербурге, надгробного памятника А.Д. Ланскому в Казанской церкви Царского Села.

Творческое сотрудничество Ж.-Д. Рашетта с Н.А. Львовым и Г.Р. Державиным способствовало появлению многих работ скульптора. Это барельефы и медальоны зала заседаний Сената, где авторами идеи были Н.А. Львов и Г.Р. Державин, а исполнителем барельефов – Ж.-Д. Рашетт. Это Арабесковый сервиз, идея и проект которого

принадлежит Н.А. Львову, а «Описание столового сервиза» было сделано Г.Р. Державиным⁴. По проекту Н.А. Львова Ж.-Д. Рашеттом были выполнены надгробный памятник князю А.А. Безбородко в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры и памятник П.А. Румянцеву-Задунайскому в усадьбе графа П.В. Завадовского в Ляличах.

Об известности Ж.-Д. Рашетта среди современников говорит тот факт, что именно ему было поручено сделать барельефный портрет гениального математика Л. Эйлера, который был отлит в Петербурге в 1781 г. и передан в дар Парижской академии, где и находится в настоящее время. По отзывам современников, эта работа говорит о таланте скульптора, сумевшего передать сложный облик математика, труды которого (всего их более 900) определили развитие науки XVIII–XIX вв.

7 сентября 1783 г. Л. Эйлер скончался и был похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге (памятник на его могиле был воздвигнут в 1837 г. Санкт-Петербургской Академией наук)⁵.

Скульптору Ж.-Д. Рашетту, хорошо знавшему великого Эйлера, было поручено создание его бюста. Заказ знаменитому скульптору был сделан, конечно, не без участия Е.Р. Дашковой, директора Санкт-Петербургской Академии наук.

14 января 1785 г. Екатерина Романовна в конференц-зале Императорской Академии наук в присутствии ее членов торжественно установила мраморный бюст Л. Эйлера на специально приготовленную колонну. «Изображение сие соорудили г.г. Академики и Адъюнкты своим иждивением; а ея сиятельство, их славный шеф, того способствовала в создании великолепной колонны, которая служит ему пьедесталом» – сообщалось в газете «Московские ведомости» (1785. № 8).

Подробно о событиях, посвященных памяти Л. Эйлера, можно прочитать в статье Г.И. Смагиной⁶. К сожалению, в другой статье⁷ дата установки мраморного бюста Л. Эйлера в зале Академии наук указана неверно.

Авторское повторение бюста в мраморе (53 x 30 см) было сделано Ж.-Д. Рашеттом для графа А.С. Строганова в 1788 г. Бюст находится в собрании Эрмитажа. В 1794 г. с мраморного оригинала бюст был отлит в бронзе⁸, отливал и чеканил А. Уртов. Бюст Л. Эйлера был использован Ф. Антингом для силуэтного портрета ученого.

Ещё один эпизод книги С.Н. Рошета связан с губернаторской деятельностью Михаила Семеновича Воронцова в Одессе. Из нижеследующего письма⁹, адресованного Виктору Григорьевичу Теплякову¹⁰, служившего у М.С. Воронцова, видно, что деятельность одесского губернатора распространялась и на торговые отношения, и на заботу о безопасности моряков.

«Управление
Новороссийского и Бессарабского
Генерал-Губернатора.
23-го Мая 1834 г.
№ 8006. Одесса

Частые кораблекрушения, коим подвергаются купеческие суда, идущие в Константинопольский пролив, подали мысль о составлении проекта насчет улучшения воздвигнутых Турецким правительством у самого входа в Босфор со стороны Черного моря двух маяков, кои, как отзываются шкипера, не всегда освещаются исправно.

Полагают также полезным поставить маяк против мыса ложного Босфора (Карабурку), где разбиваются многие суда.

Желая иметь верное сведение: освещаются ли постоянно маяки у входа в Босфор со стороны Черного моря находящиеся, а также, каким образом производится сие освещение, я поручаю Вашему Благородию отправиться в Константинополь и по собрании частным образом подробнейших по означенному предмету справок, представить мне оные с Вашими замечаниями.

Если представится Вам удобным случаем посетить Смирну, то Вы можете туда поехать для собрания сведений о производящихся там торговых оборотах с Россиею, и, удостоверившись, в чем именно оные заключаются, представить мне таковые сведения по возвращении Вашем в Одессу. Паспорт для свободного проезда в Константинополь, Смирну и обратно в Одессу к сему прилагается.

Новороссийский и Бессарабский
Генерал-Губернатор
М. Воронцов»

Потомок Ж.-Д. Рашетта, Александр Эммануилович Рашет¹¹, зная об этом распоряжении М.С. Воронцова, сообщил В.Г. Теплякову, как добраться до брига «Парис», отправляющегося в сторону Греции:

«Милостивый государь, Виктор Григорьевич!

Консул, отправляясь завтра с рассветом в Пирей, поручил мне известить Вас о сём, предлагая Вам свою лошадь, если Вы намерены переговорить с капитаном судна насчет поездки Вашей в Порос. В случае согласия шкипера судна на предложенные Вами условия... и если Вы предпочтете ехать в сие последнее место, то потрудитесь известить меня теперь же, желаете ли Вы отправляться завтра утром в 7 часов с консулом или предпочитаете в случае неудачи с шкипером... известить Г-на... о намерении Вашем ехать в Порос.

Бриг «Парис» отправляется завтра вечером, а потому Вам нужно будет отправиться в 2 часа по полудни с вещами Вашими в Пирей.

Пребываю с истинным почтением,

Ваш преданный *А. Рашет*»¹²

Портрет Е.А. Воронцовой (урожденной Сениявиной)

Владельцами усадьбы Мурино¹³ с 1749 г. по 1917 г. были Воронцовы. К сожалению, пока не удалось найти точных сведений о дате рождения Екатерины Алексеевны Воронцовой (урожденной Сениявиной), супруги Семена Романовича Воронцова. Даже на ее надгробии в Венеции, в греческом храме св. Георгия, нет даты рождения. Не найдено также изображение дома Воронцовых в Мурине.

До последнего времени был известен единственный портрет Е.А. Воронцовой кисти Д.Г. Левицкого, написанный в 1783 г., который находится в Русском музее¹⁴. Существует несколько копий с этого портрета.

Член Воронцовского общества М.И. Микешин обнаружил в Интернете другой портрет Е.А. Воронцовой, находящийся в Художественном музее города Ташкента. При этом в альбомах, посвященных Государственному музею искусств Узбекской ССР, изданных в 1968 г. в Москве¹⁵ и в 1975 г. в Ленинграде¹⁶, приводятся репродукции с другого портрета Е.А. Воронцовой.

Центральный художественный музей Ташкента находится в здании бывшего дворца великого князя Н.К. Романова. Коллекция музея выросла из частного собрания великого князя, куда входило около ста произведений живописи и графики как русских, так и европейских мастеров. В соответствии с постановлениями 1917–

1918 г. «О национализации музеев и частных собраний» дворец был национализирован и открыт в 1918 г., но уже как Ташкентский центральный художественный музей.

В течение первых десяти лет существования небольшая коллекция музея пополнялась произведениями искусства из различных источников. Картины, скульптуры, гравюры, фарфор, художественную бронзу передавали в Ташкент безвозмездно из Государственного музейного фонда, музеев Москвы и Ленинграда. С 1920 г. по 1924 г. Ташкентский музей получил около 116 произведений русского искусства XVIII – начала XX вв., то есть больше, чем было ко времени основания музея. Среди них оказались портреты кисти В.Л. Боровиковского, К.П. Брюллова, В.А. Тропинина. В 1929 г. музей располагал уже таким объемом материала, что оказалось возможным открыть выставку русского искусства.

В 1930-е гг. Ташкентский музей вновь получил произведения Д.Г. Левицкого, Ф.С. Рокотова, И.Н. Крамского и др. Во вступительной статье Б.М. Никифоровой к альбому 1975 г. читаем: «Некоторые из них заслуживают особого внимания, например, портрет Е.А. Воронцовой, работы Д.Г. Левицкого, написанный в 1783 г.»¹⁷.

Портрет Екатерины Алексеевны Воронцовой имеет почти те же размеры, что и портрет в Русском музее (63 х 49 см.), но в отличие от известного портрета, где мы видим серьезную женщину, о ташкентском портрете во вступительной статье С. Круковской к альбому 1968 г. говорится: «В портрете Е.А. Воронцовой Левицкий создал образ своенравной и насмешливой современницы»¹⁸.

Екатерина Алексеевна умерла в 1784 г. В литературных (но не архивных) источниках говорится о том, что в момент смерти ей было 23 года. Женщина похожего возраста и изображена на ташкентском портрете.

Сомнительно, что это два портрета одной и той же женщины. Хотелось бы узнать мнение специалистов о них.

Что за красная материя изображена на коленях в портрете С.Р. Воронцова¹⁹?

Этот вопрос всем задавала в Крыму и Петербурге член Воронцовского общества Т.Н. Ладыгина, увидевшая портрет Семена Романовича Воронцова в парадном вестибюле Воронцовского дворца

в Алушке. Ее взгляд профессионального фотографа заметил необычную деталь. Что же это?

Это – носовой платок.

Интересна история этого аксессуара.

В XVI в. платки были роскошью и использовались исключительно знатными дамами. Они украшались кружевом или вышивкой и пропитывались духами. Дамы закрепляли воздушные платочки на левом плече или локте. При византийском дворе платок имели право носить только дамы императорской семьи.

На Востоке носовые платки были привилегией князей, которые их носили под кушаком. Бросить носовой платок в сторону человека (особенно женщины) – жест, свидетельствовавший о большом уважении. Эта традиция в Турции сохранилась до XIX в.

На Руси носовые платки назывались ширинками. Они изготавливались из целого куска ткани, отрезанной по ширине, отсюда и произошло слово «ширинка», или «вусчина» – от слова «узкий». Время их возникновения не установлено. Самые ранние образцы, хранящиеся в музейных коллекциях, относятся к XVI в. Ширинка была парадно-декоративным изделием, украшением к княжескому и боярскому костюму, который шился из тяжелых узорных бархатов, парчи, атласов с крупными симметричными узорами. Ширинки шили из кремовой шелковой ткани полотняного переплетения, они были квадратными по форме и украшались вышивкой. Девушка-боярышня, держа в руках ширинку, демонстрировала свое мастерство.

В XVII в. это не просто дорогой аксессуар, а символ богатства. Платки изготавливались из тончайшего дорогого батиста (линобатиста) и украшались сложнейшими вышивками и кружевом, были длиной не менее метра. Их принято было носить напоказ за рукавом или за поясом. Со временем понятие мужского платка стало синонимом элегантности, воспитанности и безукоризненного стиля при любом костюме.

С XVIII в. носовые платки применялись в дворянской и купеческой среде в качестве гигиенической принадлежности благодаря моде на нюхание табака. Носовые платки в этот период шили из тонкого полотна, батиста или кисеи. Женщины носили платки с вышивкой и кружевом, у мужчин платки были большими, с простой обметкой по краю, а в углу вышивался вензель. На хорошем счету

всегда был белый цвет, хотя модой допускались и другие цвета или цветные края.

По требованиям моды и этикета XVIII в. дворянам полагалось иметь гардероб из сотен предметов. Эти требования распространялись и на аксессуары. Так, в описи гардероба графа Н.П. Шереметева (1751–1809) числился 381 носовой платок всевозможных цветов, форм и размеров.

В чопорной Англии XVIII в. мужчины также не смогли обойтись без постоянного ношения с собой носового платка, ибо очень уважали нюхательный табак, а сдержанность была целым искусством. В Англии были популярны платки цветные с каймой или украшенные мелкими цветочками и листиками, что характерно для романтизма 1820–1830 гг. Это и видно на портрете С.Р. Воронцова, о котором и идет речь.

На официальных приемах и парадных портретах предпочтение отдавалось платкам из белого тонкого полотна, украшенных белой вышивкой с монограммой. Примером может быть известный портрет Л. Гуттенбрунна «С.Р. Воронцов с детьми. 1791 г.»²⁰, где изображен рядом с табакеркой свисающий со стола белый носовой платок.

Примечания

¹ Рошет С.Н. Скульптор Жак-Доминик Рашетт (1744–1809). Модельмейстер Императорского Фарфорового завода, Профессор Императорской Академии художеств, Почетный профессор Берлинской Академии художеств. СПб., 2010

² В литературе встречается различное написание фамилии скульптора: Рашетт, Рашет и даже Рошет.

³ Рукописный альбом художника Ф. Антинга находится в РГАЛИ.

⁴ Эмме Б.Н. Русский художественный фарфор. М.; Л., 1950. С. 32.

⁵ Большая советская энциклопедия. Т. 48. М., 1960. С. 335–339.

⁶ Смагина Г.И. Л. Эйлер и Е.Р. Дашкова // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 32–34.

⁷ Поляхова Е.Н., Бессарабова Н.В. Е.Р. Дашкова как директор Санкт-Петербургской Академии наук: поддержка развития математических и астрономических научных школ // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности. М., 2011. С. 49.

⁸ Бюст, бронза. 56 x 25 x 23 см. Поступил в 1925 г. из Академии Художеств в Государственный Русский музей (Ск-156).

⁹ ИРЛИ. Рукописный фонд. 9276а / L 1116.20. Л. 6.

¹⁰ Тепляков Виктор Григорьевич – сын тверского помещика. Учился сначала дома, затем в Московском университетском благородном пансионе. В 1820 г. поступил юнкером в Павлоградский гусарский полк, в 1824 г. был произведен в поручики, в

1825 г. вышел в отставку. В 1828 г. был определен в штат новороссийского и бесарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова. Вел археологические розыски на юге России, а в 1829 г. – в Варне и соседних областях. Сделал несколько археологических открытий.

¹¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1873. Личные формулярные списки за 1800–1894 гг. Рашет.

Александр Эммануилович Рашет (1805–после 1862). Воспитанник Лицейского благородного пансиона (выпуск 1824 г.). В 1832 г. назначен в консульство в Афины. Консул в Бродях. Агент Министерства иностранных дел при Одесском карантине, коллежский советник (1851). Чиновник по особым поручениям VIII класса в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, статский советник (1858–1879). Чиновник по особым поручениям VI класса дипломатической канцелярии Царства Польского (1860), статский советник, стоящий в ведомстве Министерства иностранных дел (1862).

¹² ИРЛИ. Рукописный фонд, 9248/Л 11.6.77.

¹³ Мурино расположено в 20 км от центра Санкт-Петербурга. Сюда можно доехать по железной дороге или на метро (станция Девяткино).

¹⁴ Левицкий Д.Г. Портрет Е.А. Воронцовой. 1783 г. Холст, масло. 64 x 49 см. Слева внизу подпись и дата: *Левицкий 1783 году*.

¹⁵ Государственный музей искусств Узбекской ССР. М., 1968.

¹⁶ Государственный музей искусств Узбекской ССР. Живопись. Л., 1975.

¹⁷ *Никифорова Е.М.* Вступительная статья // Государственный музей искусств Узбекской ССР. Живопись. Л., 1975. С. 10.

¹⁸ *Круковская С.* Вступительная статья // Государственный музей искусств Узбекской ССР. М., 1968. С.4.

¹⁹ Эванс Р. С.Р. Воронцов. 1828 г. Копия портрета сделанная художницей Луизой Дессеме (1857 г.), находится в Алушке в Воронцовском дворце.

²⁰ Портрет находится в государственном музее-заповеднике г. Павловск.

Е.Р. ДАШКОВА И УСАДЬБА УЗКОЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

М.Ю. Коробко

*Управление культуры Юго-Западного
административного округа г. Москвы*

К местам, которые Е.Р. Дашкова могла посещать в период жизни у своего дяди М.И. Воронцова в подмосковной усадьбе Коньково, логично включить усадьбу Узкое, граничившую с ней.

Узкое – одна из интереснейших усадеб, ныне находящихся в черте Москвы (Профсоюзная ул., 123 а). Здесь почти целиком сохранился усадебный комплекс: бывший господский дом с флигелями, службы, служительский флигель, ледник, большие оранжереи, конный двор и кузница, церковь, парк с системой террасных прудов, трое ворот. Именно по Узкому можно составить себе представление не только о парадной, но и о хозяйственной жизни большого помещичьего имения. Тем не менее, несмотря на обилие сохранившихся сооружений, в Узком нет шедевральных памятников архитектуры, за исключением оригинальной церкви конца XVII в. Все остальные постройки более интересны в бытовом плане – как пример богатой, хорошо спланированной барской усадьбы с удобным господским домом и практичными надворными постройками. При этом мало какая московская усадьба сравнится с Узким по значению. Оно стало последним приютом великого русского философа Владимира Сергеевича Соловьева. Будучи санаторием Академии наук, Узкое превратилось в место работы и отдыха многих крупных ученых и деятелей культуры. Владельцами Узкого являлись представители самых знаменитых дворянских родов России: Стрешневы (в 1629–1726 гг.), князья Голицыны (до 1811 г.), графы Толстые (до 1883 г.) и князья Трубецкие (до 1917 г.). Уникально художественное собрание, находящееся в Узком, и часть подлинной обстановки, уцелевшей с дореволюционных времен.

Один из талантливейших историков искусства барон Николай Николаевич Врангель незадолго до Первой мировой войны заметил,

что лучшие дворянские усадьбы принадлежали роду Голицыных или перешли от него по наследству к другим владельцам¹. Это мнение вполне применимо и к Узкому. Именно голицынской эпохе своей истории эта усадьба обязана тем, что стала одной из лучших в Подмоскowie.

Период владения Узким Голицыными и есть «дашковское время». Тогда усадьба принадлежала морскому офицеру князю Борису Васильевичу Голицыну (1705–1768), бывшему сыном стольника Василия Борисовича Голицына и его первой жены Анны Алексеевны, урожденной Ржевской.

Б.В. Голицын рано остался без родителей: мать умерла после его рождения, а отец погиб вместе со своей второй женой Екатериной Григорьевной, урожденной Заборовской, когда сыну было всего пять лет. 2 августа 1710 г. они были убиты обвалившимся потолком в доме князя Якова Ивановича Кольцова-Моссальского на Мясницкой улице².

В 1718 г., то есть в ранней юности, Б.В. Голицын поступил на военно-морскую службу³, в 1746 г. ему был пожалован первый адмиральский чин обер-цехмейстера (контр-адмирала), а с 1755 г. Борис Васильевич стал вице-адмиралом и генерал-кригс-комиссаром флота. Одно время он являлся и главным начальником всей артиллерии – генерал-фельдцехмейстером (позже этот пост стал прерогативой исключительно членов императорской фамилии). В отставку Б.В. Голицын вышел в 1762 г. в чине полного адмирала по болезни⁴. Несмотря на это, в 1767 г. калужское дворянство выбрало его своим депутатом в Комиссию для составления нового свода законов – Уложения (в Калужском уезде Б.В. Голицыну принадлежало большое имение – село Зеново с селцом Горяиново и деревнями Дмитровка, Кашурки, Сергиевское, Поливаново, Пышково и Шахово). На одном из первых заседаний, проходивших в Грановитой палате Московского Кремля, Б.В. Голицын «за слабостию здоровья» передал свое депутатство более молодому и энергичному подполковнику князю И.П. Тюфякину⁵.

На время Б.В. Голицына и его детей приходится значительные работы, проведенные в усадьбе, в том числе разбивка регулярного парка (сада). С запада территорию парка ограничивала до сих пор поражающая своей грандиозностью цепь террасных прудов, устро-

енная на безымянном притоке речки Чертановки⁶. Ревизские сказки за 1764 г. показывают, что Голицыны переводили в Узкое дворовых людей из других имений, в том числе из села Рождествено-Шерапово Московского уезда и села Коровье Кромского уезда. Всего в Узком в то время проживало уже 178 крестьян и крестьянок⁷. При этом жили они очень скучено, поскольку деревня, расположенная недалеко от усадьбы, состояла всего из 14 дворов. Женщины пряли лен и шерсть, ткали холсты и сукна для своего употребления⁸.

Б.В. Голицын унаследовал Узкое от своей жены Софьи Ивановны, урожденной Стрешневой (начало XVIII в. – 1739)⁹. приходившейся внучкой знаменитому деятелю петровской эпохи боярину Тихону Никитичу Стрешневу, при котором начал складываться ныне существующий усадебный ансамбль. Он купил Узкое в 1693 г. у своего четвероюродного брата, окольничего Дмитрия Яковлевича Стрешнева¹⁰. Тогда была сооружена самая ранняя постройка Узкого – церковь Казанской иконы Божьей матери¹¹ – одно из интереснейших произведений нарышкинского барокко в Москве и Подмосковье, единственная примета стрешневского периода истории усадьбы и доминанта усадебного комплекса.

Точная дата закладки церкви в Узком неизвестна. Можно предположить, что это событие совпало с выделением Т.Н. Стрешневым участка пашни для церковного причта на пустоши Борисовка¹². Земля эта считалась церковной при всех последующих владельцах Узкого, они выплачивали за пользование ею церковному причту денежную ругу. Из-за этого в 1696 г. патриаршим указом были увеличены «прибавочные данные деньги», собирающиеся с причта¹³. Из 24 десятин «удобными», то есть пригодными для земледелия, были только 17 десятин¹⁴.

К 1696 г. каменная церковь Узкого уже была подведена под крышу, так как царский жалованный иконописец грек Николай Соломонович Вургаров писал иконы для её правого придела – Иоанна Предтечи, не имевшего аналога в предшествующих храмах Узкого¹⁵. Этот престол получил свое наименование в честь святого, одноименного сыну вотчинника – стольнику Ивану Тихоновичу Стрешневу. То же имя носил и брат и соправитель Петра I царь Иоанн Алексеевич, то есть престол Иоанна Предтечи может являться свидетельством близости Стрешневых к царской семье.

Все работы были завершены в 1697 г., так как только после их окончания и освящения церкви предыдущий деревянный храм мог быть, согласно указу патриарха Адриана, перенесен в подмосковный погост Покровский¹⁶.

Декоративные приемы нарышкинского барокко, сочетающиеся в архитектуре храма в Узком с необычной для Москвы и Подмосковья композицией, отразившей украинское влияние, сделали памятником уникальным, имеющим свое особое место в истории русской архитектуры.

С именем Т.Н. Стрешнева с определенной долей условности можно связать и появление в Узком каменного господского дома: проведение строительных работ при его преемниках выглядит менее вероятным. В документах 1704 г. не значится «двор вотчинников» в Узком¹⁷. Возможно, в то время старые деревянные хоромы были разобраны, а начавшееся новое строительство еще не было завершено. Как известно, в 1714 г. указом Петра I все каменное строительство в стране, за исключением Петербурга, было запрещено, причем запрет продержался до 1728 г., что делает строительство палат в Узком в этот период маловероятным, хотя для Т.Н. Стрешнева могло быть сделано исключение. Скорее всего, палаты в Узком были выстроены до 1714 г.

Экспликация плана генерального межевания 1767 г., составленного землемером – капитаном Виктором Назимовым – по обмерам 1766 г. и «Описание столичного города Москвы и его уезда со всеми лежащими в них дачами, в чьем они владении, какое число мужеска и женска пола душ и сколько мерою земель, со внесением экономических примечаний»¹⁸ свидетельствуют, что хоромы к тому времени уже давно сменил каменный господский дом (если, конечно, это не ошибка В.Я. Назимова), с фундаментом в виде буквы П с сильно вытянутой перекладной (усадеб с каменными господскими домами в Московском уезде было всего около десятка)¹⁹. Судя по тому, что его вскоре заменили другим, деревянным, можно предположить, что дом был сооружен достаточно давно и успел обветшать.

Наша гипотеза о создании каменного дома в Узком именно при Т.Н. Стрешневе объясняет и причины его ликвидации. Архаичные обветшавшие боярские палаты с небольшими окнами и плохо прогревающимися толстыми стенами, занимая одно из ключевых мест в уса-

дебном ансамбле, не соответствовали образу жизни екатерининского вельможи. Поэтому вместо них был поставлен ныне существующий деревянный рубленый обшитый тесом двухэтажный господский дом на кирпичном полуподвале, облицованном камнем. Он был сооружен на средства одного из сыновей Бориса Васильевича Голицына, князя Алексея Борисовича, который стал единственным владельцем Узкого по разделу с братьями около 1772 г. (до этого усадьбу предполагалось продать)²⁰. Следовательно, строительство дома не могло начаться ранее этой даты. Деревянный дом в Узком уже существовал в 1791 г.: владелец в письме к брату Владимиру иронически именовал его «избой»²¹. Таким образом, время возведения здания приходится на 1770–1780-е гг., когда в усадьбе шло крупное строительство и были сооружены многочисленные служебные и хозяйственные постройки. Официальная датировка дома началом XIX в. очень условна и не имеет документального подтверждения²². Вид, близкий к современному, основные жилые постройки Узкого приобрели только в последней четверти XIX в. при Петре Николаевиче Трубецком. С книги Общества изучения русской усадьбы «Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд», увидевшей свет в 1928 г., повелась традиция считать автором реконструкции Узкого архитектора Сергея Константиновича Родионова (1858 или 1859–1925)²³. Тем не менее, вопрос о С.К. Родионове на заседании «Старой Москвы» вызвал дискуссию, по результатам которой был сделан вывод, что «дом в Узком строил едва ли Родионов, скорее Дм[итрий] Ник[олаевич] Чичагов, да и то ему принадлежит только переделка, а остов здания, его стены старые, м[ожет] б[ыть] XVIII века»²⁴.

Самый старый из флигелей – южный кухонный – первоначально бывший одноэтажным, судя по натурным обследованиям, произведенным нами, включил в себя фрагменты здания середины XVIII в., а может быть – более раннего периода. На плане 1767 г. на этом месте показана постройка в виде буквы Т с короткой перекладиной (с запада, напротив входа в него сохранилось небольшое здание ледника, в котором хранились продукты). О его первоначальных формах можно судить по небольшому забранному решеткой окну с наличником, находящемуся на его восточной стороне. Южный флигель и господский дом одно время соединяла галерея, по которой из кухни в столовую носили блюда²⁵. Таким образом этот флигель и церковь – единствен-

ные постройки Узкого, которые гипотетически могут быть связаны с Е.Р. Дашковой и ее родственниками Воронцовыми.

Отношения Воронцовых со своими соседями Голицыными складывались непросто, хотя они были знакомы, и есть основания предполагать, что они бывали друг у друга в гостях. Через Коньково шла северная дорога в Узкое, которой наверняка пользовались Голицыны, а М.И. Воронцов в письме к фавориту императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалову²⁶ обнаруживает хорошее знание реалий Узкого. Фактически это письмо можно рассматривать как своего рода жалобу. М.И. Воронцов сообщил: при установлении точной границы между Коньковым и Узким обнаружилось, что значительная часть территории голицынской усадьбы, в том числе участок, на котором сооружена церковь, должна относиться к Конькову: «...действительно от межевщиков найдено, что церковь, часть поля с садами и деревня поселена на Кон[ь]ковской земле; чрез сей случай я ласкаю себя иметь удовольствие вас соседом видеть, понеже князь Б.В. [Голицын] должен будет свое село Уское продать за резонабельную цену, и я прошу вашего превосходительства не упустить сию оказию и оную деревню купить, а я с охотою принадлежащую к тому землю вам уступлю, а не кому другому»²⁷. Тем не менее, вопрос решился в пользу Б.В. Голицына, а И.И. Шувалову не суждено было стать владельцем Узкого. Спорная земля с церковью и крестьянскими избами показана входящей в состав Узкого на плане генерального межевания – наиболее раннем известном плане имения 1766 г.²⁸

Еще один сюжет, косвенно связывающий Узкое с Е.Р. Дашковой – попытка приобрести эту усадьбу, предпринятая одним из самых незаурядных военачальников XVIII в. – генерал-аншефом графом Петром Ивановичем Паниным²⁹, который впоследствии стал владельцем дашковской подмосковной усадьбы Михалково.

П.И. Панин вышел в отставку в конце 1770 г. «...отчасти из недовольства на то, что его не произвели в фельдмаршалы, как графа Румянцева³⁰, отчасти из досады, что государыня и кригсколлегия не утвердили всех производств и награждений георгиевскими крестами офицеров, которых он представлял, уменьшив их на 35 из ста, отчасти же вследствие недугов, и особенно подагры, которою он страдал...»³¹. Оказавшись не у дел Петр Иванович попытался стать владельцем уже обстроенной подмосковной усадьбы под Москвой.

Без этого, как он писал своему знаменитому брату Н.И. Панину, вынужден «каждое лето скитатца из одолжения себя по чужим домам, а ожидать собственной выстройки наступившая старость уже отнимает надежду»³². Этот документ наглядно показывает отношение москвичей к усадебной жизни: «...обычай здешнего места такой, что все без изъятия приватные помещики на весну и лето разъезжаются по своим заготовленным заранее уже подмосковным или загородным дворам, но наша с тобой ревность в службе лишила нас себе такого приуготовления»³³.

Усадеб, удовлетворяющих требованию П.И. Панина, в продаже оказалось немного, что само по себе является очень интересным фактом. Одно время Петр Иванович собирался купить усадьбу Нескучное у князя П.Т. Трубецкого: «здешней загородный двор, надеюсь и вам известной по имени Нескучное... я его осматривая нашел таким, что к покойному увеселительному житию, когдаб случилось и обоим нам вместе, никогда лучше развести и дожидаться в мой век нельзя...»³⁴, — сообщал П.И. Панин брату, прося денег на покупку из его вотчинных доходов. Тем не менее, эта сделка не состоялась, видимо из-за «тягости в содержании... в рассуждении... издержек»³⁵ на Нескучное.

Затем внимание П.И. Панина привлекло Узкое, в котором он наверняка побывал. Имение принадлежало сразу нескольким владельцам, что не могло не вызвать определенных трудностей, поскольку договариваться предстояло с каждым. С другой стороны, это увеличивало шансы на то, что Голицыны захотят превратить Узкое в деньги и поделить их между собой. Алексей Борисович Голицын, в принципе не возражая против перспективы расстаться с Узким, предложил П.И. Панину сначала получить согласие его братьев. Сделать это быстро оказалось невозможно. Чума, начавшись на русско-турецком театре военных действий, несмотря на строгий карантин, была занесена в Москву и косила до тысячи человек в день. Все заинтересованные в сделке лица срочно оставили город, в котором 15 сентября 1771 г. вспыхнуло восстание, получившее название «Чумной бунт». Его подавил фаворит императрицы Г.Г. Орлов с гвардейским полком, принявший решительные меры для прекращения эпидемии. Позже о цене Узкого со всеми его хозяевами договорился капитан В.А. Выродов, но по просьбе П.И. Панина уступил ему свое право приобретения имения³⁶.

30 мая 1772 г. П.И. Панин в письме к А.Б. Голицыну напомнил о его прошлогоднем обещании продать Узкое: «Я в надежде вашего сиятельства всегдашнего ко мне приятельского расположения, почкорно прошу, в особливое меня одолжение, не входить по удержанию сей деревни за собой, и согласиться принять от меня за оную восемнадцать тысяч рублей, к невосприпятствованию приобрести в ней желаемый покой на остальную жизнь офицеру, истощившему во общей с вами отечеству службе и леты и здоровье»³⁷. Из письма ясно, что А.Б. Голицын к тому времени стал единственным владельцем Узкого, но надо думать, что ответ оказался отрицательным, поскольку имение продано не было³⁸.

В итоге П.И. Панин в летние месяцы периодически жил у своей сестры княгини А.И. Куракиной в подмосковном имении Ельдигино, пока его жена графиня Мария Родионовна Панина, урожденная фон Вейдель, наконец, не стала владелицей усадьбы Михалково, выменянной на «малоярославскую вотчину»³⁹. Глядя на сохранившиеся до наших дней в Михалкове псевдоготические башни-ворота, беседки-павильоны и флигели, выстроенные в этой бывшей дашковской усадьбе при Паниных (П.И. Панину все же пришлось заниматься строительством), странно думать, что Узкое могло бы быть совсем не таким, каким мы привыкли его видеть...

Примечания

¹ Врангель Н.Н. Помещичья Россия // Старые годы. 1910. № 7–9. С. 62.

² Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Т. I. СПб., 1892. С. 144.

³ Российские адмиралы: Биографический словарь / Авт.-сост. С.В. Чертопруд. М., 2004. С. 95.

⁴ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 4. Д. 2.; Божерянов И.Н. Список генерал-адмиралам, генерал-фельдмаршалу и адмиралам русского флота с момента его основания по настоящее время. СПб., 1878. С. 6.

⁵ Сб.РЮ. Т. 4. СПб., 1869. С. 60.

⁶ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. 3 «У», «С»; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 755. Л. 72; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2469. Л. 51 об.–52.

⁷ Долгова С.Р. Короткие рассказы о Москве. М., 1997. С. 144.

⁸ Материалы по истории крестьянской промышленности. Т. II. Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX в. М.; Л., 1950. С. 337.

⁹ Шеппинг Д.О. Древний Сосенский стан Московского уезда // Сергеев И.Н. Царицыно. Суханово: Люди, события, факты. М., 1998. С. 411. Некоторые источники называют ее не Софьей, а Екатериной. См.: Голицын Н.Н. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Киев, 1880. С. 69.

¹⁰ В литературе встречаются другие датировки храма, однако они ошибочны. Чаще всего его датируют 1698 г. См.: *Холмогоровы В.И. и Г.И.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 8. Пехрянская десятина (Московский уезд). М., 1892. С. 110. Тем не менее, указ о переносе старой церкви 1697 г., не мог быть выдан прежде освящения новой: село не мог оставаться без действующего храма. Писатель П.Г. Паламарчук в книге «Сорок сороков» приводит свою датировку церкви в Узком: 1698–1704 гг. (Сорок сороков. С. 230), ссылаясь при этом на следующее издание: Памятники усадебного искусства I. Московский уезд. М., 1928. С. 94. В указанной книге даты 1704 г. нет (ее составители, в свою очередь ссылаются на работу В.И. и Г.И. Холмогоровых). Удивительно, что авторы книги «Памятники архитектуры Москвы» использовали ошибочную датировку П.Г. Паламарчука, не перепроверив ее. См.: Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (юго-восточная часть и южная части города). М., 2007. С. 303. При этой церкви в 1704 г. было два священника, значатся дворы дьячка, пономаря, просвирни и «двор вотчинников», то есть усадьба Т.Н. Стрешнева, в которой жил его приказчик Петр Остафьев с семьей, а также восемь крестьянских дворов. См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9816. Л. 62–63 об.; *Долгова С.Р.* Указ. соч. С. 144.

¹¹ В литературе церковь в Узком зачастую ошибочно называется церковью Анны, хотя престола с таким наименованием в ней никогда не было. См., например: Москва: Энциклопедия. М., 1980. С. 616; Сорок сороков: альбом-указатель всех московских церквей. Т. 4 / Сост. П.Г. Паламарчук. М., 2005. С. 230; Православная Москва: справочник действующих монастырей и храмов. Изд. 1-е. Клин, 1993. С. 78; Изд. 2-е. Клин, 1995. С. 68; *Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. С. 520. В официальных списках памятников Москомнаследия церковь в Узком фигурирует как церковь Анны Казанской – название, явно противоречащее здравому смыслу.

¹² *Холмогоровы В.И. и Г.И.* Указ. соч. С. 110. Несмотря на это, владельцы Узкого являлись арендаторами церковной земли, то есть сохранялась выплата «руги» церковному причту под видом арендной платы.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 746. Д. 1568. Л. 267 об.–268. Границы церковной земли в Борисовке показаны на плане Узкого 1767 г. См.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. 3 «У», «С».

¹⁵ *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в.: словарь / Записки Императорского Московского археологического института. Т. II. М., 1910. С. 260. См. также: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9820. Л. 120 об.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 465. Д. 10. Л. 125; *Холмогоровы В.И. и Г.И.* Указ. соч. Вып. 3. Загородская десятина (Московского уезда). М., 1886. С. 105. Также см.: *Забелин И.М.* Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873. С. 134; *Коробко М.Ю.* Храм усадьбы Узкое: история сооружения и реставрации // Московский журнал. 1993. № 4. С. 40–45. В справочнике «Москва православная» в статье о церкви в Покровском (Орлове) эта дата не зафиксирована, но почему-то констатируется, что документы, связанные со сменой храмов в этом населенном пункте, утрачены. См.: Москва Православная. Церковный календарь, история города в его святынях, благочестивые обычаи. Октябрь. [Т. 10]. М., [2004]. С. 451–453.

¹⁷ Долгова С.Р. Указ. соч. С. 143–144.; Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. Вып. 8. С. 110.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. 3 «У», «С»; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 775. Л. 72; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2469. Л. 51 об.–52.

¹⁹ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. Исторические очерки. М., 2001. С. 187. В данном издании не указан каменный господский дом в соседней с Узким усадьбе Ясенево.

²⁰ Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII–XX веков. М., 1996. С. 45.

²¹ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 93. Д. 40. Л. 1–1 об.

²² Перечень памятников архитектуры Москвы, состоящих под государственной охраной. М., 1988. С. 108.

²³ Памятники усадебного искусства. [Вып.] 1. Московский уезд // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 4. М., 1998. С. 152.

²⁴ Коробко М.Ю. Указ. соч. С. 155.

²⁵ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 251.

²⁶ Иван Иванович Шувалов (1727–1797) – деятель российского просвещения, с 1749 г. фаворит императрицы Елизаветы Петровны, дипломат, генерал-адъютант, член Конференции (Государственного совета), был покровителем М.В. Ломоносова, основателем и первым куратором Московского университета, основателем и первым президентом Академии художеств.

²⁷ Письма гр. М.Л. Воронцова к И.И. Шувалову // Русский архив. 1864. № 3. С. 287.

²⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. 3 «У», «С».

²⁹ Петр Иванович Панин (1721–1789) – граф, с 1762 г. генерал-аншеф, брат канцлера Н.И. Панина, участник Семилетней (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774) войн, один из лидеров оппозиции правительству, в июле 1774 г., в период наивысших успехов восстания Е.И. Пугачева, императрица была вынуждена назначить П.И. Панина командующим правительственными войсками, действовавшими против восставших.

³⁰ Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) – граф, владелец подмосковной усадьбы Троицкое-Кайнарджи.

³¹ Штрэндман Г.Э. Записки Густава фон-Штрэндмана // Русская старина. 1882. № 5. С. 316.

³² Чекмарев А.В. Усадьба Дугино Паниных // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 7. М., 2001. С. 408.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 409.

³⁵ Лонская О.М. Ближняя подмосковная Петра Ивановича Панина – Михалково // А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Материалы IV Пушкинской конференции 15–17 октября 1999 г. Большие Вяземы, 2000. С. 215.

³⁶ ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 27. Д. 29. Вместо Узкого Василий Андреевич Выродов приобрел расположенное севернее его имение подпоручика Матвея Петровича Зиновьева Черемушки-Знаменское. Оно вскоре было описано за долги и продано с аукциона. Подробнее о Черемушках см.: Коробко М.Ю. Москва усадебная. М., 2005.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 100. Д. 26. Л. 1–1 об.

³⁸ Пока шли затянувшиеся переговоры о возможной продаже имения, жена А.Б. Голицына оказалась беременна, 3 августа 1772 г. родился их первый ребенок – дочь Мария (впоследствии по мужу графиня Толстая). Возможно, с этим связан и отказ А.Б. Голицына расстаться с усадьбой.

³⁹ Подробнее о Михалкове см.: *Коробко М.Ю.* Указ. соч. С. 209–234; *Коробко М.Ю., Насимович Ю.А., Рысин Л.П.* Михалково. М., 2001.

ОТ ПРОТЕСТАНТИЗМА К ПРАВОСЛАВИЮ (О ПЕРЕХОДЕ В ПРАВОСЛАВИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ)

Н.В. Зайцева

кандидат искусствоведения

г. Санкт-Петербург

Попытка изучения достаточно отдаленной исторической эпохи, связанная с анализом исторических событий или личностей, представляется сегодня невозможной без реконструкции системы взглядов и представлений людей этого времени. В противном случае нас подстерегает опасность модернизации прошлого, опасность суждения о поступках или действиях людей далекой эпохи с точки зрения современного человека.

Вопрос религиозных воззрений великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны не находился под пристальным вниманием историков. Кроме того, любой историк, кроме богослова, коснувшись этого вопроса, невольно вступает на «чужую территорию». Останавливает исследователя и ограниченный, как правило, «официальный» материал, не позволяющий обстоятельно проанализировать сложный вопрос перехода из одной религии в другую, степень религиозности исторических персонажей, степень влияния веры на их жизнь.

О принятии православия великой княгиней Екатериной Алексеевной мы можем судить, основываясь на ее переписке с отцом и ее родителей между собой. К тому же последующая долгая жизнь, нашедшая отражение в многочисленных письмах, законодательных актах и мемуарной литературе позволяет понять не только дальнейшую эволюцию ее религиозных воззрений, но и ту основу, то зерно, из которого они развивались.

Сложнее составить представление о религиозных воззрениях великого князя Петра Федоровича. О них можно судить только на основании косвенных источников – общей духовной атмосферы

елизаветинского двора, разницы теософских догматов лютеранства и православия, состава библиотеки великого князя – сопоставляя все это с мемуарами современников.

Великий князь Петр Федорович, как и великая княгиня Екатерина Алексеевна, происходил из северогерманских княжеств, в которых период религиозных войн, опустошивший практически всю Европу, завершился победой протестантизма.

Великий князь Петр Федорович был сыном племянника Карла XII, голштинского герцога **Карла Фридриха, который, таким образом, был ближайшим наследником шведского престола.** Выдавая замуж за него свою старшую дочь Анну, Петр I предполагал видеть ее на шведском престоле. Согласно брачному договору (пунктам 3 и 4), герцог Голштинский Карл Фридрих обещал, «что он будущую супругу, Ея Императорское Высочество в Греческом законе, в котором она родилась и воспитана, не токмо без препятствия содержать и оставить, но и на месте будущей их резиденции, церковь по греческому обыкновению приуготовить, устроить и содержать хочет, в которой бы Ея Императорское Высочество со своим придворным Штатом Греческого закона свою Божию службу свободно и без помешательства отправлять могла». Все принцы, рожденные от этого брака, должны были креститься «во Евангельской Лютеранской вере», а все принцессы «в вере исповедования Греческой церкви»¹.

После смерти Екатерины I, согласно ее завещанию, в случае бездетности и смерти Петра II, **наследницей престола провозглашалась Анна Петровна «со своими Десцендентами, по ней Царевна Елизавета и Ея Десценденты... однакож мужеска полу Наследники перед женским предпочтением быть имеют»**². Ходатайство герцогини Анны Петровны о выдаче ей движимого имущества покойной императрицы осталось без ответа, как и ходатайство о выдаче ей копии с духовного завещания матери. А.Д. Меншиков сделал ставку на партию «алексеевичей» и способствовал отъезду Анны Петровны с мужем из России. 25 июля 1727 г. голштинская семья отправилась в Киль. Когда исчезла надежда на российский престол, родившегося там Петра Ульриха крестили в лютеранскую веру и стали учить шведскому языку. В 1741 г., во время коронационных торжеств, бездетная Елизавета Петровна объявила его своим наследником. В возрасте 14 лет Карл Петер Ульрих был привезен в Россию. 7 ноября

1742 г. наследник престола принял православное миропомазание с наречением имени Петра Федоровича³.

Своеобразную духовную атмосферу двора императрицы Елизаветы Петровны, хорошо известную нам по дипломатической переписке и мемуарам (в том числе самой Екатерины II), В.О. Ключевский объясняет особенностями пореформенной России: «Елизавета попала между двумя встречными культурными течениями, воспитывалась между новых европейских веяний и преданий благочестивой отечественной старины. То и другое влияние оставило на ней свой отпечаток, и она умела совместить в себе понятия и вкусы обоих: от вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрене, благоговейно чтит святыни и обряды русской церкви. ...Послушная дочь своего духовника о. Дубянского и ученица французского танцмейстера Рамбура, она строго соблюдала посты при своем дворе, так что гастроному канцлеру Бестужеву-Рюмину только с разрешения константинопольского патриарха дозволено было не есть грибного, и во всей империи никто лучше императрицы не мог исполнить менюэта и русской пляски»⁴.

Протоиерей Георгий Флоровский, повторяя мысль В.О. Ключевского о двойственности, присущей этой эпохе, объясняет ее не только взаимоисключающими культурными влияниями, но и глубинным духовным расколом, в который погрузилась Россия после реформ Петра I. **Церковная реформа, так и не завершенная преобразователем**, кардинально изменила взаимоотношения церкви и государства: «Раскол не столько между правительством и народом (как то думали славянофилы), сколько между властью и Церковью. Происходит некая поляризация душевного бытия России. Русская душа раздваивается и растягивается в напряжении между двумя средоточиями жизни, церковным и мирским. Петровская Реформа означала сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах... Государство утверждает себя самое, как единственный безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности или творчества. Все должно стать и быть государственным, и только государственное попускается и допускается впредь. У Церкви не остается и не оставляется самостоятельного и независимого круга дел, – ибо государство все дела считает своими. И всего менее у Церкви остается власть, ибо государство чувствует и считает себя

абсолютным. Именно в этом вбирании всего в себя государственной властью и состоит замысел того “полицейского государства”, которое заводит и учреждает в России Петр»⁵. Эти внешние вторжения не могли за столь короткий срок привнести изменения в религиозные взгляды нации, поэтому в России Петр Федорович столкнулся с чуждым ему духовным укладом, иной ментальностью.

Трудно сказать, насколько осознанно были восприняты великим князем новые теософские догматы. Если даже отвести из-за предвзятости некоторые мемуары, то инструкция А.П. Бестужева-Рюмина от 10 мая 1746 г., где Петру Федоровичу вменялось в обязанность соблюдать в церкви благоговение и благолепие, «гнушаться всякого небрежения, холодности и индефферентности», указывает на недопустимое поведение в церкви великого князя. Расхождение не только ритуала православной и лютеранской церквей, но и сути двух учений, было настолько разительно, что даже более взрослый и духовно сложившийся человек был бы поставлен в чрезвычайно сложную ситуацию.

Процесс Реформации вызвал кардинальные изменения ментальности, создавая те предпосылки, которые привели к современному обществу потребительских и либеральных ценностей. Основной догмат протестантизма, который решительно менял христианское учение – это догмат оправдания верой, вопрос искупительной жертвы Христа. Первородный грех искажил природу человека – поэтому человек не способен совершать добрые дела, и спастись можно только крещением, личной верой. Целью жизни в этом случае становится завершение божественного строения мира, самореализация человеческой личности. Спасение достигается не столько при посредничестве церкви, молитвами и делами, сколько личной верой. Отсюда вытекает неприятие церковной иерархии: каждый человек получал право общения с Богом, совершать богослужения, без посредничества церкви и духовенства трактовать Священное писание. Пастор был лишен права исповеди и отпущения грехов, он подчинялся общине, в силу этого провозглашалось равенство мирян и духовенства. Из таинств остались лишь крещение и причастие. Отвергались молитвы за умерших, учение о благодати, поклонение святым, иконам, мощам. Было упразднено монашество. Богослужение было сведено к молитве и пению псалмов на родном

языке. Одновременно произошла демократизация общества. Этика протестантизма высвободила огромный духовный потенциал, который был направлен на внутреннюю духовную жизнь (на службу, молитвы) и направила его на достижение сугубо земных благ⁶.

Поэтому можно представить себе, как раздражала Петра Федоровича многочасовая служба на церковнославянском языке, многочисленные священники и дьяконы, частые паломничества по монастырям, которые регулярно предпринимала его тетушка.

Будущая императрица Екатерина II происходила из мелких немецких владетельных князей, незначительного княжеского рода, одной из восьми ветвей, на которые распался ангальтинский дом. Ее отец – полковник прусской службы и командир пехотного полка № 8, квартировавшего в Штеттине, однако мать Иоганна Елизавета, принадлежавшая к роду принцев Голштейн-Готорпских, была младшей сестрой Карла-Августа, нареченного жениха цесаревны Елизаветы Петровны, умершего в Петербурге незадолго до свадьбы. Как и при дворе Фридриха Великого, в воспитании молодой принцессы преобладало французское влияние. Ее гувернанткой была мадмуазель Кардель, придворным проповедником – Перар, учителем чистописания – Лоран. О религиозном воспитании будущей императрицы В.О. Ключевский писал достаточно критично: «Екатерину обучали Закону Божию и другим предметам французский придворный проповедник Перар, ревностный служитель папы, лютеранские пасторы Дове и Вагнер, которые презирали папу; школьный учитель кальвинист Лоран, который презирал и Лютера, и папу»⁷. Судя по переписке ее родителей и «наставлению» (Pro Memoria) ее отца совершенно очевидно, что ее готовили в жены мелкому владетельному князьку и воспитывали строго, в духе лютеранской веры: «Дочь моя так уже основательно знает свою религию, что должна сама сознавать заповеди истинной, душеспасительной веры, по которой никто не может ни заслужить, ни достигнуть царствия божия собственными делами, обетами или заступничеством святых, но что все происходит от заслуг Христа Сына Божия»⁸. Сама Екатерина Алексеевна много позже, в своих воспоминаниях, заметила, что в этот период своей жизни она была страшно религиозна.

5 февраля 1744 г., во время великого поста, Иоганна Елизавета с дочерью приехали в Москву. Их обеих поразила непривычная

роскошь русского двора и набожность Елизаветы Петровны, которая постилась, но не стала неволить будущую невесту с матерью следовать ее примеру: «Так как был пост, и Ея Величество не могла выносить испарений от мяса, которое не смела кушать, то мы не имели еще чести быть за ее столом»⁹. Великий князь получил разрешение Елизаветы Петровны в первые дни приезда ужинать и обедать с ними.

Из-за придворных интриг вокруг брака наследника престола сложилась непростая ситуация. Понимая ее, София Фредерика не топилась со сменой религии, по этому поводу ее мать сетовала мужу: «Но я не могу скрывать от тебя, что Великая княжна обнаруживает некоторую неохоту относительно отречения¹⁰, пока не совершится бракосочетание; эту нерешительность легко можно было бы устранить письмом от тебя»¹¹. Подобного рода «неохота» объяснялась влиянием отца, который, как верный лютеранин, считал, что «лучше предварительно отказаться от власти, чем поступить против своей совести». Он надеялся, что София сможет, как и царица Шарлотта Христиана София Брауншвейг-Вольфенбюттельская, супруга царевича Алексея Петровича, сохранить лютеранскую веру. Пример не совсем удачный, поскольку неприятие Шарлоттой православия, непонимание того, что составляет суть русского народа, привело к трагическим последствиям.

Тем не менее, в вопросе изменения веры со стороны Софии Фредерики и ее родителей не было и следа религиозного фанатизма. Первоначальное негативное отношение быстро менялось. В письме к отцу от 29 января 1744 г. девушка утверждала: «...ваши увещевания и советы навечно останутся запечатленными в моем сердце, также как и семена нашей святой религии останутся в моей душе. Я прошу у господ ниспослать ей сил, необходимых, чтобы удержаться от искушений, которым готовлюсь подвергнуться»¹². Вскоре София Фредерика замечала: «Внешне обряды очень различны, но Церковь видит себя вынужденною к тому во внимание и грубости народа». В письме от 3/14 мая 1744 г. она уже признавалась: «Так как я не вижу почти никакой разницы между верами греческой и лютеранской, то решила, после того как вникнула в милостивыя наставления вашей светлости, переменить (исповедание)...»¹³.

В своих письмах Иоганна Елизавета отмечала роль, которую сыграл духовник и наставник Софии Фредерики архимандрит Симон

Тодорский, развеявший их сомнения. Они, впрочем, сами потихоньку развеялись под влиянием блеска державы и скипетра, признавалась Иоганна Елизавета¹⁴. Доверяя мнению жены, вскоре и князь Ангальт-Цербстский начал говорить о высоких качествах духовника. Это видно из письма к Симону Тодорскому настоятеля частной греческой церкви в Лейпциге, который в декабре 1744 г. посетил двор князя Ангальт-Цербстского и подолгу беседовал с ним: «В этих беседах мы часто вспоминали и о вас, почтеннейший муж. Светлейшие принцы весьма много говорили о ваших достоинствах», шла речь и о том, что духовник имеет «большую силу у Августейшей императрицы Елизаветы Петровны и у великого князя»¹⁵.

Действительно, к вопросу о переходе наследника престола и его будущей жены в православие императрица Елизавета Петровна отнеслась очень серьезно. В качестве духовного наставника великого князя Петра Федоровича и его невесты был избран один из образованнейших людей эпохи, видный ученый-лингвист¹⁶ – иеромонах Симон Тодорский (1700–1754), впоследствии епископ Костромской и архиепископ Псковский. Преподобный Симон Тодорский родился в Золотоноше, в семье казака, в 1718–1727 гг. он прошел обучение в Киевской духовной академии. В августе 1727 г. Симон поступил в гимназию при Академии наук в Петербурге, где изучил немецкий язык и был зачислен на теологический факультет. В 1730-х гг. он учился в университетах немецких городов Галле, Магдебурге, Лейпциге. Почти в то же время, в 1732 г., в Лейпциге учился еще один наставник Петра Федоровича, который, бесспорно, повлиял на формирование его взглядов – Якоб Штелин¹⁷.

Галле, Лейпциг, Лейден были городами, наиболее посещаемыми киевскими студентами. Симон обучался восточным языкам, в том числе арабскому, у известного немецкого ориенталиста – семитолога профессора Генриха Михаэлиса (1680–1762) в Йене. По просьбе императрицы Анны Иоановны им был выполнен перевод книги немецкого богослова Иоганна Арндта «Об истинном христианстве», изданный в 1735 г. Длительное пребывание его в Галле, университет которого считался оплотом пиетизма, и перевод на русский язык книги Иогана Арндта, который считается идейным предшественником пиетистов, позволил позднее некоторым исследователям говорить о принадлежности Симона Тодорского к пиетизму¹⁸. Необоснованно

критично писал о нем В.О. Ключевский: «Симон Тодорский, который со своим богословским образованием, довершенном в немецком университете, мог только равнодушно относиться и к папе, и к Лютеру, и к Кальвину, ко всем вероисповедным делителям единой христианской истины»¹⁹.

В 1738 г., по возвращению из Йенского университета, Симон Тодорский вновь оказался в Киевской духовной академии. «В программе духовных академий и семинарий для студентов отделений богословия и риторики неоднократно вводился еврейский язык, хотя непрерывность его преподавания удалось установить только во второй половине XVIII в. В Киевской академии первым учителем этого предмета в 1738 г. стал Симон Тодорский»²⁰. Кроме еврейского он преподавал также греческий и немецкий языки. Современников поражала необычайная эрудиция Симона Тодорского, который, подобно апостолам, свободно говорил на самых экзотических языках. Даже в надписи, вырезанной на плите у гроба преосвященного Симона, мы читаем: «...в Киеве обучался латинскому языку, совершенно греческому и воудивление всем – немецкому, а восточных языков: еврейскому, сирскому, аравийскому и халдейскому, ...тако навывче любомудрию, ими же не точию сам пользовался, но и другим многим из тех наук в Киеве публично, пребывая учителем, преподавал»²¹.

17 мая 1740 г. Симон принял монашество, а указом 31 мая 1742 г. был назначен на должность духовника великого князя. Последнее вызвало у людей, хорошо знавших его, удивление и надежды на открывающиеся карьерные возможности. Из письма иеромонаха Парфения к Симону Тодорскому от 9 апреля 1743 г.: «Многих из нас весьма изумило твое возвышение и перемещение в царствующий град, по гласу благочестивейшей государыни; а я думаю, что это случилось по особенному помышлению Всевышнего, с тою целию, чтобы ты руководил всех к Богоугождению, совершенствовал слова и дела, и утвердил в вере правые и Благочестивые догматы, из коих некоторые многими не согласно принимаются и, по своему извращаются. Твое могучее слово не оставит поддержать и руководить заблудших, возставить падших, исправить поврежденных; потому что для этого Божественный промысел и вызвал тебя туда через Богом венчанную Елисавету [Петровну], – чтобы светильник не находился под спудом, но сиял близким и дальним»²².

Симон Тодорский был ярчайшим проповедником, несколько его проповедей дошли до нас. Церковная проповедь в елизаветинскую эпоху – это важная часть не только церковной, но и придворной жизни. Богослужения по воскресеньям и праздникам завершались проповедями, которые, особенно в первые годы правления Елизаветы Петровны, играли огромную идеологическую роль. С церковной кафедры проводились такие важные постулаты, как богоизбранность «дома Петра», законность восшествия императрицы на престол и преемственность ее власти. Елизавета Петровна предпочитала, чтобы проповеди говорились, а не читались. По прочтении, проповеди печатались и распространялись по приходам.

Для великого князя Симоном Тодорским были написаны и опубликованы три проповеди 1743 г., 1747 г. и 1748 г. Ярким примером этого жанра может быть первая проповедь, написанная им к первому дню рождения наследника в России – «Слово, в высочайшем присутствии ея священнейшаго императорскаго величества благочестивейшаго самодержавнейшаго великия государыни нашей Елизаветы Петровны императрицы всея России в высокотоужественный день рождения его императорскаго высочества государя наследника благоверного великого князя Петра Федоровича внука государя императора Петра Великого. Проповеденное его императорскаго высочества придворным учителем иеромонахом Симоном Тодорским в придворной церкви в Санктпетербурге. Февраля 10 дня 1743 года».

Основная мысль, пронизывающая эту проповедь – это обращение к качеству, «забытому этим растленным веком» – праведности – первой христианской добродетели. Обращаясь к образу Петра I, священник советует его внуку ценить «не к храбрость петровую, весь мир устранившую, не к искусства его, удивившие весь мир», а праведность императора. «Довольно искусен в делах, довольно храбр и силен и крепок, аще кто праведен. Чего для? Понеже за праведным и с праведным Бог. Аще же Бог с праведником, то кто противу праведника. ...А потому правда, от неяже праведнии праведниками называются, должна быть первейшая и дражайшая утварь²³ Монаршая: зане правдою утверждаются престолы Монаршии, правдою крепче, нежели каменными стенами защищаются государства: ибо в котором государстве правда живет, тамо и Бог пребывает». В этих строках

можно увидеть и мысли, приписываемые Александру Невскому (не в силе Бог, а в правде), и воспоминания о недавней бироновщине, поправшей по мнению русских людей, правду, и боязнь новой, и совет духовника: «Кратко реши: правда есть всех добродетелей сокровище. Буде кто праведен, тот ближнему своему обиды не делает, верует в Бога всем сердцем своим, всюю душою своею и всюю мыслею своею. Любит и ближнего своего, яко и сам себе». Священника не могло не страшить лютеранство его подопечного, поэтому неоднократно он повторял мысль о связи Петра Федоровича с дедом и о верности последнего православной традиции. Симон Тодорский противопоставлял период засилья иноземцев законному национальному правлению Елизаветы Петровны. Подробно останавливаясь на периоде регентства, он буквально цитировал сенатский указ 18 октября 1740 г., грозивший России разорением: «когда иноплеменник, сый, не ведающий закона твоего, неведующий твоего благочестия, избрал тебе государя, чуть не себе во всем подобного, бессовестно и безбожно презревши дом ПЕТРОВ». Проповедник откровенно задает вопрос «Чтож имеши еще ожидать сладчайшее отечество от внука ПЕТРА Великого?» И далее следовало народное представление о монархе, который должен «правду любите, сирот защищати, Монаршими руками слезы невинно страждущих отирати». Вспоминая слезы умиления на глазах императрицы во время миропомазания Петра Федоровича, когда наследник причастился тела и крови Христа, проповедник говорил об императрице как о его второй матери: «Тебе Бог судил две Матери имети: едину Анну, другую ЕЛИСАВЕТ. Анна родила миру, ЕЛИСАВЕТ отродила Богу». Вероятно, эти слова надолго запали в сердце самой Елизаветы Петровны. Как потом ни сердилась она на своего племянника, подогреваемая интригами придворных, как ни ругала его за глаза и в лицо, но завещания своего не изменила, оставив престол ему.

21 августа 1745 г. в день бракосочетания великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны Симон Тодорский написал еще одну проповедь «Божие особенное благословение в день высочайшего бракосочетания его императорского высочества внука Петра I благоверного государя и великого князя Петра Федоровича наследника престола всероссийского с ея императорским высочеством благоверною государынею Екатериной Алексеевной принцессою Ангальтцербсткою».

Вначале проповедь строится по привычному канону этого времени, подчеркивая книжность и образованность автора, который использует многочисленные цитаты в своих риторических рассуждениях. Вскоре проповедник восходит к высокой поэзии: «Егда же Петр поступил в глубину, распростер на моря высокую державу свою: коликое отсюда впоследствии божие благословение, да речет море Каспийской, да речет балтийское море, многократно победоносными российского флота знамении украсившись, видевши торжествующего Петра на водах своих, видевши с бесчисленными корыстями, с взятыми в полон фрегатами всеторжественно возвращающегося». В пылу восхваления великого преобразователя Петра I, Симон начинает восхвалять деяния Екатерины I, «первой императрицы в России», равной мужу по мудрости и храбрости – это слова, обращенные, скорее, к будущей императрице: «Екатерина советами премудрая, любовию к богу и ближнему безприкладная, мужеством и храбростию непреодоленная, к управлению государством родившаяся». Далее, имея ввиду уже Елизавету Петровну, Симон Тодорский провозглашает идею естественности женского правления в России: «Усомнилася же было Россия в первый раз увидивши жену на Престоле Всероссийския империи посаженную, но абие отложила сомнение свое и возрадовалась о богом венчанной правильной Государыне своей». Трудно сказать, не тогда ли Екатерина Алексеевна впервые задумалась о возможности стать подобно Екатерине I правительницей России.

Смысл всех проповедей Симона Тодорского ясен: Россия надеялась и боялась... Надеялась на русского царя, боялась опять получить в лице немецкой великокняжеской четы повторение бироновщины. Петр Федорович не сумел понять этого, Екатерина Алексеевна смогла. Постепенно, по кирпичику она создала образ принцессы, любящей Россию больше жизни. Во время Семилетней войны симпатии Петра Федоровича к Фридриху Великому были всем очевидны. Елизавету это расстраивало: «Императрица жаловалась на великого князя за его чувства, противные тому, что делалось, и мало свойственные русскому, говоря, что это голштинцы, которые внушали ему эти чувства», – пишет Екатерина Алексеевна. В 1757 г. великокняжеская чета пока еще держалась вместе. Английский посол Ч.Г. Уильямс в одном из писем к Екатерине Алексеевне рас-

сказал, что Петр Федорович высказывал беспокойство по поводу какой-то лжи, переданной ему насчет прусского короля, «будто бы этот государь имел намерение соединиться с датским королем, который поможет ему захватить Голштинию». Ч.Г. Уильямс приложил все усилия к тому, чтобы разубедить Петра Федоровича в этом. Великий князь и великая княгиня получили бумаги Фридриха II, в которых он объяснял свой конфликт с Францией: «Я дал прочесть великому князю сочинение прусского короля, и я прочел его с удовольствием, которое имеешь, когда читаешь правду». Вместе с тем, общими усилиями Ч.Г. Уильямс и Екатерина Алексеевна прозорливо формировали мнение о Петре Федоровиче как о пруссаке. Когда в беседе И.И. Шувалов спросил Ч.Г. Уильямса об отношении молодой четы к Пруссии, дипломат коварно ответил: «великий князь пруссак насмерть единственно из военного вкуса, и это доходит до того, что оно обратилось в страсть и основано на его темпераменте. Что же касается ее высочества великой княгини, то так как не решено, будет ли она иметь много авторитета, то почти напрасно говорить о том, но мы удовлетворим ваше любопытство: знайте, что она никогда не посоветует иного, как то, что она сочтет причастным к славе и к выгоде России, к которой она имеет страсть столь же сильную, как спартанец имел к Лакедемону, но она также знает всю нужду, которую имеет эта страна, быть хорошо управляемой изнутри»²⁴.

Так же повела себя будущая императрица после смерти Елизаветы Петровны. В это время она полностью была погружена в заговор и скрывала свою беременность. Тем не менее, все шесть недель, пока тело Елизаветы Петровны было выставлено для прощания, народ видел Екатерину Алексеевну, скорбно молившуюся у гроба, соблюдавшую все церковные обряды над усопшей. Она не замкнулась, подобно Шарлоте Брауншвейг Вольфенбюттельской, Анне Леопольдовне или Петру Федоровичу в привычном и уютном немецком кружке. Приехав в Россию, она захотела и смогла стать больше русской, чем сами русские, больше православной, чем сами православные. В письме к английскому посланнику Ч.Г. Уильямсу она рассказывала, как пришел к ней обеспокоенный великий князь и попросил у нее совета. Она ему точно указала как себя вести: «Наконец мы условились, что он будет ухаживать за офицерами гвардии более, чем прежде, и что он в церкви перекрестится десять

или двенадцать раз больше (чаще)»²⁵. Совет был дан безукоризненно точно – обхаживать гвардию и уважать веру.

Примечания

¹ ПСЗ-I. Т. VII. С. 374–380.

² Там же. № 5070.

³ Таинства миропомазания, которое у православных следует за крещением (оба таинства совершаются в одном чинопоследовании), нет в протестантской церкви, поэтому переход в православие из лютеранства проходит через обряд миропомазания.

⁴ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. IV. М. 1989. С. 313.

⁵ Протоирей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991. С. 26.

⁶ Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма.

⁷ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 313.

⁸ *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 40.

⁹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел. 1744–1764 гг. Т. I. СПб., 1871. С. 27.

¹⁰ От протестантской веры.

¹¹ Три письма великой княгини Екатерины Алексеевны и письмо ее матери. СПб, 1893. С. 9.

¹² Бумаги императрицы Екатерины II. С. 2.

¹³ Там же. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Материалы к биографии преосвященного Симона Тодорского архиепископа Псковского. СПб. 1872. С. 4.

¹⁶ История отечественного востоковедения до середины XIX века / Отв.ред. Г.Ф. Ким, П.И. Шаститко. М., 1990. С. 109.

¹⁷ *Малиновский К.В.* Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. I. М. 1990. С. 10.

¹⁸ Пиетизм противостоит вероучительному формализму, делая еще больший акцент на личные взаимоотношения с Иисусом Христом и опыт общения с Духом Святым. Путь к спасению адепты пиетизма видели в персональном переживании верующим своего «рождения свыше». Вероучительные тексты рассматривались ими с точки зрения их практической назидательной роли.

¹⁹ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 313.

²⁰ История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 70.

²¹ Материалы к биографии преосвященного Симона Тодорского. С. 26.

²² Там же. С. 4.

²³ Украшение.

²⁴ Материалы к биографии преосвященного Симона Тодорского. С. 275.

²⁵ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уилльяма 1756 и 1757 гг. М., 1909. С. 223.

ЧЕРНОГОРЕЦ И.М. ПОДГОРИЧАНИ – РОССИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ

И.И. Лециловская

*доктор исторических наук, профессор
Институт славяноведения РАН (г. Москва)*

В середине XVIII в. прокатилась волна эмиграции черногорцев в Россию. Она была вызвана тяжелыми условиями жизни в Черногории, нескончаемыми вооруженными столкновениями черногорцев с турецкими войсками, которые преследовали цель покорить Черногорию. Российское правительство в свою очередь было заинтересовано в мигрантах-черногорцах, чтобы пополнить армию боеспособными людьми и оживить безлюдные степные просторы европейской части страны. Переселенцам предоставлялись в пользование земля и большие льготы на благоустройство.

Именно в это время, в 1759 г., в Россию переехал Иван Михайлович Подгоричани (Подгорица, Подгоричанин) с семьей. Он был родом из города Подгорицы и находился на военной службе в Австрийской монархии в Славонском гусарском полку. Черногорский владыка Василие Петрович обратился к российскому Сенату с просьбой о разрешении И.М. Подгоричани переехать в Россию, но для этого требовалось согласие и австрийской стороны. Русский посол в Вене граф Г.К. Кейзерлинг употребил все свое влияние, чтобы положительно решить этот вопрос. Иван Михайлович в чине премьер-майора приехал из армии в Вену, где получил разрешение на выезд в Россию, паспорт и рекомендательное письмо Г.К. Кейзерлинга канцлеру графу М.И. Воронцову¹.

По приезде в Петербург И.М. Подгоричани, после аудиенции у Елизаветы Петровны, получил чин полковника и был определен на службу в гусарский полк, находившийся в Пруссии. Он и его семья поступили в «вечное подданство» России. Семье Ивана Михайловича было отведено на проживание «пространное место» в Киеве. Полковнику были выданы 500 червонцев на покрытие связанных с переездом издержек².

Другой мигрант из Австрийской монархии, офицер С. Пишчевич, хорошо знавший И.М. Подгоричани, оставил в своих мемуарах его словесный портрет: «Между тем ничего особенного в нем не было. Единственно – это его огромная фигура бросалась в глаза. Впрочем, был он настоящий крестьянин и едва грамотный. Но, при всем том, в России его нашло счастье. Все ему шло на руку, и он из всего извлекал выгоду, и так до конца службы, до глубокой старости. Он достиг почестей и богатства. Служил хорошо, но и пальцем бы не повел без какой-либо корысти. Умел зарабатывать, но, должен сказать, все же не был скупым, жил красиво. Он имел и хорошие качества, но жаль, что все подчинял своему интересу. И никто бы не поверил, что человек с такими данными мог потерять большие деньги за картами»³. С. Пишчевич не отметил главную черту И.М. Подгоричани – личную храбрость в боях и полководческий дар.

Иван Михайлович получил военную подготовку в австрийской армии – одной из лучших армий в Европе – поэтому он без труда, теперь уже как российский офицер, вошел в состав русской армии, воевавшей в Семилетней войне на территории Восточной Пруссии. И.М. Подгоричани принял участие в ее победоносных действиях, особенно отличившись при взятии Берлина в 1760 г. В 1766 г. он был произведен в генерал-майоры и пожалован земельными владениями. Через два года за участие в войне с польскими конфедератами Иван Михайлович получил польский орден св. Станислава. В 1769 г. генерал был возведен в графское достоинство. Екатерина II неоднократно отмечала в письмах к разным лицам его военную доблесть. Она писала, в частности, А.Г. Орлову: «Что же касается до его усердия и храбрости, а также и искусства в военном деле, о том все не сомневаются»⁴.

Военные дарования И.М. Подгоричани отчетливо проявились в войне России с Турцией 1768–1774 гг. В битве при Фокшанах (3–4 января 1770 г. ст. ст.) он командовал Ахтырским, Сербским и Харьковским гусарскими полками. Они взаимодействовали с частями Г.А. Потемкина. Им противостояла 10-тысячная турецкая армия, усиленная двумя десятками пушек. В описании сражения говорилось, что «никогда такой жестокой и так продолжающейся атаки от сего неприятеля не видано» было. В этой битве турки потерпели

сокрушительное поражение. Они потеряли «до тысячи человек отборного своего войска». Русские трофеи составили шесть хороших медных пушек, знамена, две большие фуры пороха. При этом казаки и гусары, преследовавшие бегущих турок, «разграбили» стоявший в тылу противника обоз. Тяжелое ранение получил сам командующий турецким войском Сулиман-паша⁵.

Военные части под командованием И.М. Подгоричани блестяще проявили себя в сражениях у Рябой могилы (17 июня 1770 г.), на реке Ларге (9 июля), на реке Кагуле (21 июля), где потерпела поражение 150-тысячная армия турок. За мужество, проявленное генерал-майором при Кагуле, Екатерина II выразила ему в рескрипте «удовольствие свое и признательность». Полки Ивана Михайловича участвовали также в осаде и штурме Браилова⁶.

В 1770 г. И.М. Подгоричани вышел в отставку в чине генерал-поручика.

В 1772 г. главнокомандующий российской армией генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев представил Ивана Михайловича среди прочих офицеров к награде. О его заслугах говорилось: «Определенные на сие время от армии, с вверенными им войсками сохраняли целостность пропитания армии и на полки хана крымского со всею ордою в ничто обратили»⁷.

И.М. Подгоричани внес заметный вклад в победу России над Турцией, в совершенствование российской военной культуры и укрепление черногорско-российских политических связей. Его благополучная судьба в России свидетельствовала о том, что он смог развить и реализовать здесь свои недюжинные полководческие способности и знания на благо второй родины. В патриархальной Черногории с ее гористым ландшафтом, где вооруженные действия черногорцев против турецких войск носили характер партизанской войны, в то время не было условий для линейной тактики (с ее каре), применявшейся в XVIII в. во всех европейских армиях, в том числе австрийской и российской. Военные знания И.М. Подгоричани не могли быть в полной мере применены в Черногории. Тем не менее, отъезд из страны талантливых людей, как Иван Михайлович, был несомненной потерей для нее. Это подтверждает историческую противоречивость такого социального явления, как эмиграция.

Примечания

¹ Пишчевич С. Мемоари. Београд, 1963. С. 379, 380.

² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 243–244.

³ Пишчевич С. Указ. соч. С. 381.

⁴ Сб.РИО. Т. I. СПб, 1867. С. 18–19.

⁵ Политические и культурные отношения... С. 293–295.

⁶ Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769–1774 год. Т. II. СПб., 1866. С. 41, 103, 118, 127, 175, 178; РБС. Т. XIV. СПб, 1905. С. 188.

⁷ Политические и культурные отношения России. С. 304.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «РУССКИХ ПРАЗДНИКОВ» В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В 1770-е ГОДЫ

Е.Б. Смилянская

доктор исторических наук, профессор

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

На вопрос о том, чем запомнилась Архипелагская экспедиция ее руководителю, граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский произнес: «Русские... не воевали, а пировали в Архипелаге»¹. Была ли в этом ответе только шутка уверенного в своей славе военного? Думается, что А.Г. Орлов, потративший немало сил для придания Архипелагской экспедиции 1769–1775 гг. широкого международного звучания, вполне понимал, что успех этого военного предприятия в Южной Европе зависел от пушечной пальбы не только во время батальи, но и во время праздничных фейерверков.

Разгром османского флота при Чесме, блокада Дарданелл, установление контроля за всем судоходством в Эгейском море и Леванте, наконец, создание военной базы на острове Парос и приведение примерно 20 архипелагских островов в российское подданство – создали в начале 1770-х гг. исключительные возможности для утверждения влияния России в Восточном Средиземноморье, на Балканах и даже на Ближнем Востоке. Можно понять ревнивое восхищение британской прессы, в 1770 г. писавшей: «кто мог вообразить пол столетия назад, что эти дикари (savages), которые ныне покрывают океан своими военными кораблями, в столь короткое время смогут подняться до таких высот и кто знает, что эти же люди в столь же короткий период времени не станут состязаться за господство в морях с морскими державами?!»².

Между тем, в 1774 г., как известно, при заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора российской делегации не удалось отстоять ни одного приобретения в Средиземном море, и в 1775 г. флот покинул Греческий Архипелаг, оставив и свою почти отстроенную базу на Паросе, и своих арабских союзников в Палестине и Ливане. В это время известный британский путешественник

Джеймс Брюс из Киннэрда саркастически заметил: «никогда не было экспедиции столь успешной и столь удаленной, в которой офицеры бы были менее наставляемы своим кабинетом (*less instructed from their cabinet*), более невежественны относительно стран (*more ignorant of the countries*), более преданы бесполезным парадам и более отравлены удовольствиями, нежели Русские в Средиземноморье (*more given to useless parade or more intoxicated with pleasure, than the Russians on the Mediterranean then were*)»³. Английский исследователь истока Нила был не вполне прав, считая, что русские в праздничных «удовольствиях» попусту растратили преимущества Чесменской победы.

Очевидно, что у устроителей российских праздников были весьма серьезные задачи, далеко выходящие за рамки простых «удовольствий». Во-первых, устройство праздников в высокоторжественные и табельные дни было неременной обязанностью всех, состоящих на службе российскому монарху, и демонстрировало верноподданнические чувства. Во-вторых, русские праздники, безусловно, объединяли участников экспедиции, подчеркивая их принадлежность к *единому Отечеству*⁴. В-третьих, язык празднества становился языком межкультурного и межнационального общения, а символика театрализованного «действия» превосходно прочитывалась разноязычными современниками без переводов. Наконец, учитывая то, что военных и финансовых возможностей для завоеваний в Средиземноморье у России было недостаточно, российские праздничные манифестации, блистательные торжества, устраиваемые командующим Архипелагской экспедицией А.Г. Орловым или людьми из его окружения, остались в памяти современников как *очевидные знаки утверждения российского присутствия в Средиземноморье*.

Приведем лишь несколько описаний торжеств, устроенных подданными Екатерины Великой в Средиземноморском регионе во время пребывания там Архипелагской экспедиции Российского флота. Отметим попутно, что эти описания составлены преимущественно по свидетельствам *иностранной (!)* прессы, что является дополнительным подтверждением успеха российской «праздничной пропаганды».

В Порт-Магоне на Менорке по случаю Чесменской победы в 1770 г. 29 августа (ст.ст.) – «в греческой церкви Богородицы служана

была литургия, молебен в честь Чесменской битвы», «с «Надежды благополучая» выпалено 31 пушки», кроме русских офицеров и служителей на праздновании находился и «господин Магонский губернатор с многими своими офицерами»⁵. Но на этом торжества не закончились: 1 (12) сентября отмечался день коронации Екатерины II, 20 сентября (1 октября) день рождения наследника Павла Петровича, и на Менорке последовали празднования еще большего размаха. По имеющимся газетным описаниям, Екатерина II послала в дар местной греческой церкви Евангелие высотой два фута и шириной 15 дюймов в золотом окладе, чашу размером в полтора фута, два небольших блюда и большой золотой крест. Кажется, 3 октября⁶ эти драгоценные подарки впервые использовали на службе в православной церкви Порт-Магона. Во время службы местные православные пели «Те Deum» («Тебе, Господи») вместе с русскими морскими офицерами. От имени командования граф П.А. Бутурлин и российский консул Теодор Алексиано дали в этот вечер большое празднество, и самым поразительным, видимо, в этом празднестве была иллюминация: на фасаде собора появилась «перспектива, представлявшая армию и имя российской императрицы», а «на резиденции консула укрепили прекрасное искусственное пламя, которое с одной стороны пожирало турецкие мечети (вариант: зажженные огни представляли с одной стороны крест, торжествующий над турецкими мечетями), посреди чего читалась надпись «*Caterina Alexiovvona II. Imperatrice di tutte le Russie. Vivat. Vivat*». После фейерверка в Магоне, в доме консула состоялся бал, продолжавшийся до утра следующего дня. Во время праздника, о котором писали многие европейские издания, народу были выставлены две бочки вина⁷.

На Мальте российский посланник маркиз де Кавалькабо 18 января 1771 г. во время празднования 30-летия правления магистра мальтийского ордена де Пинто выставил на своем балконе большую картину, изображавшую де Пинто с парящей над ним аллегорической фигурой славы, внизу картины виднелся порт Валетты, в который входил корабль под русским флагом. «На том балконе, – отчитывался Кавалькабо в Россию, – оркестр оживлял это немалое выражение моих пожеланий о сохранении дней Его преимущества, который выразил мне свою горячую благодарность, так как он очень чувствителен ко всякому блеску»⁸. Успешность столь яркой демонстрации

российским посланником на Мальте чайный на доброжелательный прием российских судов обнаружилась уже через несколько дней: российские суда стали получать помощь и ремонт в мальтийских гаванях.

Даже на **Ближнем Востоке** участники Архипелагской экспедиции не только военной силой, но праздниками смогли заявить свое присутствие и свои интересы. Известно, что «малыми эскадрами» преимущественно греческих капитанов на русской службе в 1772 г. и в 1773 г. дважды был атакован, осажден и взят Бейрут. В 1773 г. с российской помощью Бейрутом завладел эмир друзов Юсеф Шихаб, и в мусульманском городе его власть поддерживал «русский гарнизон» (вероятно, состоявший из балканских наемников и добровольцев на русской службе). Как этот небольшой отряд демонстрировал власть России в Ливане? По словам анонимного арабского хрониста, «русские» «поднимали (русский. – *Е.С.*) флаг по воскресеньям и праздничным дням» и это продолжалось полтора года. Только в 1775 г., когда Архипелагская эскадра покидала воды Средиземного моря, а к берегам Сирии и Египта направлялась османская военная эскадра, эмир Юсуф предложил «русским, оставшимся в Бейруте, спустить флаг и выйти из крепости и башен», передав город «мусульманам»⁹.

Наибольшего размаха российские праздничные манифестации достигли в местах базирования командования российского флота – в Пизе и Ливорно в Тоскане и на юге Пелопоннеса и на островах в Греции.

Жизнь **Тосканского герцогства**, ставшего по сути континентальной базой Архипелагской экспедиции¹⁰, в 1769–1770 гг. в особенной степени оказалась взбудораженной российским присутствием¹¹. С отбытием А.Г. Орлова в Архипелаг жизнь Тосканы, судя по прессе, становилась многократно скучнее и однообразнее, а с возвращением – закипала в блеске и щедрости сменявших друг друга торжеств. В 1769–1775 гг. здесь отмечались уже не только католические, но православные церковные праздники, дни рождения, коронации и именины правителей и наследников как Тосканы, так и России¹², «викториальные» дни Чесменской победы российского флота. В Ливорно и Пизе иногда непрерывной чередой следовали торжества, приуроченные к приезду или отъезду А.Г. Орлова, И.И. Шувалова,

русских дипломатов, военачальников и проч. Празднества устраивало русское и тосканское дворянство, и они становились яркой демонстрацией дружеских взаимоотношений двух государств.

Особым размахом отличался «спектакль», представленный А.Г.Орловым в Ливорно в конце апреля 1772 г.: русский корабль, стоявший на расстоянии четырех миль от порта, был зажжен и горел перед глазами множества собравшихся. Зрелище это, как говорили, было дано для того, чтобы присутствующий на нем английский художник Я.-Ф. Хаккерт мог точнее изобразить Чесменскую битву. Помимо художника «спектакль» А.Г. Орлова наблюдал и британский наследник герцог Глостерский, что, думается, имело для А.Г. Орлова не меньшее значение.

Отдельная часть увеселений, устраиваемых российскими военными в Средиземноморье, предназначалась низшим слоям населения: для них устраивались танцы, беднякам раздавались хлеб и колбасы, сооружались фонтаны вина. Вот, к примеру, один из сценариев утверждения «российской славы» в Тоскане. 28 июня (9 июля) 1772 г. к десятилетию восшествия Екатерины II на престол (коему А.Г. Орлов, как известно, немало способствовал в 1762 г.!) в Ливорно на главной площади состоялся специально подготовленный русскими мастерами фейерверк. Зажженные огни изображали коронацию императрицы и российский герб, обрамленный огненными колесами фейерверка. Представление под музыку духового оркестра длилось три четверти часа и завершилось ко всеобщему удовольствию собравшейся публики сожжением воздвигнутого для этой огненной потехи замка. С улиц Ливорно праздник переместился в ярко освещенные залы местного «Palazzo pubblico», а рядом А.Г. Орлов приказал построить обширную «залу», и развесить в этой «зале» картины, кажется, российской воинской славы. Щедрость оплачивалась из российской казны совсем не напрасно. В источниках отмечается, что флорентинцы, пизанцы и жители Ливорно платили за щедрость добрым отношением и самой возможностью существования российской базы¹³.

Праздничными действиями были отмечены и приход первой российской эскадры в **Морею (Пелопоннес)** в феврале 1770 г. и начало совместных военных действий с греками. Радостно встреченное греками маниотами юга Пелопоннеса, православное во-

инство отметило начало совместной борьбы за освобождение от иноверного ига салютами и торжественной литургией в порте Витула (совр. Ойтула) в местном Успенском монастыре, после литургии российское командование там же принимало присягу «пришедших в российское подданство греческого капитана и прочих греков»¹⁴. 20 февраля на юге Пелопоннеса началось формирование двух греческих легионов – восточного и западного, которые выстроились «при монастыре вдоль берега фронтом, при котором для оных команд наших архимандритом (то есть российским. – *Е.С.*) освящены два знамя»¹⁵. Позднее по взятии Наварина празднества продолжились в наваринской крепости, где торжественно был вновь освящен главный храм еще византийской постройки, превращенный турками в мечеть. Когда же тяжелые поражения заставили российский флот покинуть и Наварин, и весь Пелопоннес, действительно, веские основания для празднования победы дала Чесменская баталия. После Чесмы праздники с фейерверками, пушечной пальбой и пирами стали нарушать покой архипелагских островов в **Эгейском море**.

В викториальные и высокоторжественные дни, в Новый год после молебнов флот обычно расцвечивался флагами, с судов производился салют¹⁶. На праздник Пасхи готовили обильную трапезу, для чего у населения скупались быки и бараны (в 1771 г. 328 голов!). В 1772 г. перед Пасхой А.В. Елманов приказал своей эскадре спустить на берег острова Патмос, знаменитого своим монастырем Иоанна Предтечи и пещерой Апокалипсиса, команды «к исповеди и причастию по долгу христианской Святых Таин»¹⁷. Повод для праздника находился и в иные дни. Например, 25–26 января 1773 г. на рейде острова Миконос салютом и фейерверком отметили именины Григория Григорьевича Орлова. Примечательно, что осенью 1772 г. «случай» Г.Г. Орлова закончился, и, возможно, таким праздником Архипелагская экспедиция намеревалась «подбодрить» безутешного брата своего главнокомандующего. Во всяком случае, праздник получился одним из самых ярких: «25 дня в вечеру в Миконе был бал в нарочно убранных покоях. Представлен небольшой фейверак (фейерверк. – *Е.С.*) и поставлен для народу бык с золотыми рогами, множество хлебов, и обрезы бранспойтами наливались красным вином. За ужином застольная пушечная пальба. Все оное делал господин камер юнкер Домашнев»¹⁸, «с 11 часов до полуночи на

том же берегу производилось немало пушечной пальбы, и жжением фейверок окончен»; потом ночью на 26 января производилась еще пушечная пальба¹⁹.

Участники экспедиции, вероятно, настолько привыкли к грому праздничной пальбы, что даже по возвращении из Архипелага некоторые продолжали удивлять российских обывателей эксцентричными выходками. Так, вернувшийся в Россию из Архипелага епископ Анатолий Мелес, ставший игуменом Глуховского Петропавловского монастыря, ходил по монастырю «в китайчетом халате цвета вороньего крыла с непокрытою главою и босиком», палил «из можжир, которыя перелил из колоколов, снятых с колокольни», и говорил, «что хотя он и монах, но, священнодействуя в прошедшую против турок войну на хребтах корабельных, привык к пороху и пушечному грому»²⁰.

Безусловно, подобный размах российского символического присутствия в Средиземноморье – вторжение российских памятных дат в календарь других культур и народов, исключительное внимание к универсальному языку театра, фейерверка, прочих изобразительных форм в утверждении российского влияния, откровенная игра на привлечение симпатий разных общественных слоев через рассыпаемые щедроты беднякам и дары владетельным особам – все это было направлено на то, чтобы не только Средиземноморье стало «своим» для России, но и Россия перестала быть там «чужой».

Таким образом, утверждение влияния России в Средиземноморье осуществлялось далеко не только через демонстрацию военной силы или дипломатические интриги. Не менее успешным был и впервые столь широко использованный ею в Европе универсальный язык *театрализованных представлений* величия и славы империи Екатерины II.

Этот язык использовала и Екатерина Романовна Дашкова, когда спустя десятилетие после торжеств, устраивавшихся в Пизе и Ливорно А.Г. Орловым, кажется, в том же зале, что и А.Г. Орлов, сама отмечала «высокоторжественную дату» вступления на престол Екатерины II. Княгиня записала: в «28 июня (1781 г. – Е.С.) в день восшествия на престол императрицы я дала большой бал в общественной зале, на котором присутствовала вся знать Пизы, Луки и Ливорно. Всего было 460 приглашенных»²¹. Правда, возможно, на-

мекая на расточительность нелюбимого ею А.Г. Орлова, Е.Р. Дашкова заметила, что ее-то «расходы оказались незначительными, поскольку понадобились только плошки с маслом, свечи и прохладительные напитки». Посещая в Тоскане места, совсем недавно наводненные участниками Архипелагской экспедиции²², беседуя с тосканской знатью, с герцогом Пьетро-Леопольдо (который, по замечанию Екатерины Романовны, «был разумнее и осторожнее своего брата императора Иосифа»)²³, с королевской четой Неаполя, с графом Мочениго или с аббатом Галлиани – со всеми теми, кто так или иначе соприкасался с Архипелагской экспедицией – княгиня едва ли могла обойти вниманием память о первом серьезном успехе России в Средиземноморье в 1770-х гг.

Примечания

¹ Цит. по: *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. Т. 2. СПб., 1866. С. 391.

² *Gentleman's Magazine*. 1770. Vol. 40 (Июль). P. 289–290.

³ *Bruce of Kinnaird J.* Travels to discover the source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Vol. 1. Edinburgh & London, 1790. P. 28–29.

⁴ См. об этом, например: *Schierle I.* Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // *Ab Imperio*. 2009. № 3.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 120–121.

⁶ Дата 3 октября (нового стиля) приводится в западной прессе вместе с ошибочным утверждением, что это был день коронации российской императрицы. Между тем, скорее всего речь идет о торжествах, продолжавшихся по случаю дня рождения наследника Павла Петровича.

⁷ *Notizie del Mondo*. 1770. № 95. P. 777; *Gazette d'Amsterdam*. 1770. № 101.

⁸ См.: *Настенко И.А., Яшнев Ю.В.* История Мальтийского ордена. Кн. 2. М., 2005. С. 35.

⁹ *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 405.

¹⁰ Ливорно в 1770–1775 гг. был запасной стоянкой судов, Порто-Феррайо на Эльбе предоставлял ремонтную базу, в Пизе по сути размещался штаб А.Г. Орлова.

¹¹ Я опираюсь на источники, собранные М.Б. Велижевым и легшие в основу разделов его главы: *Русские в Италии: повседневная жизнь русской колонии в Тоскане (1769–1775 гг.)* // *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Указ. соч. С. 319–332.

¹² По счастливой случайности «высокоторжественную» дату рождения российской императрицы через три дня продолжала высокоторжественная тосканская дата – день рождения герцога Пьетро Леопольдо, а еще через восемь дней – день рождения и его владетельной матери императрицы Марии-Терезии. Таким образом, гуляния могли не останавливаться более двух недель.

¹³ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Указ. соч. Указ. соч. С. 319–332.

¹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 103.

¹⁵ Там же. Л. 103 об.

¹⁶ См.: Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1883. С. 694; *Гребенищкова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007. С. 291, 292, 310, 363, 372, 378, 385, 406, 407, 409.

¹⁷ Цит. по: *Гребенищкова Г.А.* Указ. соч. С. 385. Примечательно, что, опасаясь ма-родерства, Елманов приказывал «свозить на берег с хорошим присмотром, дабы здешним жителям обид ни под каким видом не чинили, ибо наша при сем острове остановка в том и состоит, дабы всех служителей по христианству исповедать и причастить».

¹⁸ Журнал С.П. Хметевского // Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 661.

¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 52 об.–53.

²⁰ *Добрынин Г.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриилы Добрынина (прожившего 72 года 2 месяца и 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. СПб., 1872. С. 114.

²¹ *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 129.

²² Прежде всего – это подробно описанный Е.Р. Дашковой карантин в Ливорно, получавший значительные средства от А.Г. Орлова, отбывавшего там, как и другие участники экспедиции, длительные сроки по возвращении из Архипелага; это курорт Сан-Джулиано, где проходили лечение на водах офицеры экспедиции и др.

²³ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 130.

ЦАРИЦА ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКОГО: КРЫМСКИЙ ТИТУЛ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Е.В. Пчелов

кандидат исторических наук

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Присоединение к России новых территорий и государств с конца XV в. и до конца XIX в. сопровождалось включением их наименований в царский (императорский) титул и геральдическим обозначением в контексте российской земельной и государственной геральдики. При этом использовались или традиционные для этих регионов эмблемы, или (чаще всего) создавались новые. Анализ территориального (объектного) титула русских государей показывает, что он формировался как определённая, достаточно чёткая, продуманная система. Такой же системный характер носила и земельная геральдика, включавшаяся в состав геральдики государственной. Присоединение Крыма при Екатерине Великой не было исключением. Более того, само его обозначение в титуле императрицы, как и отражение в российской геральдике, обладало особой семиотической значимостью и представляет большой, с точки зрения символической истории России, интерес.

Манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 г. «полуостров Крымский, остров Таман и вся Кубанская сторона» были «приняты под Российскую Державу»¹. 28 декабря 1783 г. в Константинополе был заключён русско-турецкий акт «О мире, торговле и границах обеих государств»², по которому Турция была вынуждена признать это присоединение. С этого момента Екатерина Великая могла с полным правом отразить новое расширение своей державы и в императорском титуле, и в российской геральдике. 2 февраля 1784 г. была принята новая форма полного титула императрицы, в который были добавлены слова «Царица Херсониса Таврического»³. В тот же день именным указом, данным Сенату, на вновь присоединённых землях учреждалась Таврическая область⁴.

По-видимому, неслучайными были даты этих законодательных актов. 8 апреля в 1783 г. было днём накануне Верного воскресенья

– празднования Входа Господня в Иерусалим (Пасха в том году приходилась на 16 апреля). День накануне Вербного воскресенья – это Лазарева суббота, когда вспоминается одно из чудес Спасителя – воскрешение праведного Лазаря. С этим церковным воскрешением как бы соотносилось «воскрешение» Тавриды – древней православной земли, освобождаемой от татарского, мусульманского владычества. Хорошо известно, что присоединение Новороссии и Крыма понималось Екатериной II не как захват каких-то новых территорий, не как экспансия России на новые, никогда не принадлежавшие ей земли, а как справедливое «возвращение» на исконно православные греческие территории и восстановление на этих землях исторической преемственности от Византии, наследницей которой считалась Российская империя. Разумеется, присоединение Крыма было важным шагом на пути к дальнейшему продвижению – на юг, на Константинополь, с целью освобождения византийского наследия от мусульманского напластования и в конечном итоге – возрождения Византийской империи в рамках так называемого «греческого проекта» императрицы. Именно поэтому Екатерина II возрождала такие исконные, древние, до-татарские названия, как Таврия (Таврида) и именовала новую область не Крымской, а Таврической. Новые города, основанные порой около татарских посёлков, как и уже существовавшие в Крыму и Новороссии ранее, получали греческие наименования, частично восходящие к античной топонимии – Севастополь, Симферополь, Херсон, Одесса, Феодосия и т.п.⁵. Таким образом, возрождение, воскрешение греческой, православной традиции на крымских землях и освобождение их от татарской власти как нельзя лучше соотносилось с церковным воскрешением – воскрешением праведного Лазаря, днём памяти которого и датирован манифест Екатерины II.

Не менее знаковый характер носила и дата 2 февраля – день Сретения Господа нашего Иисуса Христа. Сретение Господне символизировало встречу Старого и Нового Заветов – воплощение чаяния Спасителя и надежду на искупление грехов. Это – встреча Христа, приход Спасителя, который в контексте рассматриваемой политики символизировал приход, а вернее – возвращение христианства на земли Крыма, включение этих территорий вновь в состав христианской, православной ойкумены, подвластной православной государине.

Чрезвычайно символична и та форма, в которой Крым нашёл воплощение в императорском титуле – «Царство Херсониса Таврического».

До этого, с конца XVI в., в титуле русских государей было только три территориальных объекта, имевших статус «царств». Это царства Казанское, Астраханское и Сибирское – бывшие ордынские ханства, обозначение которых царствами восходит к русской традиции именования ордынского хана царём. Наличие в титуле определений «Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский» само по себе повышало статус царства Русского, которое таким образом оказывалось не только владельцем своих бывших «сюзеренов» (вернее, «осколков» этого сюзерена), но и своеобразным «царством царств», государством более высокого статуса, равного по статусу империи. Крым также получил статус царства, но этот статус становился многозначным. Во-первых, наименование Крыма царством вписывалось в старую схему наименования царствами татарских ханств. Во-вторых, Крым получал самый высокий статус среди титульных рангов – статус царства (в противоположность, например, статусу великих княжеств) и занял место в первом ряду таких титульных наименований – наряду с Казанью, Астраханью и Сибирью. Тем самым Екатерина II подчёркивала особое значение, которое она придавал присоединению Крыма и его положению в составе Российской империи. Наконец, в-третьих, и это особенно важно, статус царства отсылал к византийскому наследию. Ведь царями на Руси именовали прежде всего византийских императоров, а само появление царского статуса у русских государей воспринималось также как воплощение преемственности от Византии. Следовательно, понимание титульного наименования царства претерпело существенные изменения – теперь оно не столько означало бывшие ордынские ханства, сколько служило отражением православной, византийской преемственности – ведь Крым когда-то являлся частью Византийской империи. Теперь эта часть зримо присутствовала и в императорском титуле, и в составе самого государства.

Столь же показательна и вторая часть титула – «Херсониса Таврического». Екатерина II не стала называть новоприобретённое государство Крымом, Крымским царством. Она обозначила его через Херсонес – античный и средневековый центр древнегреческих и

византийских владений в Крыму. Именно Херсонес был административным центром византийских территорий на Крымском полуострове – в IX в. он получил статус фемы (военно-административной области) Византийской империи. «Царство Херсониса Таврического», таким образом, означало претензию на преемственность от Византии, воплощённой в одной из её частей. Сама же форма «Херсонис» отражала современное Екатерине II, новогреческое произношение. В древнегреческий период это название звучало как «Херсónесос», но впоследствии в результате итацизма, когда греческая «эта» стала звучать как «и», приобрело уже в раннесредневековый период форму «Херсонис». Именно эта форма и была установлена в императорском титуле, что, в первую очередь, отсылало не к истории, а соотносилось с актуальными политическими задачами «греческого проекта». Таким образом, сама форма крымского титула Екатерины II была не только фиксацией произошедшего «возрождения» византийского наследия, но и заключала в себе программу на будущее.

Особое место новый титул «Царица Херсониса Таврического» занял на серии серебряных монет, отчеканенных в 1787 г. в связи с крымским путешествием императрицы.

Помимо вербального новое присоединение земель получило и визуально-эмблематическое воплощение.

8 марта 1784 г. императрица утвердила доклад Сената «О гербе Таврической Области»: «В золотом поле двух-главый орел, в груди онаго в голубом поле золотый осьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России чрез Херсонес произошло; крест же поставлен в Государственном гербе для того, что и оный прислан от Греческих Императоров в Россию тогда, когда восприято Великими Князьями крещение»⁶. Таврический герб, тем самым, представлял собой соединение государственного герба (в цветах, утвердившихся с петровского времени – чёрный двуглавый орёл в золотом поле) с православным символом (золотым восьмиконечным крестом в голубом поле). Двуглавый орёл в качестве государственного герба, как полагали во времена Екатерины II, и православие, символически воплощённое в восьмиконечном кресте, как было в действительности, имели своим источником Византию. При этом заимствование Россией двуглавого орла отодвигалось вглубь времён, к эпохе христианизации Руси, то есть правлению св. Владимира, оказываясь

современным «восприятию Великими Князьями крещения». Восприятие православия и «восприятие» государственной символики, а, тем самым – и государственной традиции Византии, шли как бы рука об руку. И то, и другое свидетельствовало об исторической преемственности от Византийской цивилизации, а государственность оказывалась самым тесным образом сопряжена с православной верой. Неразрывность этого целого подчёркивалась в гербе, по своему идейному содержанию полностью отвечавшему «мейнстриму» государственной идеологии екатерининского царствования по отношению к Крыму и Османской империи.

Важнейшим элементом герба выступал восьмиконечный православный крест, означавший тот факт, что само крещение Руси, осуществлённое от Византии, имело истоком всё тот же Крым. Действительно, крещение князя Владимира произошло в Херсонесе (по-славянски Корсунь), откуда, таким образом, свет христианства пришёл и на Русь. Это придавало особое смысл пониманию Крыма именно как «Царства Херсониса Таврического», поскольку значение Херсонеса не исчерпывалось только его государственной «функцией» в качестве провинции Византии, а представляло его как колыбель христианизации Руси. В этом смысле присоединение Крыма было возвращением России к своим истокам, обретением вновь того пути, по которому двигались на Русь и государственность, и православная вера, а следовательно – обосновывало и как бы оправдывало и присоединение Крыма, и ликвидацию Крымского ханства, и выход России к Чёрному морю. Этот вектор внешней политики екатерининского царствования становился исторически оправданным, исторически справедливым и исторически необходимым. И таврический титул, и таврический герб символизировали восстановление традиции, идущей от «византийских, греческих истоков» Руси, что было характерно для всей политики Екатерины Великой по отношению к новоприобретённым причерноморским землям.

Герб Царства Херсониса Таврического оставался неизменным вплоть до середины XIX в. При Павле I он, как и другие титульные гербы, был помещён в проект Полного (Большого) государственного герба (1800), где занял место в щитке, расположенном внизу от центрального щитка с государственным орлом. В описании «Таврического» герба золотой крест назван «греческим тройным», а изображён

он с тремя горизонтальными перекладинами (что неверно с точки зрения изображения восьмиконечного креста в церковной традиции). Кроме того, герб был увенчан короной «о пяти остроконечных зубцах с зеленою бархотною накрышкою» – так изображены короны и в гербах других «царств». При Николае I с 1832 г. герб Царства Херсониса Таврического среди гербов других титульных объектов, обладавших наиболее высоким статусом, помещался на одном из крыльев российского двуглавого орла.

Новый вариант герба Таврической губернии был утверждён 8 декабря 1856 г.⁷ Он был создан выдающимся отечественным геральдистом Б.В. Кёне (1817–1886). Изображение и описание двуглавого орла в этом гербе кардинально изменились. Теперь это был чёрный «византийский» орёл, увенчанный двумя золотыми трёхзубцовыми коронами, без регалий в лапах (клюв и когти орла были золотыми, а языки – червлёными). Лазоревый щиток с крестом «получил» золотые «края» (по сути, окантовку) – вероятно, чтобы избежать неприемлемого в традициях классической европейской геральдики наложения финифти на финифть. «Византийский» тип орла означал, что этот орёл изображён с раскрытыми, но опущенными, а не поднятыми вверх крыльями. Б.В. Кёне, следовательно, усилил византийскую семантику этого символа, лишив его черт государственного орла России, но оставив неизменным «имперскую» расцветку (чёрно-золотую) (на самом деле византийский двуглавый орёл, по всей видимости, был золотым в красном поле). Чтобы ещё больше подчеркнуть византийско-русскую преемственность, «транслировавшуюся» через «Херсонис Таврический», гербу этого «царства» была придана и своя «корона». В Больших государственных гербах Российской империи 1857 г. и 1882 г. (и других гербах, включавших основные титульные гербы) щит с гербом Царства Херсониса Таврического был увенчан Шапкой Мономаха. Щит с объединёнными гербами древних русских столиц (Киевским, Владимирским и Новгородским) увенчала Шапка Мономаха *второго наряда*. Таким образом получила геральдическое воплощение идея о «дарах Мономаха» и преемственности от Византии на уровне государственных регалий, полученных когда-то от византийских василевсов. Идея Таврического герба времён Екатерины II оформилась в законченном виде. Теперь «Херсонис Таврический» был про-

водником не только православной веры и главного государственного символа, но и главной государственной регалии, то есть и религии, и государственности, и самой монархической власти одновременно. Такое осмысление значения Крыма и его присоединения для России на уровне государственной идеологии оставалось актуальным, как видим, и для второй половины XIX в. Семантика «византийских истоков» до некоторой степени даже усилилась, что можно связать и с событиями Крымской войны 1853–1856 гг., и с общей ориентацией определённой части российской культуры того времени на древнее русское историческое прошлое.

Примечания

¹ ПСЗ-I. Т. 21. СПб., 1830. № 15708. С. 897–898.

² Там же. № 15901. С. 1082–1083.

³ Там же. Т. 23. № 15919. С. 17.

⁴ Там же. № 15920. С. 17–18.

⁵ Впоследствии часть «греческих» названий Екатерины II была ненадолго упразднена в период царствования Павла I. Топонимам, образованным по греческой модели с формантом *-поль*, посвящена, в частности, специальная работа Б.О. Унбегауна (*Unbegaun B.O. Les noms des villes russes: la monde grecque // Revue des études slaves. XVI. 1936. P. 214–235*).

⁶ ПСЗ-I. Т. 23. № 15953. С. 69.

⁷ Винклер П.П фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи. М., 1990. С. 190.

ЕКАТЕРИНА II И АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА 1775 ГОДА (МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ)

Г.А. Наумова

Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»

Царствование Екатерины II, как и яркая личность самой императрицы, оставили глубокий след в истории государства. Ее называли великой законодательницей. Действительно, время ее правления богато различными реформами, затронувшими чуть не все стороны российской жизни.

Важнейшим по значению законодательным актом екатеринского царствования, касающемся местного управления, было учреждение о губерниях 5 ноября 1775 г.

Над этим документом Екатерина II работала лично, в течение пяти месяцев 1775 г., во время пребывания ее в Москве после окончания суда над пугачевцами. Разложение и полная несостоятельность местного управления, обнаруженные во время восстания под предводительством Е.И. Пугачева, показали императрице, что дальше медлить с реформами нельзя. Потрясенная социальным взрывом, она сразу же приступила к делу. «Для большей торжественности, – как считал историк реформы В.А. Григорьев, – избрала Москву местом, где должно быть подготовлено преобразование...»¹. Документ, носивший полное наименование: «Учреждения для управления Губерний Российской Империи», был представлен Совету при Высочайшем дворе 2 ноября, а принят 5 ноября 1775 г. без дальнейшего обсуждения.

В первой части «Учреждения для управления Губерний Российской Империи» Екатерина II объясняла цель своих реформ: «Мы потому от самого дня возведения Нашего на Всероссийский престол, попечение наше неутомимо простерали спознать вообще и подробно по переменявшимся обстоятельствам части внутреннего Государственного управления, требующие поправления или издания новых учреждений, постановлений и узаконений»². Далее

она уточняла смысл и задачу проводимых мероприятий: «...наипаче же ради заведения лучшего порядка и для беспрепятственного течения правосудия, заборорассудим Мы издать ныне учреждение для управления Губерний и снобдить сим оныя, как части, составляющие Российской Империи обширность, приготавлиая тем самым, и облегчая лучшее и точнейшее исполнение полезнейших впред издаваемых указаний»³.

В «Учреждении для управления Губерний Российской Империи» устанавливались основы организации системы местного управления в России, судебной системы, которая сохранялась вплоть до реформы 1864 г., а также принципы территориального устройства, остававшиеся неизменными до Октябрьской революции 1917 г. Страна получила новое административно-территориальное деление: его основной единицей стали губернии (в каждой проживало по 300–400 тыс. человек), которые подразделялись на уезды (с населением от 20 до 30 тыс. жителей). Во главе каждой губернии находился губернатор, назначавшийся монархом. Предусматривалось четкое разграничение административных, финансовых и судебных функций, учреждение отдельных судебных инстанций для каждого сословия с участием их выборных представителей, а также известная доля общественного участия в руководстве сословными благотворительными и образовательными организациями.

Реформа местного самоуправления явилась крупным началом и затянулась на долгие годы, так как приходилось решать немало сложных вопросов: нужно было определить административные центры губерний и уездов, обеспечить создаваемые органы власти помещениями и проч. Также возникали проблемы практического порядка, например, трудности с поиском подходящих населенных мест для преобразования их в уездные города.

В 1775 г., перед началом реформы местного управления, Российская империя включала в себя двадцать пять губерний. К моменту смерти Екатерины II в 1796 г. государство состояло из 50 губерний с числом уездов до 493⁴.

Реформа была хорошо подготовлена и начата при активном участии Сената и под постоянным личным надзором императрицы. Генерал-губернаторами и губернаторами она назначала специально отобранных доверенных лиц, которые получали особые предписания,

где говорилось, что первым делом им следовало провести территориальное разграничение новых губерний и уездов. Выбор губернских центров особого труда не составил, но определить уездные города оказалось более сложным делом. Довольно часто в избранном для этой цели населенном пункте проживали в основном государственные крестьяне, поэтому необходимо было менять их статус, а порой выбранное поселение принадлежало частному землевладельцу, и тогда у него приходилось выкупать крепостных. Эта процедура позволяла в короткие сроки превратить как вольных, так и крепостных крестьян в посадских людей. Крестьяне, в своем большинстве, крайне неохотно шли на подобные превращения в горожан, а имеющееся городское население России было не в состоянии служить основой для вновь созданных уездных центров, количество которых предписывалось проводимой реформой.

При разбивке губерний на уезды придерживались количественного принципа, отмеряя на каждый по 20–30 тыс. человек. Где это было возможно, учитывали географические и национальные признаки и традиции, которые в итоге не сыграли решающей роли. Важным фактором считалось количество дворян, проживающих в уезде, чтобы они могли занять необходимые должности. Кроме того, выбирали по возможности уездные города из числа заселенных государственными, дворцовыми или экономическими крестьянами, чтобы избежать расходов на их выкуп у помещиков. В ряде губерний, в том числе во вновь создаваемой Московской, принимались во внимание экономические факторы. В центральном промышленном регионе России, в состав которого входила и Московская губерния, треть из 35 новоиспеченных городов уже являлись городами в экономическом отношении, еще треть составляли села со значительным потенциалом развития, а остальные, как показала в дальнейшем история, оказались несостоятельными и были обречены на отставание, понижение статуса или вовсе на прекращение существования в роли уездного города.

Указ об учреждении Московской губернии был издан 5 октября 1781 г.: «Всемиловитейше повеливаем нашему генералу в Москве главнокомандующему князю Долгорукому-Крымскому в конце будущего 1782 года исполнить по Учреждениям Нашим, изданным для управления губернии, составя оную из 14 уездов и

именно: Московского, Богородского, Звенигородского, Серпуховского, Волоколамского, Дмитровского, Никитского, Подольского... вследствие того переименовать городами Дворцовое село Колычёво и экономическое село Подол под названием: Никитск и Подол...»⁵. Несмотря на то, что учреждение Московской губернии относится к 1781 г., ее торжественное открытие состоялось ровно год спустя. Представители уездного дворянства собрались в доме губернатора генерал-майора Н.П. Архарова, где в торжественной обстановке императорский указ был объявлен московским главнокомандующим, генерал-фельдмаршалом, графом З.Г. Чернышевым. Сенат для каждой губернии утвердил цвет парадного дворянского костюма. По этому поводу в письме от 1782 г. на имя графа З.Г. Чернышева из Сената говорилось: «В Московской губернии в платьях положены однорядии сходственных с Московским гербом. Дворянству предписывались красные кафтаны с воротниками и обшлагами желтого цвету, пуговицы золотые, петли у кафтанов шитья золотого, обшлага с двумя пуговицами...»⁶. Из материалов комиссии по строительству Санкт-Петербурга и Москвы известно, что для каждого уездного города был разработан градостроительный план: «Ее Императорское величество всевысочайше соизволила подтвердить сего генваря 16 дня планы, самые те которые представлены были Московской губернии четырнадцати городам: Коломне, Серпухову, Рузе, Можайску, Вереи, Волоколамску, Звенигороду, Клину, Дмитрову, Воскресенску, Подолу, Никитску, Богородицу и Броннице...»⁷.

Говоря о значении и практическом проведении реформы местного управления, следует рассказать об истории города Никитска как о примере неудачного выбора уездного центра.

Никитск был основан по личному повелению императрицы Екатерины II. Существует легенда, что даже название новому уездному городу дала сама государыня в память о Никите Борисовиче Колычёве (родном брате святого Филиппа, митрополита Московског), убитого 2 октября 1552 г. при взятии Казани (в XVI в. род Колычёвых владел селом Колычёвым и окрестными землями).

Река Пахра, протекая через город Никитск, делила его на две части: «...из коих большая на правом берегу, там что было прежде село Колычёво, где на главной площади назначены все казенные строения, а меньшая часть на левом берегу, деревня Шестово, где

по новости города, живут еще крестьяне Дворцового ведомства»⁸. При обретении статуса уездного города Никитск получил герб, где на его главной части – щите – вверху находился «герб Московский, а в нижней в желтом поле – белые три камня, положенные два вместе, а третий наверху: жалованной при открытии города ныне царствующею Императрицею Великою Екатериною в знак каменоломни в сем городе и уезде»⁹.

Был составлен план развития города, на котором были спроектированы улицы, проезды и площади с указанием мест, намеченных к постройке зданий. Этот план и сейчас можно увидеть в книге чертежей и рисунков, выпущенной в 1830 г. в виде приложения к Полному собранию законов Российской Империи. Из того, что намечалось, почти ничего не построили. «Достойных примечания зданий в сем городе, по новости оного, не находится, кроме как каменная пятиглавая церковь, во имя Обновления храма, а также колокольня сооружены из белого камня приходскими людьми в 1697 г.»¹⁰. В городе был возведен ряд казенных зданий – дом для присутственных мест, в котором размещались уездный суд, дворянская опека, нижний земский суд, городническое правление, уездное казначейство, городской магистрат, сиротский и словесный суды.

По плану развития Московской губернии всего в уездах предполагалось построить 23 народные школы – одну из них в Никитске. В уведомлении на имя губернатора на этот счет говорилось: «Во всякой школе читать, писать и катехизесу обучать будет священник с дьячком; жалованья им – 30 рублей. Один, знающий арифметику – 30 рублей; один, обучающий рисованию – 30 рублей; на бумагу, на чернила, на топку школ, на книги для неимущих и для сторожа – 25 рублей. Итого каждая школа будет стоить 115 рублей. На все же сии школы кроме строения будет отпущено 4 945 рублей в год»¹¹. Помимо прочих построек в городе имелись винный магазин и питейный дом. Частных домов в городе было мало: дворянских – девять, купеческих – десять, мещанских – семь, церковнослужительских – четыре, разночинских – два, остальные составляли крестьянские дворы¹².

Значительная часть населения Московской губернии проживала в экономически развитых городах, таких, как Коломна, Верей, Серпухов, Дмитров. Никитск в этом отношении занимал последнее

место – в нем постоянно проживало 387 человек мужского пола. По социальному составу город также занимал последнее место: его население составляли купцы (50 чел.), мещане (30 чел.), священно- и церковнослужители (6 чел.), разночинцы (101 чел.), крестьяне (180 чел.). Если учесть и женщин, всего в городе проживало 747 человек¹³. В Никитске совсем не были отмечены цеховые и мастеровые, дворовые и приписные к фабрикам и заводам. Самыми многочисленными прослойками населения были купцы и крестьяне. Жители города (включая и дворян) занимались хлебопашеством, а больше всего (как в городе, так и в уезде) – добычей и продажей белого камня, который в большом количестве находился в обширных каменоломнях, расположенных по берегам реки Пахры. Жители города и уезда слыли искусными каменщиками, что позволяло им заниматься отхожими промыслами в Москве, Петербурге и других городах.

Промышленности ни в городе, ни в уезде не было, кроме кузницы, располагавшейся в самом Никитске, а также четырёх кирпичных и десяти солодовенных заводов, находившихся на территории уезда. Городская торговля только зарождалась. «Ведомости» Никитского городского магистрата в связи с этим отмечали, что «купцы и мещане... по неимению в городе никаких торгов... имеют работу от вырабатывания белого камня и жжения извести»¹⁴. Ярмарка в городе проходила один раз в год на Троицу: приезжали крестьяне из близлежащих селений и торговали разными крестьянскими изделиями. Почти все необходимые товары для жизни и хозяйственных нужд привозили из Москвы, кроме огородных овощей: капусты, редьки, моркови, свеклы и других культур, которые местные крестьяне выращивали в своих огородах.

Протяженность Никитского уезда с севера на юг составляла 49 верст, а с запада на восток 48 верст и занимал он, в основном, места ровные, плоские и только при реках гористые. Вся площадь уезда составляла 139 058 десятин 968 квадратных сажень¹⁵. Значительную часть территории уезда покрывал строевой и дровяной лес, где большей частью росли березы, осины, мелкий кустарник, который шел на дрова и продавался в Москве. Строевые породы: сосна, ель, дуб – встречались довольно редко, но они безжалостно вырубались и также шли на продажу в Москву. На тот период рек, речек и ручьев в уезде протекало 113, из которых можно отметить

четыре: Москву-реку, Пахру, Рожай и Северку. Самая крупная из них – Москва-река, по которой ходили из разных городов барки, струги, полубарки с хлебом, льняным и конопляным маслом, с солью, железом и разными съестными припасами.

В состав Никитского уезда входило 72 села, 71 сельцо и 168 деревень, из них помещичьих сел – 49, селец – 58 и деревень – 92. В них проживало 177 владельцев мужского и женского пола¹⁶. Самым крупным и известным селением Никитского уезда являлось село дворцового ведомства Мячково, где жители десятилетиями занимались добычей самого лучшего белого камня в каменоломнях по берегам реки Пахры, чем прославились далеко за пределами своего края.

На территории уезда находилось 72 храма и одна пустынь во имя святой великомученицы Екатерины, расположенная в 13 верстах от уездного города Никитска. Она была построена по желанию царя Алексея Михайловича в 1660 г., «потому что в бытность Его Царского Величества на том месте за охотою, явилась ему великомученица Екатерина в сонном видении, извещая, что в ту ночь Бог даровал Его Царскому Величеству дочь Екатерину»¹⁷.

Среди богатых и именитых владельцев имений в уезде следует назвать графа А.Г. Орлова-Чесменского, княгиню А.Ф. Белосельскую, графа И.П. Салтыкова, графа П.Б. Шереметева, сенатора П.В. Хитрово, князя Н.А. Голицына, графа П.А. Румянцева-Задунайского и др.

Уездным дворянством каждые четыре года избирался предводитель, пользующийся уважением и имеющий авторитет в обществе. Из материалов Дворянского депутатского собрания видно, что еще в конце XVIII в. выборы представляли собой торжественный ритуал и проводились в Грановитой палате Кремля. До 1794 г. избиралось по 15 уездных предводителей дворянства, так как в то время Московская губерния состояла из 15 уездов. С 1797 г. по 1801 г. избиралось десять уездных предводителей, потому что такие уезды, как Воскресенский, Никитский, Бронницкий, Подольский и Богородский, были упразднены. С 1802 г. Бронницкий, Подольский и Богородский уезды были восстановлены, и с этого времени избиралось 13 уездных предводителей дворянства¹⁸.

В разные годы предводителями дворянства Никитского уезда были: камергер граф Д.М. Матюшкин (1782–1785), капитан

флота И.С. Гагарин (1785–1788), статский советник А.А. Лопухин (1788–1791), бригадир В.Б. Полуектов (1791–1794), секунд-майор И.И. Лопухин (1794–1797)¹⁹.

Никитск находился в стороне от больших торговых дорог и водных путей, занимал последнее место в Московской губернии по количеству населения, а самое главное – в нем не было зачатков промышленности. Эти и другие причины привели к угасанию города. В 1794 г. он перестал существовать как уездный центр и был переведен в заштатный. В таком качестве Никитск просуществовал до 1802 г. В указе Сената говорилось: «Заштатный город Никитск по бедности обывателей его, дабы не обременять их содержанием ратуши и прочими повинностями, обратить по-прежнему в казенное селение, позволив купцам и мещанам, буде они пожелают, переписаться в другие города»²⁰.

Примечания

¹ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910. С. 201.

² ПСЗ-I. Т. 20. СПб., 1830. С. 230.

³ Там же. С. 231.

⁴ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 456.

⁵ ПСЗ-I. Т. 21. СПб., 1830. Стб. 15245.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

⁷ Там же. Л. 88.

⁸ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 120.

⁹ Там же. С. 121.

¹⁰ Там же.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

¹² Историческое и топографическое описание. С. 122.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Прохоров М.Ф. «Ведомости» к межевым атласам как источник по истории промышленности и торговли в городах Подмоскovie в середине 80-х годов XVIII в. / Русский город. Москва и Подмоскovie. Вып. 4. М., 1981. С. 75.

¹⁵ Историческое и топографическое описание. С. 130.

¹⁶ Там же. С. 128–129.

¹⁷ Там же. С. 127–128.

¹⁸ Списки лиц, служивших по выборам дворянства Московской губернии. 1785–1885. М., 1885. С. 1–2.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ ПСЗ. Т. 27. СПб., 1830. Стб. 20143.

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХАРАКТЕР ЭРМИТАЖНОГО САЛОНА ЕКАТЕРИНЫ II

Т.И. Акимова

кандидат филологических наук, доцент

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск)*

Эрмитажный салон Екатерины II – интимный круг наиболее приближенных к императрице российских придворных и представителей дипломатического корпуса, собиравшийся в залах Зимнего дворца и Эрмитажа с целью развлечения и отдыха государыни. В словарной статье Брокгауза и Эфрона «Эрмитаж императорский» указывается на то, что «Являясь сюда, Екатерина становилась не более, как радушною хозяйкою, обходительною женщиною, очаровывающею приглашенных на ее вечерах не высокою сана, а личными качествами»¹.

Именно о личных качествах государыни говорят все мемуаристы, обращаясь в своих воспоминаниях к ее салону: от племянницы И.И. Шувалова фрейлины В.Н. Головиной, до Л.Н. Энгельгардта – родственника Г.А. Потемкина². Тем не менее, в этих мемуарах отражен образ уже сформировавшейся императрицы, к тому же деформированный временем и изменившимися сознаниями авторов, создававших мемуары в другую эпоху.

В то же время личностные качества Екатерины II имели свои константы, среди которых, безусловно, свободолюбивый и иронический нрав можно назвать определяющими качества ее характера. Став императрицей, Екатерина Алексеевна не изменила своей личности, а, наоборот, развивала заложенные природой задатки, согласно тем проповедям о свободе и дружбе, которые она вычитывала из «Энциклопедии» и которые являлись гимном французских салонов того времени. Все рассуждения о норме и вкусе применительно к воспитанному человеку не просто находили отклик у государыни, но оказывались руководством к действию и способом изменить те нравы

и обычаи, которые укоренились в российской среде со времени «Домостроя», начало к изменению которых было положено Петром I.

Поэтому в воспоминаниях, опубликованных, когда екатерининская эпоха еще жила в сознании ее современников, салон императрицы характеризовался с точки зрения реализации просветительских идеалов о не различении общечеловеческого и монаршего. В записях П.И. Сумарокова можно прочесть: «Малые ермитажи составлялись из Царской фамилии, придворного, дежурного штата, самых коротких Императрице особ, и походили на дружеское, простое общество. Иногда при спектакле четыре только отличных музыкантов сидели в оркестре...»³. Современные исследователи отмечают, что «Малое собрание носило *исключительно развлекательный характер*»⁴ (по мнению Т.Е. Смольяниновой) и «душой этих собраний была Екатерина, умевшая занять гостей не только театральными представлениями и балом, но и *содержательной и непринужденной беседой за столом*»⁵ (как полагает Л.Г. Кислягина).

Отталкиваясь от этих высказываний, добавим, что развлекательный характер проявлялся не только в ее устных беседах, фиксация которых, по известным причинам не велась, но и в письменной форме, также дошедшей до нас в очень ограниченном объеме. На непрерывное существование этой формы указывал в свое время М.И. Пыляев, описывая традиционную культуру монарших обрядов, происходивших в Зимнем дворце. Так, говоря о святочных играх, он подчеркивал не просто единичную литературную забаву Екатерины II, но и ответственность за созданное ею и представителями того ближнего круга, формированию которого она посвящала много сил и времени: «Каждый гость занимался чем ему угодно было. Кто играл в жмурки, кто в билетцы, кто ворожил, гадал, играл в веревочку, кто читал стихи и т.д. Любимой была литературная игра в мысли; но как только государыня замечала, что гости начинали писать колкости и переходить на личности, то тотчас брала перо и заканчивала написанное»⁶.

Подобная ответственность за написанную фразу формировалась, конечно, задолго до появления на голове Софии Фредерики Августы короны, с которой это трепетное отношение к слову могло только усугубиться. Здесь сокрыта тайна самой екатерининской сущности, несомненно, движимой эпохой Просвещения, но и рас-

крывающей талант незаурядной личности и интеллекта, которые искали своего выхода в самых неблагоприятных условиях. Проявлению яркого личностного начала Екатерины II первоначально препятствовал жесткий контроль и надзор над жизнью молодых со стороны Елизаветы Петровны, а затем дворцовый церемониал императорского быта и сам монархический статус. Парадокс екатерининского салона заключался в самом его существовании: то, что было на Западе оппозиционным монархии, и вело с нею непримиримую борьбу, оказывалось в России прямым делом императрицы и получало дополнительные идеологические смыслы.

При этом следует отметить, что идея салона претерпевала в сознании Екатерины II трансформацию, в зависимости от тех политических реалий, которые заставляли ее рациональный ум корректировать изначальный образ согласно постоянно меняющимся обстоятельствам. В этой связи встает вопрос о возникновении образа салона в ее сознании: имелся он до приезда в Россию или родился по мере окончательно взросления в пору замужества и «поглощения» ею книг.

Частично ответ на этот вопрос дает обширная переписка Екатерины II с разными лицами, по которой отчетливо видно, как робкая и смиренная Ангальт-Цербстская принцесса превращается в прекрасно владеющую эпистолярным жанром императрицу, демонстрирующую всей Европе не только знания салонного языка, ставшего там нормой светского общения, но и умения использовать его в политических целях. С его помощью она виртуозно держала ответ перед всей Европой, выводя Россию в этом диалоге на роль глубокого оратора, чьи речи отличались самостоятельностью и рациональностью.

Момент приобщения Екатерины II к салонной культуре привлекал внимание исследователей уже в конце XIX столетия и получал объяснение в читательских пристрастиях великой княгини: «Затем “случайно – говорит Екатерина II – я достала письма г-жи Севинье и проглотила их: это чтение мне понравилось”. Оно принесло ей и большую пользу, – прибавим с своей стороны; под его влиянием она вначале усвоила себе легкость, непринужденность, игривость, какими должен отличаться этот род авторства, и частные письма ее на французском языке сами могут служить образцами эпистолярного слога»⁷.

Сходный вывод делает и другой исследователь екатерининской эпистолярии, Ф. Бюлер: «Те немногие особы, которым нам случалось давать на прочтение сборник, заключающей эту корреспонденцию, наиболее изумлялись обнаруживающейся в ней неутомимой деятельности Екатерины II, и приходили в восхищение от непринужденно-веселого тона и игривого ума, преобладающих в ее письмах»⁸. Именно с деятельностью салона связывает Ф. Бюлер такое качество писем Екатерины II и объясняет этим своеобразие ее слога, сформированного только речевой практикой: «Что же касается собственно до тона переписки с Черкасовым, то отличительная черта его – полнейшее взаимное доверие, и, как следствие частных вечерних бесед в интимном кругу, постоянное состязание в остроумии, при замечательной непринужденности, даже в известной степени фамильярности выражений»⁹. В итоге он лишь подтверждает тот итог, к которому пришли его предшественники и придут последователи: «Письма Екатерины II к А.И. Черкасову принадлежат именно к разряду тех произведений ее пера, которые П.К. Щебальский так удачно определил, сказав, что, читая их, понимаешь то обаяние, которое эта государыня распространяла вокруг себя независимо от своего сана»¹⁰.

Другой, не менее важный вопрос, возникающий при разговоре о салоне Екатерины II, – время его возникновения. **В этом также помогает** изучение переписки императрицы, из которой «Собственно-ручное черновое письмо Екатерины II к Ж.Ф. Мармонтену о русском переводе его романа Велисарий» (1767) дает представление о первых собраниях ее салона и характере его функционирования: «Примите его как доказательство уважения, которым мы преисполнены к Велисарию и его сочинителю. Он подвигнул нас к тому, в чем большая часть из нас не упражнялись». Сама необходимость объяснения Екатериной II обращения к переводу сочинения своего современника есть свидетельство идеологии ее салона – одновременной работы в двух направлениях: на Европу и на свой двор.

Выбирая эпистолярию в качестве способа демонстрации просвещенной Европе своего салона, государыня в то же время говорила о его воспитательной функции по отношению к своим подданным: «Наш перевод упрекают в неровности слога: не спорим в этом, но мы не считаем удобным переменять что-либо в нем, потому что

именно это объясняет то, что могло подвигнуть к переводу Велисария лиц, никогда в их жизни не исполнявших звания переводчиков. Каждая глава – есть отдельный труд – и именно чувства убеждения, безупречной нравственности, а не суеверного преследования. Остается с таким же удовольствием, как и с уважением»¹¹.

Автор письма к Ж.Ф. Мармонтеню не останавливалась только на факте перевода романа, ее цель – рассказать о своем салоне и его участниках: «Сочинитель посвящения переводчиков к епископу – граф А. Шувалов. Переводчик вступления и двух первых глав И. Елагин. Третьей главы – С. Козьмин. Четвертой и пятой – Д. Волков. Шестой – граф З. Чернышов. Седьмой и восьмой – А. Нарышкин. Девятой – Императрица Екатерина II. Десятой – Граф Козицкий. Одиннадцатой – князь С. Мещерский. Двенадцатой – Александр Бибииков. Тринадцатой – граф Орлов. Четырнадцатой и пятнадцатой – граф В. Орлов»¹². Поражает в этом перечне скромная роль самой Екатерины II, сообщаемая писателю-просветителю, которая говорит об ученической ипостаси царицы по отношению к Европе.

На это указывают и письма Екатерины II к Ж.Л. Д'Аламберу (1762) с просьбой о просвещении ее двора и, прежде всего – наследника российского престола: «Вы рождены или призваны содействовать счастью и даже просвещению целого народа»¹³. Императрица готова была организовать салон из французских просветителей: «Приезжайте со всеми вашими друзьями: я обещаю вам и им также все удовольствия и удобства, какие только могут зависеть от меня, и может быть вы найдете более свободы и спокойствия, чем у вас. Вы не поддайтесь настояниям короля прусского, но у этого государя нет сына. Признаюсь, что воспитание этого сына так близко моему сердцу и вы мне так необходимы, что быть может я слишком пристаю к вам»¹⁴. Столь настойчивая просьба, почти мольба, российской государыни к издателю «Энциклопедии» выдает, конечно, с одной стороны, ее некоторые утопические намерения, но, с другой, – показывает, как прочно идея салона просилась к своему практическому воплощению, что и привело впоследствии к малым, средним и большим собраниям.

После отповеди Ж.Л. Д'Аламбера монархине относительно налагающихся на него обязательств перед целым народом правилница не успокаивается, пока не добивается приезда Д. Дидро.

Вследствие этого именно 1772–1774 гг. оказываются рубежными для просветительской линии Екатерины II, когда просветительская теория и государственная практика абсолютно разошлись в ее сознании и пришло понимание, что единственным воспитателем для своих подданных может быть только она.

На путь этого осознания ее вывел другой просветитель, которого она и называла своим учителем – Вольтер. Именно он предоставлял в своих письмах пространство для выхода тех женских качеств российской государыни, которые жаждали проявиться в салоне, – чувства вкуса и меры, не замечаемые раболепными подданными. В переписке с фернейским патриархом Екатерина II оттачивала свое литературное перо и училась переводить галантность из аспекта содержания в сферу приемов. В письмах к нему императрица обретала то авторское самосознание, которое она переводила в плоскость нормы для российского литератора. Речь идет о непринужденной легкости и веселости как образце писательского кредо.

Приведем в качестве доказательства «Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Вольтеру...»: «Только что перевод русской комедии, которая нас всех более всего насмешила, будет кончен, он отправится в Ферней. Вы скажете может быть, прочитав ее, что меня легче рассмешить, чем другие величества, и вы будете правы: в основе моего характера большая веселость»¹⁵. Не случайно показателями ее литературного вкуса стали слова «галиматья», «безделка», «смех».

Например, в письме к скульптору Э.М. Фальконе от 28 марта 1767 г. она констатировала: «Из того, что вы называете своим безумием, мне приятно видеть, что у вас от природы розовое изображение: простите мне этот термин, я его не люблю с тех пор, как вы мне сказали, что по отсутствию этого цвета “Разбитый параличом” Грёза не имел успеха во Франции. Я, однако ж, нахожу его розовым только в смысле высоко-прекрасного, а не пленительно-красивого. Для объяснения этой *галиматии* отсылаю вас к статье Joli, где вы увидите, что нам суждено обходиться без второго; правда, что надобно жить и жить давать другим»¹⁶. В письме к И.Г. Циммерману государыня откровенно кокетничала: «Что касается до моих сочинений, то я смотрю на них, как на *безделки*. Я любила делать опыты во всех родах, но мне кажется, что все, написанное мною довольно

посредственно, почему, кроме развлечения, я никогда не придавала этому никакой важности»¹⁷. Через средства комического, которые она черпала из галантной сферы, Екатерина II находила те воспитательные средства, которыми руководствовалась как хозяйка салона. Серьезное и смешное разграничивались в разных пространствах: салонном и государственном.

В связи с этим можно сказать, что два примера исследования смеха и его литературной реализации принадлежат именно салонному творчеству Екатерины II.

Первый пример погружает его читателей в самую глубь интимного пространства, когда орудие смеха направляется на самих обитателей салона и демонстрирует его дружескую атмосферу. Он был назван комментаторами «Собственноручное шутовское описание Екатериной II рода смерти, от которой должны умереть некоторые из ее приближенных». Нам важно, кроме всего прочего, увидеть еще одно собрание близких к государыне лиц, которые можно рассмотреть через чуть приподнятую завесу скрытого от посторонних глаз салона: «Граф Брюс от прилива крови. Лев Александрович Нарышкин от апоплексии, Граф Иван Чернышов от гнева. Граф Захар Чернышов смертью праведных. Графиня Румянцева, тасуя карты. Госпожа Штакельберг от удивления. Госпожа Полянская (урожденная графиня Елизавета Воронцова) от сожаления. Господин Остервальд от голода. Госпожа Зиновьева от смеха. Штакельберг от желтухи. Черкасов от задушения словом. Госпожа Протасова от родин. Илья Всевожский от вздохов»¹⁸. В основе этого комического отрывка лежит жанр портрета, столь любимый салонами второй половины XVII столетия. Екатерина II не следует в этой связи по заданным и, по всей видимости, хорошо известным ей образцам. Она подходит к этому жанру с точки зрения ироничного модуса салонов XVIII в., однако она не изменяет рационализму и лаконизму, характерным для их предшественников. Как видим, венценосная писательница остроумного подмечает всего лишь одну черту в личности каждого из участников Эрмитажного салона, создавая тем самым атмосферу карнавала и условие для рефлексии ее подданных над своим поведением: «Перфильев от несварения желудка. Граф Миних от одышки. Фельдмаршал Голицын от зуда. Граф Панин от того, если он когда поторопится. Я от снисходительности. Козицкий от искания славянских

слов. Козьмин от кости ерша. Стрекалов от питья английского пива. Елагин от садна слуховой перепонки, произведенного театральной гармонией»¹⁹. Этот пример также передает пристрастие монархини двум другим жанрам XVII в., очень тесно примыкающим к промежуточной стадии представленного отрывка, – афоризму и анекдоту.

Второй пример представляет собой исследование Екатериной II природы смеха в работе над воспитательными ресурсами для своих подданных:

Безмерный смех	Лицемерный смех
Улыбка	Притворный смех
Улыбка надменная	Лукавый смех
Глупый смех	Злостный смех
Улыбка от привычки	Удержанный смех
Улыбка от учтивости	Принужденный смех
Улыбка неприятная	Досадный смех
Улыбка приятная	Досадительный смех
Смех	Насмешка мстительная
Приятный вид	Насмешка досадительная
Насмешка умная	Насмешка невинная
Насмешка глупая	Смех от гордости
Смех от радости	Смех от самолюбия
Смех от досады	Хохотание ²⁰

Переходя от одной грани комического к другой, Екатерина II не столько исследовала их философский потенциал, сколько рассматривала смех в качестве литературной стратегии для решения политических и идеологических задач. Поразительно, но в отрывке качества смеха поданы в градации, подчеркивая тем самым огромный масштаб екатерининского арсенала в борьбе с оппонентами.

Таким образом, Эрмитажный салон императрицы, имея в целом воспитательную направленность, изменялся в соответствии с практической необходимостью самой империи. На первом этапе в жизни Екатерины Алексеевны салон существовал только как зреющая оппозиция правлению Елизаветы Петровны. На этапе первых лет царствования салон служил задаче воспитания наследника престола, в связи с чем государыня видела себя лишь хозяйкой салона, не демонстрируя открыто императорских амбиций. С 1767 г. по 1774 г.

произошел качественный сдвиг в ее мировоззрении, вызванный объективными политическими процессами. По мере укрепления на престоле Екатерина II перестала воспринимать салон как место литературных забав и отдохновения, все больше рассматривая его в качестве лаборатории по выработке гуманитарных способов ведения идеологической борьбы. Это становилось у полноправной властительницы самой значительной забавой, которой она отдавалась все больше, переходя на крупные жанровые формы драмы и комической оперы и выводя свое творчество к более широкой аудитории.

Салонная деятельность Екатерины II имела своих продолжателей. Узкий круг лиц, вхожих в ее малое собрание, безусловно, способствовал распространению той культурной атмосферы, которую создавала вокруг себя императрица, занимаясь, во-первых, собиранием художественных полотен и камей, во-вторых – увлекаясь театральными постановками, а в-третьих – любя остроумные изречения и привечая в своем тесном кружке остроловов.

Интимные собрания высшей знати за редким исключением выходили за пределы своих имений. Например, А.С. Строганов «по примеру императрицы» «готов был создать свой Эрмитаж, перестроив для этого построенный Растрелли дом и отдав главное место кабинетам и модным в те годы лоджиям Рафаэля»²¹. Екатерининское просвещение продолжал и завсегдатай ее салона, Л.А. Нарышкин: «Литераторов, обративших на себя внимание публики, остряков, людей даровитых, отличных музыкантов, художников Лев Александрович сам отыскивал, чтобы украсить ими свое общество»²². Русская литература вряд ли пополнилась бы большим приобретением в этом направлении, если бы в начале XIX в. не произошло разделения монархии и свободомыслия. Теперь дворянская аристократия, вступая в оппозицию ко двору, занималась теми свободными развлечениями, которыми забавлялась императрица, не чувствуя при этом себя ее преемниками. Наглядным примером такой утверждающей превыше всего человеческую личность забавы стал кружок «Арзамас» (1815–1817). Именно здесь произошло то преобразование монархического статуса, о котором говорит В.М. Живов, что поэт получил «...те мироустроительные харизматические полномочия, которые ранее присваивались императору»²³.

Другое детище Екатерины II – женское воспитание, ради которого она организовывала воспитательные учреждения – также дало

свои всходы. Одно из блистательных имен этой салонной культуры, Зинаида Волконская, в девичестве Белосельская-Белозерская – стало звучащим²⁴ только в силу подготовленной к его восприятию публики: «Поднявшись в своем духовном развитии до вершин умственной и художественной жизни своего времени, Зинаида Волконская объединяла вокруг себя, в своем салоне, в своей переписке, выдающиеся художественные и умственные силы своего времени, приобщая к их интересам и обществу и такие элементы, которые по своему положению или личным вкусам были далеки от них»²⁵. Галантный дискурс, столь излюбленный Екатериной II, раскрывался теперь не только в эпистолярном жанре, но и в лирических жанрах альбомной поэзии.

Культ женщины, возможный только в рыцарской поэзии и романах, ставших культовыми в аристократическом салоне Франции XVII в., возрождался у нас на новом витке и имел длительную историю в задержавшемся надолго в русской литературе романтическом направлении. Салон Екатерины II в этом движении был первым ярким проявлением творческого женского начала, расцветающего в галантной атмосфере мужского сотворчества.

Примечания

¹ Эрмитаж Императорский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XLI. СПб., 1904. С. 36.

² Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988.

³ Сумароков. П. Черты Екатерины Великой. СПб., 1819. С. 131.

⁴ Смольянинова Т.Е. Эрмитажный салон Екатерины II // Конференция: Екатерина Великая: эпоха Российской истории. СПб., 1996. С. 147.

⁵ Кислягина Л.Г. Екатерина II в повседневной жизни // Там же. С. 142.

⁶ Пыляев М.И. Энциклопедия императорского Петербурга. М., 2007. С. 217.

⁷ Дирин. Великая княгиня Екатерина Алексеевна. 1729–1761 гг. СПб., 1884. С. 130.

⁸ Бюлер Ф. Два эпизода из царствования Екатерины II // РВ. 1870. Т. 1. С. 119.

⁹ Там же. С. 136.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел. Т. 2. 1765–1771 гг. СПб., 1872. С. 269–270.

¹² Там же. С. 269–270.

¹³ Там же. Т. 1. 1744–1764 гг. СПб., 1871. С. 179.

¹⁴ Там же. С. 179.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 277.

¹⁶ Там же. Т.3. 1762–1774 гг. СПб., 1874. С. 7–8.

¹⁷ Цит. по: *Пекарский П.П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863. С. 378.

¹⁸ Бумаги императрицы Екатерины II. Т. 2. С. 320–321.

¹⁹ Там же. С. 320–321.

²⁰ Мелкие заметки, писанные Екатериною II // *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 60.

²¹ Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия в трех томах. Т. 1. Кн. 2. СПб.; М., 2003. С. 357.

²² Цит. по: *Федорченко В.И.* Двор российских императоров. М.; Красноярск, 2004. С. 313.

²³ *Живов В.М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века в Век Просвещения. Россия и Франция. М., 1989. С. 157.

²⁴ *Сайкина Н.В.* Московский литературный салон княгини Зин. Волконской. М., 2005.

²⁵ *Гаррис М.А.* Зинаида Волконская и ее время. М., 1916.

ВИЗИТ БРИТАНСКОГО ВРАЧА Т. ДИМСДЕЙЛА КО ДВОРУ ЕКАТЕРИНЫ II

Т.Л. Лабутина

*доктор исторических наук, профессор
Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)*

Впервые об английском ученом и враче, авторе известной работы об опыте прививки оспы Томасе Димсдейле современники смогли узнать из книги «Английская леди при дворе Екатерины Великой. Дневник баронессы Димсдейл», изданной профессором Кембриджского университета Э. Кроссом¹. В предисловии к данному труду, принадлежавшему перу супруги Т. Димсдейла, содержится информация о знаменитом медике.

Э. Кросс обращал внимание на тот факт, что российская императрица в своем знаменитом «Наказе» высказала пожелание привести Россию в один ряд с цивилизованными западными державами, однако этому в значительной мере препятствовало состояние здоровья и низкий уровень рождаемости населения. Положение усугублялось также эпидемией оспы, начавшейся в ту пору в России. «О смертельности оспы бесполезно приводить новые доказательства, – отмечал издатель и переводчик “Записки барона Димсдейла о пребывании его в России” К.К. Злобин. – После рокового опыта, который был сделан Россией (автор имел ввиду кончину императора Петра II), особенно же Санкт-Петербургом, где несмотря на все возможные предосторожности, никогда почти не прекращается эта болезнь, так как зараза постоянно туда заводится посредством кораблей, прибывающих из всех частей света»². Узнав от своих друзей – французских просветителей – о практике оспопрививания в европейских странах, Екатерина II решила пригласить к своему двору специалиста-медика, который бы взялся привить оспу ей самой, а также ее близким и придворным. Выбор пал на медика Т. Димсдейла, которого императрице порекомендовал проживавший в ту пору в Лондоне барон Александр Черкасов. Выбор англичанина объяснялся тем, что в Англии в то время «оспопрививание было в большем употреблении и в недавнем времени значительно усовершенствовалось»³.

Что же представлял собой британский медик? Чем он прославился? Томас Димсдейл родился в графстве Эссекс в 1712 г. в семье медиков, принадлежавшей к секте квакеров. Дед Томаса вместе с известным предводителем квакеров Уильямом Пенном был одним из основателей американского штата Пенсильвания. Свою карьеру Т. Димсдейл начал со службы военным хирургом в армии герцога Камберлендского, армия которого сражалась против последователей изгнанного с английского престола в 1688 г. короля Якова II Стюарта — якобитов. Затем он занялся медицинской практикой в Гертфорде. По-видимому, его успехи в медицине, по преимуществу в технике предохранительного оспопрививания, были настолько успешными, что позволило научным мужам присудить Т. Димсдейлу в 1761 г. в университете Абердина докторскую степень. Спустя шесть лет, доктор опубликовал свое знаменитое произведение «Современный опыт прививки оспы». Книга выдержала четыре издания уже в год выпуска, а ее автор приобрел европейскую известность. В начале июля 1768 г. Т. Димсдейлу было доставлено с курьером письмо от российского посла А.С. Мусина-Пушкина, который извещал, что «императрица желала вызвать искусного врача в С.Петербург, с целью ввести там оспопрививание». Поначалу Т. Димсдейл отказался от подобного предложения, но после вторичной просьбы согласился. В своей «Записке» он повествовал, какие условия ему были предложены российским послом в случае, если он поедет в Россию. Посол «попросил меня назначить мои условия, — писал он, — прибавляя притом, что ему приказано было согласиться на все мои требования. Корыстные побуждения имели всегда в моих глазах мало веса, а теперь, когда речь шла о неограниченной ко мне доверенности, они в моих глазах еще менее значили. Поэтому, не колеблясь ни минуты, я отвечал, что я не могу решиться определить какое-нибудь условие о плате за мои труды, но что я полагаюсь исключительно на благоусмотрение ее императорского величества. Тогда господин Пушкин дал мне ордер на тысячу фунтов стерлингов, объяснив притом, что это выдавалось только на дорожные издержки»⁴. 28 июля 1768 г. Т. Димсдейл в сопровождении одного из своих сыновей, студента медицины Эдинбургского университета 21-летнего Натанела, отправляется в Россию.

В своей «Записке» Т. Димсдейл с долей юмора описывал приготовления к путешествию. Прежде всего, он позаботился о вы-

боре экипажа: «Кузов должен быть крепок и устроен так, чтобы в нем могла поместиться провизия». Он понимал, что на пути могут возникнуть опасные встречи, к которым надо быть готовым: «Редко попадаются воры и встречаются затруднения или серьезные опасности, но не мешает иметь при себе оружие, чтобы внушить другим уважение и вежливость». Англичанин не сомневался, что дорога «не обойдется без мошенничества», однако был уверен, что если таковое «превосходит меру и сопровождается наглостью, то нетрудно будет найти законную защиту, обратившись к местному начальству... Особенно не надобно забывать запаса терпения с надлежащим количеством веселости»⁵. Впрочем, опасения Т. Димсдейла не оправдались: путешествие было «сносно», ехали так скоро, что прибыли в Россию даже раньше, чем ему подготовили дом для проживания. Путешественников поселили в «отличной квартире» на Большой Миллионной улице, «одной из лучших улиц в городе, подле дворца». В распоряжение доктора был предоставлен «красивый экипаж» и «все удобства», какие только он мог желать.

Поскольку Т. Димсдейл прибыл в Россию летом, когда императорская семья проживала в летней резиденции, то первую аудиенцию медик получил у графа Н.И. Панина, воспитателя великого князя Павла Петровича. «Чрезвычайная вежливость, с которою принял меня этот вельможа, произвела на мой ум такое впечатление, что я никогда ее не забуду», – отмечал Т. Димсдейл. На следующий день англичанин вместе со своим сыном получили приглашение на обед от великого князя, который их принял «с тысячекратными знаками своей доброты... оказывал прекрасное расположение духа и большую живость». Уже через день Т. Димсдейл был доставлен в Царское Село, в загородный дворец к императрице. Первыми, кого увидел англичанин в ожидании выхода Екатерины II, были знакомые ему граф Н.И. Панин и барон Черкасов. «Барон имел честь быть председателем медицинской коллегии; он учился в Кембриджском университете и поэтому понимает в совершенстве английский язык, – писал Т. Димсдейл. – Этот вельможа удостоил меня в продолжении нашего пребывания в России, столькими знаками своей благосклонности, что я счел бы себя весьма счастливым, если бы мог выразить ему мою признательность, соответственно тому, чем я ему обязан»⁶.

О первых впечатлениях от беседы с императрицей Т. Димсдейл написал следующее: «Хотя бы мне следовало ожидать многого от

превосходного рассудка и ласковости Ее Величества, тем не менее, ее чрезвычайная проницательность и основательность вопросов, ею мне сделанных о прививке оспы и об успехе этой операции, привели меня в удивление». После беседы Т. Димсдейл был приглашен к столу императрицы. Он был поражен великолепием обеда, описание которого сохранилось в его «Записке». «Мы сидели за длинным столом. Императрица одна занимала почетное место, около двенадцати дворян сидели за тем же столом. Обед состоял из разных превосходных кушаний, приготовленных на французский манер, и с таким после того десертом из лучших фруктов и варений, что я и не ожидал найти их в этой стране. Но империя ее величества простирается по всем климатам, стол ее снабжен в изобилии яствами из самых благорастворенных стран, и мне сказали, что тут были дыни, доставленные из Астрахани – на границах Персии, откуда привозятся также виноград в большом количестве; много яблок и груш из Украины и московских дынь. В этот день подавали также свежие английские ананасы, и один, выращенный в России, хотя маленький, но очень вкусный. Удовольствие при этом обеде увеличивалось от ласковости и непринужденной снисходительности самой императрицы. На каждого из гостей обращались ее внимание и обходительность; хотя мы не понимали языка, на котором говорили, беседа шла, по видимому, так свободно и весело, как можно было ожидать от лиц, равных между собою, а не от подданных, удостоенных чести быть в обществе их государыни»⁷.

Не теряя времени даром, императрица уже на следующий день после визита Т. Димсдейла пригласила его, чтобы известить о своем согласии привить себе оспу. «Вы приехали ко мне с репутацией искусного и честного врача; разговор, который я имела с вами по этому предмету, показался мне вполне удовлетворительным и увеличил доверенность мою к вам, – заявила Екатерина II, обращаясь к англичанину. – Я не имею ни малейшего сомнения на счет вашего умения и ваших обширных познаний по этой части медицинской практики. Мои лейб-медики, не имея опытности, не могут быть искусны в оспопрививании и их участие скорее стеснит вас, без всякой для вас пользы. Моя жизнь принадлежит мне, и я с удовольствием совершенно веряюсь вам... Я пользовалась, слава Богу, таким отличным здоровьем, что никогда не обращалась к их советам, и я сама

вам скажу о себе все, что вам нужно знать. Я сообщу вам также, что я решилась подвергнуться оспопрививанию прежде великого князя, лишь только вы заблагорассудите; в то же время я хочу, чтобы дело это не было гласным»⁸.

Получив согласие императрицы на оспопрививание, Т. Димсдейл тотчас приступил к необходимым приготовлениям. Для устройства госпиталя был предоставлен большой дом. Присмотр за больными поручили врачу из Лифляндии доктору Шуленiusу и доктору Штрэнге. Оспопрививание решили начать с пяти юных воспитанников кадетского корпуса. Двум кадетам – Свитену и Басову – оспу прививал сын Т. Димсдейла, поскольку сам медик в то время находился во дворце при императрице. Вскоре начались неприятности: ребенок, от которого брали оспенный материал, скончался на следующий день, а кадет Басов заболел лихорадкой. Императрица пригласила Т. Димсдейла для объяснений. После того, как врач заверил ее, что болезнь кадетов не связана с прививкой оспы, императрица заявила: «Так перестаньте же бояться... Я уверена вполне, что с помощью божьей он преодолест болезнь и все кончится благополучно. Я должна сознаться, что это действительно несчастье, если что-нибудь случится, хотя и от другой причины; нельзя будет убедить народ, что беда произошла не от оспы, это усилит их предвзятости в самом начале дела и затруднит мое предположение ввести оспопрививание в моей империи. Впрочем, развеселитесь, мы не можем поступать иначе, как прямодушно и справедливо. Я очень довольна вашими поступками, и вы можете рассчитывать на мое покровительство и на мою поддержку, и чтобы не случилось с этим молодым человеком, это не изменит моей решимости, если только вы продолжаете считать полезным, чтобы мне была привита оспа. Я согласна подвергнуться операции, сделанной вашими руками и восстановить репутацию оспопрививания»⁹.

Пока сын Т. Димсдейла наблюдал за больными, сам он практически ежедневно общался с императрицей и ее сыном: «Обедал я обыкновенно за столом великого князя и, согласно сделанному мне приглашению, проводил большую часть дня с его императорским высочеством. Этим способом, – подчеркивал англичанин, – я имел возможность узнавать все, что мне было нужно о состоянии их здоровья».

Вскоре выяснилось, что у пяти привитых оспою больных оспа не показывалась. Хотя Екатерина II оставалась недовольной подобной неудачей второго опыта, тем не менее, она пожелала, чтобы ей привили оспу незамедлительно. Т. Димсдейл подчинился. «С этой целью я выбрал трех детей здорового телосложения и привил к ним оспу, чтобы быть готовым, — повествовал он впоследствии. — Мы вошли во дворец потаенным входом, где барон Черкасов нас встретил и провел к императрице. Привитие оспы совершилось скоро... На пятый день Ее Величеству благоугодно было объявить публике, что к ней была привита оспа»¹⁰.

Медик, внимательно наблюдавший за тем, как чувствовала себя императрица после прививки, был поражен активностью и обычной приветливостью Екатерины II. «В продолжение этого времени императрица изволила участвовать во всех увеселениях со своею обычною приветливостью, не показывая ни малейшего беспокойства по поводу того, что было с ней сделано, — замечал он. — Она кушала по-прежнему с другими, оживляя весь двор особенным изяществом своей беседы, — качество, которым она отличается столько же, сколько своим достоинством и высоким саном»¹¹.

После того, как оспа была успешно привита великому князю Павлу Петровичу, в императорском соборе был отслужен благодарственный молебен по случаю выздоровления императрицы и ее сына, во время которого епископ произнес слова о том, что «русские получили помощь от Британии, этого острова мудрости, мужества и величия»¹². Екатерина II распорядилась щедро наградить британского медика. Т. Димсдейл был произведен в бароны Российской империи, стал действительным статским советником, назначен лейб-медиком Ее Величества. Ему выделили тысячу фунтов на расходы и столько же на обратную дорогу в Англию. Помимо этого императрица распорядилась выделить Т. Димсдейлу пожизненную пенсию в 10 500 фунтов, которую он должен был получать в Англии¹³. Наконец, Екатерина II пожаловала ему миниатюрные портреты свой и великого князя. Сына Т. Димсдейла также произвели в бароны и подарили ему «великолепную золотую табакерку, осыпанную бриллиантами».

Время от времени новоиспеченный барон встречался с императрицей, которая расспрашивала его «в подробностях» о том, каким способом он прививал оспу в Англии, с тем, «чтобы внести

ту же методу в ее империи». Екатерина II подумывала о том, чтобы построить для больных оспою особый дом в каком-нибудь удобном месте поблизости Москвы, заведывание которым поручить сыну Т. Димсдейла.

Между тем пример императрицы оказался заразительным: многие приближенные ко двору дворяне объявили о своем желании привить оспу себе и своим близким. За петербуржцами последовали москвичи, и Т. Димсдейл стал «с большим удовольствием» подумывать о путешествии в «большой и древний город» Москву. В качестве «оспенного материала» он решил взять с собой двух «маленьких пациентов»: шестилетнего сына вдовы матроса и десятилетнюю дочь обер-офицера «из немцев». Т. Димсдейл отмечал, что «достать» детей оказалось непростым делом. Хотя ему и казалось, что неограниченная власть государыни давала возможность «располагать по ее высочайшему повелению всеми лицами и везде, как бы нам не вздумалось», тем не менее в правление Екатерины II «до такой степени преобладают кротость и благодушие, что никогда не делается никакого принуждения в этом роде; напротив того, все ее подданные пользуются свободой в справедливой и разумной мере». В результате понадобилось несколько дней, чтобы найти детей для прививки оспы, за что их родителям были выплачены деньги. Впоследствии оказалось, что мальчик «был паршивый», а потому взяли с собой одну только девочку, которой привили оспу в четырех местах, «в двух местах на каждой руке, с тем, чтобы иметь в ней достаточный запас материи. Ее выправили, порядочно одели, так что она была с виду весьма красивая».

Т. Димсдейл подчеркивал, что все приготовления к путешествию в Москву были сделаны «по особенному высочайшему повелению», и потому он имел все удобства. Была выдана карета «придворного ведомства», устроенная таким образом, что в ней можно было ехать днем и ночью. Ее спинка была откидной, что позволяло путешественникам отдыхать, когда им вздумается. Во второй карете ехал переводчик капитан Волчков. Завершали поезд везы для прислуги, вещей и провизии.

Дорога из-за распутицы оказалась продолжительнее, чем предполагали путешественники. Приехали в Москву лишь на восьмой день (обычно для этого требовалось трое суток). Как отмечал Т. Дим-

сдейл, его «маленькая больная» – Аннушка – «сильно страдала от лихорадки, которая предшествует появлению болячек», тем не менее, путешественники были вынуждены ехать «беспрестанно днем и ночью без всякого отдыха». По-видимому, страдания больной девочки не очень-то волновали медика, поскольку буквально на следующий день после прибытия в Москву он начал возить ее из дома в дом к различным пациентам. «Покажется довольно рискованным делом разезжать по городу с больною, особенно если вспомнить, что тогда было самое холодное время года, и что стужа была жестокая... Наша маленькая пациентка была укутана в шубу; в карете был медвежий мех, таким же мехом были обиты дверцы; для ног ее был двойной меховой мешок. С такими предосторожностями нечего было за нее бояться», – удовлетворенно констатировал медик¹⁴. В результате ему удалось довольно быстро произвести оспопрививание более чем 50 лицам «из среды самой знати».

В ожидании появления оспы у больных англичанин время зря не терял. «Мы проводили в Москве время весьма приятно, осматривая город и любопытные в нем предметы, – писал Т. Димсдейл, – их в самом деле много и они заслуживают внимания путешественников; никогда впрочем не случилось мне прочесть что-нибудь дельное о Москве или попасть на хорошее описание этого большого и знаменитого города»¹⁵. Два месяца пробыл британец в Москве, после чего возвратился в Петербург. На этот раз путники передвигались быстрее, поскольку был «хороший санный путь». Стояла такая «жестокая стужа», что взятые с ними бутылки с вином лопнули, а вино замерзло, однако путешественники были так тепло укутаны шубами, «что нисколько не терпели от холода».

По возвращении в Петербург Т. Димсдейл лечил заболевшую императрицу, а когда она поправилась, стал готовиться к возвращению на родину. Екатерина II пожаловала ему, «как новый знак своего одобрения», муфту из черной сибирской лисицы (на взгляд Т. Димсдейла, этот мех – «самый дорогой какой только есть в свете»). Готовясь к отъезду, Т. Димсдейл упомянул об одной любопытной «формальности», которой непременно должен подвергнуться всякий, кто выезжает из Петербурга: заранее, за пятнадцать дней, объявить о своем отъезде. Это делалось, как объяснял англичанин, единственно с той целью, чтобы дать каждому кредитору возможность «окончить счет с отъезжающим должником и предупредить обман».

В заключительной части своей «Записки» барон Т. Димсдейл останавливался на описании портретов Екатерины II и цесаревича Павла Петровича, а также высказывал отдельные суждения о России и ее народе. Судя по тому, как он это делал, чувствовалось, что новоиспеченный барон был доволен оказанным ему приемом и тем щедрым вознаграждением, которое он получил за свою работу. Представленный портрет Екатерины Великой позволяет сделать вывод о том, что барон немало времени провел в беседах с императрицей, поскольку описал ее внешний вид (Екатерина II «росту выше среднего; в ней много грации и величия»), распорядок дня и манеры поведения («она встает очень рано и занимается неутомимо государственными делами», за столом она «чрезвычайно умеренна» и употребляет в питье только один или два стакана воды с вином), отметил такие ее природные качества, как любезность, вежливость, «ласковость и благодушие», вкупе с рассудительностью, «которую она проявляет на каждом шагу, так что ей нельзя не удивляться», умственные способности ее «несравненны». Судя по наблюдениям Т. Димсдейла, императрица говорила по-русски, по-немецки и по-французски в совершенстве, читала также свободно по-итальянски, и хотя не говорила по-английски, но понимала «достаточно все, что говорят». Барон подметил также, что императрица «примерным образом» соблюдает обряды греческой церкви, поощряет свободные искусства, заботится о благе своих подданных. Заклучая, Т. Димсдейл высказывал предположение, что Екатерина II могла бы «сиять как покровительница искусств и торговли и двинуть вперед общее благосостояние своих обширных владений»¹⁶.

Емкую, но довольно точную характеристику Т. Димсдейл дал также цесаревичу Павлу. Он описал его внешний вид («росту среднего, имеет прекрасные черты лица и очень хорошо сложен»), обратив при этом внимание на то, что «нежное» телосложение цесаревича происходит от «сильной любви к нему и излишних о нем попечений со стороны тех, которые имели надзор над первыми годами наследника и надежды России». Это не помешало Павлу Петровичу стать ловким, сильным и крепким. Цесаревич отличается приветливостью и веселостью. Он «очень рассудителен, что не трудно заметить из его разговоров, в которых много остроумия». У цесаревича по всем наукам отличные учителя, которые каждый день «приходят его

наставлять», и им он посвящает большую часть своего времени. Т. Димсдейл остановился также на описании распорядка дня Павла Петровича. Утро он проводит «весьма прилежно» с учителями; около полудня «отправляется изъяснить свое почтение императрице», после чего беседует с дворянами, которых приглашает отобедать за своим столом. По окончании обеда, он отправляется к своим учебным занятиям, в свои внутренние покои, «до самого вечера»¹⁷.

Заключительный раздел «Записки» Т. Димсдейла посвящен его рассуждениям о русских людях. Барон признавал, что всем людям «свойственны предубеждения против других наций и против их обычаев», и что многие англичане «имеют дурное мнение о дворянстве и о народе в России, и даже полагают, что между ними существуют остатки варварства». Т. Димсдейл опровергал подобные измышления. Близкое общение с российскими дворянами убедило его в том, что «знатные лица вежливы, великодушны и честны и, что покажется еще более странным, весьма умеренны в употреблении крепких напитков». Что же касается простых людей, то англичанин не был с ними «в частых сношениях», тем не менее, насколько он мог заметить, они были всегда «очень расположены» оказывать все услуги, которые от них зависели. Нередко во время своих прогулок Т. Димсдейл был вынужден обращаться за помощью к простым людям, и «часто одними знаками» спрашивал, куда ему идти, и всегда находил, что «бедные люди были рассудительны и совершенно готовы быть полезными»¹⁸.

Как же сложилась судьба барона Т. Димсдейла после его визита в Россию? Он покинул страну вместе с сыном в начале декабря 1768 г. До своего отъезда написал ряд писем императрице, в которых описывал свои впечатления о визите, а также давал ряд рекомендаций по поводу оспопрививания. Эти записки были изданы в России в 1770 г. вместе с переводом труда Т. Димсдейла о прививке оспы. В Великобритании известность Т. Димсдейла росла день ото дня. В марте 1769 г. он был избран в Королевское общество (Британская Академия наук), в 1780 г. стал членом палаты общин. Он продолжал поддерживать тесные контакты с российским послом в Лондоне и особенно сдружился с настоятелем храма при посольстве отцом Андреем Самборским. Т. Димсдейла не забывали и в России: в 1781 г. он был вновь приглашен императрицей, чтобы привить

оспу сыновьям Павла Петровича – Александру и Константину. Во время второго визита в Россию барона Т. Димсдейла сопровождала супруга Элизабет.

Элизабет была третьей женой Т. Димсдейла. До женитьбы на ней Томас был женат дважды. Первый брак продлился пять лет: жена Т. Димсдейла Мэри скончалась в 1744 г. Спустя два года Томас женился на ее родственнице Эн Айлс. Второй брак оказался более продолжительным и счастливым. Супруги прожили вместе 30 лет и имели десятерых детей. Вторично Т. Димсдейл овдовел в 1779 г. Через два года он женился на дочери своего кузена епископа У. Димсдейла. Его третий брак продлился 20 лет. Элизабет сопровождала супруга в его второе путешествие в Россию, о чем подробно повествовала в своем дневнике¹⁹. Намеревался барон посетить Россию и в третий раз, когда получил приглашение от Екатерины II для прививки оспы двум дочерям Павла Петровича. Этим проектам не суждено было сбыться, поскольку состояние здоровья Т. Димсдейла резко ухудшилось. В 1784 г. он перенес операцию по поводу катаракты, но зрение не улучшилось. Еще дважды, в 1784 г. и 1790 г. его избирали в парламент, но медициной барон больше не занимался. Он скончался в Гертфорде 30 декабря 1800 г. в возрасте 88 лет. Его супруга Элизабет пережила барона на 12 лет, уйдя из жизни в 1812 г. Сын Т. Димсдейла, барон Натанел умер неженатым в 1811 г., не оставив потомства, и наследование баронского титула с ним пресеклось.

Память о бароне Т. Димсдейле в России не исчезла. Интерес к его произведениям, повествующим не только о визите в такую экзотическую для иностранцев страну, как Россия, но и к научной деятельности профессионального медика, сохранился и в XIX в. Определенный интерес он вызывает и у современников, поскольку позволяет проследить историю научных контактов с европейскими учеными, имевших место в правление Екатерины Великой.

Анализ материалов «Записки» Т. Димсдейла, а также дневника его супруги Элизабет позволяет заключить, что научные и культурные контакты между отдельными гражданами Великобритании и России во многом способствовали расширению этнических представлений одного народа о другом, служили в определенной мере укреплению российско-британских отношений. Россия получала также возможность следить за новейшими достижениями в научной жизни Великобритании, порой пользуясь ими на практике.

Примечания

¹ An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781 / Ed. By A.G. Cross. Cambridge, 1989.

² Записка барона Димсдейла о пребывании его в России / Пер. с франц. К.К. Злобина) // Сб.РИО. Т. 2. СПб., 1868. С. 296.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 298.

⁵ Там же. С. 299.

⁶ Там же. С. 301.

⁷ Там же. С. 301–302.

⁸ Там же. С. 302–303.

⁹ Там же. С. 305.

¹⁰ Там же. С. 310–311.

¹¹ Там же. С. 311.

¹² An English Lady at the Court of Catherine the Great. P. 9.

¹³ Ibid. P. 10.

¹⁴ Записка барона Димсдейла о пребывании его в России. С. 317.

¹⁵ Там же. С. 318.

¹⁶ Там же. С. 320–321.

¹⁷ Там же. С. 321.

¹⁸ Там же. С. 322.

¹⁹ Подробнее о Элизабет Димсдейл и ее дневнике см.: Лабутина Т.Л., Денисова А.В. Баронесса Димсдейл при дворе Екатерины II // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха. Культурный фундамент современности. М., 2011. С. 226–236.

О МАЛОИЗВЕСТНОМ ИЗОБРАЖЕНИИ ПУТЕШЕСТВИЯ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ

Е.Г. Горохова

кандидат исторических наук

Г.С. Маршутца

Государственный Исторический музей (г. Москва)

В процессе подготовки новой экспозиции по истории России XVIII в. в фондах Отдела изобразительных материалов Государственного Исторического музея была выявлена ранее никогда не экспонировавшаяся картина неизвестного художника XVIII в.¹, записанная в инвентарной книге как «Фейерверк, сожженный во времена Екатерины II»². Она поступила в Государственный Исторический музей в составе Музея П.И. Щукина по его завещанию 1905 г.

Уже первый анализ запечатленного на полотне действия позволил связать его с вполне конкретным событием знаменитого путешествия императрицы Екатерины II «в полуденный край России», предпринятого императрицей в 1787 г. Это предположение требовало доказательств, а также апробации его научным сообществом. Поэтому в этикетке на экспозиции мы сочли возможным лишь немного дополнить сведения инвентаря и назвали эту картину «Фейерверк во время путешествия Екатерины II в Крым».

Картина представляет собой вечерний пейзаж с рекой и гористым берегом, на котором просматриваются очертания строений. В центре композиции – огромный иллюминированный обелиск с вензелем императрицы, воздвигнутый на самой вершине горы, над ним – фейерверк, освещающий всю местность вокруг. По склонам горы текут «огненные реки». В правой части композиции, возле низкого берега – галера, на носу которой видна группа людей, наблюдающих иллюминацию, на реке – несколько мелких судов, на берегу – ещё одна группа людей.

Каковы же соображения, позволяющие отнести изображенный на полотне фейерверк именно к путешествию Екатерины II в Крым в 1787 г.?

Императрица совершила восемь путешествий по России, не считая поездок из Петербурга в Москву. В 1763 г. она посетила Ростов и Ярославль; в 1764 – Прибалтийские губернии; в 1765 г. осмотрела Ладожский канал; в 1767 г. проехала по Волге от Твери до Симбирска, а оттуда до Москвы – сухим путем; в 1780 г. – по западным губерниям, в том числе, – белорусским, отошедшим к России по второму разделу Польши, с целью встретиться с императором Иосифом II в Могилеве; в 1783 г. – во Фридрихсгам для свидания со шведским королем Густавом III; в 1785 г. – для осмотра только что реконструированного канала Вышневолоцкой водной системы; и, наконец, в 1787 г. – по присоединенным к России в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. южным губерниям в Крым. Во время трех из этих поездок она со своей свитой плыла на галерах: в 1767 г., 1785 г. и 1787 г.

Фейерверки в приволжских городах в 1767 г. во время встреч императрицы не были столь грандиозны, как на изучаемой нами картине³.

Существующие изображения XVII–XVIII вв. приволжских городов, показывают нам сложившуюся к тому времени прибрежную застройку с крепостями, старинными церквями, пристанями. На нашей картине – довольно пустынный берег, высота и характер прибрежных гор не имеет ничего общего с Поволжьем. Характер местности, по которой пролегал путь императрицы в 1785 г., – берега р. Мсты и каналов Вышневолоцкой водной системы от Вышнего Волочка через Боровичи до Новгорода, – также ничем не напоминает изображенный на нашей картине пейзаж. То же самое можно сказать о Киеве, до которого императрица доехала на лошадях, где прожила три месяца и откуда она продолжила путешествие на юг на галерах. «22 апреля я выехала из Киева и вот теперь мы уже третий день плывем на веслах по Днепру. Все, что могу вам сказать, что из всех моих путешествий по воде теперешнее самое затруднительное, потому, что эта река очень извилиста, на ней множество островов, островков и подводных камней, и поэтому мы все шли на веслах, не употребив ни разу парусов. Днепр гораздо быстрее Невы. Теперь мы между двумя берегами: с одной стороны гористый, принадлежит Польше, с другой русский – очень плоский... Завтра или послезавтра надеюсь видеть на моей галере короля польского», – писала Екатерина II барону Ф.М. Гримму⁴.

25 мая императорская флотилия остановилась напротив польского города Канева на правом берегу Днепра, где состоялась встреча Екатерины II с королем Польши Станиславом Августом Понятовским. Вот как описывает прибытие флотилии в «Дневнике путешествия короля польского на Украине в 1787 году» сопровождавший его епископ А.С. Нарушевич⁵: «6 мая⁶, воскресенье. Настал, наконец, тот день, которого ожидали все находящиеся в Каневе. ...Около 9 утра показались императорские галеры. Около 11 часов галеры, растянувшись на Днепре на одну четверть мили (одна польская миля – около 10 км. – *Е.Г., Г.М.*), заняли все его пространство. ...Императорская галера с красным павильоном остановилась немного выше Канева так, что с нее весь городок, королевский дворец и колонна с вензелем императрицы были отлично видны. С гор раздался 101 залп орудий, стоящих там»⁷.

Приведем несколько характеристик рельефа и особенностей местности возле Канева, встречающихся в исторических работах, а также в географических и статистических описаниях XIX в.⁸.

Г.В. Есипов в статье о путешествии Екатерины II в 1787 г. так описывает местоположения городка, основываясь на рукописи 1795 г., бывшей в его распоряжении: «Местечко Канев лежит на правом берегу судоходной реки Днепр, на возвышенном месте от упомянутой реки не более полверсты, от востока и юга закрывается оно горами; а от запада и севера к реке Днепр открыто, одна из тех гор, лежащая на восток и возвышеннейшая прочих называется Московскою горою... Под сею горою протекает небольшая речка, называемая Дунаец... [которая] впадает в другую речку, называемую Каневку, которая... сливается с упомянутою речкою Дунайцем при горе Московской, там впадает в Днепр, где несколько ниже есть место, выгодное для пристани небольших судов»⁹.

В книге Н. Мукалова «География Киевской губернии» читаем: «Ниже Киева до м. Триполья... берег низменный. Возле же м. Триполья опять начинаются по берегу Днепра горы, которые около Канева достигают высоты 845 футов»¹⁰. Среди достопримечательностей Канева автор называет гору Московку, где польский король Станислав Август Понятовский встречал императрицу Екатерину II¹¹. Ему вторит, дополняя эти сведения, И.И. Фундуклей: «Восточная часть Канева расположена на высокой крутой горе, называемой Московкой. ...Московка замечательна еще тем, что во время проезда в 1787 г.

императрицы Екатерины II по Днепру, на вершине горы построена была польским королем Станиславом Августом деревянная колонна в 90 футов вышины (около 30 м. – Е.Г., Г.М.), которая ночью была иллюминирована и на вершине горел вензель императрицы. Напротив горы государыня остановилась и имела свидание с королем на своем судне, называвшемся “Днепр”. Теперь часть этой горы заросла терновником; остальное место старого города занято огородами и садами. От колонны осталось одно основание»¹².

Как видим, характер местности в этих описаниях совпадает с тем, что мы видим на нашей картине.

Канев и его окрестности подробно описаны и зарисованы И.Г. Мюнцем¹³, офицером на польской службе, посетившим эти места в 1781–1783 гг. в свите своего начальника, генерал-лейтенанта князя Станислава Понятовского, племянника польского короля. На одном из рисунков И.Г. Мюнца в альбоме, хранящемся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея¹⁴, мы видим тот же самый высокий берег, на котором располагается древний центр Канева с характерным силуэтом монументального одноглавого Успенского собора, который изображен и на нашей картине в правой части композиции. Аналогичный рисунок есть и в другом альбоме И.Г. Мюнца, хранящемся в Кабинете гравюры Варшавского университета и опубликованном в 1982 г. Текст к этому рисунку, который составил сам художник в конце XVIII в., гласит: «Здесь виден залив Днепра у подножия горы. ... В этом самом месте российская царская флотилия бросила якоря во время встречи российской царицы с королем Польши 6 мая 1787 года»¹⁵.

Рассматривая картину «Фейерверк времен Екатерины II», задаешься вопросом: почему Днепр изображен на ней таким узким, в то время, как и в XVIII–XIX вв. (до постройки Черкасской ГЭС и создания водохранилища в 1950-е гг.) в этом месте его ширина составляла около одной версты¹⁶? Ответ дает изучение картографических материалов XVIII в. Так, на рукописной карте Днепра, созданной в последней трети столетия капитаном П. Фондезиным и штурманом Крыласовым, русло реки напротив Канева перегораживают три острова, самый большой из которых находится в непосредственной близости от города¹⁷. Именно его низменный берег и изображен в правом нижнем углу нашей картины.

Наша уверенность в том, что на изучаемой нами картине изображен фейерверк в Каневе, основывается и на полном сходстве изображенного с описаниями этого события в камер-фурьерском журнале¹⁸, а также в мемуарах и письмах очевидцев. Приведем лишь некоторые из них.

«Когда наступила ночная темнота, – пишет французский посол граф Л.Ф. де Сегюр, – каневская гора зарделась огнями; по уступам ее была прорыта канава, наполненная горючим веществом; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею с огнедышащей горы; сходство было тем разительнее, что на вершине горы взрыв более 100 тысяч ракет озарил воздух и удвоил свет, отразившись в водах Днепра. Флот наш тоже был великолепно освещен, так что на этот раз для нас не было ночи». Ему вторит принц Ш.-Ж. де Линь: «Представление Везувия, продолжавшееся во все то время, которое мы стояли на якоре перед окнами короля, освещало горы, долины и воды лучше, нежели самое блестящее солнце среди дня, – добавляет Ш.-Ж. де Линь, – и позлащало или воспламеняло всю природу. Мы забывали, что тогда была ночь»¹⁹.

Оставили описания этого фейерверка и очевидцы с польской стороны. Одна из придворных дам короля Станислава Августа писала: «Иллюминация обелиска с вензелем Императрицы была весьма удачна, также милы были жирандель с букетом в четыре тысячи ракет, и огненная гора, которая казалась лавою»²⁰.

В «Дневнике» епископа А.С. Нарушевича содержатся ценные для нашей работы подробности о каневском празднестве в честь Екатерины II: «На польской стороне зажжена иллюминация, представлявшая собой дивный вид: великолепная колонна, на которой с трех сторон вензель императрицы засиял тысячами ламп, гора же загорелась зигзагами по прокопанным вокруг нее канавкам, заполненным смоленным деревом и другими горючими материалами... это все делало ее издалека похожей на другие, заграничные горы, которые извергали из себя горящие огненные реки. На каневском берегу приглашенных к королю ожидали до двух десятков карет, на которых все они прибыли в королевский дворец. Затем начали стрелять пушки, и был зажжен фейерверк, который состоял из множества ракет, взлетающих снопами в большом количестве вокруг горы, и это выглядело как извергающийся вулкан. А в заключении

выпущенные с окрестных гор несколько тысяч ракет составили букет, осветивший своим огнем весь город, реку и все окрестности. После великолепного ужина, данного королем, всех гостей отвезли назад в тех же каретах, запряженных цугом»²¹.

А.С. Нарушевич называет имя автора проекта обелиска – Якуба Кубицкого, придворного архитектора короля Станислава Августа Понятовского²², который проектировал также и дворец-павильон в Каневе, где жил более месяца король в ожидании прибытия Екатерины II, а также дома для придворных, сопровождавших короля²³. На обелиске была помещена надпись из Вергилия: «Imperium oceano fumamque terminat astris», что означает: «Ограничивает власть океана и славу звезд»²⁴.

Грандиозное празднество, устроенное польским королем в честь русской императрицы, стоило огромных денег. Оно призвано было подчеркнуть значимость свидания с государыней для Станислава Августа. Надежды, которые возлагал король на эту встречу, не являются тайной для историков. Достаточно вспомнить, что он был избран на польский престол в 1764 г. по воле Екатерины II при поддержке русской дипломатии и демонстрации русской военной силы. Его власть была ограничена сеймом, в котором все еще существовало право «либерум вето», широко использовавшееся магнатами в своих интересах. В 1772 г. Польша, ослабленная непрекращающимися выступлениями конфедератов, уже пережила аннексию части своих территорий Россией, Пруссией и Австрией.

В этой ситуации Станиславу Августу необходима была поддержка Екатериной II **его реформ, направленных на усиление королевской власти**. Эта поддержка должна была быть оплачена участием Польши на стороне России в назревавшей войне с Турцией, для чего король предлагал императрице заключить союзный договор. Именно Станислав Август был инициатором встречи в Каневе с целью лично убедить государыню принять его предложения, для чего он предпринял ряд дипломатических акций. Екатерина II, со своей стороны, считала Польшу, раздираемую внутривосточными столкновениями, ненадежным союзником в предстоящей войне с турками и не очень стремилась к этой встрече.

В то же время оппозиционные королю магнаты, в большом количестве съехавшиеся в Киев в 1787 г., стремились воспользоваться

поездкой Екатерины II по югу России, пытаясь воздействовать на императрицу с целью ослабления королевской власти в свою пользу, однако и их надеждам не дано было сбыться.

Во время путешествия Екатерины II в Крым устраивались и другие грандиозные иллюминации и фейерверки. Так, например, граф Л.Ф. де Сегюр рассказывал в своих «Записках» о подобном зрелище, устроенном Г.А. Потемкиным в Ак-Мечети (Симферополе), когда все пригорки на 10 верст кругом вспыхнули тремя рядами разноцветных огней, посреди этого сверкающего круга возвышалась конусообразная гора, на которой блистал вензель императрицы, и из вершины горы вспыхнул фейерверк, заверченный взрывом 300 ракет²⁵. Здесь не было ни полноводной реки, ни галер, и вензель императрицы был установлен непосредственно на поверхности горы.

Приведенные выше соображения не оставляют сомнений, что на нашей картине изображены иллюминация и фейерверк в честь Екатерины II в Каневе 25 апреля (6 мая по н.с.) 1787 г.

Для ответа на вопрос об авторстве картины «Фейерверк времен Екатерины II» мы прежде всего попытались определить круг художников, имена которых в той или иной связи упоминаются в литературе и источниках, касающихся путешествия императрицы по югу России в 1787 г. и ее свидания в Каневе с польским королём.

Имя Вильяма Хэдфилда, английского художника, который сопровождал Екатерину II в ее путешествии в Крым, давно известно в литературе²⁶. Оно называется и в официальных документах, например, расходных ведомостях, опубликованных в приложениях и дополнениях к камер-фурьерскому журналу 1787 г., где указываются суммы, трижды выданные ему на проезд, содержание и «за виды, им сделанные», всего 2 222 руб. 92 коп.²⁷. Он оставил 26 акварельных рисунков с видами тех мест юга России и Крыма, которые посетила Екатерина II в 1787 г. Они хранились в Эрмитаже до 1932 г., когда половина листов с видами Киева и приднепровских городов были переданы в Государственный музей в Харькове²⁸. Судя по названиям, среди его акварелей, поступивших в Эрмитаж в XVIII в., не было ни одного фейерверка²⁹. Достоверных биографических сведений о нем ни нам, ни авторам каталога выставки «Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVII–XIX век», разыскать не удалось.

В список возможных авторов нашей картины должно быть включено и имя художника Михаила Матвеевича Иванова, который состоял на службе по квартирмейстерской части при Генеральном штабе. В 1785 г. он, выполняя задание своего начальника Г.А. Потемкина, запечатлел в акварелях путешествие Екатерины II по реке Мсте и Вышневолоцкой водной системе, в 1783 г. зарисовал виды Крыма, только что присоединенного к России, в 1786 г. «был послан в Крым для приготовления дворцов к прибытию ее императорского величества в Бахчисарай, Карасу-Базар и в Симферополь», а в 1787 г., как пишет исследовательница его творчества О. Капарулина, М.И. Иванов сопровождал императрицу во время ее путешествия в Крым. «Документально известно, – пишет она, – что существовал ... альбом (он, по-видимому, не сохранился), запечатлевший это важное событие». Она же сообщает со ссылкой на архив Эрмитажа, что в начале 1930-х гг. альбом акварелей М.И. Иванова, посвященный путешествию Екатерины II в Крым, был передан на Украину³⁰.

Чем больше мы вникали в суть и детали свидания польского короля и русской императрицы в Каневе в 1787 г., тем явственнее осознавали, что, поскольку это свидание для Екатерины II было скорее нежелательным и ненужным, и, наоборот, – важным для Станислава Августа и его сторонников, а также для польских магнатов, то, вероятнее всего, что наша картина была написана польским художником по заказу кого-то из круга польских участников этого события.

Из польских «претендентов» на авторство нашей картины, следует назвать имя Якуба Кубицкого, придворного архитектора короля Станислава Августа Понятовского, который спроектировал и возвел на горе Московке в Каневе обелиск в честь Екатерины II. Может быть, не случайно это сооружение доминирует на нашем полотне, будучи изображенным непропорционально большим. Напомним, что высота горы достигала 280 м, а самого обелиска – около 30 м.

Имя еще одного польского художника, Я.Д. Линдсея, изображавшего акварелью флот Екатерины II **в тот момент, когда он подходил к Каневу**, встретилось нам в книге историка М.М. Коваленского, посвященной путешествию императрицы 1787 г., опубликованной в 1916 г. Автор подробно описал его рисунок: «Впереди три больших парусных судна одинаковой величины и одинаково окрашенные красной краской и позолотой. На их палубе – павильоны с большими

окнами; над павильонами – площади, на которых помещены в боевом порядке солдаты. Первая из галер, по имени “Днепр” – принадлежит государыне. Бок о бок с ней стоит “Буг”, – с кн. Потемкиным и его племянницами; несколько позади – третья барка – “Десна” – служит столовой. За ними гуськом следуют остальные галеры»³¹.

Я.Д. Линдсей был известным польским архитектором, происходившим из шотландской семьи, осевшей в Польше в XVII в. Имя его писалось в XVIII в. уже на польский манер: «Lintzsaj Jan». В 1787 г. он заканчивал строительство резиденции племянника короля, подскарбия Литовского, князя Станислава Понятовского в Корсунь, расположенной в 37 км от Канева, и, очевидно, сопровождал князя в поездке в Канев³². Местонахождение его акварели нам установить не удалось.

Последнее имя из числа польских «претендентов» на авторство нашего «Фейерверка» – Ян Богумил Плерш, придворный художник короля Станислава Августа³³. Известная исследовательница русско-польских культурных контактов И.И. Свирида пишет: «Встреча Станислава Августа с Екатериной в Каневе, а также иллюминация города в ее честь, были изображены в картинах, которые М.-Е. Мнишек заказал для Вишневецкого замка. Отъезд Екатерины из Канева писал для короля придворный художник Я.Б. Плерш (Львовская картинная галерея)»³⁴.

Названия этих полотен упоминаются в литературе и электронных ресурсах, посвященных Вишневецкому замку и его уникальным художественным коллекциям³⁵, а также Львовской картинной галерее³⁶.

Директор Львовской картинной галереи Б.Г. Возницкий в ответ на наш запрос любезно сообщил нам следующее:

«Последний польский король Станислав Аугуст проездом в Канев на встречу с Екатериной II 6 марта 1787 г. остановился в Вишневецком дворце (ныне Тернопольская обл.). Возвращаясь, 29 мая снова остановился на несколько дней там же. Восхищаясь собранием художественных ценностей во дворце, король передает две картины написанные придворным художником Богумилом Плершем на тему встречи с Екатериной II, а именно:

1. Богумил Плерш. “Отъезд Екатерины II с Канева в 1787 г.”, холст, масло, 115 x 162, инв. Ж 3965;

2. Богумил Плерш. “Иллюминация Канева во время приезда Екатерины II и Станислава Августа в 1787 г.”, холст, масло, 115 x 162, инв. Ж 3966.

...В 1787 г. Ян Богумил Плерш с королем выезжал в Канев на встречу с Екатериной II, в результате чего были написаны две картины “Отъезд Екатерины II с Канева” и “Вид Канева во время пребывания Екатерины II и Станислава Августа”. Документально известно, что художник в 1787 г. пребывал в Вишневецком дворце, где делал по заказу короля копии для Екатерины II.

В конце XIX в. (1884) владелец дворца в Вишневеце Толь через представителя киевских музеев Горленко передает эти картины в Киев. В 1964 г. Киевским музеем украинского искусства, в связи с тем, что они являются непрофильными, по моей просьбе, передаются во Львовскую картинную галерею, где они находятся по сей день.

Совпадение сюжета картины “Фейерверк” с галерейной: по нашему мнению, она была повторением этого сюжета для передачи Екатерине II. Ваша картина является свободным повторением (не копией) художника Плерша).

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что на картине «Фейерверк времен Екатерины» из фондов Государственного Исторического музея изображены иллюминация и фейерверк, устроенные 25 апреля 1787 г. польским королем Станиславом Августом Понятовским в Каневе в честь императрицы Екатерины II, совершавшей путешествие в Крым. В процессе работы нами был установлен круг художников, запечатлевших эту поездку, среди которых имеется и автор картины на аналогичный сюжет, хранящейся во Львовской картинной галерее – Я.Б. Плерш. Окончательно установить, принадлежит ли авторство нашего полотна самому Я.Б. Плершу, или в Государственном Историческом музее хранится свободное повторение написанной им картины, должна искусствоведческая, а возможно, и технико-технологическая экспертиза.

Примечания

¹ Авторы выражают благодарность за консультацию по вопросу датировки холста хранительнице фонда живописи XVIII в. Отдела изобразительных материалов Государственного Исторического музея Л.Ю. Рудневой.

² ГИК 18352 щ К-11.

³ Сизинцева Л.И. Екатерина II в Костроме: У истоков образа // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конферен-

ции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / Сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. Кострома, 2009; *Козловский А.* Взгляд на историю Костромы. М., 1840.

⁴ *Есипов Г.В.* Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году // Киевская старина. 1891. Т. 33. С. 76

⁵ Нарушевич Адам Станислав (Naruszewicz Adam Stanisław, 1733–1796) – луцкий римско-католический епископ, профессор Виленского университета, поэт и историк, один из виднейших представителей эпохи Просвещения в Польше. С 1754 г. – ближайший сподвижник короля в области реформ образования и просвещения. Автор «Истории польского народа». Был представлен в Каневе императрице Екатерине II, которой поднес свое историческое исследование о Крымском полуострове и его населении в древнейшее и новейшее время (*Naruszewicz A.S. Tauryka, czyli wiadomości starożytne i późniejsze o stanie i mieszkańcach Krymu.* Warszawa, 1787), которое было переведено на русский и издано в следующем году (Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Сочинение луцкого епископа Адама Нарушевича. Киев, 1788).

⁶ По старому стилю 25 апреля.

⁷ *Naruszewicz A.S. Dyaryusz podróży Stanisława-Augusta krola na Ukrainę w roku 1787.* Warszawa, 1788. S. 138. Перевод с польского здесь и далее выполнен Г.С. Маршпутой.

⁸ Описания, сделанные после сооружения плотин и образования водохранилища в этом месте на Днепре, которые изменили до неузнаваемости вид местности, нами в расчет не брались.

⁹ *Есипов Г.В.* Указ. соч. С. 245.

¹⁰ В переводе на метрическую систему – около 280 м. Фут – единица длины, точное линейное значение которого различается в разных странах. В России фут начали применять в XVIII в. после введения английских мер. Русский фут равнялся 12 дюймам или 0,30480 метра. В работах Петербургской академии наук использовали также парижский фут (0,325 м) и рейнландский (рейнский) фут (0,316 м). Последний применяли также в морском деле.

¹¹ *Мукалов Н.* География Киевской губернии. Киев, 1883. С. 37–38, 100.

¹² *Фундуклей И.И.* Статистическое описание Киевской губернии. Ч.1. СПб., 1852. С. 469.

¹³ Мюнц Иоганн Генрих (1727–1798), уроженец Мюльгаузена в Эльзасе, военный инженер и художник. В начале 1780-х гг. – инженер-майор на польской службе. Много путешествовал и служил в различных странах Европы: в 1760-х гг. в Англии, Италии и Греции, в 1785 г. – снова в Италии, в начале 1790-х гг. – в Касселе. Оставил ряд теоретических работ по искусству и огромное количество рисунков и акварелей, хранящихся в различных музеях и архивах европейских стран и России. Особую ценность представляют альбомы с рисунками и сопровождающими их комментариями, сделанными во время его путешествий 1781–1783 гг. по польской части Украины, а также Молдавии, которые хранятся в Государственном историческом музее и гравюрном кабинете Варшавского университета. Этот уникальный источник, отличающийся точностью и тщательностью описаний, содержит сведения по географии, экономике, народонаселению и истории.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 446. Д. 44. Л. 27 а-в.

¹⁵ *Budzińska E.* Jana Henryka Müntza podróże malownicze po Polsce i Ukrainie (1781–1783). Warszawa, 1982. Илл. № 92.

¹⁶ См. карту Киевской губернии 1899 г. Масштаб 3 версты в дюйме: Вид XXIV. Л. 10. – ОПИ ГИМ. Ф. 143. Д. 3. Л. 25.

¹⁷ Отдел картографии ГИМ, ГИК 60083 ГО-5136.

¹⁸ «В вечеру, в Каневе виден был сделанный на горе обелиск с вензелевым именем Е.И.В., как оный, так и гора с самой поверхности до низу берега реки Днепра, были освещены разными огнями и представляли приятности вида, между тем, по произведении пушечной пальбы, зажжен был фейерверх» (КФЖ 1787. СПб., 1886. С. 341).

¹⁹ *Коваленский М.Н.* Путешествие Екатерины II в Крым. М., 1916. С. 84–85.

²⁰ «Дневник, веденный во время пребывания Императрицы Екатерины II в Киеве и Каневе, одной из придворных дам короля Станислава Августа» // *Сын Отечества*. 1843. № 3. Март. С. 30–31. Этой дамой, видимо, была княгиня Урсула Мнишек, которую в Каневе Екатерина II пожаловала орденом св. Екатерины (*Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2008. С. 10).

²¹ *Naruszewicz A.S.* Dyaryusz podróży Stanisława-Augusta... S. 146.

²² Там же. С. 78.

²³ *Obarski, J.* Materiały do życia i twórczości Jakuba Kubickiego // *Biuletyn historii sztuki*. 1954. Vol. 16. S. 332. Якуб Кубицкий (польск. Kubicki, 1758–1833), крупнейший представитель классицизма в Польше. Ученик Д. Мерлини. С 1781 – придворный архитектор короля Станислава Августа Понятовского. В 1783–1786 гг. жил в Италии. Среди его наиболее значительных построек – дворцы и летние резиденции в Польше, в том числе – в Белашове (1800) и Бейсце (1802). Между 1818 г. и 1821 г. он составил проект реконструкции части террасы Королевского замка в Варшаве, известного как Аркады Кубицкого, и перестроил дворец Бельведер. – См.: *Wielka ilustrowana Encyklopedia Powszechna*. Т. VIII. Kraków; Москва, 1994. С. 222; *Полулярная художественная энциклопедия / Под ред. В.М. Полевого*. М., 1986.

²⁴ *Максимович М.А.* Бубновская сотня // *Собрание сочинений М.А. Максимовича*. Т. 1. Отдел исторический. Киев, 1876. С. 797.

²⁵ *Бессарабова Н.В.* Указ. соч. С. 75.

²⁶ См., например: *Брикнер А.Г.* Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // *ИВ*. 1885. Т. 21. № 7–9. С. 5–23, 243–264, 444–509; *Бессарабова Н.В.* Указ. соч. С. 76; *Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVII–XIX век: каталог выставки ГТГ*. М., 1997. С. 50–51, и др.

²⁷ Алфавитный указатель, приложения и дополнения к КФЖ 1787 года. СПб., 1886. С. 77, 86, 112.

²⁸ *Незабываемая Россия...* С. 50–51. Как сообщила в ответ на наш запрос заведующая Отделом западноевропейского искусства Харьковского художественного музея Т.Е. Прокатова, эти акварели были утрачены во время Великой Отечественной войны.

²⁹ Названия этих акварелей: Вид Смоленска. – Пожар в Смоленске. – Публичные бани в Бахчисарае. – Дворец в Бахчисарае. – Татарское кладбище. – Карантинные дома в Балаклаве. – Инкерманские пещеры. – Развалины татарской мечети. – Пристань в Балаклаве. – Вид города Кафы. – Вид берегов – Черного моря против Констан-

тинополя. – Пристань в Севастополе. – Печерский монастырь на песчаных горах в Киеве. – Печерский монастырь в Киеве. – Песчаная гора с частью Печерской соборной церкви. – Празднество в Киеве во время пребывания там Екатерины II. – Вид Подола в Киеве. – Отъезд Екатерины II из Киева на судах. – Женщина Киевской губернии. – Украинские девушки с цветами, ожидающие Екатерину II. – Пушка Мазепы. – Девушка города Кайдака. – Вид части Краменчуга с Днепра. – Соборная церковь в Херсоне. – Спуск корабля в Херсоне.

Авторы выражают благодарность главному хранителю Государственного Эрмитажа С.Б. Адаксиной за предоставленные сведения.

³⁰ *Капарулина О.* Художник-академик при светлейшем князе. Путевые альбомы Михаила Матвеевича Иванова в собрании Русского музея // Наше Наследие. 2008. № 86.

³¹ *Коваленский М.Н.* Указ. соч. С. 82

³² *Линдсей Ян (польск. Lintzsaj Jan, 1759–1822) – польский архитектор.* Родился в Белостоке, учился в Риме. В 1764 г. получил польское дворянство. Создал ряд светских и церковных построек, в основном, по заказу князя Станислава Понятовского, самая известная из которых – дворец в готическом стиле в Корсуні с пейзажным парком, созданным И.Г. Мюнцем (в Польше – Jan Henryk Müntz). Этот дворец на обратном пути из Канева посетил король Станислав Август и император Иосиф II, ехавший на свидание с Екатериной II. Я. Линдсей известен также как автор акварельных пейзажей. См.: *Wielka ilustrowana Encyklopedia Powszechna*. Т. IX. Kraków; Москва, 1994. С. 102; *Свирида И.И.* Сады века философов в Польше. М., 1994. С. 129, 134, 136; *Aftanazy Roman. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Województwo kijowskie*. Т. 11. Wrocław, 1997. S. 240.

³³ *Плерш Ян Богумил (польск. Piersch Jan Bogumił 1732–1817) – польский художник,* учился в Варшаве у Чеслава Чеховича, после 1750 г. – в Аугсбурге и Вене, в 1764–1796 гг. – придворный художник короля Станислава Августа. Автор проектов интерьеров Уездовского и Варшавского замков, архитектурного ансамбля в Лазенках и др., а также больших полотен на исторические темы, театральных декораций, портретов (в том числе – трех автопортретов), картин на религиозные сюжеты для варшавских костелов. В своем творчестве находился под влиянием Ж.Б. Тьеполо. См.: *Wielka ilustrowana Encyklopedia Powszechna*. Т. XII. Kraków; Москва, 1994. S. 287.

³⁴ *Свирида И.И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художники в культурном пространстве. XVIII – середина XIX вв. М., 1999. С. 39.

³⁵ *Лукомский В.Г.* Вишневецкий замок // Старые годы. 1912. Март. С. 38. Прим. 29; *Кудринский Ф.* О достопримечательностях Вишневецкого замка // Киевская старина. 1892. № 10. С. 124–127; *Горленко В.* Распродажа в Вишневецком замке // Киевская старина. 1884. № 10. С. 361–366 и др.

³⁶ *Szelest D.* Lwowska galleria obrazów. Malarstwo polskie. Warszawa, 1990. S. 26.

МЕМУАРЫ И АВТОБИОГРАФИИ ЖЕНЩИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ «ПОЛИГОН» ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ «ЖЕНСКОГО ПИСЬМА»

Н.Л. Пушкарёва

доктор исторических наук, профессор

Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)

Самым удобным исследовательским полем для «археологии личности» являются биографии индивидов (у социологов) и автобиографии (у психологов и педагогов), а в феминологии – соответственно – женские *ego*-документы, включающие помимо «собственноручных» жизнеописаний, мемуары, письма, дневники и устные женские рассказы о тех или иных переживаниях.

Историки многое позаимствовали за последнее время у сопредельных истории наук в плане методов и подходов к анализу женских *ego*-документов. В условиях «лингвистического поворота» они изменили свое отношение к источникам личного происхождения. В них ищут теперь не за-текстовую реальность, не «малоизвестные факты об известных событиях, писателях или деятелях отечественной культуры»¹, а внутри-текстовую единичность видения мира и словоупотребления конкретным индивидом.

В чем значение подобного «раскапывания» и реконструкции жизни отдельной личности для историка? Его значение – в попытках понять и оценить самих себя. Сравнивая и сопоставляя, мы подчас бессознательно стремимся «вписать себя в историю». Это та самая история, воссоздавая которую, исследователи десятилетиями (если не столетиями) пытались сохранить пресловутую объективность (положение «над схваткой») и неоднократно критиковали источники личного происхождения за субъективную ограниченность, а, следовательно, и нерепрезентативность. Гуманизация науки, отказ от попыток сконструировать отвлеченные схемы и сверхуниверсальные концепции – а такова научная парадигма последних десятилетий – заставила исследователей признавать неповторимость и самоценность каждого человека.

Биографический и автобиографический методы были объявлены – по словам петербургского социолога феминистской ориентации Е.А. Здравомысловой – «методологическим символом гуманистической науки, ориентированной на понимание и культурный диалог между обществами»². Мировое историческое знание, повернувшееся (вслед за первооткрывателями «исторической антропологии» – французской Школой анналов) лицом к Человеку прошлого с его столь похожими на наши (и все же столь отличными) страстями и переживаниями, ныне немыслима без попыток реконструировать мир ощущаемого и воображаемого у людей ушедших столетий. Голоса их порой совсем тихи. Особенно, если это голоса женщин далеких столетий...

XVIII век – особое время в женской истории России³, когда межличностные отношения стали обретать независимость от связей родства и клановых определений. Возникло «Я», для которого самоидентичность оказалась проблематизирована – и это возникшее «Я» стало осмысливать себя в терминах автобиографии. В отличие от мировой и европейской культурной истории, богатой авторизованными жизнеописаниями XIV–XV вв. и даже более раннего времени⁴, история русской литературы не может ими похвастаться. Первым русским произведением, которое с известным допущением может быть отнесено к автобиографическому жанру, считается «Житие» протопопа Аввакума, написанное в середине – второй половине XVII в.

Что и говорить о женщинах! Их образы, черты их характеров в средневековом прошлом России расплывчаты и смутны: русская история не знает до середины XVIII в. ни одной автобиографии, написанной представительницей прекрасного пола. Поэтому специалистам по русскому средневековью необходимы недюжинные усилия, чтобы заставить женщин «стать видимыми», а затем и заговорить⁵. XVIII век в мировой и русской истории культуры пробудил внимание к интимным (в широком понимании этого термина) внутренним переживаниям человека.

На развитие автобиографического жанра в мировом литературном процессе, несомненно, повлияла публикация «Исповеди» Жан-Жака Руссо, идейного предтечи и вдохновителя антропологического мышления. Его сочинение, имеющее – как и все автобиографии – информационную (документальную), литературную, психологиче-

скую и иные составляющие, не оставило равнодушными не только образованных современников, но и современниц. Готовность этого выдающегося мыслителя к психологическому обнажению спровоцировала взрыв увлечения исповедальным жанром, открыв путь от одного сердца к другому.

«Автобиография как документ души и источник представлений человека о себе самом прочно заняла свое место между литературным произведением и строгим документом, между вымыслом и историей», если понимать последнюю традиционно – как описание реально случившихся событий и процессов»⁶.

Определение автобиографии как чего-то «пограничного» между историей и литературой (которое воспроизводится с завидным постоянством в научных исследованиях) берет начало в нашей историографии в сочинениях «неистового Виссариона» (В.Г. Белинского). С тех пор автобиографии вообще и женские – в особенности, оставались практически маргинальными и для истории, и для литературы. Историки то и дело высказывали сомнения в том, *можно ли доверять* фактам, сообщенным в автобиографии (поскольку они писались заинтересованным лицом), литературоведы же все время доказывали «законорожденность» автобиографий как жанра литературного и их право присутствовать в приличном обществе прочих узаконенных литературных жанров. Вторым показателем маргинальности женских автобиографий можно назвать факт того, что будучи созданными женщинами, они были очевидно «второсортными» для историков и исследователей литературы в силу тех тем и проблем (очень домашних, очень личных, очень «телесных» и т.д.), которые в них превалировали, то есть они были очевидно «худшими», по сравнению с мемуарами мужскими, бывшими «литературно-документальными источниками» в системе патриархатной критики. Перечисленные два показателя маргинальности женских автобиографических текстов («пограничность» и «второсортность» по сравнению с «мужскими») породили третью позицию маргинальности: женские автобиографии – ни раннего времени, ни XX в. – специально не изучались и уж тем более не изучались как «женские тексты».

«В русской автобиографической традиции, заметно озабоченной социальными и политическими проблемами, – писала выдающаяся американская славистка, феминистка, литературовед

Б. Хелдт, – воспоминания женщин, которые не сделали общественной карьеры и не были связаны с социально-значимыми мужчинами, – практически не известны, не выделены в архивах и не учтены в библиотеках...»⁷.

Часть женщин, связанных-таки с «социально-значимыми мужчинами», оставила нам свои жизнеописания. Среди них – образованных русских дворянок «осьмнадцатого, просвещенного» столетия – вряд ли сыскалось бы много таких, кто читал, а тем более вчитывался в «Исповедь» Ж.Ж. Руссо (хотя нам доподлинно известно, что французский язык как основной иностранный во второй половине столетия окончательно вытеснил немецкий). Сомнительно, что многим читающим россиянкам попадалась в руки и автобиография лидера староверцев. Это позволяет предположить, что женская автобиография в России родилась, повинувшись не столько внешним, подражательным, сколько внутренним, имманентным факторам.

Никто не звал русских женщин к «перу» и самовыражению. Новорожденная возможность женского взгляда на собственное положение была эпифеноменом культурных процессов рассматриваемого времени⁸, которые и позволили перевести «молчаливое страдание» в дискурс. К внутрироссийским доминантам, определившим культурное поле XVIII столетия, можно отнести «обмирщение» культуры и литературы на пороге петровского времени, а также индивидуализацию сознания, открывшую для привилегированных, образованных классов «золотой век частной жизни»⁹. Так что женщины создали свои первые автобиографические творения, повинувшись неотрефлексированным (ментальным) побудительным мотивам, которые были инспирированы внутренним содержанием эпохи, ее контекстом. Неудивительно, что именно в послепетровскую (елизаветинскую, екатерининскую) эпоху в России возникла женская литература – то есть были опубликованы произведения, написанные женщинами, на «женские» темы, отобразившие мир женских чувств и переживаний.

Женская автобиографическая проза возникла вместе с женской же литературой, и литературная (а не документально-историческая) составляющая в женских автобиографиях в России была изначально необыкновенно сильна. В отличие от «мужской» и, кстати сказать, общей западноевропейской тенденции в развитии автобиографического жанра, где авторские жизнеописания более походили на

«квази-демонстративный, официально-публичный портрет»¹⁰, женская автобиография в России была с самого начала иной. Ее лицо определили, во-первых, большая эмоциональная насыщенность, а во-вторых – стремительное развитие функции творческого воображения. Оно было настолько мощным, что оказалось способным оказывать неявное сопротивление репрессивным структурам «мужской», маскулинизированной культуры (какой была русская культура XVIII–XIX вв.) и **утверждать право женщины не только на бытописание, но и на «дописывание» быта, «дорисовывание» жизни, «доведение до экстремума» чувствований через их пространную рефлексию, через яркое, а порою и страстное переживание при записывании. Лишь несколькими десятилетиями (если не столетием) позже возникла общая для «женского письма» тема угнетения, социального и символического подчинения доминирующему, ставшая ключевой метафорой в дискурсе русского и вообще европейского феминизма.**

В «дописывании» стоит видеть не столько фантазии и явные домыслы (впрочем, в женских эгодокументах и их, попавших туда под видом «слухов», немало!), сколько стремление женщин воссоздавать в автобиографиях свой эмоциональный «автопортрет» искренне и, одновременно, (это парадоксально!) само-комплиментарно. Обнаруживая в ранних женских автобиографиях давно известные педагогической антропологии три сферы внутреннего процесса взросления, развития личности – интеллектуально-познавательную (рациональную), мотивационно-ценностную (эмоциональную) и нравственно-практическую (волевою)¹¹, мы не можем не признать, что в рассматриваемых нами текстах первая сфера (рациональная) выражена меньше двух других (эмоциональной и нравственно-практической). *Личные истории*, рассказанные более логично и последовательно, чем реально прожитые жизни, *в тексте автобиографий большинства женщин выглядели более эмоционально-насыщенными, чем аналогичные и современные им «мужские» автобиографии*. Вполне возможно, что и сама жизнь женщин именно этим отличалась от жизни мужчин. Кроме того, такова особенность – глазами мужчин (подчеркнем это!) современной женской психологии восприятия: познавая, женщины испытывают ощущение радостной самоотдачи и, в то же время, более озабочены оценкой своего пове-

дения (зрителями, слушателями, читателями)¹². Возможно, два века назад глубинные психологические механизмы были схожими, хотя вышеприведенная оценка критикуется философами-женщинами¹³.

Сказанное выше применимо к «Своеручным запискам» Натальи Борисовны Долгоруковой (первой женской автобиографии, созданной в середине XVIII столетия). Таковы и написанные с автобиографическим уклоном, хотя и несколько позже, «Воспоминания» А.Е. Лабзиной, мемуары В.Н. Головиной и Е.А. Сабанеевой, Е.Н. Львовой и С.В. Скалон. Даже жизнеописания Екатерины II или, например, Надежды Александровны Дуровой («Кавалерист-девица», «Автобиография»), хотя и очень напоминают «мужские» тексты, в плане эмоциональности являются от начала до конца «женскими»¹⁴.

Как самоощущали себя авторы первых женских автобиографий, какими способами репрезентировали свое «Я»? Маркировали ли они это свое «Я» как женское и что являла собой женская идентичность на рубеже XVIII–XIX вв.? Каковы были границы «допустимого» в их самопризнаниях (какие темы были запретными) и насколько эти запреты были артикулированы в тексте? Как женщины-авторы воспоминаний, автобиографий мотивировали свое право «говорения»? Насколько они следовали социокультурным образцам или – если пользоваться термином И. Гоффмана – социокультурным конвенциям (то есть продолжали поддерживать своим письмом конвенциональные акты)? Нарушали ли они табу или нет, если «да» – в каких случаях (в каких случаях тексты, написанные женщинами, превращались в «женское письмо»)?

**«Мое сокровище»¹⁵: мемуары россиянок XVIII–XIX вв.
как материал для конструктивистского и постмодернистского
прочтения исторического нарратива**

Уже упоминавшаяся Б. Хелдт писала, что сам факт решимости женщины в России написать свою автобиографию делал ее «особенно уязвимой», так как вызывал в ней «необычное осознание своей инаковости». Этот вывод повторила и одна из современных английских специалисток по «женской литературе» в России, Катриона Келли в изданном недавно «Словаре женского литературного творчества в России»¹⁶. Тем не менее, есть повод оспорить эту сентенцию об «особой уязвимости».

Осознание своей «инаковости» – удел не русских мемуаристок XVIII в., а скорее их западноевропейских современниц, оставивших жизнеописания. Основой их саморефлексии и самоэвлюации был громадный, протяженностью в несколько веков, литературный и социальный опыт¹⁷, постоянное сопоставление с мужчинами, имевшими «право говорения» и также писавшими мемуары.

Россиянки же учились владеть пером, не слишком ощущая собственную уязвимость. Эта эмоциональная составляющая появилась позже, став типической чертой женских автобиографий середины-конца XIX в., когда женщина-автор мемуаров, говоря о себе и своей частной жизни, явно нарушала патриархатный социокультурный запрет для женщины «выносить сор» из «семейной избы» и привлекать таким образом внимание к частнобытовым дрызгам¹⁸. Напротив, в автобиографиях россиянок изначально присутствовало *стремление к эмуляции* (созданию у читающего воспоминания определенного, именно – положительного – образа об их авторе) и (возможно – неосознанно?) к поискам *собственной идентичности*, причем подчеркнуто женской. Можно сказать, что практически все женщины-авторы мемуаров в России постоянно держали в уме мысль, что их текст будут читать как женский текст, а значит – иначе, чем текст, написанный мужчиной¹⁹. Поэтому правильнее сравнивать авторов первых женских автобиографий в России не с современницами на Западе, не с западными женщинами XVIII в., а с теми женщинами-писательницами, создательницами собственных биографий, кто «взрывал» рутинное сознание западноевропейского Средневековья²⁰.

«Осознание инаковости», о котором писали Б. Хелдт, Д. Стен-тон, да и многие другие²¹, – присутствовало не во всем женском письме в России, а лишь и именно в литературном; автобиографии же были – как мы поняли – «не совсем литературой» и за счет этого могли создавать для их авторов своеобразную психологическую нишу. Конечно, современники (мужчины) могли порой видеть в пишущих женщинах нарушительниц формально-конвенциональных актов, узурпаторов мужской прерогативы писать и говорить, внутренне осуждать тех женщин, которые вопреки – как они думали – своей социальной роли и Богом предписанному предназначению (быть дочерью, матерью, женою и т.п.) – обладали амбициями и призванием к самовыражению... Подобный упрек могли бросить

женщине-литератору так сказать «в чистом виде» или женщине-ученому («академику в чепце» – А.С. Пушкин), а женщину-автора мемуаров попрекали все же редко. Куда чаще – восторгались...

Что было побудительным мотивом для образованных российских дворянок, оставивших нам свои воспоминания, к написанию этих *автографий*?

Известный французский исследователь Жорж Гюсдорф в работе 1956 г. «Условия и границы автобиографии» доказывал, что «автобиография появляется там и тогда, где и когда возникает самосознание личности, ощущение ценности собственной индивидуальности...»²².

Исследователи феминисткой ориентации полагают, что толчком к созданию женского автобиографического текста является не только рефлексия по поводу собственной индивидуальности, но и осознание групповой («долевой», «разделенной») идентичности, в целом свойственной женщинам²³.

Действительно, практически все женщины-мемуаристки, творившие в России, демонстрируют *не свою отделенность от мира, но подчеркнутую принадлежность их Я к родовому Мы*, к семейному целому (ведь это – отличительная черта традиционной русской культуры и, кстати сказать, по словам известного специалиста по источникам личного происхождения, источниковеда А.Г. Тартаковского, и всей русской мемуаристики)²⁴. Иначе и быть не могло: четко очерченная принадлежность к тому или иному семейному клану была в то время едва ли не главным способом легитимации социального положения женщины (чин женщины определялся чином ее мужа или отца)²⁵. Она позволяла мемуаристке писать о своей жизни, не выходя из предписанной роли (дочери, супруги, матери), что превращало само дело писания в естественное и безобидное (безопасное для стереотипов?) занятие. Иными словами, русские мемуаристки имели прекрасное алиби, совершая «революционное вторжение» в мир патриархальных запретов и канонов.

Следствием осознания своей «долевой идентичности» в русских мемуарных текстах, написанных женщинами, является их конкретная *адресность*: мужчины-авторы могли иметь в виду некоего абстрактного читателя их записей, женщины же непременно адресовали свои воспоминания детям и внукам²⁶.

Таковы «Рассказы бабушки» Д. Благово, таков и текст С.В. Скалон: «Приближаясь к старости и желая... изложить единственно в память детям и близким сердцу моему некоторые очерки жизни моей и родных моих, – я решилась приступить к делу...»²⁷.

Автобиографии – как форма осознания женщинами самих себя – ставили их создательниц перед историей собственных жизней, перед накопленным ими опытом. Особенность женской памяти – «регрессивный характер нарратива» – прослеживается практически во всех женских мемуарах и автобиографиях²⁸, создавая пространство для рефлексий в большей степени, чем для однозначных и безапелляционных оценок. В отличие от женщин-писательниц, мемуаристкам в России можно было не смущаться «неинтересностью» этого опыта широкому читателю: ведь это не были вполне литературные произведения с интригующим или, напротив, раздражающе-скучным сюжетом. Пространство частной жизни женщин-авторов воспоминаний, создающих свое «женское письмо», было, как правило, ограничено семьей и домом (Н.Б. Долгорукова, А.Е. Лабзина, А.П. Керн, С.В. Скалон, Е. Березина, А.Я. Бутковская)²⁹. Для женщин «публичного типа», которым их внедомашняя жизнь представлялась (как и большинству мужчин) более ценностной, – ситуация вырисовывается по-другому (Е.Р. Дашкова, Н.А. Дурова), но и у них события частной жизни были достаточно полно представлены. Смущала ли их подобная особенность?

В любом из женских мемуаров больше, чем в иных эго-документах, присутствовала интрига. Это была *интрига самой жизни*, и как уже говорилось выше, такова вообще особенность «женского письма» как более динамичного и менее аналитичного, по сравнению с «мужским»³⁰. Чем более приближена была жизнь героини автобиографии (то есть ее автора) к публичной сфере, тем крепче упомянутая «интрига жизни» была связана с политическими событиями и стремлением главного действующего лица репрезентировать себя как социально-значимую персону³¹. Но и в автобиографиях женщин, далеких от публичности, частная жизнь оказывалась наполненной интересными событиями. В них, как ни странно, было меньше «затянутостей» и, следовательно, интрига, была, можно сказать, «закрученнее» и живее, чем в «мужских» текстах о повседневном быте и семейной жизни. Причиной этого следует, вероятно, считать

то, что женщины-авторы (даже такие нравоучительные, как Анна Лабзина!) останавливали властной писательской рукой именно те мгновения, которые оставили у них эмоционально наибольшее впечатление. Историк-феминист, работающему над выявлением черт «женского письма» в женских автобиографиях очень важен в таких случаях **«der schielende Blick» («косой», «скользящий» взгляд** – понятие, введенное немецкой исследовательницей «женского письма» Зигфрид Вайгель)³²: а именно умение «расчистить», «расшифровать», «прочитать» подобные послания «женского Я» в женских мемуарных текстах – отчасти схожим стремлением описывать одно и то же (домашний и семейный быт).

Пример тому – те эпизоды в женских автобиографиях, в которых, например, говорится о танцах. Наслаждение от танцев, ассоциировавшееся с греховным поступком, соблазнением, страсть к балам и требовавшим их новым нарядам являлись для писателей XIX в. своеобразным семиотическим кодом: все эти эмоции приписывались грешным, неглубоким, самовлюбленным героиням³³. Когда же о балах и танцах восторженно и вдохновенно писали мемуаристки, это становилось «псевдонимом» запретного эротического дискурса, телесной радости (С.А. Закревская, С.В. Скалон, Е.П. Ростопчина)³⁴. Собранные вместе, они воссоздают удивительную картину того, как прорывалось «телесное» сквозь все запреты и препоны.

Женские тексты, описывающие переживания их авторов именно как женщин, отличны не только от мужских, но и от текстов женщин, ориентировавшихся на «мужские» жизненные ценности – Екатерины II, Е.Р. Дашковой – которые никогда не забывали, что даже говоря о «мелочах жизни», они пишут в то же время свои парадно-официальные автопортреты. Для таких женщин (как и мужчин в целом), как правило, характерна любовь к «героическим историям» (допустим, Е.Р. Дашкова любила подчеркнуть, как несмотря на болезнь и высокую температуру она «бросалась» исполнять свой долг). Психологи полагают, что такой тип женщин нерелевантен к чужим мнениям и склонен к преувеличениям, что они реализуют себя по «мужскому типу»³⁵.

Обычных же женщин (то есть не склонных к публичной репрезентации), возвращавшихся к своему прошлому и сводящих воедино мозаику тех или иных событий – от Натальи Долгоруковой и Анны Лабзиной до писательниц пушкинской поры – *интересовало*, прежде

всего, *описание становления их душ* во взаимоотношениях с миром (именно и прежде всего с миром, но не с Богом: в этом отличие автобиографии от исповеди). В этом смысле авторы автобиографий были и остаются отличными и от «чистых» мемуаристок, и особенно от мемуаристов (то есть мужчин), для которых главным в изображении были не порывы собственной души, ее стремления и страдания, а сам мир вокруг них³⁶. Неспешность автобиографических описаний, vyplненных пером российских дворянок конца XVIII – начала XIX в., объясняется не только несуетностью их усадебного или городского быта, но и общими гендерными особенностями темпоральных переживаний: даже современные женщины реже испытывают чувство растущего дефицита времени («подсчитывание моментов – прошедших и оставшихся – деятельность мужского свойства»)³⁷.

В конечном счете, мне думается, мемуарный жанр в чистом виде может представлять как более «мужской», а автобиографический – как более «женский», хотя границы автобиографий и мемуаров, конечно, очень зыбки, так что в «мужских» текстах может быть немало «женского», и наоборот.

Продолжая размышления над автобиографиями, написанными женщинами в конце XVIII–XIX вв., трудно не обратить внимание на общую для всех этих текстов тенденцию *рассказывать себя через других*. Впервые на эту особенность женских «самоописаний», «аутогинографий» (термин Д. Стентон) обратила внимание американская исследовательница Мэри Г. Мэсон³⁸, подчеркнув, что «обрисовка собственной идентичности через различия с другими» (identity by way of alterity) практически никогда не встречается в мужских жизнеописаниях. Ее идеи продолжила Нэнси Миллер, задав всем читателям женских и мужских автобиографий вопрос: «Можем ли мы гендером измерять степень автономности автора текста» (чем более автономен автор – тем более он «мужчина»)³⁹?

При чтении женских мемуаров создается впечатление, что когда женщины говорят о «других» (прежде всего – тоже женщинах), то язык их освобождается от литературных клише, становится более индивидуализированным и эмоционально окрашенным: оценивая других, они четко прописывают себя. Тем не менее, вопрос этот для исследователя русских автобиографий и мемуаров (как мужских, так и женских) – все же открытый, так как у всех русских авторов

вне зависимости от их социального пола личная идентичность была тесно «завязана» на семейно-групповой идентичности и количество «значимых *других*» было в России XVIII – начала XIX в. велико и у мужчин, и у женщин.

Признавая факт особой значимости для женщины (как, возможно, и для некоторых остро, эмоционально сопереживающих всем внешним событиям мужчин) истории становления собственной души, мы не можем не заметить, что все авторы «женских» автобиографий в России XVIII в. и раннего XIX в. *творили* свои судьбы, – по крайней мере, дважды (проживая их в реальности и воспроизводя потом это прошлое). Этот творческий момент остается необычайно притягательным для современного читателя автобиографий женщин, живших два века назад⁴⁰. Причем для нас, сегодняшних, в известной степени не важно, оставалось ли жизненное и автобиографическое творчество тех женщин вполне «в рамках» существующей морали и традиционных ценностей – как у морализаторши А.Е. Лабзиной – или ломало привычные нормы и стереотипы – как, скажем, у переодевшейся в мужскую одежду и навсегда привыкшей воспринимать себя в мужском роде Н.А. Дуровой, в поведении которой В.Г. Белинский заметил вовсе не вызов, а «дивный феномен нравственного мира», хотя – по его же словам – «эта женщина только и говорила, что о своей “свободе”»⁴¹.

Не потому ли Н.А. Дурова «приглянулась» известному критику, что, подобно той же А.Е. Лабзиной или же упоминавшейся здесь не раз С.В. Скалон, чей текст пестрит глаголами надзора и принуждения («нам приказывали», «заставив одну из нас», «я была наказана», «она заставляла», «он / она требовала» и т.д.), «кавалерист-девица» осталась в плену канонов и стереотипов самовыражения (все ее литературные произведения – насквозь женские, даже «дамские»)??.. Тексты Н.А. Дуровой не случайно привлекают внимание западных исследователей: они особенно ярко демонстрируют то метание, лавирование между «мимикрией» (к социально-культурным нормам маскулинизированного общества) и «бунтом», ту двойственность, ту расщепленность «Я», о которой так много писалось феминистской критикой. Воистину автобиографический женский текст здесь становится «местом диалога с традицией, которую она как автор молчаливо намеревается опровергнуть...»⁴².

Вчитываясь в автобиографии русских дворянок XVIII–XIX вв., мы видим в них – как и в современных – «нарративы о практиках, нацеленные на сущностную реальность и истину»⁴³. Рассказывая о пережитом, они стремились быть честными перед самими собой, но невольно дополняли, «олитературивали» пережитое, конструировали свои прошлые переживания и факты жизни (практики). Причем женщины-авторы конструировали эту прожитую ими реальность, с моей точки зрения, несколько более *романтизировано*, нежели мужчины. Каждый из нас склонен по прошествии времени романтизировать пережитое, но женщины, вероятно, это делают чаще.

К данному выводу любой исследователь автобиографий неизбежно приходит, когда «отключается» от собственно эгодокументов и *вписывает их в некий контекст, референцируя* (то есть соотнося их) с другими текстами. С точки зрения методологического подхода к автобиографиям, такое кросс-текстуальное (то есть с **привлечением** других источников – документальных, правовых и т.п.), кросс-хронологическое, а желательно и кросс-культурное исследование может быть очень полезным. Напомню, что согласно современным социологическим методикам, этот контекст может быть представлен в категориях социального слоя, исторической ситуации, межпоколенной истории и др.⁴⁴. Причем количество «автобиографий» XVIII – начала XIX в. (их несколько десятков), позволяет обработать их не только историко-антропологическими, литературными, но и социологическими приемами. Стоит лишь учесть, что женскому типу памяти свойственна меньшая четкость в восстановлении последовательности событий⁴⁵.

Упомянутая нами *романтизация* действительности, свойственная всем женским автобиографиями и ранним в том числе, выводит исследователя к *проблеме аутентичности текста*⁴⁶: ведь их авторы, как было сказано выше, хотели представить себя с лучшей стороны, оставаясь одновременно искренними (и рисуя истинную, аутентичную реальности картину). Эта сложная психологическая позиция опять-таки удавалась женщинам лучше, чем мужчинам, реже испытывавшим раздвоение своего «Я». Например, у них не встретишь ламентаций по поводу того, что их «Я», рассказывающее о детстве, отлично от «Я» настоящего времени⁴⁷.

Для женщин *реже*, чем для мужчин, было *свойственно стремление обобщать свой жизненный опыт*, экстраполируя его на

опыт «всех», и тем более навязывать его читателю текста. Скажем, Надежда Дурова не «педалировала» свою особенность и единственность, равно как не призывала следовать ее примеру. Другой пример: серия светских анекдотов, выстроенных в подобие автобиографии писательницей, современницей Г.Р. Державина Елизаветой Львовой («Воспоминания») не претендовала на то, чтобы быть представленной как типические ситуации, аутентичные хотя бы даже определенному социальному слою. Эта «неагрессивность» женского текста, мне кажется, определяет его привлекательность для многих современных читателей, уставших от назидательности. Действительно, женские автобиографии подчас не могут похвастаться «широтой исторического охвата»⁴⁸, но в этой «женской слабости» – их прелесть, да и научная значимость (если придавать особое значение изучению субъективного, казуального и уникального).

Еще одной чертой женских автобиографий в России XVIII – начала XIX в. является *полное отсутствие в них сексуализированного или эротизированного дискурса*⁴⁹, пуританство в изображении любовных отношений и телесных желаний. Это резко отличает русские автобиографические женские тексты рассматриваемой эпохи от западноевропейских, хотя и тут и там женщинам внушали, «что нормальная настоящая женщина есть божественное самообладание»⁵⁰, не более. Знаменитое замечание крестьянки, няни пушкинской Татьяны Лариной («И, полно, Таня, в эти леты *мы не слышали про любовь...*») вполне согласуется с тем, что читатель находит (а точнее – не находит) в женской автобиографической прозе того времени: удивительную неосведомленность, замалчивание тревог, касающихся интимных переживаний и экспектаций (можно воспользоваться классическим определением М. Фуко, которое он дал – в отношении сексуального дискурса – викторианской эпохе: «табу, несуществование, молчание»)⁵¹. Даже в современных автобиографических повествованиях россиянок интимная информация – самая табуированная, сложно вербализуемая⁵², для ее обнаружения необходимо присутствие нескольких условий (наличия знания и опыта у информантки, преодоления определенного возрастного рубежа, поскольку молодые девушки обладают малым знанием и опытом)⁵³. Неудивительно, что два века назад авторы своих жизнеописаний боялись хоть чем-то проявить свою чувствительность к этой сфере

мира интимного, страшились самой мысли – будь то догадка или неведение, рефлексия или заблуждение, физиологическая нужда или социальная настоятельность.

Несмотря на латентность, «спрятанность» чувственно-физиологических рефлексий, читатель «женских» автобиографий XVIII – начала XIX в. не может не заметить, что именно они *открыли «иллюзы» мощному потоку личностного, индивидуального (хотя и не обнаженно-раскованного) восприятия мира*. Автобиографии как воспоминания «о пережитом» были комфортабельным для репутации, одобренным патриархальным порядком способом выражения своего «Я» – более приемлемым, чем «чистое» сочинительство. Женщины куда проще и естественнее, чем представители противоположенного пола, отягощенные чинами и должностями, говорили о том, что их окружало в повседневности, в семье, в кругу близких и выговаривали тем самым очень личностное, приватное. Собственный семейный быт был для них главной «сферой обитания», и потому оставленные ими тексты способствовали – прямо или косвенно – переоценке ценностей в пользу частной сферы, на что в полной мере решилось лишь последующее, XX столетие. Своими «своеручными записками» россиянки XVIII – первой половины XIX в. навеки «вписали себя в генеалогию мыслящих индивидов, избравших путь подрыва тишины»⁵⁴. И мы – исследователи, живущие два века спустя – учимся у них «писать себя», писать «как женщины для женщин, которые должны разбудить женщин для самих себя и для их включения в историю»⁵⁵.

Примечания

¹ Подольская И.И. «Минувшее проходит предо мною...» // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988. С. 7.

² Здравомыслова Е.А. Методологические проблемы биографического метода // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Отв. ред. В. Воронков, Е. Здравомыслова. СПб., 1997. С. 3.

³ Pushkareva N. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. New York, 1997.

⁴ Misch G. Geschichte der Autobiographie. Bern; Frankfurt-am-Mein, 1969.

⁵ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X – начала XIX в.: невеста, жена, любовница. М., 1997. С. 8.

⁶ Мильчина В.А. Автобиография // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 152; Кошелева О.Е. Автобиография в свете педагогической антропологии // Природа ребенка в зеркале автобиографии: учебное пособие по педагогической антропологии. М., 1998. С. 16, 19.

- ⁷ Heldt B. Terrible Perfection. Women and Literature in Russia. Bloomington, 1987. P. 64.
- ⁸ Козлова Н.Н. Гендер и вхождение в модерн // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 166.
- ⁹ Perrot M. Introduction // A History of Private Life. IV. From the Fires of Revolution to the Great War. Harvard, 1987. P. 3–5.
- ¹⁰ Revel J. and others. Forms of Privatisation // History of Private Life / Ed. by G. Duby and Ph. Aries. V. III. Harvard, 1989. P. 329.
- ¹¹ Burnet J. (ed.) «Destiny Obscure». Autobiographies of Childhood, Education and Family from the 1820s to the 1920s. London; New York, 1994.
- ¹² Петров С. «Женский фактор» и тотальная наука // Ступени. Философский журнал. 1992. № 3 (6). С. 7.
- ¹³ Бурлова Т.А. Гендерные темпоральные стратегии / РАН. Уральское отделение. Институт философии и права. Екатеринбург, 1997 (Деп. в ИНИОН 52881 – 29.07.1997).
- ¹⁴ Список «женских» автобиографий (около 50) см.: Пушкарева Н.Л. Указ. соч. С. 340–349.
- ¹⁵ Название заимствовано у С.В. Капнист-Скалон.
- ¹⁶ Held B. Op. cit. P. 3; Kelly C. Autobiography // Astman M., Rosenthal Ch., Zirin M. (eds.) Dictionary of Russian Women Writers. Westport, 1994; *Ibid.* An Anthology of Russian Women's Writing, 1777–1992. Oxford, 1994.
- ¹⁷ Jelinek E. The Tradition of Women's Autobiography: From Antiquity to the Present. Boston, 1986.
- ¹⁸ Miller N. Subject to Change: Reading Feminist Writing. New York, 1988. P. 47–64.
- ¹⁹ На эту особенность женских автобиографий впервые обратила внимание С. Смит: Smith S. A Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Functions of Self-Representation. Bloomington and Indianapolis, 1987. P. 49–50.
- ²⁰ Régnier-Bobler D. Literary and Mystical Voices // Klapisch-Zuber Ch. (ed.) A History of Women in the West. P. II. Silences of the Middle Ages. Harvard, 1992. P. 427–483.
- ²¹ Stanton D.C. Autogynography: Is the Subject Different? // Stanton D.C. (ed.) The Female Autograph: Theory and Practice of Autobiography from the Tenth to the Twentieth Century. Chicago & L., 1988. P. 13
- ²² Gusdorf G. Conditions and Limits of Autobiography // Olney J. (ed.) Autobiography. Essays Theoretical and Critical. New Jersey, 1980. P. 28–48.
- ²³ Friedman S.S. Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice // Benstock S. The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings. London, 1988. P. 40.
- ²⁴ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 10–11.
- ²⁵ Пушкарева Н.Л. Указ. соч. С. 174–191.
- ²⁶ Этот вывод выводит к концепциям феминистских философов, неизменно подчёркивающих, что «мужчин учили ценить автономию, а женщин – отношения, в том числе родственные» (Schwieckart P. Gender and Reading: Essays on Readers, Texts and Contexts. Toronto, 1986. P. 206.).
- ²⁷ Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX в. / Сост. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 282.

²⁸ Психолог Е.Ф. Иванова, рассуждая о гендерных особенностях памяти и исходя из трех типических форм нарратива (по К. и М. Герген: *Gergen K. & M. Narrative and Self as Relationship* // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1988. V. 21. P. 17–56) – прогрессивной (начинаются с негативной оценки чего-либо и развиваются в позитивную), регрессивной (обратные) и стабильной (с течением времени эмоциональная оценка не меняется), доказала, что женщинам в целом свойственна регрессивная форма изложения («мы победили в ВОВ, но...»), а мужчинам – прогрессивная («тяжело было начало ВОВ, но мы выдюжили...») (*Иванова Е.Ф. О гендерных особенностях памяти* // *Гендерные исследования*. 1999. Вып. 3. С. 247).

²⁹ Тяга к локализации пространства (дому), наряду с центростремительностью, позицией ведомого, пассивным отношением к миру, пониманием будущего через опыт прошлого были выделены как основные черты женского мирознания на «круглом столе» конференции «Русская женщина: предназначение и судьба». См.: *Русская женщина: Предназначение и судьба*. Материалы международного теоретического семинара 5 мая 1998 г. Екатеринбург, 1998.

³⁰ «В ее речи отсутствует то расщепление, разделение, свойственное мужчине, между логикой устной речи и логикой написанного текста...» (*Сиксу Э. Хохот медузы* // *Гендерные исследования*. 1999. Вып. 2 (3). С. 76).

³¹ Например, Е.Р. Дашкова подчеркивала в своих мемуарах значимость для нее именно публичной сферы жизни: «Человек, руководствующийся в своих действиях только честностью и в службе только благом отечества может не обладать большим состоянием и не иметь блестящего положения, но зато у него всегда мир в душе и он спокойно продолжает свой путь...» (*Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России* / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 197).

³² *Weigel S. Der schielende Blick: Thesen zur Geschichte weiblicher Schreibpraxis* // Stephan I., Weigel S. (eds.) *Die verborgene Frau: 6 Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft*. Berlin, 1988. S. 104–107.

³³ *Andrew J. Narrative and Desire in Russian Literature. The Feminine and Masculine*. London, 1993. P. 55, 141

³⁴ *Ростопчина Е.П. Счастливая женщина* / Сост. А.М. Ранчин. М.: Правда, 1991. С. 397; *Скалон С.В.* Указ. соч. С. 336. и др. См. также: *Sandler S. Pleasure, Danger and the Dance* // Giscilo H., Holmgren B. (eds.) *Russia – Women – Culture*. Indiana, 1996. P. 249–252.

³⁵ *Spradley J. The Ethnographic Interview*. New York, 1979.

³⁶ *Olney J. Autobiography and Cultural Moment* // *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* / Ed. by J. Olney. Princeton, 1980.

³⁷ *Cottle T. Perceiving Time. A Psychological Investigation with Man and Woman*. New York, 1976. P. 182

³⁸ *Mason M.G. The Other Voice: Autobiographies of Women Writers* // Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton, 1980. P. 210, 231.

³⁹ *Miller N.K. Representing Others: Genders and Subjects of Autobiographies* // Hyrynen Y. (ed.) *Voiving Gender*. Tampere, 1996. P. 105–141, esp. 129.

⁴⁰ *Sturrock J. The Language of Autobiography. Studies in the First Person singular*. Cambridge, 1993. P. 2

- ⁴¹ Муравьев В.А. Кавалерист-девица Надежда Дурова // Избранные сочинения Н.А. Дуровой. М., 1988. С. 21.
- ⁴² Lionnet F. Autobiographical Voices: Race, Gender, Self-Portraiture. Itaca & L., 1989. С. 93.
- ⁴³ Руузе Й.П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад, к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Отв. ред. В. Воронков, Е. Здравомыслова. СПб., 1997. С. 10.
- ⁴⁴ Bertaux D. Histoires de vie – ou recits de pratiques? // Methodologie de l'approche biographique en sociologie. 1976 (Mars).
- ⁴⁵ Иванова Е.Ф. Указ. соч. С. 249.
- ⁴⁶ Abercrombie N. and others. Popular Representation: Recasting Realism // Modernity and Identity / Ed. by S. Lash, J. Friedman. Oxford, 1992. P. 115.
- ⁴⁷ Как характерная черта мужских автобиографий это выделено в работе: Coe R.N. When the Grass was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. New Haven; London, 1984. Подтверждение можно найти, например, в мемуарах В.И. Лопухина (Лопухин И.В. Заметки некоторых обстоятельств жизни и службы // Русский архив. 1884. Кн. 1. № 1–2. С. 3, 225).
- ⁴⁸ Подольская И.И. Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁹ Пушкарева Н.Л. Мир чувств русской дворянки: сексуальная сфера // Человек в кругу близких. Очерки истории частной жизни до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1999.
- ⁵⁰ Сиксу Э. Указ. соч. С. 72.
- ⁵¹ Foucault M. The History of Sexuality. Introduction. Penguin books, 1990. P. 5.
- ⁵² Герасимова Е. Вербализация сексуальности: разговоры о сексе с партнерами // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. С. 105; Голофаст В. Три слоя биографического повествования // Там же. С. 25.
- ⁵³ Темкина А. Сценарии сексуальности и сексуальное удовольствие в автобиографиях современных российских женщин // Гендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 1999. С. 146.
- ⁵⁴ Braidotti R. Patterns of Dissonance. A Study of Women in Contemporary Philosophy. N.Y., 1991. P. 147.
- ⁵⁵ Сиксу Э. Указ. соч. С. 71.

КНЯГИНЯ М.А. ГАГАРИНА И ЕЕ ДНЕВНИК (1829–1835)

Т.П. Петерс

*Научно-информационный центр «Летопись» (г. Москва),
Государственный историко-литературный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Усадьба Вязёмы»*

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве хранится дневник княгини М.А. Гагариной на французском языке¹. До настоящего времени он не был переведен на русский язык, и таким образом почти не известен исследователям.

Дневник представляет собой рукопись на французском языке в твердом переплете голубого цвета с золотым обрезом, объемом 144 листа с оборотами. На обложке имеется дата золотыми цифрами: «1830», на первом листе – заглавие: «Дневник княгини Гагариной, урожденной Бобринской. 1829–1835». Записи датированы годом, числом и месяцем, а иногда и днями недели. Количество записей по годам разное: меньше всего (по одной записи) за 1834 г. и 1835 г. Имеется несколько вкраплений слов на русском языке, особенно это касается фамилий.

Дневники как произведение мемуарного жанра можно изучать в различных аспектах, в том числе – в качестве источника сведений биографического характера и сведений об эпохе, в которую он был написан, а также о людях этой эпохи. Этот аспект представляется актуальным, потому что информации о жизни и биографии «внучки» Екатерины Великой в справочной литературе почти не имеется до настоящего времени.

Во время работы над переводом дневника М.А. Гагариной возникло естественное желание узнать как можно больше сведений об авторе. Княгиня дает очень мало сведений о себе, и не предоставляется возможным составить ее цельную биографию на основании только одного дневника, хотя фрагментарные сведения имеются. Например то, что она была замужем за камергером двора, князем Николаем Сергеевичем Гагариным (1786–1842), имела детей, была не вполне счастлива в личной жизни, постоянно жила в Петербурге,

была принята при императорском дворе и несла там службу, то есть, возможно, была статс-дамой.

Среди скудных биографических сведений имеется запись о том, при каких обстоятельствах муж княгини был пожалован в камергеры. Так, М.А. Гагарина писала, что после одного из спектаклей, на котором император с супругой обратили на нее внимание, она получила предложение представиться при дворе в виде исключения. Все (и она в том числе) понимали, что это ей было не по рангу. В дневнике княгиня сделала запись с ответом, «... что не вправе этого делать и не смею воспользоваться преимуществом, которое по праву не положено мне военным чином моего мужа. После чего через Волконского предложили пожаловать Николая придворным чином камергером двора; поскольку я придерживаюсь правила, которое не приемлет отвергать милости дарящего, то сказала себе – не хочу быть неблагодарной судьбе, если благоприятный случай желает одарить меня богатством, почестями, титулом, и поступлю как гурман: то есть попробую всего понемногу. Закон жизни в этом мире заключается в умении не упускать возможностей, это пропуск в гении. Я полагаю, что стану карабкаться на луну, если Небеса подготовят мне туда тропинку. Если иногда бывает смешно признаться себе в том, что ты есть на самом деле, то еще глупее не воспользоваться сложившимися обстоятельствами».

Помимо членов своей семьи она также упоминает свою ближайшую родню: мать, Анну Владимировну Бобринскую (1769–1846, урожденную графиню Унгерн-Штернберг, тоже входившую в круг придворных), своих братьев: Алексиса (Алексея Алексеевича Бобринского), Базиля (Василия Алексеевича Бобринского), Павла (Павла Алексеевича Бобринского) и жену графа А.А. Бобринского Софи (Софью Александровну Бобринскую, 1799–1868, урожденную графиню Самойлову) Неоднократно упоминаются брат и сестра мужа М.А. Гагариной, директор императорских театров князь С.С. Гагарин с женой Изабеллой (Елизаветой) Адамовной Гагариной (1800–1886), урожденной Велевской, и Барб (Варвара Сергеевна) Долгорукая (Долгорукова, 1793–1833), жена князя В.В. Долгорукого.

В Российском государственном архиве древних актов сохранились документы к биографии М.А. Гагариной, которые, в некоторой степени, дополняют записи ее дневника. Как в них сообщается, она родилась в 1797 г., прожила недолгую жизнь и умерла в 1835 г.

Ее отец, граф и кавалер российских орденов Алексей Григорьевич Бобринский, был внебрачным сыном императрицы Екатерины II и Григория Григорьевича Орлова (1734–1783), второго из пяти братьев Орловых, сына новгородского вице-губернатора Григория Ивановича и Лукерии Ивановны, урожденной Зиновьевой. В молодости Григорий Григорьевич ничему не учился и в возрасте 15 лет поступил солдатом в Семеновский полк. Г.Г. Орлов участвовал в Семилетней войне, был трижды ранен, и в 1759 г. переведен в артиллерию адъютантом к графу П.И. Шувалову. С этого момента началось его продвижение к «молодому двору» великокняжеской четы. Громадного роста и необыкновенной силы, Григорий Григорьевич отличался красивой внешностью, веселым характером и склонностью к смелым и рискованным похождениям. Вскоре он занял место фаворита при великой княгине Екатерине Алексеевне, которая вполне доверяла ему, зная его безграничную себе преданность. Вместе с братьями Г.Г. Орлов пользовался немалым авторитетом и в армии, солдаты знали и любили Орловых за их простоту, удаль и щедрость, поэтому им удалось сыграть значительную роль в организации заговора в гвардии, который привел великую княгиню на российский престол. Став императрицей, Екатерина II пожаловала его в действительные камергеры, повысила до генерал-адъютанта, также он получил высшую награду империи – орден св. Андрея Первозванного, крестьян, деньги, мызы Ропшу и Гатчину и возведен со всем родом в графское достоинство. Он занимал впоследствии ряд высших должностей, но затем отошел от дел, женился в 1777 г. и переселился за границу. Детей он более не имел. Смерть жены от чахотки в 1781 г. потрясла его и вызвала, по отзывам современников, умственное расстройство. Он умер в 1783 г. в Москве, куда был перевезен, и погребен в селе Отрада Подольского уезда Московской губернии².

Его сын – граф Алексей Григорьевич (1762–1813), родоначальник фамилии Бобринских, тотчас после своего рождения был отдан на воспитание к камердинеру императрицы Екатерины II Василию Шкурину. В то время в императорской семье уже был ребенок – великий князь Павел Петрович. По сохранившимся рассказам современников, во время родов Екатерины Алексеевны В. Шкурин поджег свой собственный дом на окраине Петербурга, а когда Петр III вернулся с пожара домой, императрица имела столько силы воли, что встретила его сама. Двадцать лет спустя она писала А.Г. Бобрин-

скому, что «быв угнетаема разными неприятнями и неприятелями, спасая себя и старшего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рождение». В. Шкурин был щедро награжден за «назабвенной памяти» преданность, и в младенчестве А.Г. Бобринский считался его сыном, воспитывался вместе с его детьми и был отправлен с ними на обучение в Лейпциг³.

Алексей Григорьевич первоначально был назван князем Сицким и только в 1765 г. после пожалования ему села Бобрики (вместе с селом Богородицкое) в Тульской губернии стал именоваться Бобринским. В 1774 г. он вернулся из-за границы, поступил в кадетский корпус, который окончил в 1782 г., и стал поручиком в Конной гвардии с увольнением на два года для поездки «в чужие края». В сопровождении полковника Бушуева с тремя товарищами он отправился в Вену, затем в Париж. Он был уличен в дурном поведении, которое Бушуев выразил в письме к императрице: «Нет случая, где бы он не оказал самолюбия неумеренного, нет разговора между сотоварищами, где бы он не желал взять над ними поверхности. Он столь надменен и столь щекотлив, что все приемлет с оскорблением. Из главных слабостей есть в нем еще беспечность и нерадение видеть или узнать, что ни есть полезное. Его ничто не трогает, ничто не заманивает». Императрица баловала сына, давала ему много денег, которые он щедро тратил, удивляя иностранцев своей расточительностью; он был неразборчив в связях, свое время проводил среди игроков, совершал необдуманные и легкомысленные поступки. В 1785 г. императрица приказала ему вернуться в Россию, но А.Г. Бобринский ее ослушался, чем вызвал раздражение матери. Приехав в Россию только в 1788 г., он получил высочайшее приказание жить в Ревеле, фактически оказавшись в ссылке. В 1790 г. он получил увольнение от службы с чином бригадира. Ему был назначен опекун П.В. Завадовский, благодаря стараниям которого все имущественные дела А.Г. Бобринского пришли в порядок.

В Ревеле 16 января 1796 г. он женился на дочери коменданта города баронессе Анне (Иоганне) Владимировне Унгерн-Штернберг, принадлежавшей к лифляндскому дворянству, и, как сообщали современники, остепенился и вел тихую семейную жизнь около Дерпта в замке Обер-Пален.

С приходом к власти императора Павла I в 1796 г. жизнь А.Г. Бобринского изменилась. Император называл его «братом»,

возвел в графское достоинство, затем пожаловал в генерал-майоры и назначил управляющим Петербургским воспитательным домом. Уже через два года А.Г. Бобринский вышел в отставку и до конца дней оставался частным лицом, деля время между тульским имением, Обер-Паленом и Петербургом. Он сделался хорошим сельским хозяином; от отца, графа Г.Г. Орлова, он унаследовал пристрастие к физическими опытам и астрономии, занимался минералогией и мастерством, устроил у себя лабораторию и разные мастерские. Он умер в городе Богородицке 20 июня 1813 г. и погребен в селе Бобрики⁴.

Помимо Марии Алексеевны в семье Бобринского было еще трое сыновей – графы Алексей, Павел и Василий⁵.

Мария Алексеевна Гагарина получила, судя по ее дневнику, изрядное домашнее образование. Ее отец избегал жизни при дворе, поэтому детство и юность она, по всей вероятности, провела в подмосковных имениях и в Бобриках Тульской губернии, подаренных Екатериной II. Другие имения приобретались «через покупку», как, например, имение Обер-Пален. Это была мыза в Лифляндской губернии в Перновском уезде, и по ревизии 1827 г. в ней находилось «42 1/8 гака земли, мужского пола 29 дворовых и 1.148 крепостных людей, женского пола 30 дворовых и 1.169 крепостных, всего 1.170 мужского и 1.190 женского пола»⁶.

В 1816 г. ее выдали замуж за князя Николая Сергеевича Гагарина, «...двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера». По завещанию графа А.Г. Бобринского, составленного в Риге «при свидетельстве Графа Петра Васильевича Завадовского», согласно пункту 2 полагалось «дочери Марии в Московской губернии имения в Серпуховском, Бронницком и Коломенском уездах из Киясовской волости селения Киясовку, Малино и Спасское со всеми деревнями и дворовыми». Это завещание было подписано в присутствии адмирала П.В. Чичагова и его брата генерал-майора В.В. Чичагова. Мария Алексеевна вступила во владение своим недвижимым наследством только в 1818 г. До ее совершеннолетия (23 года) «над имением покойного... и детьми» были назначены попечители: мать Марии Алексеевны графиня А.В. Бобринская и младший из братьев Орловых, то есть ее дядя «Генерал-Поручик и Кавалер Граф Владимир Григорьевич Орлов».

После замужества дочери графиня А.В. Бобринская 20 июня 1818 г. обратилась в Санкт-Петербургскую дворянскую опеку с просьбой «дозволить вступить ее дочери в полное владение и распоряжение завещанным ей родителем ее имением под попечительством супруга ее Князя Гагарина», который решением опеки и был назначен опекуном М.А. Гагариной⁷.

Весной 1825 г. супруги Гагарины собрались в путешествие за границу. Как правило, на это требовалось разрешение государя, когда дело касалось лица, имеющего придворный чин. Из переписки за 1826 г., относящейся к оформлению дорожных документов для Н.С. Гагарина, следует, что он «...согласно Указу Его Императорского Величества от 3 апреля 1809 г. за долговременным неизбранием места для действительной службы считается в отставке»⁸.

Тем не менее, Н.С. Гагарин к началу Отечественной войны 1812 г. вступил в действующую армию и имел отличия. Так, в рапорте Графа И.И. Моркова, главнокомандующего Московской военной силой (то есть московским ополчением) отмечалось, что «Действительный камергер князь Гагарин в 1812 г. был принят в службу и был шефом 1-го пехотного полка, с отличным усердием и деятельностью способствовал к скорейшему формированию того полка и имел неусыпное попечение о образовании одного, за что и удостоился получить Монаршее благоволение...». После изгнания армии Наполеона I из России, подав прошение, он был уволен от службы «за болезнью» 27 августа 1813 г.⁹.

После замужества образ жизни Марии Алексеевны изменился, потому что придворная служба мужа заставляла ее жить в Петербурге или реже в Москве. В 1825 г. дом под № 111 «Его Сиятельства камергера и кавалера князя Николая Сергеевича Гагарина» находился в Сретенской части Москвы, в первом квартале между «улицей Петровской и Медведьим переулком». По сохранившейся в архивном деле описи дома можно представить, каким был быт московского дворянства первой четверти XIX столетия. Дом Гагариных представлял собой настоящую усадьбу, ограниченную с четырех сторон Петровским бульваром, Петровской улицей, Медведьевым переулком и улицей, которая в архивном деле названа «передней улицей». Он находился по соседству с домами госпожи Желтухиной, господ Демидовых и госпожи Гофман. На территории усадьбы располагалось

множество каменных построек жилого и хозяйственного назначения, крытых «листовым железом». В жилых постройках был дощатый пол и оштукатуренные изнутри стены. Главный корпус в три этажа с парадной лестницей, имевший «по фасаду 12 каменных колонн, между которыми находилось 12 железных решеток», выходил на «переднюю улицу». На двух первых этажах было, в общей сложности, десять комнат, на верхнем этаже – еще шесть комнат, в том числе, девичья и «простая деревянная лестница вниз». К этому зданию «против бульвара» сделали пристройку с восемью комнатами. Слева, немного выступая вперед перед главным корпусом, находился флигель, а справа – манеж, выходивший одной стороной в Медведьев переулок. За манежем имелся двор, а за ним простирался до Петровской улицы сад, в который входили через калитку. Во дворе имелись два колодца, деревянная беседка, «нужные места», деревянная кузница и жилой двухэтажный флигель, крытый тесом, на восемь комнат¹⁰.

По документам от июня 1846 г. в семье было двое сыновей: «отставной гвардии поручик князь Николай и несовершеннолетний Лев Николаевичи Гагарины», и дочь Мария. После смерти родителей их опекунами были назначены действительный тайный советник граф Александр Дмитриевич Гурьев и Федор Данилович фон Гертель¹¹.

М.А. Гагарина, ее муж, их сыновья и дочь, брат А.А. Бобринский и его жена С.А. Бобринская похоронены в Петербурге в Александро-Невской лавре в Духовской и Благовещенской церквях.

Когда княгиня М.А. Гагарина, «августейшая внучка», начала писать свой дневник, ей было 32 года; в это время на престоле находился сын императора Павла I Николай I, фактически ее сводный двоюродный брат.

Следуя мысли, что все познается в сравнении, можно сопоставить дневник М.А. Гагариной с дневниками княгини Н.П. Голицыной, написанными также на французском языке; в моем переводе они недавно были опубликованы¹². Между ними существует временной разрыв в 40 лет, но это не суть важно, потому что главное их различие касается совершенно иного взгляда на окружающую действительность, иного мировоззрения.

За эти четыре десятилетия сменилось несколько государей на российском престоле – от Екатерины II до Николая I – и произошел громадный сдвиг в сознании подданных Российской империи, в том

числе и женщин. Он был вызван такими поворотными моментами истории, как Великая французская революция, провозгласившая свободу, равенство и братство, в которой участвовали и женщины; война с Наполеоном 1805–1810 гг., в которой российская армия и российское общество познали и горечь поражений и радость побед; победа в Отечественной войне 1812 г., в которой, наряду с мужчинами, отличились Надежда Дурова и Василиса Кожина; полный разгром Великой армии Наполеона в Заграничной кампании русской армии 1813–1815 гг.; восстание на Сенатской площади в Петербурге.

М.А. Гагарина описывает¹³, как и Н.П. Голицына, жизнь русского двора, встречи с видными сановниками своего времени: министром императорского двора П.М. Волконским, министром иностранных дел К.В. Нессельроде, членами Государственного совета А.Д. Гурьевым, Ю.П. Литтой, придворными – обер-шталмейстером В.В. Долгоруковым, гофмаршалом Б.Н. Юсуповым, генералом от инфантерии А.Ф. Ланжероном, М.М. Сперанским, Е.Ф. Канкрином и пр., с известными иностранцами и россиянами – с немецким философом В. Гумбольдтом, лингвистом и членом Российской Академии И.А. Гумляновым, писателем И.И. Дмитриевым, сообщает о своих встречах и беседах с петербургским почт-директором К.Я. Булгаковым.

Не осталось без ее внимания и столичное дамское общество: на страницах дневника описаны заметные дамы того времени – графини Д.Ф. Фикельмон, Н.В. Строганова-Кочубей, Ю.А. Самойлова. Рассказывая о вечере, который устроила ее мать, М.А. Гагарина писала: «Госпожа Фикельмон, Госпожа Крюднер, Госпожа Хитрово (последняя из них – воплощение греха). Госпожа Фикельмон – дама необыкновенная, все чувства отражаются на ее лице, она испытывает потребность в том, чтобы ее боготворили, находили прекрасной, чтобы ей это говорили и постоянно повторяли, иначе она впадает в уныние. Это тело и сердце женщины без души, тогда как Госпожа Крюднер несет в себе, в некоторой степени, чистоту невинности, которая вас очаровывает, она имеет вид создания, предназначенного дарить добро и счастье всем окружающим ее людям. Все ее существо выражает блаженство души, которое не может омрачить никакое недоброжелательное дуновение».

При описании вечера у княгини А.И. Голицыной (княгиня Ночная) она высказывается о хозяйке: «Сама Княгиня выглядела

так, как изображают Ночь – на ней вся одежда была темного цвета: темно-зеленая шляпа, покрытая черным кружевом с крючками, которое ниспадало на плечи, коричневое платье – в целом, одна из тех дам, которые мало чем радуют сердце и душу; при этом – якобинские настроения, бессмысленная речь – подумать только, что ее называют образованной!».

В противоположность описаниям Н.П. Голицыной, внимание М.А. Гагариной, в большей степени, обращено на человека, его характер, психологию, его внутренний мир. Княгиня М.А. Гагарина предстает перед нами умной женщиной, она много читала (в основном, книги религиозного содержания и книги иностранных авторов: Локка, госпожи де Сталь, госпожи де Жанлис, Скриб, Поль де Кок, Вальтера Скотта, Лафонтена, из русских – Загоскина), много общалась, умела наблюдать за людьми, ей было интересно изучать разные человеческие типы, и, как следствие, она давала их описание. Ее перо не щадило ни знать, ни особ из императорской семьи.

М.А. Гагарина восторгалась императором Николаем I, почти благоговела перед ним, выражала почтение к императору Александру I и вскользь намекала на его мудрость, особенно в делах семейных, с некоторой усмешкой отзывалась об императрице Елизавете Алексеевне, великом князе Михаиле Павловиче, цесаревиче Константине Павловиче.

Например, описывая похороны великого князя Константина Павловича в Петербурге, княгиня М.А. Гагарина, вместе с выражением собственного взгляда на этого человека, описала отношение к польскому мятежу: «...погода соответствовала прожитой им жизни; казалось, будто сама природа наказывает тех, кто отдавал ему последний долг: дождь, ветер, грязь. Хороший отец, преданный сын, верный супруг, он был испорченным и малодушным Принцем, ему не хватало последовательности в поведении, ему были неведомы благородные порывы, как можно было предположить. Его коварный характер и ограниченный ум никак не позволяли охватить совокупность его обязанностей беспристрастно и без чувства недоброжелательства к Императору Николаю. Могло показаться, что он любит Поляков, однако хвалился матери, что никогда не подаст стакана воды Поляку; казалось, он любил Русских, но в то же время радовался тому, как Польские войска под командованием Дибича одержали

победу в начале кампании. Насколько истинное величие человека проявляется в его мировоззрении: если бы Константин Павлович захотел понять политические перспективы соединения Польской армии с русскими войсками (против Турок), мы бы не оплакивали потерю 80.000-го войска, потерю миллионов, не получили бы яростную ненависть Поляков, которые ненавидят нас тем сильнее, чем свежее их поражения».

В серии исторических анекдотов, М.А. Гагарина упоминает супругу императора Александра I. Она писала: «Всеволожский рассказал мне об истории, приключившейся с Императрицей Елизаветой, которая подтверждает, насколько эта женщина была хитроумной. В пылу страсти к Рибопьеру и, не ведая никогда недостатка в ответной взаимности, поскольку была Императрицей, сказала – сделала, имея в виду начало романа. Апартаменты Принцессы Амелии превратили для этой цели в храм Изиды, однако, в конце концов, Принцесса, оскорбленная в своей добродетели и не имевшая более сил сносить беспутство сестры, объявила, что уезжает из России. Императрица, в слезах из-за того, что приходит конец и любви, и дружбе сестры, рыдала так, как можно плакать по любовнику и сестре. Появляется Император, видит ее отчаяние, спрашивает о причине. На что Императрица отвечала Его Величеству о намерении сестры покинуть Россию для того, чтобы обрести в других краях мир и покой, которых лишила ее несчастная страсть к Рибопьеру. Император видит, насколько история банальна, и спрашивает, оставила ли эта страсть заметные следы, будучи неразделенной; он смеялся от души и посоветовал Императрице поразмыслить обо всем в более спокойном состоянии. Вслед такому совету вернулся покой в семью Императора, и счастье тоже вернулось, любовь разгорелась, да так, что не возникало желания покидать друг друга; но Принцесса Амелия уехала тем не менее из России – вот какова неизвестная доселе причина ее внезапного отъезда».

Часто автор, являясь частью светского общества, принимает облик стороннего наблюдателя и не удерживается от критики и сарказма в отношении привычек столичной элиты. «Общество Петербурга кажется мне обществом принципиально немых людей. Судить об успехах интеллектуальных способностей в то время, когда нельзя вовсе высказать свободно свои мысли. Из этого следует

долгий застой в мыслях или рождение ложных идей, потому что истина может возникнуть только при столкновении разных мнений. Да и на самом-то деле, что вы замечаете чаще всего в России: экзальтированные господа, люди безрассудные или те, которых нужно поместить среди растений. Я прихожу к выводу, что Правительство, таким образом, должно воодушевлять, оживлять каждое частное лицо и все общество, что в его власти придать особенный характер всей нации, придать ей силу, энтузиазм, заставить ее полюбить Отечество посредством своих законов, постановлений, но не с помощью крестов и суеверий».

Вопросы семьи, брака, психология отношений между супругами живо интересовали княгиню М.А. Гагарину. Присматриваясь к семьям своих братьев и братьев мужа, выслушивая жалобы жен и утешая их, она писала, в частности, о семье князя С.С. Гагарина и его жены Изабеллы: «Их супружество настолько лишено чувств, настолько пронизано суровостью, что я сомневаюсь в его жизнестойкости; оба супруга устали друг от друга, они никогда не делятся своими чувствами, они похожи на два создания, которых любовь неудачно соединила. Существа, жизнь и счастье которых сводится только к одному влечению, подобны скопищу костей. Теперь, когда они лишились счастья, разум призывает занять себя какой-то деятельностью, но не дает надежд на будущее блаженство. К интеллектуальным занятиям ни один из них не склонен, к тому, чтобы обзавестись друзьями, не тяготеет ни тот, ни другой, общественной жизнью не интересуется ни один из супругов. Мира в доме, как водится в упорядоченной семье, нет; молочницы, кухарки, бонны, слуги и прочие меняются, чуть ли не каждый день из-за мужа, который придирается ко всем. По утрам, ко всеобщему удивлению, наваливаются заботы вчерашнего дня: повторяются разборки с молочницами, прислужгой, боннами и так далее. После 9-ти лет такой супружеской жизни, просыпаясь утром, муж и жена должны бы чувствовать, что устроенная ими семья чужда их понятиям о браке».

Далее, рассуждая о положении женщины, княгиня писала: «Как же бессмысленна жизнь у женщины, которую не понимают близкие! Ее поступки выказывают разные оттенки досады, а частую и застенчивости. Сохранились ли в ней порывы к нежной привязанности? Нет, они ей неведомы. Расположена ли она к каким-

либо занятиям? Да, и настолько, чтобы не дать им поглотить ее всю целиком, и в то же время оставаться всегда выше уровнем, чем гости ее дома. Много ли она занята работой? Нет. Нравятся ли ей пляски, пересуды, в курсе ли она того, что происходит вокруг? Да. Любит ли она путешествовать? Да, чтобы быть единственной сияющей звездой. Она счастлива, когда дразнит, унижает, презирает при виде двух сердец, соединенных узами дружбы. Ее сердце пропитано завистью. Грустно становится, когда замечаешь, что приписываемая ей нерешительность несет в своей глубине застенчивость, вызванную возрастом; именно он порождает в ней некоторую осмотрительность. Но едва лишь она переступит определенный возрастной рубеж, как сломаются все преграды, сдерживающие ее нрав, и мы станем свидетелями рождения крокодила из муравьиной личинки».

На примере дневника княгини М.А. Гагариной мы можем наблюдать, насколько в России в первой трети XIX столетия изменилось мировоззрение женщины: жены, матери, члена общества.

Примечания

¹ ОР РГБ. Ф. 439. Карт. 26. Д. 1.

² Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1995. С. 56–58.

³ Там же.

⁴ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. С. 58.

⁵ РГАДА. Ф. 1262. Оп. 11. Д. 155.

⁶ Там же.

⁷ РГАДА. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 152.

⁸ Там же. Д. 229.

⁹ Там же. Д. 85.

¹⁰ Там же. Д. 172.

¹¹ Там же. Оп. 11. Д. 155.

¹² Голицына Н.П. Моя судьба – это я / Сост. и пер. с фр. Т.П. Петерс. М., 2009.

¹³ Отсюда и далее цитируется по дневнику М.А. Гагариной в нашем переводе с французского языка.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ ЭПОХА В ТРУДАХ ПИСАТЕЛЯ П.И. СУМАРΟКОВА

Т.М. Фадеева

*кандидат исторических наук
Институт научной информации
по общественным наукам РАН (г. Москва)*

Павел Иванович Сумароков (1760–1846) принадлежал к известному дворянскому роду, представители которого служили отечеству и пером, и шпагой. Дед Павла Ивановича служил в армии при Петре I. Дядя, Александр Петрович, был знаменитым драматургом и возглавлял первый русский театр. Сам Павел Иванович служил в Преображенском гвардейском полку, рано вышел в отставку и посвятил себя государственной и литературной деятельности. Член Крымской комиссии (1801–1802), губернатор Витебска (1807–1812) и Новгорода (1812–1815), сенатор (1821), он за свои литературные и исторические труды был избран членом Российской Академии. Наиболее известны его сочинения, посвященные югу Украины и Крыму: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (М., 1800), «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (СПб., 1803–1805)¹. Написанные в жанре модного в то время «сентиментального путешествия», эти книги представляют и сегодня несомненный литературный и научный интерес.

Свою первую работу П.И. Сумароков посвятил княгине Варваре Васильевне Голицыной: благодаря ее покровительству книга была опубликована на следующий год после написания. Личность княгини весьма характерна для екатерининской эпохи, когда женщины активно включились в просветительно-литературную деятельность. За словами посвящения, предваряющего «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», при ближайшем рассмотрении возникает круг общения Павла Ивановича, благодаря которому этот небогатый пензенский дворянин оказался тесно связан с видными деятелями своего времени. Служба его в лейб-гвардии Преображенском полку проходила под начальством князя Сергея Федоровича

Голицына. Князь, видимо, обратил внимание на одаренного юношу и пригласил его в свое любимое имение – Зубриловка в Тамбовской области². Здесь царил его супруга Варвара Васильевна, урожденная Энгельгардт, одна из племянниц князя Григория Александровича Потемкина. В свое время стараниями дяди она поступила в Смольный институт, а в 1777 г. получила звание фрейлины. В молодости Варвара Васильевна была, по воспоминаниям современников, очень красива. Выйдя замуж и став хозяйкой великолепного имения Зубриловка, она вместе с мужем превратила его в приют людей творческих. Назовем среди них И.И. Лажечникова, К.Ф. Рылеева, И.А. Крылова и самого Г.Р. Державина. Одно время вместе с детьми князя С.Ф. Голицына обучался будущий известный публицист и государственный деятель Ф.Ф. Вигель. В свое время Варвара Васильевна пробовала силы в переводах: ее перевод французского романа «Заблуждения от любви, или Письма Фанелии и Мильфорта», изданный с посвящением мужу в 1790 г. в Тамбове, получил широкую известность, не в последнюю очередь благодаря рекомендациям Г.Р. Державина.

Любимым местом пребывания семьи Голицыных была Зубриловка – имение на границе Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний.

Формирование зубриловского дворцово-паркового комплекса относится к последней четверти XVIII в.

Архитектором дворца разные исследователи называют И.Е. Старова, Дж. Кваренги и М.Ф. Казакова. Документальных подтверждений ни одной из версий не найдено. Заслуживает внимания следующее наблюдение: фасад дворца, выходящий в парк и оформленный в виде полуротонды с колоннами, чрезвычайно похож на другой дворец, архитектором которого, несомненно, был Н.А. Львов – это дворец усадьбы Введенское близ Звенигорода, построенный для фаворитки Павла I А.П. Лопухиной. Он сохранился до наших дней, хотя и в несколько перестроенном виде. Те обстоятельства, что Н.А. Львов и Г.Р. Державин были дружны, что вторая жена поэта доводилась родной сестрой жены Н.А. Львова, а также то, что Г.Р. Державин нередко бывал гостем Зубриловки, склоняет в пользу предположения, что дворец возведен по проекту Н.А. Львова. Он участвовал в проектировании и других построек Зубриловки – хотя вопрос, каких именно, остается спорным. Воз-

можно, по его проекту построена церковь Спаса Преображения с колокольной оригинальной формы (также в качестве ее архитектора называется Дж. Кваренги).

Из архитектурных сооружений усадьбы до наших дней сохранились дворец (точнее, лишь его стены, и то без восточного крыла), церковь, колокольня, мавзолей княгини В.В. Голицыной, остатки фонтанов напротив северного и южного фасадов дворца, а в западной части парка – башня-руина и остатки бассейна, изображенного на картине «Водоем» В.Э. Борисова-Мусатова.

Владельцы Зубриловки не жалели средств на устройство усадьбы и украшение дома, собрали здесь большую библиотеку и редкие произведения искусства. Имение князей Голицыных было одной из роскошнейших дворянских усадеб в России³. Его коллекции были приумножены сыном князя С.Ф. Голицына Федором Сергеевичем, любителем и знатоком искусства. «До самых последних дней своего существования Зубриловская усадьба сумела поддержать заслуженную еще при князе Сергее Федоровиче славу необычайного благоустройства и роскоши, – писал В.А. Верещагин. – Но главною гордостью владельцев Зубриловки была галерея их предков. Окруженные художниками привычными фамилиями лести, горделиво и чинно стояли здесь рядом и великие сподвижники Петра, и блестящие вельможи Екатерины, и служилые люди Павла и Александра, связанные между собою узами родства, знакомства или дружбы, – придворные и военные, кавалерственные дамы и фрейлины, все в живописных и разнообразных костюмах и парадных уборах... одним словом, чуть не весь восемнадцатый век и начало девятнадцатого»⁴.

Г.Р. Державин, служивший некоторое время в качестве тамбовского губернатора, был хорошо знаком с Голицыными и неоднократно со своей первой женой Екатериной Яковлевной посещал Зубриловку. Сюда его влекли красота природы, радушие хозяев и особое расположение к Варваре Васильевне, так как княгиня занималась литературой. Когда Гавриил Романович открыл в Тамбове народное училище, княгиня пожертвовала для него «собрание кремнистых пород камней из коих примечания достойны, как редкостью, так и величиною топазовые, калцедоновые, сердоликовые...»⁵. В последний раз в Зубриловке поэт был поздней осенью 1788 г., написав оду «Осень

во время осады Очакова», которая в первоначальном, рукописном варианте называлась «Осень в Зубриловке, 1788 в ноябре». Ода была посвящена княгине Варваре Васильевне и ее переживаниям за судьбу мужа, который участвовал в осаде турецкой крепости Очакова.

Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Держайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.
Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Когда появился указ Сенату, которым было повелено отрешить Г.Р. Державина от должности правителя Тамбовского наместничества, Гавриил Романович с женой нашли приют в Зубриловке. Пробыв там некоторое время, он оставил Екатерину Яковлевну на попечение В.В. Голицыной и уехал в Москву. В этот тяжелый период обитатели Зубриловки старались поддержать дух поэта. Счастливым исходом своего дела Г.Р. Державин был обязан заступничеству Варвары Васильевны, покровительству Сергея Федоровича и благосклонности Григория Александровича Потемкина к племяннице. Варвара Васильевна написала несколько писем своему дяде в защиту друга семьи.

Итак, в Зубриловке, а затем и в поместье Казацкое, Павел Иванович Сумароков оказался в кругу людей с весьма близкими ему литературными интересами, с которыми вскоре совпали интересы личные: здесь он вступил в брак с двоюродной сестрой князя Сергея Федоровича – Марией Васильевной Голицыной (1765–1847)⁶. В 1785 г. на свет появилась их дочь – Мария Павловна, в 1793 г. – сын Сергей Павлович. Дети росли на попечении княгини Варвары Васильевны.

При Павле I князь С.Ф. Голицын вначале пользовался милостью императора и командовал корпусом, посланным на помощь Австрии против французов, но вскоре попал в опалу и его сослали вместе с сыновьями в деревню. Жить пришлось не в роскошной Зубриловке, а в гораздо менее благоустроенном имении Казацкое⁷. Варвара Васильевна получила его в наследство от Г.А. Потемкина. Она отправилась туда несколько ранее мужа с намерением привести это имение в порядок. Вскоре явился С.Ф. Голицын в сопровождении четырех сыновей, также отставленных от службы.

«Казацкое сделалось местом заточения целого семейства...»⁸, – писал Ф.Ф. Вигель. Подчеркивая незаслуженность опалы князя, мемуарист продолжал: «Он был тогда полный генерал и обвешан всеми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Он был в крепости сил и лет, ибо ему еще не было и пятидесяти, и по его опытности, деятельности и бесстрашию казалось, что судьба предназначала его быть одним из лучших наших полководцев»⁹. Довершая характеристику князя Сергея Федоровича Голицына – военачальника и патриота Отечества как в дни славы, так и в дни опалы – Ф.Ф. Вигель отмечал: «Благородство души его было неимоверное, оно не позволяло зависти ее коснуться. Надобно было видеть его сердечную радость, его восторги при чтении тогда новостей из Италии! Сражение при Нови готов он был торжествовать как собственную победу; зато надобно было видеть и его глубокую печаль при получении известия о Цюрихском деле. Изгнанник восхищался тем, что умножало славу правления его гонителя, и рукоплескал соперникам! Жестокая несправедливость царя не могла переменить его чувства к России. Какой запас славных, отличных людей оставила Екатерина! И как расточительность ее двух наследников умела сделать его бесполезным!»¹⁰.

Вместе с княжеским семейством в Казацком оказались также И.А. Крылов – еще не прославленный баснописец, но уже известный как драматург и журналист, и Павел Иванович Сумарков с дочерью Машей, а также ее ровесник Ф.Ф. Вигель. Его «Записки» о жизни в Казацком дополняются воспоминаниями Марии Павловны Сумарковой, к которой литератор Яков Карлович Грот обращался в поисках сведений, пополняющих биографию И.А. Крылова; среди них имеются и важные упоминания о П.И. Сумаркове.

По ее рассказу, вскоре после коронации императора Павла I, совершившейся в апреле 1797 г., «князь впал в немилость за неуважение к кому-то из новых временщиков и получил повеление жить в деревне», «под надзором полиции». Он отправился в Казацкое, а с ним и несколько лиц, хотевших показать ему свою преданность, тогда он взял с собою и И.А. Крылова. Среди этих «преданных князю лиц» был и П.И. Сумароков: «В Казацком Сергею Федоровичу помогал в небольшой его, по тогдашним обстоятельствам (кн. Голицын был под надзором полиции. — *Т.Ф.*), переписке Павел Иванович Сумароков». Именно он, а не И.А. Крылов, как ошибочно считают, был домашним секретарем князя в период опалы. Иван Андреевич же, причем «не от скуки, как уверяет Ф.Ф. Вигель, а по преданности к семейству, его приютившему, вызвался учить двух сыновей Голицыных русскому языку; к ним присоединилась и М.П. Сумарокова, которую он любил, хваля в ней доброе сердце и способности».

В Казацком И.А. Крылов написал две пьесы: «шутно-трагедию “Трумф”». Эта пьеса играна в деревне; сам автор исполнял роль Трумфа; роль цыганки он нарочно придумал для любимой им ученицы (Маши Сумароковой. — *Прим. авт.*). Здесь же была написана утратившаяся впоследствии комедия его “Пирог”»¹¹.

Забавная, но в то же время представлявшая довольно злую сатиру на царствование Павла I, пьеса «Трумф, или Подщипа», не была напечатана, но известна в списках. Юный А.С. Пушкин на нижней полке шкафа «спрятал потаенну Сафьянную тетрадь», в которой хранятся «сочиненьи, презревшие печать». В тетрадке этой была и «Подщипа». А.С. Пушкин в «Городке» частично пересказывал ее сюжет:

Тут вижу я с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь Князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари...

Пьеса была поставлена на сцене домашнего театра в Казацком, И.А. Крылов сыграл роль забавно-надменного немецкого принца Трумфа. Роль гадалки-цыганки, к которой обращается Государ-

ственный совет перед принятием важного решения, была поручена Марии Сумароковой.

Фабула такова. Влюбленный в Подщипу немецкий принц Трумф захватил сказочное царство ее отца – добряка-выпивохи Вакулы. В свою очередь Подщипа страстно влюблена в князя Слюняя. Слюняй (он говорит сюсюкая и картавя, не произнося половины букв), смертельно боится Трумфа. Трумф (он разговаривает с забавным немецким акцентом) требует Подщипу к алтарю. Подщипа буквально готова наложить на себя руки, нежели достаться немцу, а не своему драгоценному Слюняю. Вакула составляет против Трумфа заговор. Государственный совет приходит к решению... обратиться за советом к цыганке. Гадалка-цыганка каждому предсказывает то, что от нее хотят услышать и за что охотно дают деньги. При этом она сказочным образом устраивает дело так, что все войско Трумфа переходит на сторону Вакулы. Трумф посрамлен, ему уготовлена роль скомороха – на свадьбе Подщипы ему велено «прыгать козачка». Слюняй спешит перед венчанием после испуга «кой-сто» переменить в своем туалете. Занавес...

В советской критике пьесу называли «злой и меткой сатирой на правление Павла I», но она могла бы смотреться вполне актуально и на современной сцене – это пародия на все, некая антитрагедия, даже и антиутопия. Здесь у царя детские игрушки-побрякушки, здесь действует не герой-любовник, а трус-любовник, у которого деревянная шпага (так как мама ему не велела носить железной), здесь государственные мужи обращаются за советом к цыганке... Также это пьеса об ответственности власть имущих – при том, что она сочинена как забава, развлечение ссыльных в провинциальной глуши.

Именно из Казацкого, где, как видим, царили довольно-таки оппозиционные настроения, Павел Иванович Сумароков как частное лицо отправился в свое первое путешествие в Причерноморье и в Тавриду – земли, с которыми связано воспоминание о славе екатерининского царствования.

Среди сочинений П.И. Сумарокова значительное место занимает описание жизни и деяний императрицы Екатерины II: «Обозрение царствования Екатерины Великой» и «Черты Екатерины Великой». Важным источником для написания этих трудов стали рассказы любимой и доверенной камер-юнгферы императрицы Марии Савишны Перекусихиной (1739–1824), не оставившей письменных

воспоминаний. Они увидели свет только в 1819 г., однако память о блестящем екатерининском веке, переживания, связанные с внезапной кончиной Екатерины II и воцарением Павла I, нашли отражение в «Путешествиях». Чувства преклонения перед императрицей и ее преобразованиями получили жестокий удар, когда она скончалась в 1796 г., и на престол вступил Павел I. Именно в годы его правления И.П. Сумароков отправился в путешествие по Крыму и Бессарабии, живо напомиравшим о героическом времени русско-турецких войн, о присоединении Крыма к России, об основании городов в бесплодной степи и создании Черноморского флота. С горьким чувством П.И. Сумароков встречал повсеместно признаки демонстративного отказа Павла I **продолжать инициативы матери по освоению Причерноморья и Крыма**. Ненавидевший все екатерининское, новый император приказал уничтожать потемкинские нововведения, среди которых было немало полезных Крыму.

Описывая города, основанные на берегах Черного моря по велению Екатерины II и Г.А. Потемкина – Николаев, Херсон, Одессу, Севастополь – П.И. Сумароков дал волю своему восхищению трудами рук человеческих: «Возможно ли, рассуждал я сам с собой, что когда у всех прочих народов для построения и приведения в цветущее состояние города потребно целое столетие, а чтоб у россов только три или четыре года на то было достаточно? Не Цирцея ли силою волшебства его произвела?».

Такое впечатление произвел на него город Николаев, красиво расположенный на высокой горе, у подножия которой протекают Буг и Ингул: «Да, поистине надобно быть на месте, чтоб иметь понятие о чудотворном преобразовании глухой и необитаемой степи в течение трех лет в хороший город. Николаев довольно обширен, расположен в новом вкусе, имеет до 800 домов, построенных из камня, и большею частью с колоннами, из коих третья доля принадлежит казне». Не ускользали от внимания автора и издержки столь скорого строительства по плану: неоконченные постройки, пустыри.

Не менее замечательно скорое возрастание Одессы на месте небольшой приморской турецкой крепостцы Гаджибей. В ходе русско-турецкой войны 1787–1792 гг. эта крепостца взята была адмиралом И.М. де Рибасом; а по заключении мира в 1792 г., Гаджибей с прочими между Бугом и Днестром землями поступил во владение россиян. На месте разрушенной крепости Гаджибей решено было

основать портовый город. В следующем после окончания войны, 1793 г., дано повеление основать на развалинах Гаджибея город Одессу под начальством адмирала И.М. де Рибаса с помощью данного ему инженерного генерала Волана.

В конце 1796 г. город предстал П.И. Сумарокову «как некое чудо, вышедшее из земли... Вдруг до 60 кораблей австрийских, неаполитанских, турецких и греческих во изумлении приплыли к ее берегам с разными товарами; иностранцы спешили водвориться в оной; началась знатная торговля, золото и серебро пошло в великом обращении, и юная Одесса овладела степенью между древнейших и славных городов других держав».

Сменивший Павла I в июне 1801 г. Александр I возвестил о намерении править «по законам и сердцу» своей бабки Екатерины II и вскоре отменил запреты и нововведения отца. По указанию императора в 1801 г. была создана Крымская комиссия для разбора споров по землям и определения повинностей на Крымском полуострове.

С воцарением Александра I **кончилась опала князя С.Ф. Голицына** и близких к нему лиц, включая и Павла Ивановича. Князь Сергей Федорович был вызван в Петербург и назначен лифляндским военным губернатором. Вместе с ним в столицу приехал Павел Иванович, неожиданно для себя получивший назначение в Крымскую комиссию на должность крымского судьи. Под председательством сенатора И. Лопухина члены комиссии выехали в 1802 г. в Симферополь¹². Теперь П.И. Сумароков ехал в Крым как лицо официальное, облеченное доверием государя, и, следовательно, ответственное за развитие полуострова. В его размышлениях немало наивного, но следует помнить, что «дней Александровых прекрасное начало», по словам А.С. Пушкина, давало надежду либерально настроенным дворянам. В этом-то настроении и писались «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду». Отправляясь в Крым и давая простор волнующим его чувствам, наш путешественник посещает по пути Царское Село, как бы получая благословение от самой Екатерины II: здесь «обитала премудрая законодательница, пример Царям Царица, Северная богиня, мать, благотворительница россов, бессмертная Екатерина». Мысленно воскрешая ее облик и деяния, проливая «невольные слезы», автор подчеркивает, что не только не имел «особого ее покровительства, но был ею и не знаем; но я россиянин, то слезы сии суть слезы благодарности».

К должности судьи Павел Иванович отнесся с большой ответственностью. Он глубоко вникал в проблемы полуострова. Его рассуждения дают представление о том, как просвещенные люди того времени размышляли о путях подъема крымской экономики. О том, как он исполнял свою должность в Крыму, можно судить по позднейшим отзывам о его деятельности в качестве губернатора в Витебске (1807–1812) и в Новгороде (1812–1815). Довольно подробно и сочувственно пишет о нем Николай Игнатьевич Шениг (1795 или 1796–1860)¹³, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: «...Павел Иванович Сумароков... был несколько лет губернатором в Витебске и Новгороде, где память его как правосуднейшего и честнейшего человека живет до сих пор. Одаренный пылким умом и характером, он во всю жизнь свою старался бороться с сильнейшими и часто упал в неравной борьбе. Сначала он делал всевозможные притеснения имению Сперанского, находившемуся близ Новгорода; но когда этот попал в опалу и приехал в свою деревню Великополье, Сумароков первый явился к его услугам и старался доставить ему все приятности и угождения. Могущество и власть графа Аракчеева подстрекнули его вступить с ним в бой, который сделал его известным самому Государю»¹⁴. По воспоминаниям знавших его лиц, П.И. Сумароков совмещал труды управления с занятиями литературой и историческими исследованиями. Очевидно, для участников литературных кружков первой трети XIX в. Павел Иванович казался человеком другой эпохи, «времен Очакова и покоренья Крыма». Тем не менее, один из них, Дмитрий Иванович Свербеев, отдает дань его честности и неподкупности: «Он (П.И. Сумароков. – Т.Ф.) был незадолго перед нашим с ним знакомством новгородским губернатором. Он имел в то время великое гражданское мужество в чем-то идти наперекор всесильному Аракчееву, новгородскому помещику, и потому вынужден был выйти в отставку. В правительственной сфере и подчинявшейся ей среде петербургского общества считался он человеком беспокойным, брюзгливым и неприятно резким и был как бы в опале у государя. В других, противоположных кружках, напротив того, Сумароков являлся героем самоотверженным, живя скромно, бедно и почти вдовцом. Жена его, урожденная княжна Голицына, сестра Норовой, была помешана, сын служил штабс-капитаном в гвардейской артиллерии, а умная и говорливая пожилая дочь его у каких-то Голицыных, его родственников... Независимый по харак-

теру, он не принадлежал ни к какой литературной партии, не был членом “Беседы”¹⁵, но ей сочувствовал, презирая все новейшее поколение литераторов. По семейному чувству он предпочитал, между прочим, дядю своего Сумарокова¹⁶, как поэта и автора, великому Ломоносову»¹⁷.

О Павле Ивановиче Сумарокове, в отличие от его знаменитого дяди – поэта и драматурга – сохранилось очень мало сведений. Сухие официальные данные дополняются довольно скудными и не всегда объективными упоминаниями в воспоминаниях современников. Возможно, это объясняется тем, что ему довелось жить и творить на рубеже XVIII–XIX вв. В XIX в., когда русская литература оперилась, расправила крылья, автору «Новгородской истории», «Обозрения царствования и свойств Екатерины Великой» и тем более «Досугов крымского судьи» тогда не нашлось достойного места. В этом отношении судьба обошлась с ним несправедливо; однако сегодня эти сочинения вновь привлекают внимание современных историков как памятник эпохи.

Павел Иванович и его дети образуют весьма важное звено в генеалогических хитросплетениях русского дворянства. Сквозь дымку веков с трудом проступают неясные вехи его биографии, образуя некую фигуру умолчания, но спустя два-три поколения фамилия Сумароковых вновь оказывается под ярким фонарем истории, образуя прихотливые сочетания с весьма звучными фамилиями – Сумароковы – графы Сумароковы-Эльстон – графы Сумароковы-Эльстон князя Юсуповы. Судьбы носителей фамилии разворачиваются на фоне ключевых событий российской истории. В конечном счете, они привели потомков этой фамилии в Крым, где им суждено было оставить в память о себе усадьбы, дворцы и парки.

Примечания

¹ Назовем и другие сочинения П.И. Сумарокова: «Черты Екатерины Великой» (СПб., 1819), «Прогулка за границу» (СПб., 1821), «История Новгорода» (1815), пьесы: «Зеленый корсет» (комедия, СПб., 1805), «Модник» (комедия, Санкт-Петербург, 1806), «Марфа Посадница» (драма, СПб., 1807), «Некоторые рассуждения о А.П. Сумарокове и начале российского театра» (СПб., 1806), «Орлы и скворцы» (притча, СПб., 1806).

² О Зубриловке см.: *Верещагин В.* Разоренное гнездо. // Старые годы. 1908. Март; *Перфильева Л.А.* Усадьба Голицыных и Голицыных-Прозоровских // Мир русской усадьбы. М., Наука. 1995. С. 226–237.

³ В более поздние времена в имение неоднократно приезжал художник В.Э. Борисов-Мусатов. Зубриловские впечатления легли в основу некоторых его картин, в том числе и знаменитого «Водоема», для которого позировали приезжавшие в Зубриловку его сестра, Елена Мусатова, и невеста, художница Елена Александрова-Сковорода. Зубриловские постройки В.Э. Борисов-Мусатов запечатлел и в таких работах, как «Гобелен» (1901), «Прогулка при закате» (1903), «Призраки» (1903), «Сон божества» (1904–1905).

⁴ *Верецагин В.А.* Указ. соч. С. 143.

⁵ *Салиас Е. Г.Р.* Державин. Правитель Тамбовского наместничества. Тамбов, 1871. С. 72.

⁶ Дети Сумарокова: Мария (р. 1785); Сергей (1793–1875) – граф (с 1856), юнкер гвардейского артиллерийского батальона (1809), поручик (1813), полковник (1818), начальник гвардейской артиллерии (1830), генерал-адъютант (1834), генерал от артиллерии (1851), член Государственного совета (1856). Получение им графского титула связано с тем, что наследников в мужском поколении С.П. Сумароков не имел, поэтому для того, чтобы фамилия и графский род не прекратились после его смерти, в 1875 г. мужу его дочери Елены Ф.Н. Эльстону разрешили именоваться графом Сумароковым-Эльстоном. Сын последнего, гвардии поручик Ф.Ф. Сумароков-Эльстон женился на дочери князя Н.Б. Юсупова, которая после смерти отца (в 1891 г.) осталась единственной представительницей рода. Поэтому Александр III разрешил ее мужу и ей именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстон с условием, чтобы титул князей Юсуповых переходил только к старшим в роде из их потомков.

⁷ Село Казацкое, Звенигородского района Черкасской области, от Киева 200 км. От усадьбы Голицыных сохранились ряд строений и парк.

⁸ *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 2000. С. 113–114.

⁹ Там же. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ *Грот Я.К.* Дополнительное библиографическое известие о Крылове // Грот Я.К. Труды. Т. 3. СПб., 1901. С. 41.

¹² Огромное количество жалоб и отсутствие владельческих документов по ханскому периоду землевладения делали задачи, поставленные перед комиссией, практически неразрешимыми – см.: *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 300.

¹³ С 1829 г. полковник в отставке; избирался орловским губернским предводителем дворянства; в 1842–1844 гг. служил помощником попечителя Дерптского университета и учебного округа.

¹⁴ *Шениг Н.И.* Воспоминания // Русский Архив., 1880. № 3. С. 306–307.

¹⁵ «Беседа любителей русского слова».

¹⁶ П.И. Сумарокову принадлежат две работы о его знаменитом дяде: Некоторые рассуждения об Александре Петровиче Сумарокове и начале российского театра. СПб., 1805; Отрывок из биографии А.П. Сумарокова // Московский городской листок. 1847. № 79.

¹⁷ *Свербеев Д.И.* Записки. (1799–1826). Т. 1. М., 1899. С. 255–256.

«ОН ВЕРИЛ В ПРИЗВАНИЕ РОССИИ...»: ГРАФ А.И. РИБОПЬЕР

М.А. Яковлева

Дворец Юсуповых на Мойке (г. Санкт-Петербург)

В районе Верхнего Рейна до сих пор существует небольшой городок Рибовиль, получивший свое название благодаря проживавшим там некогда синьорам Рибопьерам. В местной церкви Сен-Грегуар сохранилось место захоронения Рибопьеров¹.

В 1750 г. у друга Вольтера Марка Стефана де Рибопьера, проживавшего к тому времени в кантоне Ваадт на Женевском озере в замке La Liguière, родился сын Жан. Юноша получил образование в Тюбингенском университете, где познакомился с князем Н.Б. Юсуповым (старшим). По примеру многих швейцарцев, искавших счастья на чужбине, и своих двух старших братьев, служивших в испанской службе, Жан Рибопьер добыл патент на чин лейтенанта голландской службы. В то время все взоры были обращены на Россию, имя Екатерины II гремело в Европе. Особенно много говорили про нее у Вольтера, где часто бывал молодой Рибопьер. В 1770-х гг., подавшись уговорам Н.Б. Юсупова, и заручившись рекомендательным письмом Вольтера на имя императрицы Екатерины II, Рибопьер отправился на поиски счастья в Россию. Благодаря важному знакомству и особенно рекомендательному письму Вольтера, молодой человек очень удачно начал карьеру, получив назначение на должность адъютанта всесильного Г.А. Потемкина. На русской службе Жан Рибопьер стал зваться Иваном Степановичем.

И.С. Рибопьер обладал парижскими манерами, был красив, ловок и хитер. Вскоре его повысили до звания бригадира. Сохранился портрет Ивана Степановича работы Д.Г. Левицкого, созданный в 1789 г. Он изображен в треуголке и кирасирском мундире, тонко очерченное лицо производит чарующее впечатление. Понятно, почему у него было столько завистников.

Он был принят во всех лучших домах Петербурга, где очаровывал девушек и дам, но оказывал особые знаки внимания одной из

лучших невест того времени – красавице Аграфене Александровне Бибиковой, фрейлине Екатерины II. В период его ухаживания к другой сестре – Екатерине Александровне Бибиковой – посватался будущий полководец М.И. Голенищев-Кутузов. Михаил Илларионович ловкого швейцарца не любил, считая его карьеристом и интриганом, но держал свое мнение при себе и ничуть не уступал И.С. Рибопьеру в вежливом с ним общении. Аграфена Александровна же, имевшая большой успех в свете, своих чувств к Ивану Степановичу не скрывала, и в 1778 г. состоялась их свадьба.

Несмотря на нелестные отзывы о нем М.И. Кутузова, И.С. Рибопьер оказался верным и любящим мужем и преданным другом тем, кого искренне любил. Так, еще, будучи адъютантом Г.А. Потемкина, он близко сошелся с другим адъютантом князя – графом Александром Матвеевичем Дмитриевым-Мамоновым. Красавцем Мамоновым увлеклась сама императрица, и его положение в обществе казалось прочным, но он сам неожиданно поколебал его, влюбившись во фрейлину, княжну Д.Ф. Щербатову. Молодая чета Рибопьеров стала участниками любовной интриги, тщательно скрываемой от Екатерины II. Свидания А.М. Дмитриева-Мамонова с княжной Д.Ф. Щербатовой происходили в доме Рибопьеров, что вызвало гнев государыни, когда интрига раскрылась. Гнев, правда, был недолгим. В 1789 г. императрица сама обручила молодых людей; тогда же были прощены и Рибопьеры. За сдержанность Екатерина II назвала И.С. Рибопьера «*dieu du silence*» («бог молчания») – но государыня ничего не забыла. Отлучив от себя А.М. Дмитриева-Мамонова и И.С. Рибопьера, она весьма нелестно отозвалась о последнем в письме к Г.А. Потемкину. «Я позвала Рибопьера, – писала она в июне 1789 г., – который был конфидендом в течение года. Я его нашла немым и трепещущим; я сказала ему, что они напрасно скрывали все это и обманывали меня в продолжение года и, что еще хуже, не открылись Вам».

По рекомендации И.С. Рибопьера на русскую службу был принят его друг Ф.С. де Лагарп – швейцарский политический деятель, приверженец идей Просвещения, в 1784–1795 гг. являвшийся воспитателем будущего императора Александра I.

Впрочем, спокойная и вполне благополучная жизнь Рибопьеров закончилась чуть раньше – в 1787 г., когда Турция объявила войну России. После удаления от двора бригадир И.С. Рибопьер

отбыл в действующую армию и принял участие в штурме крепости Измаил под командованием А.В. Суворова. Этот полководец, кстати, всегда отзывался о И.С. Рибопьере самым лучшим образом, считая его «добрым малым» и храбрым офицером. Вот что писала в своих «Мемуарах» фрейлина В.Н. Головина, встретившая Ивана Степановича незадолго до его героической гибели: «...я увидела у подножия горы какого-то господина... Я послала узнать, кто это, и оказалось, что это полковник Рибопьер, которого я знала и очень любила. Я передала ему, что умираю с голоду и прошу уступить мне часть обеда. Он узнал меня и сейчас же прибежал, неся с собой половину жареного гуся, вино и воду. Он был в восторге оттого, что мог оказать мне эту маленькую услугу, а мне было приятно оказаться у него в долгу. Позднее я с радостью встретила этого прекрасного человека в армии. Он был несчастен, искал опасности и погиб при осаде Измаила»².

У Аграфены Александровны и Ивана Степановича было четверо детей: сын Александр и три дочери: Анастасия, Елизавета и Екатерина.

Александр Иванович Рибопьер – впоследствии знаменитый дипломат – родился 20 апреля 1781 г. Крестным отцом его стал малолетний великий князь Александр Павлович, будущий император.

Маленький Александр Рибопьер был удивительно хорош собой. Екатерина II страстно любила детей, и при ней постоянно находились чада ее подданных, с которыми она играла в свободное время. Так приглянулся ей и маленький сын геройски погибшего И.С. Рибопьера. Его пригласили во дворец, где поначалу малыш дичился, но императрица смогла заслужить его доверие. Она вырезала ему картинки, делала игрушки. Вспоминают, что однажды она даже оторвала ленту от своего ворота, чтобы сделать вожжи для вырезанной из куска картона упряжи. Государыня держала его при себе целыми часами, отсылала только для того, чтобы заняться делами, и затем опять звала. В свои пять лет, он получил от Екатерины II чин корнета Конной гвардии. «Я был у нее совершенно как дома, потому что полюбил ее всей душой. Она тоже ко мне привязалась, играла со мной, вырезала для меня из бумаги разные фигуры», – вспоминал А.И. Рибопьер³. Он не один пользовался подобной привилегией: императорскую милость с Александром разделяли еще несколько

малышей из аристократических семей. А.И. Рибопьер рос в апартаментах Ее Величества до одиннадцати лет. Отпуская своего любимца, Екатерина II пожелала, чтобы он написал ей прощальное письмо, и написала ответ. Ее письмо было испещрено пометками, но она не захотела переписывать его, поэтому пришлось отдать письмо для переписки секретарю, который и вручил впоследствии адресату и копию, и оригинал. В своих «Записках» А.И. Рибопьер вспоминал позднее, что государыня приводила в этом письме стихи, сочиненные якобы Вольтером:

Dans les ames bien nees
La valeur n'attend pas le nombre des annees
(Души, одаренные хорошими качествами,
Не дожидаются большого числа лет для своей оценки).

В «Записках» А.И. Рибопьер рассказывал также и о портрете императрицы, полученном им, когда ему было девять лет. Однажды Екатерина спросила II его, имеет ли он ее портрет? Он с огорчением покачал головой. «А говоришь, что любишь меня!» – воскликнула государыня. Она приказала принести один из своих портретов, и Александр захотел отвезти свое сокровище в родительский дом. Приказали подать ему придворную карету. Он с важностью поместил портрет в глубину кареты, а сам сел напротив. Этот поступок умилил Екатерину II⁴.

Место, занимаемое маленьким А.И. Рибопьером, считалось очень завидным, и после его отъезда стало предметом желаний для многих. Тем не менее, оно долго было свободно, потому что императрица быстро замечала детскую неискренность и скучала по непосредственному и живому Александру Рибопьеру. «Государыня меня особенно любила за мою откровенность и за мое непринужденное с ней обхождение», – вспоминал Александр Иванович⁵.

Естественно, что привязанность императрицы сыграла свою роль в карьерном продвижении юноши. Любопытно другое – эта привязанность не помешала карьере А.И. Рибопьера и при Павле I. В 1798 г. он поступил на действительную службу и уже в 1799 г. получил Мальтийский крест, звания флигель-адъютанта и действительного камергера. Александр Иванович, как и его отец, отличался необыкновенной красотой и легко покорял женские сердца. Им не на

шутку была увлечена принцесса Амалия Баденская, сестра императрицы Елизаветы Алексеевны. По словам Ф.Ф. Вигеля, «в 18 лет на плечах у него была такая головка, за которую всякая девица готова была бы поменяться своею». Тот же Ф.Ф. Вигель, человек желчный и не всегда объективный, дает Александру Ивановичу следующую характеристику: «В нем было много неподвижности, расчетливости, учтивой надменности; он хотел поражать своим величием. Ума более чем посредственного, он имел дар довольно кстати помещать в разговор затверженные им фразы; общие места, с тоном приговора им произносимые, людьми несведущими или невнимательными принимались за новые и глубокие мысли... Красотою, умом он не столько еще гордился, как знатностью своею»⁶.

Александр Алексеевич Васильчиков⁷, познакомившийся с А.И. Рибопьером гораздо позднее и искренно к нему расположенный, говорил, что тот был сановитый и любезный старик. Васильчиков называет Александра Ивановича типом изящного маркиза, в котором живы были все старинные предания утонченности и учтивости - однако под его французской наружностью билось чисто русское сердце, и его русская речь украшалась многочисленными родными пословицами и поговорками. А.И. Рибопьер был придворный человек в лучшем значении этого слова, преданный императору, но никогда не забывавший собственного достоинства. Чуждый всяких интриг, он пользовался своим положением, чтобы помочь каждому, обращающему к нему за помощью. Интересный собеседник, он любил вспоминать дни своей молодости и в особенности время Екатерины II, восторженным поклонником которой он был всегда. «Он никогда не льстил в глаза, – писал А.А. Васильчиков, – но и не поносил за глазами. Среди блеска дипломатических приемов, до которых он был охотник, среди светской рассеянности и придворной болтовни, он оставался вполне чуждым тому политическому нигилизму, который так распространился в позднейшее время в высших сферах нашего общества. Он верил в призвание России, и для него благо России, честь ее были не пустыми словами»⁸.

В конце царствования императора Павла I Александр Иванович дважды впал в немилость. Сначала императору показалось, что его фаворитка Анна Петровна Лопухина благоволит к придворному красавцу, и тот был удален в Вену. Вскоре, одушевленный рыцарскими

чувствами к А.П. Лопухиной, Павел I решил вернуть А.И. Рибопьера и женить его на своей возлюбленной. Спасло Александра Ивановича только призвание самой А.П. Лопухиной в любви к другому своему другу детства – князю П.Г. Гагарину. Возвращенный в Петербург, А.И. Рибопьер вновь вызвал гнев императора за дуэль с князем Б.А. Святополк-Четвертинским. Поговаривали, что дуэль произошла все из-за той же Анны Петровны Гагариной. «Мы дрались с ним на шпагах, – вспоминал А.И. Рибопьер, – и в то время как я ему нанес удар выше локтя, он меня ранил в ладонь так сильно, что перервал артерию. Я принужден был вынести мучительную операцию, и едва успели сделать мне первую перевязку, как ко мне приехали... с повелением от императора сделать мне допрос. Говорят, будто кто-то донес государю, что соперник мой, взяв под свою защиту княгиню Анну Петровну Гагарину, о которой я будто говорил дурно, по-рыцарски вызвал меня на поединок. Я никогда ничего не говорил против княгини, и более трех лет не приходилось мне слова перемолвить с моим соперником. Но государь воспользовался этим случаем, чтобы выказать мне всю свою строгость»⁹. Император был взбешен. За несвоевременный доклад о дуэли наследник престола Александр Павлович попал под домашний арест. Тяжело раненный А.И. Рибопьер был исключен из службы и отправлен в тюремную больницу, а затем в крепость. Имущество и дом А.И. Рибопьеров были конфискованы. Аграфена Александровна вместе с дочерьми была выслана из Петербурга и отдана под надзор полиции. Воссоединилось семейство в деревне. Это были последние дни царствования Павла I, и все общество приняло сторону А.И. Рибопьеров. Граф П.А. Пален даже отказался извиняться перед императором за допущение дуэли, как того требовал придворный этикет.

В день восшествия на престол Александра I за Рибопьерами был послан курьер, и семья вернулась в Петербург. Александр Иванович получил назначение на дипломатическую службу в Вену, где оставался до 1805 г. Карьера при новом императоре складывалась блестяще. В 1806–1807 гг. А.И. Рибопьер состоял дипломатическим комиссаром при главнокомандующем действующей армией, а в 1810 г. по просьбе министра финансов графа Д.А. Гурьева перешел в его министерство. В 1816 г. он был председателем комиссии, учрежденной в Смоленске для проверки отчетов о хлебе, употреблен-

ном в пособие разоренным от войны жителям, и с 1817 по 1823 г. был управляющим Государственным Коммерческим банком. Этот банк был учрежден с целью развития отечественной торговли и промышленности. Он должен был стать первым акционерным банком, реальной задачей которого было предоставление российскому купечеству дешевого кредита. А.И. Рибопьер считал своей обязанностью не ломку существующих устоев, а их совершенствование. К своим заслугам он причислял то, что деятельность Коммерческого банка действительно способствовала развитию торговли. Александр Иванович писал в «Записках»: «...мое создание принесло великую пользу торговле, промышленности и кредиту»¹⁰. Уход А.И. Рибопьера из системы Министерства финансов в 1823 г. был вызван его нежеланием работать с новым министром Е.Ф. Канкрином, ставленником всесильного А.А. Аракчеева – одного из инициаторов отставки Д.А. Гурьева. Интересно, что Александру I просьба об отставке не понравилась, но при свидании, как вспоминал А.И. Рибопьер, «он стал со мною говорить с обычной своею благосклонностью и объявил мне, что вскоре намерен дать мне новое назначение. Последние слова его были: “Между нами теперь на живот и на смерть”. Такие слова и к тому же произнесенные таким Государем, каким был Александр Павлович, более чем когда-либо привязывали меня к нему»¹¹.

В 1824 г. А.И. Рибопьер вернулся в Министерство иностранных дел и был назначен посланником в Константинополь. Назначение было не самое лучшее, и император понимал это. «Встретив мою жену, – вспоминал А.И. Рибопьер, – он спросил у нее, не чувствует ли она отвращения ехать со мной в эту страну чумы и везти туда детей. Он добавил, что вскоре... позаботится о приискании для меня другого места, более удобного»¹². В 1830 г., уже при императоре Николае I, Александр Иванович был произведен в действительные тайные советники и назначен посланником в Берлин. По свидетельству самого А.И. Рибопьера, Николай I его не любил, хотя поначалу их отношения складывались наилучшим образом. Александр Иванович вспоминал, что у тогда еще великого князя он «попросту часто бывал и он, равно как и великая княгиня Александра Федоровна, удостоивали меня особенною милостью»¹³. После восшествия на престол Николая Павловича А.И. Рибопьер и его жена были частыми гостями в Аничковом дворце – любимой резиденции новой императорской

четы. «Мы часто втроем, Государь, Государыня и я, пивали чай и вели долгие беседы; и таким образом Их Величества ко мне привязались силою привычки, – писал А.И. Рибопьер, – Привычка для царей много значит. Я это испытал на себе. Сколько раз приходилось, вследствие зависти, сплетней и всяких мелких придворных интриг, видеть, как ко мне охладевали, как даже от меня отворачивались; но привычка брала свое, туча проходила, и я снова находил прежний благосклонный прием, прежнюю дружескую ласку»¹⁴. О причине охлаждения к нему императора в 1830-е гг. Александр Иванович не пишет в своих «Записках». В 1838 г. он был отозван из Берлина, после чего исполнял только придворные обязанности, в качестве обер-шенка (1841) и обер-камергера (1844). Зато супруга Николая I – императрица Александра Федоровна – благоволила к Александру Ивановичу до конца жизни. Она была к нему неизменно милостива, и он почти ежедневно бывал у нее по вечерам. А.И. Рибопьер входил в число тех придворных, которые первыми встретили в России прусскую принцессу, невесту великого князя Николая Павловича, и она этого не забывала. Сама будущая императрица Александра Федоровна записала в 1818 г. в дневнике, что в Гатчине она познакомилась с Александром Ивановичем Рибопьером, «который, несмотря на частые отлучки, всегда был для меня другом, а впоследствии любезным чтецом»¹⁵. В 1849 г. А.И. Рибопьер был награжден орденом св. Андрея Первозванного, а 26 августа 1856 г. император Александр II пожаловал ему графское достоинство.

Примечательно, что приобретением Россией каменных сфинксов, украшающих пристань перед Академией художеств в Петербурге, мы обязаны А.И. Рибопьеру. «Сфинксы, – писал сам Александр Иванович, – мои дети. Я ими горжусь»¹⁶. В «Записках» он подробно описывает историю появления сфинксов в России.

Еще в детские годы Александр Иванович познакомился с Екатериной Михайловной Потемкиной, родственницей фаворита императрицы Екатерины II. С ее матерью Татьяной Васильевной Потемкиной, вдовой М.С. Потемкина (троюродного брата «светлейшего»), вышедшей вторым браком замуж за князя Н.Б. Юсупова, дружна была Аграфена Александровна. Молодые люди часто виделись и вскоре стали проявлять взаимную симпатию. Властолюбивая княгиня Т.В. Юсупова мечтала для дочери о более блестящей партии,

и брак долго не улаживался. Екатерина Михайловна Потемкина была красавицей; ее сравнивали с императрицей Жозефиной, женой Наполеона. На портрете работы В.Л. Боровиковского у нее и в самом деле царственная стать.

Роман молодых влюбленных вызывал всеобщее сочувствие. Оба были так хороши собой и так несчастливы... В конце концов, в дело вмешались двоюродные братья невесты – князя Голицыны и Браницкий, которые дружили с Александром Ивановичем. После долгих усилий удалось, наконец, получить согласие матери.

В 1809 г. состоялась свадьба, и брак оказался на редкость счастливым. Екатерина Михайловна почти не расставалась с мужем во время его скитаний по Европе, вызванных дипломатической службой. Она сопровождала его в Одессу во время командировки по делу о порто-франко и держала там открытый дом. «Жена моя и дети, – вспоминал А.И. Рибопьер, – приехали в Одессу; мы зажили открытым домом, имели свою ложу в опере и каждый вечер принимали гостей... Под конец пребывания моего в Одессе я съездил в Бессарабию, в Измаил, поклониться могиле отца моего. Он похоронен в тамошнем Греческом монастыре возле самой стены, так что дерево, разросшееся над его могилой, цветет уже совсем вне ограды. Из Одессы я вывез лучшую для меня награду – искреннюю благодарность жителей»¹⁷.

Еще более открыто зажили Рибопьеры по возвращении в Петербург, где они наняли квартиру в доме купца Соколова на Гороховой улице. Домашние спектакли, в которых принимали участие хозяева, посещались императором Александром I и всем двором. Вот что писал об этом сам А.И. Рибопьер: «Стали выбирать пьесы и остановились на двух: *Fanchon la Vielleuse* и *Ricochets*. Разобрали роли. Играли: жена моя, датский посланник граф Блом, князь Федор Сергеевич Голицын, граф Шуазель, Мария Павловна Сумарокова, я и другие. Начались репетиции. Дом наш наполнился любителями, их родственниками и друзьями. Каждый день пошли обеды и вечера. Так продолжалось около двух месяцев. Наконец наступил великий день: двор и город к нам съехались. Государь, великий князь Михаил Павлович и великий герцог Мекленбургский изъявили желание быть на представлении. Позваны были и послы. Спектакль блистательно удался; все роли сошли прекрасно. Друз, первая флейта в Европе,

играл во время антрактов. У меня была одна большая зала, занятая сценой, которую мне доставил князь Тюфякин, тогдашний директор театров. Она была велика, так как играющих было много. Танцевать можно было и в гостиных; но требовалось много места для ужина. Искусный машинист взялся очистить залу в полчаса, и в самом деле, точно по мановению волшебного жезла, едва успел спектакль кончиться, как снова отворились двери, и удивленным взорам предстала пустая зала, освеженная, со скамьями вокруг, с ярким освещением, с натертым паркетом и оркестром, подававшим сигнал к танцам. После танцев все общество снова перешло в гостиные, где ужин был подан с такою же быстротою. Все были в восторге, и английский посол сир С. Паджет не хотел верить глазам своим. Праздник вполне удался, и хотя ужин готовил известный Фуассен, главный повар графа Литты, и приготовил его на славу, однако я отделался двумя или тремя тысячами рублей»¹⁸.

Когда Александра Ивановича в 1827 г. направили послом в Константинополь, Екатерина Михайловна с детьми последовала за мужем. При отплытии иностранных дипломатических представителей из Константинополя после Наваринского боя корабль, на котором они плыли, чуть было не подвергся расстрелу с турецких батарей в Босфоре. Екатерина Михайловна стояла на палубе, когда началась стрельба, и была спасена офицерами, которые буквально схватили ее и унесли с детьми в каюту. После сильной бури на Адриатическом море, во время которой фрегат едва не погиб на камнях, семейство Рибопьеров высадилось в Триесте и некоторое время провело во Франции. Здесь они поселились на Гатаиоле, прекрасной вилле маркизы Монтекатини. В Триесте Александр Иванович познакомился с графиней Липон, бывшей королевой Неаполитанской. Хотя, по утверждению самого А.И. Рибопьера, он всегда ненавидел все семейство Бонапартов, с графиней он подружился. Графиня Липон приняла деятельное участие в воспитании детей Рибопьеров. Она, например, подарила великолепно изданные книги, посвященные Наполеону и ее мужу генералу Мюрату, произнеся, что «это для моих детей, который верно скучают в Триесте. Она сама повторила мне любезную эту фразу, добавив, что была бы счастлива содействовать развлечению детей моих. Я ее от души поблагодарил, но, уезжая, возвратил, с выражением полной благодарности, присланные ею

книги: мне не подобало принимать такие дорогие подарки от вдовы Мюрата»¹⁹. Из Триеста путь А.И. Рибопьера лежал во Флоренцию, Неаполь и Рим, и везде Екатерина Михайловна с детьми сопровождала мужа.

У Александра Ивановича и Екатерины Михайловны было шестеро детей: два сына и четыре дочери. Старший сын Михаил умер в детстве, младший – Иван – стал впоследствии действительным статским советником и церемониймейстером. Дети выросли, но Екатерина Михайловна продолжала сопровождать своего мужа в его дипломатических поездках. Во время вторичного пребывания в Константинополе, а также в Берлине, она по-прежнему являлась хозяйкой роскошных приемов гостеприимного дома. В Берлине Рибопьеры занимали один из лучших домов. Однажды Александр Иванович устроил грандиозный праздник в честь прибытия сюда русского императора со всем семейством. Для устройства праздника во дворе посольства была выстроена специальная зала. «Зала, выстроенная и убранная обойщиком Гильтелем, возбудила удивление всего общества. В ней были накрыты три стола, один из 50 кувертов для королей, королев и царственных особ; другой в 60 для дипломатического корпуса, и третий для придворных всех этих величеств и высочеств; 250 кувертов были сервированы в нижнем этаже, в разных комнатах для остального общества. После обеда начался бал и продолжался до поздней ночи. Младшая дочь моя одна помогала мне принимать гостей и отлично исполнила свое дело. Государыня, чтобы изъяснить благодарность, прислала ей из Петербурга браслет с шифром»²⁰. Эта маленькая хозяйка стала впоследствии княгиней Татьяной Александровной Юсуповой.

В день коронации императора Александра II – 26 августа 1856 г. – А.И. Рибопьер был возведен в графское достоинство Российской империи. Начав свою блестящую карьеру при Екатерине II, Александр Иванович Рибопьер пережил четырех императоров и скончался в царствование ее правнука.

Вместе со всей императорской семьей он тяжело переживал преждевременную смерть наследника Николая Александровича и входил в число тех, кому доверено было заниматься приготовлениями к его погребению. Во время этих хлопот Александр Иванович и заболел, как тогда говорили, нервной горячкой, и скончался через день,

24 мая 1865 г. Он погребен в Санкт-Петербурге на Ново-Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры.

Примечания

¹ Подробнее об истории рода Рибопьер см.: РА. 1877. Т. 1. С. 464–466.

² Головина В.Н. «Мемуары» // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 104.

³ РА. 1877. Т. 1. С. 469.

⁴ Цит. по: *Валишевский К.* Роман одной императрицы. М., 1989. С. 134–135.

⁵ РА. 1877. Т. 1. С. 474.

⁶ *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 2000. С. 236–237.

⁷ А.А. Васильчиков (1832–1890), действительный тайный советник, писатель, директор Эрмитажа в 1879–1888 гг.

⁸ РА. 1877. Т. 1. С. 461.

⁹ Там же. С. 494.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 7.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 157.

¹⁶ РА. 1877. Т. 2. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Там же. С. 35.

АНГЛИЙСКАЯ МОДА И РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ Ф.В. РОСТОПЧИНЫМ ТРАКТАТА О ПЛУГЕ И СОХЕ

А.О. Мещерякова

кандидат исторических наук

Воронежский государственный университет

В июле 1803 г. в газете «Московские ведомости» появилось объявление об открытии в подмосковном имении Вороново английской сельскохозяйственной школы и о наборе в нее учеников – русских крестьян из окрестных сел. Сообщалось, что преподавать в ней будут приглашенные специалисты-шотландцы – именитый агроном Патерсон и изобретатель-механик Гюм. В течение восьми месяцев – с 1 марта по 1 ноября – они должны были на практике показывать русским крестьянам «обрабатывание земель, разделение полей, удобрение оных илом, глиною, торфом и известкою, равномерно и сеяние всякого рода хлеба, овощей и трав». Организатор школы обещал снабдить всех выпускников «за весьма умеренную плату» необходимым инвентарем и «безо всякой платы» – всевозможными семенами, многие из которых «в России до сих пор не известны, и письменным наставлением, как с ними поступать должно»¹.

Автором этого объявления был граф Федор Васильевич Ростопчин (1765–1826) – бывший фаворит Павла I, оказавшийся в опале у молодого императора Александра I. К вершинам государственной власти Ф.В. Ростопчин стремительно поднялся сразу после смерти Екатерины II, когда настал «звездный час» его благодетеля Павла I. В новое царствование граф стал одной из ключевых фигур на политическом небосклоне империи. При этом особенно велика была роль Ф.В. Ростопчина в качестве главы российской внешней политики.

В царствование Александра I Ф.В. Ростопчин был на долгие годы удален от государственной службы, поэтому всецело посвятил себя сельскому хозяйству и литературной деятельности. Среди по-

мещиков в то время большой популярностью пользовались труды английского писателя и агронома Артура Юнга. Он был пропагандистом эффективного земледелия, достижения максимальных результатов за счет удобрения земли и усовершенствования орудий труда. Благодаря широкому распространению его идей, с конца XVIII столетия в Российской империи возрос интерес к английской системе земледелия². Горячими сторонниками этой системы были Д.М. Полторацкий, Н.С. Мордвинов, Н.И. Кривцов, А.И. Барятинский и др.³. Одним из таких землевладельцев-«англоманов» являлся Ф.В. Ростопчин – владелец подмосковного имения Вороново. Следуя идеям А. Юнга, он создал у себя образцовое хозяйство, оснащенное новейшей техникой и управляемое иностранными специалистами.

Первые земледельческие опыты Ф.В. Ростопчина относятся к 1803 г. – времени публикации объявления. Он удобрял землю, изготавливал собственные сельскохозяйственные машины, использовал привезенные из-за границы семена, наконец, организовал в своем имении школу для обучения собственных и соседских крестьян английским методам земледелия. Обо всех своих сельскохозяйственных экспериментах Ф.В. Ростопчин подробно, с заметным энтузиазмом сообщал в письмах к близкому другу князю П.Д. Цицианову. Так, в июле 1803 г. он писал о том, что начал изготавливать в своем имении молотильни, плуги, машины для корчевания пней и продавать их значительно дешевле, нежели другие помещики-новаторы – чем и «прогневал всю компанию». Граф был доволен и опытами по удобрению земли. Для этого он предоставил иностранным специалистам наименее плодородные земли, которые они удобряли торфом, навозом, известкой. Увлекался Ф.В. Ростопчин и использованием новых, привезенных из-за границы семян. На своих подмосковных полях он сеял неизвестный в России озимый ячмень, американский овес, сирийскую и мексиканскую пшеницу. Явный интерес к его деятельности со стороны соседей, позволял надеяться на то, что к весне следующего года в его сельскохозяйственной школе будет достаточно учеников⁴. В целом Ф.В. Ростопчин был доволен результатами первых опытов. «Начало отменное, – писал он П.Д. Цицианову, – и я, кроме собственной выгоды, надеюсь соучаствовать и в общей»⁵.

Отношение окружающих к сельскохозяйственным «новациям» Ф.В. Ростопчина не было однозначным. Многие смеялись над ним,

некоторые находили в его занятиях «дальние виды», а иные – и «алчность к деньгам»⁶. Пропагандой новых методов ведения хозяйства Ф.В. Ростопчин стремился достичь их широкого распространения в округе. На почве общих интересов он активно общался с Д.М. Полторацким, княгиней Е.Р. Дашковой, завязал заочное знакомство с известным масоном Н.И. Новиковым⁷.

По прошествии нескольких лет энтузиазм Ф.В. Ростопчина сменился трезвым взглядом на перспективы повсеместного распространения в России английской системы земледелия. На собственном опыте он установил, что затраты на удобрение почвы, покупку инвентаря и семян заметно снижают эффективность этой системы, а при отсутствии рынка сбыта подобное хозяйство вообще становится убыточным. По-видимому, на охлаждение к английскому земледелию повлияло и знакомство Ф.В. Ростопчина с сыном А. Юнга. По его данным, сын агронома был приглашен в Российскую империю Н.Н. Новосильцевым «для сочинения описания сперва Московской губернии, а потом и всей России», хотя «видимая» цель его визита заключалась в изучении сельского хозяйства. В имении Вороново он провел десять дней, особенно подробно расспрашивая хозяина об условиях труда и положении крестьян в России. Из разговоров с именитым гостем Ф.В. Ростопчин узнал о том, что ему, кроме прочего, «внушено заняться и проектами для постановления благоденствия крестьян». «Ты можешь себе представить, – писал граф П.Д. Цицианову, – как Питт настроил этого Юнга. Россия им всем давно тяжела. Образ ее правления составляет всю силу; перемени пружину, и в ту же минуту из Эликотовых часов выйдет несчастная кукушка»⁸. Таким образом, в представлениях Ф.В. Ростопчина, мода на английскую систему земледелия и угроза национальным интересам России (разрушение ее патриархального уклада) оказывались взаимосвязанными.

Еще в 1803 г., в самом начале своих экспериментов, Ф.В. Ростопчин писал о том, что «доколе у нас не прибавится втрое жителей в хлеборобных губерниях, дотоле заведения английского обрабатывания земель не будут нужны»⁹. Личный опыт лишь подтвердил и усилил эту уверенность. Выводы, сделанные на основании сельскохозяйственных опытов были изложены Ф.В. Ростопчиным в первом опубликованном им сочинении «Плуг и Соха» (М., 1806)¹⁰.

Эта небольшая книжка положила начало активной литературной и общественно-политической деятельности автора. Весьма примечателен эпиграф на титульном листе брошюры: «Отцы наши не глупей нас были»¹¹. Уже в этом сочинении нашла отражение идея, которая ясней и откровенней будет звучать затем в его комедиях и памфлетах, в том числе, знаменитых «Мыслях вслух на Красном крыльце» (М., 1807). Это идея о национальной самобытности России и опасности для нее слепого использования культурного, экономического и политического опыта Западной Европы.

Проблема распространения в России английской системы земледелия в «Плуге и Сохе» вышла за рамки исключительно экономической и приобрела политический характер. Теперь «английский фермер столько же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант»¹², — заключал Ф.В. Ростопчин, находивший причину популярности в России английского земледелия в склонности русских к подражанию иностранцам. Одновременно автор подчеркивал, что, являясь русским и «сердцем и душою», он превозносит достоинства русской сохи перед английским плугом не из-за слепого пренебрежения ко всему иностранному, а по рациональным соображениям¹³. Ф.В. Ростопчин полагал, что эффективное земледелие пригодно лишь для малоземельных стран. Россия же, несмотря на все несовершенства ее сельского хозяйства, «еще не знает, что такое настоящий голод; и под сим названием разумеет иногда неурожай в некоторых губерниях, где в недородный год поселяне семь месяцев нуждаются продовольствием, но отнюдь не гибнут от голоду; ибо правительство и помещики всегда поспевают на помощь к страждущим. Можно утвердительно сказать, что по пространству России теперешнее число ее жителей втрое еще прибавиться может, а ей не будет надобности обращать все поля в огороды»¹⁴. Защищая преимущества для России сохи, он указывал на нерентабельность в современных русских условиях применения более совершенных методов английского земледелия. Использование новых технологий, по его подсчетам, значительно повысит себестоимость производимой продукции, при отсутствии же рынка сбыта производитель неминуемо будет нести убытки¹⁵. «У нас часто самое важное заведение, стоящее больших денег, обязано своим бытием прихоти, скуке или любопытству какого-нибудь богача, знатного барина, или мота. Если

бы в существующих уже теперь в России английских фермах те, кому они принадлежат, хотели вычислить поверней все издержки на заведение, содержание людей, скота, строений, орудий, жалованья иностранным, и прежние доходы: тогда бы, пожертвув самолюбием истине, признались, что едва получают два процента за сию модную перемену Сохи на Плуг», – писал Ф.В. Ростопчин¹⁶.

Появление этой брошюры было весьма актуальным. В России развернулась оживленная литературная полемика о плуге и сохе. Свообразным ответом на сочинение Ф.В. Ростопчина стала небольшая брошюра Е.Р. Дашковой «Мнение о плуге и сохе» (СПб., 1807)¹⁷, в которой откровенно восхвалялась английская система земледелия. Она была направлена на поддержку бывшего единомышленника, а теперь оппонента Ф.В. Ростопчина – Д.М. Полторацкого. Литературными откликами на полемику о плуге и сохе явились, в частности, сочинения И.А. Крылова «Философ и Огородник» и «Модная лавка», а также комедия Ф.Ф. Иванова «Женихи, или Век живи и век учись»¹⁸, авторы которых иронизировали над таким распространенным явлением в тогдашней России, как увлечение русских помещиков модными иностранными способами обработки земли.

За короткий период с 1803 г. по 1806 г. аграрные взгляды Ф.В. Ростопчина претерпели серьезную эволюцию. Вчерашний пропагандист английской системы земледелия стал горячим защитником русской сохи. С одной стороны, это было связано с тем, что на личном опыте граф убедился в неэффективности и нецелесообразности широкого распространения в России новаторских способов земледелия. С другой стороны, на общественно-политическую заостренность трактата «Плуг и Соха» повлияло изменение внешне- и внутривнутриполитической ситуации в Российской империи в связи с началом войны с Наполеоном (1805–1807 гг.). Через обращение к русской традиционной культуре, родному языку и истории, через идеализацию патриархального быта и обычаев в эти годы активно шло формирование идейной базы русского консерватизма и национализма. В авангарде этого течения и оказался Ф.В. Ростопчин. По характеру высказанных идей его трактат о плуге и сохе примыкает к более поздней публицистике 1807–1808 гг., которая принесла ему громкую и широкую известность в качестве консерватора и националиста.

Примечания

- ¹ Объявление [графа Ф.В. Ростопчина] // Московские ведомости. 1803. № 53.
- ² Еще в 1780-е гг. в России вышло несколько книг, посвященных пропаганде английской системы сельского хозяйства. Это труды А.А. Самборского «Описание практического английского земледелия, собранное из разных английских писателей» (М., 1781) и И. Комова «О земледельных орудиях» (СПб., 1785), «О земледелии» (М., 1788) (см.: Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия / Сост.: Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1999. С. 43–44).
- ³ Анатолий Васильевич Предтеченский. С. 51.
- ⁴ Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 16, 19, 23.
- ⁵ Там же. С. 26.
- ⁶ Там же. С. 63.
- ⁷ Письмо графа Ф.В. Ростопчина к Н.И. Новикову от 21 марта 1804 г. // Русский библиофил. 1913. № 4. С. 25.
- ⁸ Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову. С. 100.
- ⁹ Там же. С. 14–15.
- ¹⁰ [Ростопчин Ф.В.] Плуг и Соха. М., 1806.
- ¹¹ Там же. С. 1.
- ¹² Там же. С. 5.
- ¹³ Там же. С. 5–6.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 25–45.
- ¹⁶ Там же. С. 28–29.
- ¹⁷ [Дашикова Е.Р.] Мнение о плуге и сохе. СПб., 1807.
- ¹⁸ Овчинников Г.Д. «Теперь служу с сохой...» // Время и текст. Историко-литературный сборник / Научн. ред. Н.В. Серебренников. СПб., 2002. С. 44–45.

КНЯЗЬ Н.Б. ЮСУПОВ В ЗЕРКАЛЕ СВОЕЙ БИБЛИОТЕКИ: КНИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ» В 2010 ГОДУ

К.Г. Боленко

кандидат исторических наук

Государственный музей-усадьба «Архангельское»

В 2010–2011 г. Государственный музей-усадьба «Архангельское» провел две книжные выставки, которые стали заметными событиями в жизни музея, а одна из них также имела большое значение для «родственного» Архангельскому петербургского Юсуповского дворца на Мойке, где и была развернута экспозиция. Особенное значение выставки имели для Отдела редких книг, рукописей и фотофондов музея, поскольку последняя предшествующая книжная выставка была организована в 2004 г.: совместная с Литературным музеем экспозиция коллекции книг Екатерины Романовны и Павла Михайловича Дашковых, которые отложились в библиотеке Николая Борисовича Юсупова и в настоящее время находятся в фондах Государственного музея-усадьбы «Архангельское». Это была очень простая и скромная, хотя по-своему удачная и полезная выставка.

Первая выставка, открытая в Архангельском с середины апреля 2010 г. по середину января 2011 г. в трех залах и части коридора второго этажа Конторского флигеля, называлась «Марсовы труды: военная литература в библиотеке князя Юсупова». Вторая выставка – «Благие мысли и труды: князь Николай Борисович Юсупов в зеркале своей библиотеки». Учитывая примитивность экспозиции 2004 г., фактически мы начинали с чистого листа и к тому же упирались в жесткие финансовые ограничения – мы должны были организовывать выставку в тех же витринах, которые остались от выставки фарфора. Действовало и непереносимое для Архангельского социальное требование: выставка лишь во вторую очередь должна была быть рассчитана на специалистов, но главным образом – на

массового посетителя (принципиальное отличие музейной книжной выставки от библиотечной). Нашей задачей было не привлечь посетителя в экспозицию, а удержать его там. Проблема для музейных книжных выставок актуальная, поскольку неоднократно приходится сталкиваться с тем, что книжные выставки превращаются в непрерывный однообразный ряд титульных листов, книжных знаков и владельческих надписей, изредка перемежаемых иллюстрациями и переплетами. Можно сказать, что среди принципиальных основ выставки принципы научности и занимательности расценивались едва ли не как равно значимые.

Подзаголовок второй выставки на самом деле был принципом, лежащим в основе обеих экспозиций, поскольку точкой отсчета и, если угодно, мерилom всех вещей для устроителей выставок была не книга, а человек. Соответственно, основная научная задача выставок – показать владельца и, по возможности, расширить наши знания о нем, для чего необходимо представить книги и книжные коллекции как важный источник по истории его жизни, его интересов и вкусов. Это не отменяло других научных и экспозиционных задач. Более того, на уровне экспозиции и конкретных экспозиционных решений они могли выступать как вполне равноправные по отношению к первой. Владелец не должен был затмевать собой книгу и книжную культуру своего времени, которая для значительной части потенциальной аудитории могла представлять и представляла самостоятельный интерес.

В наибольшей степени научные задачи стояли именно перед первой выставкой. Всего было представлено более 60 томов военной и военно-исторической литературы и около 40 – другого рода экспонатов из фондов изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Общая площадь экспозиции составляла немногим более 50 кв.м.

В случае с Н.Б. Юсуповым и коллекцией военной литературы в его библиотеке биографический сюжет был сформирован как ряд интриг, которые мы попытались выразить чисто экспозиционными средствами. Основная интрига состояла в том, что Николай Борисович известен как крупный коллекционер и гражданский чиновник, но не все отдают себе отчет в том, что до двадцати одного года он состоял на военной службе (с младенчества был записан в Конногвардейский полк), в том числе несколько лет – на действительной. Конечно,

при Екатерине II действительная служба в гвардии могла быть и не совсем обременительной, особенно для молодых вельмож, но во всяком случае не исключено, что какие-то служебные обязанности князю все-таки приходилось исполнять и представление о воинской службе были у него отнюдь не только «теоретические». С детства из Н.Б. Юсупова действительно готовили будущего офицера, и он сам еще более десяти лет после смерти отца продолжал свою военную подготовку. Коллекция военной книги (более 150 экземпляров специальной военной литературы, не считая гораздо большего количества военно-исторической) позволяет поставить вопросы об источниках военных знаний Николая Борисовича, уровне его военной подготовки, о его личных тематических интересах в этой сфере (так, коллекция книг по фортификации намного превосходит по объему коллекцию книг по артиллерии и пополняется вплоть до 1812 г.), а также о его интересе к военному делу даже в тот период, когда возвращение на военную службу было уже совершенно исключено.

Как источник, несущий в себе следы долговременного бытования и развития, библиотека позволила «скрепить», собрать в единый экспозиционный комплекс те имеющиеся отношение к военному делу предметы, которые зачастую не имели никакой связи друг с другом в силу принадлежности к разным эпохам и предметным комплексам: к примеру, портрет Н.Б. Юсупова ребенком в военном мундире; фортификационный чертеж, выполненный им в юности; чертежи и рисунки кадет середины XVIII в.; пушки, подаренные Николаю Борисовичу в начале XIX в.; ольстры и вальтрап с вензелями Н.Б. Юсупова. Некоторые из этих предметов, равно как и большая часть военной литературы, ни разу не экспонировались за все время существования музея.

В результате биографический сюжет был помещен в более широкую рамку военной культуры с одной стороны, и родовой истории военной службы Н.Б. Юсуповых – с другой. Так, витрины о предках и потомках Николая Борисовича, с акцентами на их участии в военной истории России, открывали и закрывали экспозицию. В этом был и научный смысл, поскольку в библиотеку Н.Б. Юсупова вошли фрагменты книжных собраний его предков (а в музейный фонд редкой книги – и фрагменты библиотек его потомков), и выставка стала поводом и возможностью поставить вопрос об их судьбе.

Родовая служба Юсуповых, в свою очередь, рассматривалась как страничка истории военной службы и военных традиций дворянства в целом с XVII в. до начала XX в., с идущими в это время процессами постепенного отхода дворянства от военной службы, роста числа офицеров, занятых не боевой службой, а административной, воспитательно-учебной и ученой деятельностью. История службы Юсуповых стала этому процессу хорошей иллюстрацией. Не могли мы обойти и такой сюжет, как сохранение в быту даже «гражданских» дворянских семейств элементов военной культуры.

Для репрезентации собственно военной книги контекстной «подложкой» стала тема накопления военных знаний и бурного развития в конце XVII в. и особенно в XVIII в. военной мысли и военного книгоиздательства. Введя посетителя в биографический сюжет, дальше мы ставили цель продемонстрировать ему разнообразие военной литературы, напряженность военной мысли, глубину культурного пласта, который для большинства наших современников ассоциируется как правило с битвами солдат в разноцветных мундирах и фигурами выдающихся полководцев. Так как военная литература была сгруппирована, по мере возможности, по предметам военного обучения (начиная с военной истории и заканчивая топографией), то мы имели возможность, не педалируя, в рамках отдельных тематических витрин, то есть неоднократно, продемонстрировать и эволюцию военной книги как предмета материальной культуры: шрифта, техники иллюстрации, переплета. Тематический принцип был нарушен лишь дважды. Ближе к середине экспозиции была помещена небольшая витрина с военной энциклопедической и справочной литературой (оттененной фарфоровой тарелкой с изображением Наполеона на Аркольском мосту), а в завершение книжной части экспозиции, как возвращение от книжной темы к «человеческой», была сформирована витрина, получившая неофициальное полуироничное название «После боя», где из книжного материала были выставлены пособие по военной медицине второй половины XVIII в., труд по устройству военного лагеря, руководство по начислению пенсий в наполеоновской армии, копия гравюры, представляющая отставного ветерана, и копия иллюстрации из «Военного искусства» Ж.Ф. де Пюисегюра, изображающей правильное размещение в палатке спящих солдат.

Несмотря на то, что обе выставки изначально мыслились как книжные, и во многом они именно такими и остались, в музее с самого начала существовало также стремление избежать главной беды книжных выставок – однообразия и монотонности экспозиции. Поэтому поиск различных средств оживить и разнообразить экспозицию без потери в качестве представления основного материала, занимал нас на протяжении всего подготовительного периода. Эта проблема решалась не только путем создания комплекса тематических линий, из которых каждый посетитель мог выбрать для себя наиболее близкую, не чувствуя себя ущемленным в своих ожиданиях, не теряя нити экспозиционного повествования и чувства целостности получаемого впечатления. Стремление показать книгу как предмет материальной культуры, причем как в выдающихся, так и в самых рутинных для своего времени образцах, привела нас к необходимости не просто оттенять книгу различными предметами, но систематически воссоздавать предметный (эстетический, технологический и бытовой) контекст, в котором существовала книга XVIII – первой трети XIX в. Во-первых, выстраивать композиции из самих книг, стараясь показать максимальное полное разнообразие элементов книги, ее ракурсов и сочетаний книг между собой (провоцируя у посетителей библиофильские ощущения от книги как своеобразной приятной вещи-«игрушки»). Этому немало способствовало применение оригинальных по конструкции подставок, созданных художником обеих выставок А.Л. Иорданским. Во-вторых, было необходимо создавать композиции из книг и иных предметов, окружавших военную книгу. Особенно эффектными оказались сочетания книг с экспонатами из стекла и фарфора, а также предметами из железа и латуни. Разумеется, были использованы те предметы, которые имели непосредственное отношение к военному делу и военной культуре или могли использоваться в военном быту: шпага, элементы кавалергардского мундира середины XVIII в., походные или простые по конструкции чернильные и осветительные приборы, элементы сбруи военного образца, географические приборы и инструменты; походная дароносица, посуда с росписью на военные сюжеты или предназначенная для путешествий, простой письменный стол, пушки, географические карты, созданная в XIX столетии имитация коллекционного чекана XVI в. При этом почти каждая тематическая

книжная в своей основе экспозиция должна была содержать, пусть и в скрытом виде, небольшой биографический сюжет, связанный с воспитанием, службой или интересами Н.Б. Юсупова.

В конечном счете книжная и человеческая темы оказались вполне сбалансированными, в целом выставка оправдала ожидания музея и ее подготовка позволила сделать важный шаг вперед в осмыслении личности Н.Б. Юсупова, особенно ее раннего периода. На очереди завершение работы над каталогом специальной военной литературы.

Вторая выставка, названная «Благие мысли и труды...», была открыта в Санкт-Петербурге в начале декабря 2010 г. в Николаевском зале дворца Юсуповых на Мойке и работала до мая следующего года. Архангельское разрабатывало концепцию и художественное решение, согласуя их с коллегами из Юсуповского дворца, от которого соавтором выступала Вера Михайловна Симонова, ученый секретарь дворца.

Любопытно, что первоначально речь шла исключительно об организации во дворце выездной выставки, посвященной библиотеке Н.Б. Юсупова, но в ходе обсуждения запроса выяснилось, что ни одна из сторон (ни Архангельское, ни Юсуповский дворец), как и в случае с выставкой военной книги, не в состоянии иначе обеспечить проекту концептуальную и экспозиционную целостность, кроме как выдвинув на первый план фигуру владельца и гармонизировав книжную и биографическую составляющие. В свое время Архангельским для Художественного музея Сургута был разработан проект выездной выставки, посвященной Н.Б. Юсупову, в которой основу экспозиции (не от хорошей жизни, конечно, а исключительно из-за неподъемной дороговизны перевозки экспонатов) должны были составить именно книги юсуповской библиотеки. В переработанном виде, с приданием самостоятельного характера книжной теме, этот проект был использован при разработке выставки в Юсуповском дворце. Важным участником проекта стал музей-заповедник «Павловск», который предоставил Юсуповскому дворцу замечательные предметы декоративно-прикладного искусства, включая очень редкие. Всего выставка насчитывала более 240 книжных и около 50 остальных экспонатов.

Концептуально композиция строилась как постепенное и не заявленное посетителю движение от князя к его библиотеке, с основу

которого был положен мотив путешествия – реального и воображаемого, интеллектуального. После витрин, посвященных Н.Б. Юсупову в целом как исторической фигуре, происходил переход к семье и воспитанию в ранние годы жизни, а затем к путешествию по Европе с представлением стран, которые посещал Николай Борисович и которые сыграли в его жизни немалую роль – через книги, имеющиеся в его библиотеке. Уже в этой части экспозиции происходил отход от хронологического принципа, поскольку неоднократные посещения князем Италии и Франции было необходимо отразить в определенных тематических витринах, посвященных отдельным странам. Значительное место в «географических» витринах занимали путеводители и дорожники по тем странам, которые вошли в маршрут путешествий Н.Б. Юсупова.

Затем следовала витрина, посвященная России: как поездкам по ней, так и занятиям Николая Борисовича российской историей и его интересу к российской географии и этнографии. Не имея возможности глубоко решить эти научные проблемы, мы воспользовались шансом их по крайней мере поставить. Затем следовала витрина с литературой о странах и материках, которые Н.Б. Юсупов никогда не посещал – в чистом виде виртуальные путешествия. Это позволило произвести плавный переход к рассказу о библиотеке в целом и далее сфокусировать внимание на наиболее значимых тематических разделах (издания классиков, просветительская литература, литература по экономике, театру и, наконец, искусству). В нескольких горизонтальных витринах в центре зала, в качестве своеобразного экспозиционного каданса, были представлены отдельные книжные редкости и книжные знаки, в том числе одна из книг с владельческой записью Е.Р. Дашковой.

При выстраивании экспозиции были использованы экспозиционные приемы, примененные на выставке военной литературы, но на первый план вышел принцип композиционного разнообразия, важный ввиду большего количества витрин, слабой расчлененности экспозиционного пространства, а также того, что соотношение книжных и некнижных экспонатов было едва ли не критическим, приблизительно 5 : 1. Ни одна витрина не должна была повторять другую, каждая должна была иметь собственное пространственное и по возможности цветовое решение, создавая, по возможности,

«свое» настроение. Насколько авторам удалось справиться со всеми этими задачами, сказать сложно, но выставка пользовалась большой популярностью у посетителей и заслужила высокие отзывы специалистов.

Для специалистов Отдела редких книг, рукописей и фотофондов выставка в Юсуповском дворце на Мойке стала бесценным опытом организации крупной книжной экспозиции, в равной степени как научной и информативной, так и доступной и интересной широкому кругу посетителей.

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

М.П. Пряшникова

кандидат искусствоведения

г. Москва

Тема данной статьи относится ко временам правления императрицы Елизаветы Петровны, что некоторым образом связано с прошедшей с большим успехом в Государственной Третьяковской галерее выставкой «Елизавета Петровна и Москва». Ее размеры и широта затронутой проблематики обусловлены беспрецедентно большим количеством впервые показанных на выставке подлинных документов (за что огромное спасибо руководству и сотрудникам Российского государственного архива древних актов и Государственного Исторического музея). Прекрасно изданный каталог выставки¹ содержит статьи по основным ее разделам. Интересующая нас в данный момент тема русскоязычного театра затрагивается в статье Елены Георгиевны Гороховой «Искусства и образование». Поскольку тема выставки ограничивалась Москвой, страницы, связанные с возникновением первого «вольного» русского театра в Санкт-Петербурге, не нашли в ней документального выражения. Тем не менее, это важнейшая страница в развитии русской культуры, отразившаяся в биографии Елизаветы Петровны подписанием указа Сенату от 30 августа 1756 г., в котором директором этого театра был назначен А.П. Сумароков.

В процессе работы в Архиве внешней политики Российской империи мне удалось обнаружить неизвестный документ², имеющий отношение к истории возникновения первого русского профессионального театра в Петербурге. Документ не имеет датировки, подписи и обращения к какому-либо лицу. Анализ текста позволяет установить, что он может быть датирован ориентировочно 1755 г. (или несколько ранее).

Найденный документ, предшествовал появлению уже упомянутого указа. Его автором мог быть только человек, который с юных лет принимал участие в первых русских постановках, много делавший для ее осуществления – и в то же время близкий ко двору и имеющий возможности для «продвижения» этой идеи. Именно таким человеком был Александр Петрович Сумароков (1717–1777).

Рукопись представляет собой одинарный лист, содержащий текст на одной стороне, написан красивым писарским почерком. Как уже говорилось, он не имеет обращения, в конце документа нет подписи и даты. Его, скорее, можно рассматривать как информационную «листовку» для лиц, заинтересованных в появлении в Петербурге «вольного» театра (то есть не придворного, а предназначенного для широкой публики и не финансируемого из государственной казны), в котором спектакли давались бы на русском языке и который бы мог существовать за счет сборов за входные билеты и дополнительного финансирования со стороны «патриотически настроенных» представителей образованной публики.

Разумеется, идея была вполне утопической. Круг людей, действительно интересовавшихся театральными постановками и могущими составить стабильный круг посетителей театра, был тогда очень невелик. Вход на придворные спектакли итальянской и французской трупп был бесплатный, места на них раздавались «по чинам» среди придворных, наиболее образованных и европеизированных представителей тогдашнего русского общества. При этом известно, что даже к присутствию на этих представлениях Елизавете Петровне приходилось порой принуждать своих приближенных, посылая за ними курьеров с приказом прибыть немедленно. Как писал Я.К. Грот во вступительной статье к публикации писем А.П. Сумарокова, «должностные лица обязывались подпискою быть на всех представлениях»³. Тем более это касалось русского театра. Недаром в одном из писем А.П. Сумарокова к его начальнику И.И. Шувалову проскользнула обида на чье-то мнение, что придворные только «по воле Ея Величества» ездят в русский театр⁴.

Императрица любила музыку и театр, особенно итальянскую оперу, в то же время она осознавала необходимость воспитания своих певцов, музыкантов, композиторов, либреттистов. Она предпринимала для этого определенные шаги. Так, в марте 1752 г. было принято

решение об определении в кадетский корпус для обучения наукам семи придворных певчих, предназначенных в актеры⁵. Историк русского театра, работавший в середине XIX в., В.И. Морков даже утверждал, что Елизавета Петровна со времени своего вступления на престол мечтала устроить русскую оперу, но не было ни отечественных композиторов, ни певцов⁶. Это, конечно, преувеличение, вызванное реалиями середины XIX в., когда шла идеологическая война за продвижение на сцену опер М.И. Глинки, А.С. Даргомыжского, композиторов «Могучей кучки» – против всеобщего увлечения публики итальянской оперой.

Русский профессиональный театр при своем зарождении не имел разделения на драматический и музыкальный. Все его спектакли неизбежно включали вставные элементы музыкального характера, прежде всего – бытовавшие тогда песни, подходящие по содержанию к происходящему действию. Постепенное увеличение этих музыкальных «вкраплений» привело в 1770-х гг. к созданию первых образцов русской оперы. Собственно, понятие «русская опера» в то время подразумевало прежде всего написание русского либретто.

«Рождение русской оперы, как жанра» справедливо считается важнейшим этапом в развитии русской музыкальной культуры, о чем, в частности много писал такой известный исследователь русской музыки XVIII в., как Т.Н. Ливанова⁷. Ранняя русская опера создавалась в первую очередь русскими писателями и поэтами, а композиторам тогда отводилась менее значительная роль. Поэтому изучением ее занимались сначала историки литературы, потом уже театроведы и, наконец – историки музыкальной культуры. Нас не должно удивлять, что главным двигателем идеи создания оперы на русском языке стал Александр Петрович Сумароков.

Разумеется, он начинал не совсем на пустом месте. Сохранились сведения о какой-то русской «опере», поставленной при русском дворе в 1741 г. Об этом имеются сведения в книге «Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 года⁸ по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции» (М., 1880). Там говорится, что художник-декоратор Джеронимо Бон (муж известнейшей итальянской певицы, работавшей при русском дворе, Розины Рувинетти-Бон) писал декорации для какой-то русской оперы и даже шли репетиции. Единственным ком-

позитором в Петербурге тогда был Франческо Арайя, однако певцов, владеющих русским языком, не было. Скорее всего, это был драматический спектакль с музыкой, исполненный силами придворных певчих; название его не сохранилось.

Вплоть до 1755 г., когда на придворной сцене появилась опера «Цефал и Прокрис» на текст А.П. Сумарокова с музыкой Ф. Арайи, опера как жанр существовала отдельно от понятия «национальное русское искусство». Русскими были народная песня, церковная музыка и канты. Придворные певчие воспитывались в Придворной певческой капелле, и использовалась при необходимости в театральных постановках. Певческая капелла хранила и приумножала традиции русского хорового пения, и из этой среды вышли первые русские певцы для исполнения оперы, написанной на русское либретто. В частности, там учились композиторы М.С. Березовский и Д.С. Бортнянский, в 1750-х гг. в почти детском возрасте принимавшие участие в постановке первой оперы А.П. Сумарокова с музыкой Ф. Арайи.

Опыт Александра Петровича показал, что для создания национальной оперы недостаточно либретто на русском языке и использования русских певцов, в полной мере опирающихся на национальную певческую традицию и свободно владеющих языком. Сюжеты его опер не были взяты из русской жизни, а музыка сочинялась итальянским композитором в итальянских же традициях оперы-серии.

А.П. Сумароков происходил из старинного дворянского рода. В 1732 г. он поступил в Сухопутный кадетский корпус, где увлекся сочинением лирических песенок «на голоса» популярных мелодий, многие из которых стали настолько популярны, что были даже опубликованы анонимно в целом ряде сборников: в сборнике Г.Н. Теплова (1756)⁹, в «Собрании разных песен» М.Д. Чулкова (без нот, 1770–1774), в «Собрании наилучших российских песен» Ф. Мейера (1781) и ряде других изданий.

В 1740-х гг., вскоре после коронации Елизаветы Петровны, А.П. Сумароков поступил на службу под начальство А.Г. Разумовского, получив со временем должность адъютанта. Он дослужился до чина бригадира, возглавлял канцелярию графа в течение десяти лет, до тех пор, пока, по представлению своего патрона и И.И. Шувалова и в соответствии с указом императрицы, не принял должность директора организованного по его инициативе русского театра.

Любовь к театру уже в юности побудила Александра Петровича попробовать свои силы в драматургии. В 1740-х гг. он руководил постановками своих пьес при дворе силами учащихся Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Опубликованные Я.К. Гротом письма А.П. Сумарокова к И.И. Шувалову проясняют некоторые страницы его биографии раннего периода. Так, Я.К. Грот во вступительной статье к публикации писем отметил, что «еще до учреждения Русского театра Сумароков, как видно, заведовал не только самими русскими представлениями, но и всею хозяйственною их частью: это можно заключить из его требования, чтобы ему уплачены были все издержанные им “по точному повелению” деньги, и из жалобы, что Василий Иванович Чулков не платит ему этой суммы»¹⁰.

Его труппа не была постоянной, носила любительский характер. Он же мечтал о профессиональном театре, работающем на русском языке. Создавая репертуар для русского театра, он тем самым стимулировал создание постоянной профессиональной труппы. Одним из шагов в этом направлении и стал сохранившийся в Архиве внешней политики Российской империи документ. Возможно, проект создания российского театра предлагался Александром Петровичем в каком-то более подробном варианте. Об этом свидетельствует, в частности, Я.К. Грот, в своей вступительной статье к публикации писем А.П. Сумарокова. Он пишет, что в одном из писем «...он намекает на козни каких-то врагов Русского театра и дает почувствовать, что было бы гораздо лучше, если б исполнили поданный им проект учреждения театра. В чем состоял этот проект, мы не знаем...» (курсив мой. – М.П.)¹¹. Можно предположить, что найденный в Архиве внешней политики Российской империи документ, близок по смыслу к этому проекту, а вернее – представляет его краткое изложение.

Текст документа состоит из нескольких разделов. Преамбула содержит обоснование необходимости появления русского театра. Автор пишет: «О пользе театра многия как в древния так и в нынешния времена писали, и всем известно, чтож оной и увеселителен, что неоспоримо быть кажется, как и здешнаго столичнаго города жители, а особливо знатныя споспешествуя произойти могущей в поправления нравов пользе, убеждают меня, чтоб прибрав охотников, показать им основанию театралнаго предъставления, на природном нашем руссиском языке. Которым в угождения и обществу в услугу,

свободное отпуску моего зимнее время посвятить охотно приступлю». Иными словами, автор, предположительно А.П. Сумароков, выполняя пожелания заинтересованных в появлении русских представлений лиц, выражает готовность во время своего зимнего отпуска обучить группу будущих актеров основам театрального дела. Исходя из того, что указ Елизаветы Петровны появился в августе 1756 г., можно предположить, что речь идет о зиме 1755–1756 гг., или даже о более раннем времени.

Уже первый абзац документа обращает внимание на то, что театр, помимо «увеселительной», гедонистической должен также выполнять свою роль «в поправлении нравов». Об этом же, в частности, говорится в «Письме о производимом действии музыкою в сердце человеческом», опубликованном в «Ежемесячных сочинениях» за 1756 г.¹² Как справедливо пишет Т.Н. Ливанова, «русскому обществу XVIII века совсем не чужды были взгляды на музыку как на воспитательную, “облагораживающую” силу (“трогающую”, “возвышающую”, “поучающую”, “создающую престиж”). Вряд ли двор Анны Иоанновны развлекался серьезными операми Арайи (на итальянском языке). Однако даже этой грубой, довольно примитивной среде было не чуждо понимание того, что музыка такого рода нужна»¹³.

Следующий раздел документа содержит косвенное обращение к императрице: «ВСЕВЫСОЧАЙШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ АВГУСТЕЙШЕЙ НАШЕЙ МОНАРХИНИ МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА во всем о чадах своих попечение простирающей, естли смилостивою апробациею на малость сию приникнуть не возынушается. Положу предварительные сему предприятию основания следующие». Иными словами, это еще не прошение на высочайшее имя, а информация о возможном таком обращении.

Далее следует обоснование, разбитое по пунктам. Главным и самым сложным автор документа считает вопрос о финансировании: «1. Буде согласится знатное общество, на первой случай для заведения всего потребнаго сумму до 1 500 рублей заложить за благо найдет, имея зато преимуществом без денежно (поращислению или как угодно будет на время) в театр входа пользоваться, то казенной денгами подпоры сие заведение не требует...». Как видим, А.П. Сумароков рассчитывает на очень скромное финансирование

нового учреждения, тем самым создавая большие проблемы себе как директору – и самому существованию своего начинания. Из приведенного ранее письма известно, что он уже имел опыт организаторской работы с русской театральной труппой, и не мог не знать реальных цифр. Возможно, он считал, что указание реальных затрат закрыло бы возможности реализации его проекта.

В следующем пункте автор предлагает решить вопрос о помещении для театра: «2. Чтоб из здешних оперных один дом где быть представлению, был изходатайствован». Как известно из последующей истории театра, русская труппа выступала в нескольких помещениях: сначала в театральном здании на Васильевском острове (так называемый Головкинский дом), в Старом оперном доме у Летнего сада, в Оперном доме при деревянном Зимнем дворце.

Третий пункт плана посвящен составу труппы: «3. Актиоры будут из волных, должностми не обязанных людей, или хотя и имеющих, но такие чтоб чрез сие в оных отвращения – им последовать немогло. Жалование получают по добровольному их договору из собираемой за вход суммы». Действительно, труппа русского театра была набрана из «вольных людей» – это были актеры из ярославского театра Ф.Г. Волкова (впервые выступавшие при дворе в 1752 г.); несколько бывших придворных певчих, в марте 1752 г. по распоряжению императрицы направленных для обучения в том же корпусе; певцы из Придворного хора под управлением М.Ф. Полторацкого. Были и музыканты-инструменталисты, называвшиеся «русским оркестром». Спектакли включали хоры и балеты, а работавший в нем оркестр использовался на придворных балах.

Четвертый пункт плана был призван привлечь потенциальных дарителей возможным получением дохода, а также тем, что часть его, при благоприятном развитии театра, может передаваться Воспитательному дому: «4. Когда выбраны будут оныя предварительно в заимственная и расходная суммы, то четвертая часть, по любви христианской, может в Сиропитательной дом взносима быть».

Заключительный абзац документа резюмирует все вышесказанное и добавляет к этому, что «сверх увеселения как пред сим означенная, так и некоторым бедным, что в актиоры вступят особенная полза происходит, и природная дарованиям просвещается случай иметь будут».

Как уже говорилось, эта инициатива была поддержана Елизаветой Петровной. 30 августа 1756 г. вышел именной высочайший указ правительствующему Сенату об учреждении русского театра «на Васильевском острове, в Головкинском доме, близ кадетского корпуса, под дирекцию Сумарокова, с отпуском ежегодно из казны 5 000 рублей на содержание этого театра, труппа коего имеет состояться из обучавшихся в кадетском корпусе 8 певчих и 4 комедиантов, и других неслужащих лиц и актрис»¹⁴.

В назначении А.П. Сумарокова на эту должность сыграло роль не только то, что он был признанным стихотворцем, автором большого количества театральных сочинений и, как уже упоминалось, много лет фактически руководил русской труппой, но и, несомненно, поддержка со стороны И.И. Шувалова и А.Г. Разумовского. За Александром Петровичем сохранялось его военное звание и жалованье бригадира, плата за директорство составляла 1 000 рублей. Из тех же 5 000 рублей выплачивалось жалованье артистам и служащим театра, готовились декорации и костюмы, содержалось здание,

Для сравнения укажем, что на содержание французской придворной труппы выделялось 25 000 рублей в год. Печальная история недолгого существования театра под руководством А.П. Сумарокова во всех подробностях прослеживается в его письмах этого периода, опубликованных Я.К. Гротом. В его обязанности, кроме административного руководства и хозяйственных дел, входило также сочинение новых пьес для пополнения репертуара – однако сочинение, к чему он был более всего склонен, постоянно отодвигалось на второй план хозяйственными и административными заботами.

Письма проясняют вопрос о времени начала постановок в русском театре. По-видимому, это произошло через год после издания указа императрицы, летом 1757 г. В январе 1757 г. Александр Петрович писал И.И. Шувалову: «Обещанную мною комедию надобно мне сделать в свободных мыслях, которых я не имею, и ежели бы мне не было остановки то б я давно оную окончал, а получить хороших мыслей никак неудобно, времени осталось так мало, что никак на вольную комедию надеяться нельзя»¹⁵. Организационная работа была для А.П. Сумарокова тягостна, она отвлекала от главного – сочинения. Так, в апреле того же 1757 г. он писал: «Никто не может требовать, чтобы русский театр основался, ежели толикия трудности

не пресекутся, которые не только отъемлют у меня поетические чувства, но все мое здоровье и разум...»¹⁶.

Вторая половина 1756 г. и первая половина 1757 г. были потрачены А.П. Сумароковым на формирование труппы и репертуара, а также на подбор служащих при театре – двух копиистов, рабочих сцены, даже врача. Он решил вопрос с составом оркестра и хора, а также множество хозяйственных вопросов – освещение, оформление сцены и проч. В то же время театр числился как бы частным. Александр Петрович с обидой писал И.И. Шувалову: «...Все говорят, что де русской театр партикулярной, ежели партикулярной, так лутче ничего не представлять...»¹⁷.

Наконец, в письме от 9 января 1758 г. он отмечал: «...Шестой месяц наступил русских театральных представлений...»¹⁸. То есть, очевидно, театр начал работу с августа 1757 г. В этом же письме А.П. Сумароков сообщал о трудностях первого этапа его работы. Главное разочарование было связано с тем, что его спектакли не пользовались популярностью, и доходы были слишком малы: «...Всего прибытка нет пяти сот рублей, не считая что от начала театра на платье больше двух тысяч истрачено...». Он понял, что ошибся, когда в своей записке планировал давать спектакли на средства меценатов и доходы от продажи билетов, поэтому он просил И.И.Шувалова ходатайствовать, «чтобы русские комедии играть безденежно и умножить им (актерам. – М.П.) жалованье, а збора, чтобы содержать театр, быть не может, и все это унижение от имени вольного театра не только не приносит прибыли, но ниже пятой доли издержанных денег не возвращает...»¹⁹.

Кроме того, его не устраивало, что штат слишком мал, и ему самому приходится заниматься финансами. «...Мне збирать деньги вместо дирекции над актерами и сочинения и неприбыльно и непристойно толь и паче что я и актеры обретаемся в службе и в жалованьи Ея Величества, да и с чином моим... быть зборщиком не гораздо сходно, а я и о своих собственных приходах и расходах большова попечения, а паче любя стихотворство и театр, не имею, это место для меня всех лутче, ежели бы только до сочинения и представления касалось, а зборы противны мне и несродственны, что я сам себя стыжусь, я не антрепренер, [а] дворянин, офицер и стихотворец сверх того...»²⁰.

Как видим, сам А.П. Сумароков считал, что его театр, как и французский и итальянский, находится «в службе и в жалованьи» двора. При этом ему разрешено было, чтобы поддержать русских артистов и музыкантов, с самого начала работы театра продавать билеты. Историк русского театра В.И. Морков приводит цены, взимаемые со слушателей в Головкинском театре. «За ложи 1-го яруса платили по 6 руб. ассигнациями; 2-го яруса по 5 рублей; за кресла по 2 руб; за места: на скамейке по рублю, в амфитеатре по 40 коп., в райке по 20 коп. медью»²¹. Иностранные труппы, как уже говорилось, были от этого избавлены. Они получали по 25 000 рублей ежегодно, а проблемы с наполнением зала решались на административном уровне.

По-видимому, протесты А.П. Сумарокова возымели действие, и в середине 1757 г. спектакли русского театра были перенесены из Головкинского театра на сцену придворного театра близ Летнего сада. Тогда же был «прекращен впуск публики за деньги, начавшийся 5 мая 1757 г. и восстановлена раздача мест в спектаклях по чинам, ...причем ежегодная сумма на содержание театра увеличена на 3 000 рублей»²².

Как творческий человек, Александр Петрович не смог найти общего языка с чиновниками графа К.Е. Сиверса, в непосредственном подчинении которого он находился, и с самим гофмаршалом. Автор многочисленных комедий, высмеивающих русское чиновничество, он, несомненно, раздражал их, и ему постоянно мешали. Так, запретили иметь освещение в театре сальными свечами, а на более дорогую восковую «иллюминацию» у театра денег не хватало. Иногда снимали спектакли в связи с тем, что оркестр накануне был всю ночь занят на балу при дворе, и музыканты устали. Нанятого за 100 рублей для театра доктора Кондоиди командировали в морские походы. А.П. Сумароков был неудобен чиновничеству, и к тому же, вероятно, давал им поводы к ущемлению собственного самолюбия. Так, он писал И.И. Шувалову 7 декабря 1760 г.: «...Я при театре у Гр: Фон Сиверса быть не хочу, ибо нападения ево несносны мне стали, а делать при нем театру доброва ничево нельзя»²³. В другом письме он обижался на слишком малую оплату собственного труда: «...Я сверх бригадирского жалованья тысячу рублей получаю за установление театра, за надзирание оного и за многия мои труды

к чести нашего языка... Я России по театру больше зделал услуги, нежели французския актеры и итальянския танцовщики, и меньше их получаю»²⁴.

Как сообщает Я.К. Грот, кроме бригадирского и директорского окладов, он получал также «рационные» и «денщицкие», но его не устраивало, что столь велика разница с суммами, получаемыми иностранцами. Он просил увеличить свой директорский оклад хотя бы до 1 200 рублей. Все эти претензии он высказывал не только в частной переписке. В своем издаваемом в 1759 г. журнале «Трудолюбивая пчела» А.П. Сумароков опубликовал эпиграмму:

Танцовщик ты богат, профессор ты убог;
Конечно голова в почтеньи меньше ног²⁵.

В той же «Трудолюбивой пчеле», подводя итоги своей работы в театре, он писал: «Все я преодолел трудности, все преодолел препятствия. Наконец, видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочинения мои, ни актеры вам стыда не приносят... в такое еще время, в которое у нас науки словесные только начинаются, и наш язык едва чиститься начал»²⁶.

Тем не менее, с А.П. Сумароковым велись, по-видимому, переговоры о том, чтобы он согласился покинуть свой пост. Ему было предложено остаться при театре в качестве постоянного автора, однако он с негодованием отверг это. В письме И.И. Шувалову от 12 марта 1761 г. он писал: «...Отошед от Гр: А: Григорьевича (Разумовского. – М.П.), я определен Имянным Указом в Директоры тейтра, а не в подлое звание тейтрального стихотворца, каков был Бонеки... Определен я не Бонекием к тейтру, но директором, и от Волкова и Ильи Афанасьева зависеть не могу... хотя бы мне его живота стоило»²⁷. Я.К. Грот определяет стиль писем Александра Петровича, как «проникнутый тем же саркастическим тоном, раздражительным самолюбием и хвастовством, какими дышит все, что ни выходило из-под пера Сумарокова»²⁸. Следует учитывать только, что раздражительность и задорный тон его высказываний – естественное продолжение его таланта комедиографа и сатирика.

В июне 1761 г. А.П. Сумароков был уволен с должности директора первого русского театра, который остался в непосредственном подчинении гофмаршала графа К.Е. Сиверса²⁹.

Примечания

¹ Елизавета Петровна и Москва: каталог выставки / Государственная Третьяковская галерея. М., 2010.

² АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп. 2/6. Д. 3916. Л. 60.

³ Грот Я.К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову: материалы для истории русского образования. Приложение № 1 к первому тому «Записок Императорской Академии наук». СПб., 1862. С. 3 (сноска).

⁴ Я.К. Гротом опубликовано 21 письмо А.П. Сумарокова к И.И. Шувалову. Приведенная цитата – из письма № 1. Без даты (Там же. С. 29).

⁵ Лонгинов М.Н. Русский театр в Петербурге и Москве: Последовательные хронологические данные для истории русского театра // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 11. СПб., 1875. С. 8.

⁶ Морков В.И. Исторический очерк русской оперы с самого ее начала по 1862 год. СПб., 1862. С. 1.

⁷ Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы. Т. 1. Раздел 1. Русские поэты и музыка. М., 1953.

⁸ Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. М., 1880.

⁹ Теплов Г.Н. Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса // Музыка Г.Т. СПб, 1759. Из 17 песен сборника 7 принадлежат А.П. Сумарокову.

¹⁰ Грот Я.К. Указ. соч. С. 5.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб, 1756.

¹³ Ливанова Т.Н. Указ. соч. С. 19.

¹⁴ Цит. по: Лонгинов М.Н. Указ. соч.

¹⁵ Грот Я.К. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 31.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Там же. С. 31–32.

²¹ Морков В.И. Указ. соч. С. 4–5.

²² Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 8.

²³ Там же. С. 43.

²⁴ Там же. С. 42–43.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 4.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Там же. С. 46. Упомянутый Джузеппе (в России – Иосиф) Бонекки – либреттист итальянской труппы, прибывший в Россию с Ф. Арайей в 1725 г. и работавший здесь до 1752 г. Волков и Афанасьев – артисты труппы, с которыми у А.П. Сумарокова тоже были трения, так как актеры старались забирать вперед часть своего жалованья.

²⁸ Там же. С. 3.

²⁹ Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 8.

«ИЗ НАСЛАЖДЕНИЙ ЖИЗНИ ОДНОЙ ЛЮБВИ МУЗЫКА УСТУПАЕТ...»: Л.-В.ТЕППЕР ДЕ ФЕРГЮСОН. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЦЕЙСКОГО УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ

О.А. Байрд

*(Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии)
г. Бирмингем*

Композитор, исполнитель и учитель музыки Людвиг-Вильгельм Теппер де Фергюсон очень мало известен в Европе, хотя наиболее ранними источниками сведений о нем являются не русские, а как раз немецкие и английские публикации. В 1814 г. немецкий «*Neues Lexikon der Tonkünstler*» Эрнста-Людвига Гербера сообщал: «Теппер фон Фергюсон... с 1801 года капельмейстер русского императорского двора в Петербурге, является сыном хорошо известного бывшего польского банкира в Варшаве, и блестяще показал себя как молодой талантливый любитель во время своего восьмилетнего пребывания в Вене; уже в 1795 году его исключительное совершенство в игре на фортепиано, а также его вкус и знание искусства были хорошо известны. В 1796 году в Гамбурге, вероятно, перед его отъездом в Россию, о нем говорили, как о талантливом исполнителе; после его прибытия в Петербург он имел удачу получить пост учителя музыки великих княжон с жалованием в 2 000 рублей. Он написал там несколько оперетт для театра, которые имели такой успех, что в 1801 году император назначил его капельмейстером».

Эта же информация была повторена в лондонском «*Dictionary of Musicians: from the earliest ages to the present time*» Джона Сейн-сбюри и Александра Хорона, опубликованном в 1824 г. Единственная разница в том, что в английском словаре есть дополнительная, заключительная фраза: «За пределами России его композиции мало известны».

В дальнейшем имя Л.-В. Теппера почти совсем исчезло из западных музыкальных словарей и справочной литературы. В своих «*Annales de la Musique in Russie au XVIII siècle*» (1948–1951),

известный швейцарский музыковед Робер-Алоиз Моозер называет Л.-В. Теппера «композитором и пианистом неизвестного происхождения»¹; в 1993 г. в академической статье, опубликованной Институтом Шиллера, он был описан как «неизвестный композитор в стиле Гайдна по имени (или под псевдонимом) Теппер фон Фергюсон»²; годом позже в периодическом издании «The Beethoven Newsletter» он был назван «некий Теппер де Фергюсон»³; в 1997 г. «Music Magazine», издаваемый БиБиСи, в рецензии музыкального диска «Музыка пушкинской эпохи» пишет о нем как о «композиторе с любопытным именем Людвиг Вильгельм Теппер фон Фергюсон»⁴.

Приятно сознавать, что российские исследователи осведомлены значительно лучше своих западных коллег. Несмотря на то, что Л.-В. Теппер не является ведущим композитором эпохи, он занимает прочное, хотя и скромное место в культурной жизни России конца XVIII – начала XIX вв., и имя его отнюдь не забыто. Правда, в России он известен в первую очередь как учитель музыки: с 1816 г. по 1819 г. он учил хоровому пению воспитанников Императорского Царскосельского Лицея, где среди его учеников были А.С. Пушкин и другие воспитанники первого «блестящего» лицейского курса. В то же время он занимался с воспитанниками второго курса и учениками Лицейского пансиона. Поэтому в центре внимания российских исследователей – скорее связь Л.-В. Теппера с Лицеем и его влияние на лицеистов пушкинского поколения, чем собственно музыкальные достоинства его сочинений. В контексте российской истории наиболее значительным сочинением Л.-В. Теппера считается кантата «Шесть лет. Прощальная песнь воспитанников Императорского Царскосельского Лицея» на слова Антона Дельвига, написанная и впервые исполненная в 1817 г.

Детальный анализ музыкального наследия Л.-В. Теппера тоже принадлежит российскому исследователю: в 1960 г. выдающийся ленинградский музыковед А.М. Ступель опубликовал статью «Лицейский учитель музыки»⁵, в которой детально проанализировал все доступные ему тогда материалы: ноты сочинений Л.-В. Теппера в архивах и библиотеках Ленинграда, воспоминания лицейских воспитанников и других современников, произведения А.С. Пушкина. Основываясь на информации, предоставленной уже упомянутыми ранними музыкальными словарями, А.М. Ступель определил даты

пребывания Л.-В. Теппера в Вене как 1788–1796 гг. и сделал вывод о встречах Л.-В. Теппера с Моцартом, Гайдном и Бетховеном. Он указал, что музыкальные сочинения Л.-В. Теппера выдают влияние Й.-Г.Альбрехтсбергера (1736–1809) и предположил, что Л.-В. Теппер был его учеником. Статья А.М. Ступеля до сих пор сохраняет свое научное значение: все последующие исследования российских историков базировались на ней.

С конца 1960-х гг. интенсивные разыскания предпринимались сотрудниками музея-Лицея, филиала Всесоюзного (Всероссийского) музея А.С. Пушкина в Петербурге. Хотя было обнаружено очень мало новой информации, Л.-В. Теппер достойно представлен в музее, и с момента открытия музея-Лицея в 1974 г. его «Прощальная песнь» регулярно исполняется. Можно добавить, что благодаря энтузиазму российских музыкантов в последние годы появились по крайней мере два диска с записями русской музыки конца XVIII в., среди которой есть и сочинения Л.-В. Теппера.

При этом личность самого Л.-В. Теппера, детали его жизни и судьбы, остаются неизвестными. О трудностях, стоящих перед историками, можно судить уже по словарию Э.-Л. Гербера: опубликованный при жизни Л.-В. Теппера, он даже не дает даты рождения музыканта, что внесло огромную путаницу в последующие исследования⁶. Тот факт, что Л.-В. Теппер родился в Варшаве, стал известен как любитель в Вене, начал карьеру в Гамбурге и достиг успеха в России говорит о том, что исторические материалы разъединены и часто не узнаются исследователями.

Недавно О.А. Яценко-Байрд обнаружен до сих пор совершенно неизвестный документ. Это собственноручные мемуары Людвига-Вильгельма Теппера де Фергюсона, хранящиеся в семье потомков его племянника, живущих во Франции. Мемуары охватывают историю жизни Л.-В. Теппера от его рождения в декабре 1768 г. и до 1824 г.⁷. Дополнительные документы семейного архива устанавливают место и дату его смерти: 12 сентября 1838 г., Париж⁸.

Мемуары чрезвычайно обширны, поэтому темой данной статьи является только рассмотрение и анализ музыкального образования Л.-В. Теппера.

Его музыкальный талант проявился рано. В возрасте шести лет он начал петь и заниматься музыкой, а в десять – писал музыку

и даже давал публичные концерты, о которых упоминали гамбургские газеты. Первым серьезным учителем маленького Л.-В. Теппера стала Элеонора Церниц, урожденная Дилинг, пианистка-виртуоз. Дочь английского купца, осевшего в Дрездене, она училась музыке у Карла Филиппа Эммануила Баха (1714–1788), второго сына знаменитого Иоганна Себастьяна Баха, который жил в Гамбурге и был известным, уважаемым и популярным композитором. К сожалению, кажется, что сегодня ее имя известно только музыковедам, занимающимся К.Ф.Э. Бахом: в конце 1770-х гг. он написал шесть коллекций сонат для клавира, предназначенных «для знатоков и любителей» (Für Kenners and Liebhabers). Первую из них, написанную в 1775 г., К.Ф.Э. Бах опубликовал в 1779 г. с посвящением «мадам Церниц, урожденной Дилинг, в Варшаве, в знак особого уважения и дружбы» («Madam Zernitz, Geborne Deeling in Warschau, aus besonderer Hochachtung und Freundschaft gewidmet»). Кроме этого посвящения, сведений об Элеоноре Церниц чрезвычайно мало.

Мемуары Л.-В. Теппера уточняют, что она вышла замуж и переехала в Варшаву в начале 1770-х гг., и уже с того времени была настолько близка к семье Тепперов, что в 1772 г. стала крестной матерью Даниэля-Фредерика, младшего брата Людвиг-Вильгельма. Живя в Варшаве, она продолжала поддерживать переписку с К.Ф.Э. Бахом. Он писал для нее музыку – в домашней библиотеке К.Ф.Э. Баха были ноты сонатины, на титульном листе которой он написал: «Эта Сонатина есть только у Мадам Церниц»⁹.

По словам Л.-В. Теппера, «ее талант, действительно, превосходил все, что мы до тех пор слышали в нашем доме. ...Уроки этой мадам Церниц, которые вначале были бесплатными, шли так хорошо, что через несколько месяцев я уже играл сонаты Эммануила Баха, который был ее любимым автором. Скоро я исполнял концерты Баха с оркестром: он написал два концерта для моей сестры и меня, у меня есть копия с надписью его рукой. ...Она жила с нами около года, а затем уехала в Париж, и мы больше не слышали о ней. Моя честь обязывает меня сказать, что именно эта женщина развила мой талант и направила меня на путь, который мог сделать меня первоклассным исполнителем. Я уже шел по той дороге под ее руководством, многие видели мой невероятный прогресс, поэтому я был удивлен, поняв, что этого не случилось. Я не могу сказать, что я был плох, но я не

стал тем, кем я мог бы стать и тем, что я обещал. Главной причиной было то, что неумеренная похвала сделала меня самонадеянным и, уверив, что я уже знаю достаточно, особенно для любителя, убила жажду дальнейшего познания. Этого бы не случилось, если бы та дама оставалась с нами дольше. Она не льстила мне и заставила бы меня понять, как я еще отставал. Я был привязан к ней, как к матери, мой неукротимый и сварливый характер смягчался с ней, и хотя из-за ее гнева и капризов я часто думал, что она обращается со мной плохо, мое самолюбие было настолько польщено успехом, что я горячо любил ее, и она так же относилась ко мне. ...Когда эта женщина покинула нас, я потерял всякое желание учиться».

Эти воспоминания подтверждаются путевыми записками швейцарского математика Иоганна Бернулли II (1710–1790), который в октябре 1778 г. был в Варшаве и познакомился с банкирским домом Фергюсона Теппера и его семьей. Выразив приличествующее изумление принадлежности хозяина к Мальтийскому ордену и богатству его дома, он продолжил: «так как он пригласил нас к обеду, я имел возможность познакомиться с его семьей, состоящей из 10 детей и мадам Теппер, обладающей искусством хорошего воспитания. Среди них есть девятилетний сын, игру которого я слушал, и который может быть назван музыкальным чудом. Этот мальчик учится не дольше семи месяцев, но играет действительно сложные вещи Баха и других великих композиторов с такой уверенностью и совершенством, что можно только удивляться. Первые пять месяцев он учился без особого успеха, так как его наставник познакомил его только с полонезами да менуэтами и не распознал его особенного музыкального таланта, но потом с ним стала заниматься мадам Церниц, виртуоз, с которой я вскоре буду иметь удовольствие беседовать, и с ней молодой ученик очень скоро продвинулся в своих успехах»¹⁰.

В своем недавнем исследовании баховских сонат «Для Знаатоков и Любителей» английский дирижер и музыковед Кристофер Хогвуд указал, что причина и смысл посвящения первой их коллекции мадам Церниц неизвестны¹¹. Не узнал ли К.Ф.Э. Бах от своей ученицы, знатока и виртуоза, о ее занятиях с маленьким любителем Людвигом-Вильгельмом? Это предположение косвенно подтверждается тем, что, по словам Л.-В. Теппера, К.Ф.Э. Бах сочинил два концерта для него и его старшей сестры Шарлотты. В том же 1779 г.,

среди варшавских подписчиков на хорал К.Ф.Э. Баха «Heilig» был «банкир Теппер, агент и казначей Мальтийского ордена»¹². Музыку именно Эммануила Баха слышал И. Бернулли в доме Тепперов. В настоящее время наше представление о музыке в Лицее пушкинской поры почти исчерпывается именами Моцарта, Гайдна и Бортнянского. Представляется, что творения Карла Филиппа Эммануила Баха должны занять среди них достойное место.

Элеонора Церниц была известна не только своим исполнительским мастерством, но и литературным талантом. Ее переписка с писателем Готтлибом-Вильгельмом Рабенером (1714–1771) была опубликована в форме эпистолярного романа «Бабет и Харитас» (1777), в котором письма, подписанные буквой «Л» (Leonore), принадлежат Элеоноре Церниц. Из воспоминаний Л.-В. Теппера и И. Бернулли встает яркий образ блестящей и независимой женщины, исполненной таланта и жизненной страсти. По словам Бернулли, «в Дрездене еще живет память об остроумной и жизнерадостной Леоноре Дилинг. ...Наряду с мастерским писательским стилем, мадам Церниц обладает еще лучшим в сфере музыки. Она старается, если это только возможно, еще больше углубиться в тайны музыки, обосновать и соразмерить композицию с еще большим гением, в свое исполнение привести еще больше выразительности, легкости, блеска и силы, одним словом, с еще большим искусством использовать все возможности инструмента. ...Мадам Церниц редко выступает в Варшаве: не по капризу великого виртуоза, на который по ее таланту она имеет право, так как не раз ее посещали и сам король, и высокопоставленные магнаты, и ее исключительное мастерство принесло ей их аплодисменты и славу, но потому, что поляки мало знают музыку, и обычно предпочитают легкие танцевальные мелодии всем самым искусным гармоническим сочинениям»¹³.

Из воспоминаний Л.-В. Теппера мы узнаем, что «муж этой дамы скоро так запутал свои дела, что полное банкротство вынудило его искать протекции у Прусского министра, который скрывал его некоторое время в своем доме, а потом тайно вывез его (из Варшавы. – О.Б.)». После этой финансовой катастрофы, в 1781 г. Элеонора Церниц покинула Варшаву и одна уехала в Париж, где надеялась получить место при дворе. Благодаря ее настойчивым приглашениям, композитор Георг Бенда (1722–1795) приехал в Париж, где состоялась постановка его самой знаменитой оперы «Ариадна на Наксосе».

Еще одной доселе неизвестной и важной деталью истории музыкального развития Л.-В. Теппера является его знакомство и общение с итальянскими виртуозами Гаэтано Пуньяни (1731–1798) и его учеником Джiovанни Баттиста Виотти (1755–1824). Совершая гастрольный тур по Европе (Швейцария, немецкие государства, Россия)¹⁴, они прибыли в Варшаву летом 1780 г.

«Первый услышал мою игру и был так поражен, что обнял меня и поцеловал, и уже по дороге домой начал сочинять концерт для клавира, который и принес мне двумя неделями позже. С этого момента я завоевал дружбу этих двух виртуозов, и Виотти, который по своему дружелюбию, красивому лицу (ему было только двадцать) и таланту, который в нем был развит его учителем, был принят повсюду и мог проводить время в удовольствиях – даже Виотти приходил каждый вечер, чтобы провести со мной два часа и музицировать с одиннадцатилетним ребенком.

Дорогого Виотти я полюбил, как брата. Как случилось, что я никогда больше его не встречал? С какой радостью я бы открыл сердце этому старому другу, который сыграл такую большую роль в развитии моего дарования, сформировал мой вкус и который, невзирая на собственный огромный талант, всегда оставался скромным и дружелюбным. Во время пребывания в Варшаве Пуньяни и Виотти дали три концерта по подписке. Я возымел странную идею, что хочу играть с ними и сказал им об этом. Они поговорили с моим отцом, и он дал свое согласие. Только представьте одиннадцатилетнего ребенка, любителя, который имел дерзость появиться в публике рядом с двумя величайшими людьми в Европе. Я был нахальным мальчишкой, но успех был полный; и он окончательно вскружил мне голову. Я появился перед королем и королевским двором, я был ласкаем ими. Король поднялся со своего кресла и обнял меня. ...Такова история моих занятий клавесином до того времени, как я покинул Варшаву».

Участие одиннадцатилетнего Людвиг-Вильгельма в их придворном концерте было важным событием, вполне сопоставимым по форме с выступлениями маленького Моцарта перед королевскими дворами Европы. К сожалению, неизвестно, какой именно опус Г. Пуньяни сочинил для Л.-В. Теппера¹⁵, но его произведения могут составить еще одно дополнение к нашей идее о музыке в Пушкинском Лицее.

В 1780 г. Дж.Б. Виотти было не двадцать лет, как пишет Л.-В. Теппер, а двадцать пять. Как и Л.-В. Теппер, Джиованни Виотти был музыкальным вундеркиндом. Он начал играть на скрипке в возрасте восьми лет и показал исключительные успехи. В Париже, в 1780-х гг., Дж.Б. Виотти глубоко воспринял педагогические идеи эпохи (особенно Ж.-Ж. Руссо и мадам Жанлис). Он придавал огромное значение музыкальному образованию детей, часто предпочитал маленьких учеников взрослым студентам и использовал всякую возможность направить музыкальное развитие ребенка. При этом «он никогда не давал такие уроки из корысти, но вступал в дружбу с теми детьми, в которых он узнавал талант, и радовался возможности наставлять их»¹⁶. Кажется, Л.-В. Теппер оказался одним из первых таких детей. По словам известного английского скрипача и историка музыки Питера Шеппарда-Скарведа, «Виотти, как никто другой, выразил руссоистский идеал в своей музыке, ее исполнении и собственной личности. Его обаяние заключалось в том, что он был “дитя природы”, не потерявшее своей любви к истинной природе детства»¹⁷.

К сожалению, за этим блистательным началом не последовало такое же блистательное продолжение. С 1780 г. по 1783 г. Л.-В. Теппер был учеником Военной Академии герцога Карла-Евгения Вюртембергского в Штутгарте. Комментируя этот период своей жизни, Л.-В. Теппер оценивал его чрезвычайно высоко. Из Академии он вынес немало грандиозных музыкальных впечатлений: «В сезон ярмарки нам разрешали ходить в городской театр, а в карнавал нам были позволены маскарад и большая опера. Последняя была воистину великолепной. ...Герцог Карл был особенно известен своими замечательными праздниками. Их организация и пышность превосходили все, что только можно себе представить. Трудно найти страну достаточно богатую, чтобы поддержать такую утонченную роскошь. Его опера, без сомнения, была лучшей в мире. ...При его дворе был Джомелли¹⁸, чьими композициями он так дорожил, что хранил его манускрипты в особом шкафу, вместе с наиболее драгоценными вещами. ...Я видел ...оперы “Callirhoe”¹⁹ и “L’Olimpiade”²⁰, и несколько композиций для церкви. Я еще был слишком мал, чтобы судить, но эти сочинения очаровали меня, особенно потому, что исполнение не оставляло желать лучшего, так как оркестр был превосходным.

Он состоял из солдатских детей, которых князь учил сам. Скрипки студентов были того же самого мастера, поэтому они все имели тот же самый звук и одинаковый угол смычка. Можно понять, в чем был секрет успеха: мы были под большим впечатлением от скрипачей, руки которых поднимались и опускались в одно и то же время и на одну и ту же высоту. То же самое надо сказать о виолончелях и контрабасах.

Театральные эффекты были несравненны. В опере “Callirhoe” я видел целый кавалерийский эскадрон и больше трехсот человек на сцене, без переноса спектакля на открытый воздух. Сцена была открыта сзади, и триумф в Риме предварялся великолепным зрелищем прохода армии и толпы, который продолжался почти полчаса, прежде чем они заняли свои места в передней части сцены».

При этом, говоря о занятиях музыкой, Л.-В. Теппер замечает: «Единственное, чему нельзя было научиться в академии – это музыке. Я вполне мог забыть то, что я знал, если бы у меня не было своего собственного фортепиано».

За штутгартской Академией последовали шесть лет (1783–1789), проведенные в Страсбургском университете. Во второй половине XVIII в. Страсбург славился своей интенсивной и богатой культурной жизнью. В 1778 г. здесь выступал Моцарт и даже хотел одно время занять пост хормейстера Страсбургского собора. Этот пост, однако, занял Игнац Плейель (1757–1831), который был в расцвете таланта и на вершине своей славы именно в то время, когда в Страсбурге жил Л.-В. Теппер, и юноша не раз слушал концерты под его управлением.

В придачу к длинному списку университетских дисциплин, Л.-В. Теппер брал уроки игры на клавишине у Сикста Хеппа (1732–1806), органиста церкви Темпль-Нёф. С. Хепп был учеником Никколо Джомелли, чьи сочинения так очаровали маленького Л.-В. Теппера в Штутгарте. Он имел репутацию выдающегося органиста и его уроки пользовались спросом. Как видно из мемуаров, он не произвел большого впечатления на Л.-В. Теппера: «Господин Хепп, мой учитель клавишина, был толстым человеком, в большом парике, всегда при своей шпаге, всегда застегнутый на все пуговицы, с твердой походкой; в остальном он был очень посредственным учителем. Удивительно, что после мадам Церниц у меня никогда не было учителя, способного учить меня хорошо. В Штутгарте мой учитель читал

книгу во время урока, и здесь опять был неспособный учитель, хотя он считался первым в городе. Он давал мне играть музыку Плейеля, которая мне нравилась, но которая не помогала развить талант. Время от времени я играл Моцарта и Гайдна, которые были хорошими композиторами, но их сочинения не для тех, кто только учится играть на клавишине. Но он не давал мне сочинений Клемента, и Бах был в числе тех композиторов, о которых он не думал. И еще мне кажется, было трудно преодолеть мою нелюбовь к сложной музыке; я хотел наслаждаться игрой и не тратил много времени и внимания на разбор пьесы. Но развитие моего мастерства зависело от него, как и от мадам Церниц, и он мог бы преуспеть, потому что мне нравилась сила фуги, и, если бы он предложил мне Себастьяна Баха, я бы, без сомнения, вложил в игру все мое старание, достиг успеха, и мне не пришлось бы учиться следующие тридцать пять лет, на что потребовались огромные усилия и тяжкий труд».

В музыкальной литературе можно найти упоминание австрийского композитора Иозефа Вёльфля (1773–1812), ученика Леопольда Моцарта и Михаэля Гайдна, который стал капельмейстером графа Михаила-Казимира Огинского, с 1791 г. по 1795 г. жил в Варшаве, где имел большой успех, давая концерты, и учил детей польских аристократов, в том числе сына банкира Теппера²¹. Представляется, что к этой информации следует отнестись с осторожностью. Хотя у банкира Теппера было пятеро сыновей, музыкально одаренным был только Людвиг-Вильгельм, поэтому, видимо, речь идет о нем. В указанный период Людвиг-Вильгельм был в Варшаве только с ноября по декабрь 1791 г., и потом с марта 1792 г. по 13 июня 1793 г. На этот отрезок времени приходится смерть матери (сентябрь 1792 г.), политические волнения, вступление в Варшаву русской армии, и банкротство семьи (март 1793 г.). Все эти обстоятельства вряд ли располагали к занятиям. Ни одним словом не упоминает Людвиг-Вильгельм Иозефа Вёльфля, и очень сомнительно, мог ли он считать своим учителем юношу, который был на пять лет младше его.

До сих пор мы предполагали, что восемь лет, проведенных в Вене, были главным периодом в музыкальном образовании Л.-В. Теппера. Мемуары позволяют увидеть, что эта информация далеко не соответствует действительности, и наше представление должно быть полностью пересмотрено.

Л.-В. Теппер побывал в Вене три раза. В первый раз он провел там около трех недель летом 1789 г., по пути из Страсбурга домой, в Варшаву, и это первое посещение Вены было ознаменовано его поездкой в имение Эстергази, для того, чтобы познакомиться с Йозефом Гайдном: «Я совершил путешествие в Эстергази в Венгрии, чтобы увидеть Иосифа Гайдна, который был приглашен туда князем того же имени, дедом нынешнего²². ...В тот же самый вечер я отправился к Гайдну и сразу узнал его по многочисленным портретам, которые я видел раньше. Я обратился к нему, сказав, что я энтузиаст-любитель и поклонник его сочинений, и специально приехал, чтобы лично узнать его. Он пришел поужинать со мной; на следующее утро карета герцога сопровождала нас на нашей прогулке: Гайдн показал мне детали своего сада, потом он пообедал со мной, и я вернулся в Вену. Он коротко рассказал мне свою историю, которая содержала любопытные детали. Когда я сказал ему, что я думаю о его сочинениях, и о том, какой энтузиазм они вызывают повсюду, он ответил: “Ах, молодой человек! В Вене есть некто, кто победит всех нас, потому что он универсальный гений, а я – только ребенок по сравнению с ним”. Он говорил о Моцарте. Он был еще жив в ту эпоху, но я не имел удовольствия видеть его, потому что он был в отъезде. Говорили, что он очень уважал Гайдна и считал его своим учителем в композиции».

Во второй раз Л.-В. Теппер остановился в Вене в июле 1793 г., по дороге из Варшавы в Страсбург, к даме своего сердца: «Я не думал оставаться в Вене больше чем на восемь или десять дней, но когда я уже собирался уезжать, я увидел театральный плакат, извещавший о представлении оперы “Волшебная флейта”. Сильнейшее желание услышать эту оперу Моцарта, о которой говорили по всей Европе, задержало меня еще на неделю. К моему великому удовлетворению, ее давали три дня подряд. Состояние моего духа удвоило для меня красоту этого произведения».

Как мы видим, эти два визита не были связаны с какими-либо уроками или изучением музыки. Наконец, Л.-В. Теппер приехал в Вену из Страсбурга 13 ноября 1793 г. и оставался там до августа 1796 г. Таким образом, мемуары показывают, что он провел в Вене отнюдь не восемь лет, а меньше трех; знал Гайдна только как любитель и поклонник, но не как ученик; и никогда не встречал Моцарта, хотя, действительно, подружился с Бетховеном.

Более того, между первым и следующими визитами в жизни Л.-В. Теппера и его варшавской семьи произошли драматические события, навсегда изменившие его жизнь. В результате тяжелейшей политической ситуации – Тарговицкой конференции, по инициативе которой в страну вошли русская и прусская армии, проигранного восстания Тадеуша Костюшко и, наконец, последнего раздела Польши – банк Теппера обанкротился в 1793 г., и семья потеряла свои капиталы. Финансовый кризис был настолько сильным, что польские современники называли его «банковским поветрием». В этих условиях отъезд Л.-В. Теппера из Польши был, в сущности, бегством, для которого он сумел только собрать немного наличных денег и несколько драгоценных безделушек, которые можно было продать. Его целью был Страсбург, а отнюдь не Вена, и он оказался в Вене почти случайно, по стечению несчастливых обстоятельств, без какого-либо обдуманного плана, даже не думая о занятиях музыкой.

Со слов П.А. Плетнева давно известно, что Л.-В. Теппер «путешествовал как какой-нибудь лорд по Европе». Эти слова справедливы до 1793 г. В ноябре 1793 г. Л.-В. Теппер появился в Вене в роли обнищавшего наследника обанкротившегося банкирского дома, впрочем, еще довольно легкомысленного по молодости лет. Маленький запас наличности был истрачен на венские развлечения: «Моя молодость, некоторые персональные качества и особенно мой музыкальный талант сделали меня везде желанным гостем. ...Мой вкус к удовольствиям, соединенный с беззаботностью характера, в тех обстоятельствах перевесили все другие соображения. Судьба захотела, чтобы мои воспоминания об этом времени сопровождались сожалениями, но не лежали тяжестью на моей совести. ...В эту первую зиму все мое время было отдано развлечениям, и я могу сказать, что я устал. Я любил танцевать и бывал на всех балах; там был любительский театр, в котором я играл роли; весной играли на контрабасах и других инструментах на Пратере – и меня пригласили участвовать. ...Скоро я был как все, и разговаривал, старательно избегая упоминаний о моем положении. Человека, который занят только своим несчастьем, обычно держат на расстоянии».

Л.-В. Теппер жил одним днем, полагаясь на великодушие и щедрость венских патронов, в первую очередь Михаила-Казимира Огинского, в доме которого он остановился, и князя Йозефа Поня-

товского. Когда деньги кончились, положение изменилось: «Даже теперь я думаю с невыразимым интересом о том дне, когда я провел час обеда на улице, глядя с завистью на дым, поднимающийся из труб, и не имея ничего, чтобы заглушить голод; найдя в кармане крейцер (примерно два су), я купил хлеба и, вернувшись домой, съел его, запивая водой». Критическая ситуация еще усилилась трагическим известием о гибели отца в Варшаве в апреле 1794 г. Только тогда начал Л.-В. Теппер рассматривать возможность зарабатывать на хлеб своим трудом, но поразительно, что он не думал о музыке, а хотел стать, скорее, секретарем или даже военным. Возможность композиторской карьеры он начал обдумывать в самый последний момент, на вершине своего отчаяния. Л.-В. Теппер сознавал при этом, что у него есть талант, но нет теоретических знаний, и более того – нет денег платить учителям: «Музыка стала для меня единственным средством добывания средств для моего существования, и я решился отдаться ей полностью. Одна дама имела доброту одолжить мне старое фортепиано, которое оказалось очень плохим, но в тот момент этого было достаточно. Я изучал правила гармонии, но не имел понятия о контрапункте. Вена кишела хорошими мастерами в этом предмете, но им нужно было платить. Но и здесь случай пришел мне на помощь. Молодой композитор по имени Картеллиери, который был при графе Огинском, изучал контрапункт у Альбрехтсбергера. Я рассказал ему о моих трудностях. Он избавил меня от них, приходя ко мне после занятия у своего мастера, чтобы повторить со мной только что полученный урок. Кроме того, я знал, что лучшая школа композиции – это изучение партитур хороших мастеров. Я легко добыл их, и проводил все утро за столом, просматривая Генделя, Моцарта, Баха, Гайдна. Это занятие было моим наслаждением». Таким образом, мы узнаем, что влияние Й.Г. Альбрехтсбергера на Л.-В. Теппера было очень опосредованным и пришло через Антонио Казимира Картеллиери (1772–1807). Сын итальянца-отца и немки-матери, оперных певцов, он занял заметное место в музыкальной жизни Вены тех лет, и, несмотря на свою молодость, оказался успешнее Л.-В. Теппера. В марте 1795 г. в Императорском придворном театре была дана его оратория «Иоас, царь иудейский» («*Gioas, re di Giuda*»), в интермеццо которой Бетховен исполнил свой новый концерт B flat op. 19, что стало его первым публичным выступлением.

Этими фактами исчерпывается формальное музыкальное образование Людвига-Вильгельма Теппера де Фергюсона. Его мемуары рисуют не столько профессионального исполнителя и композитора, сколько любителя с необычайно тонким слухом, хорошо развитым вкусом, живой отзывчивостью, силой эмоциональных впечатлений и непоколебимой любовью к музыке: «Когда я услышал в первый раз увертюру “Ифигении в Авлиде”²³, она очаровала меня настолько, что я заплакал, и долгое время эта музыка оставалась в моей голове... Не будучи католиками, люди имеют религиозное чувство, и оно усиливается, находясь в гармонии с прекрасной возвышенной мессой, хорошо исполненной, особенно когда она сопровождается этой торжественностью, которая так хорошо действует на воображение. ...Все замирает, ничто не отвлекает воображения: появляется курфюрст и начинается громкое пение; вас поглощает религиозное чувство, кажется, что оно беспрепятственно заполняет вашу душу; и тут вы вдруг слышите эту величественную музыку, несущуюся к небу, ангельские голоса, безукоризненный оркестр. Нет! Невозможно вообразить впечатление, которое вы получаете там... В одном концерте духовной музыки я слышал знаменитую Тоди²⁴; и был потрясен красотой и гибкостью ее голоса. Я не знаю, продержалась ли она так долго, как ее соперница, Мара²⁵, которая и спустя двадцать лет очаровала меня больше, чем кто-либо еще, кого я слышал к тому времени... В церкви Нотр-Дам я слышал совершенно необыкновенную музыку, и чуть не умер от восторга... “Волшебная флейта” повергла меня в такой восторг, что я хотел умереть при выходе из театра, чтобы не потерять ни одного из впечатлений, которые я чувствовал. Я сказал себе, как неаполитанцы, когда они говорят о своей столице: “Vedi il flauto magico e poi mori” (Увидеть “Волшебную флейту” и умереть)... Мотеты и несколько молитв, такие как le pater, le credo, le gloria, le sanctus и другие, поются с музыкой, так же, как и в католической службе. Невозможно представить себе что-то более прекрасное. Для придворной церкви император Александр держал хор из восьмидесяти певцов. Он представляет собой вершину совершенства: я сомневаюсь, что где-нибудь еще, даже в Риме, можно услышать что-нибудь подобное...».

Следует признать, что Л.-В. Теппер судил себя здраво и справедливо, говоря, что «во всех своих начинаниях я остался на полпути,

ни в чем не достиг совершенства и ...не стал тем, кем обещал, и тем, кем мог бы стать», но двухвековая историческая перспектива позволяет нам быть великодушнее. Почти самоучка, он был вдохновлен примерами Элеоноры Церниц и Джаованни Виотти, Йозефа Гайдна и Антонио Картеллиери, и годы огромных усилий и тяжелого труда отнюдь не пропали даром. Он оказался одним из первых европейских композиторов, положивших на музыку «Оду к радости» Ф. Шиллера (товарища по Штутгартской Академии). По словам А.М. Ступеля, «Теппер несомненно профессионально опытный и одаренный композитор, стоящий выше многих своих более известных современников. Его жизнерадостное, лишенное больших глубин, но всегда ровное и ясное творчество и теперь еще может привлечь слушателей своей искренностью и мелодической свежестью»²⁶. Его любовь к музыке и энтузиазм помогли ему завоевать сердца его русских учеников: «Скажу, что имел удовольствие подружиться почти со всеми моими учениками. Мои уроки были всегда очень суровы, но никто из них не жаловался. Я заслужил привязанность почти всех из них, а в некоторых случаях – настоящую дружбу»/ Его полюбили и запомнили и императрица Елизавета Алексеевна, и великие княжны, и воспитанники Лицея. Вильгельм Кюхельбекер выразил общие чувства, назвав его «превосходным виртуозом и столь же превосходным человеком».

Примечания

¹ Mooser R.-A. *Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIe siècle*. I–III. Geneva, 1948–1951. P. 783.

² URL: <http://www.schillerinstitut.org>

³ The Beethoven newsletter. 1994. Vol. 9. Issues 2–3.

⁴ BBC Music Magazine. 1997. Vol. 4–6.

⁵ Ступель А.М. Лицейский учитель музыки // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 3. М.; Л., 1960. С. 362–377.

⁶ «Русский энциклопедический словарь» И.Н. Березина (1877) называет 1750 г. «Neues Universal Lexikon der Tonkunst» Э. Бернсдорфа дает дату «около 1775 года». А.М. Ступель видел, что обе даты неверны. О.Я. Яценко (Байрд) предложила «конец 1760-х гг.» (Яценко О.А. Учитель пения: Штрихи к биографии Л.-В. Теппера де Фергюсона // Дома у Пушкина. СПб., 1994).

⁷ В настоящее время О.А. Яценко-Байрд готовит к изданию осуществленный ею перевод мемуаров. Далее цитаты из них приводятся по тексту рукописи в переводе О.А. Яценко-Байрд.

⁸ М.П. и С.Д. Руденские в книге «Наставникам... за благо воздадим» (Л., 1986), указали, что Л.-В. Теппер умер в 1824 г. и был похоронен в Царском Селе. Хотя они

не привели источника этих сведений, они были приняты как данность, что, естественно, остановило дальнейшие поиски. В 1994 г., сомневаясь в этой информации, О.А. Яценко (Байрд) обнаружила в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» от 25 апреля (2 мая) 1824 г. объявления об отъезде Л.-В. Теппера из России и указала, что он отнюдь не умер в 1824 г., и следы его следует искать за пределами России (Яценко О.А. Указ. соч.). Очень жаль, что ни Руденские, ни последующие исследователи, включая автора данной статьи, не заметили фразы «Теппер умер в Париже» в письме Я.К. Грота к П.А. Плетневу от 4 марта 1846 г. (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1895. С. 695).

⁹ Сонатина в Д-Мажор. W. 10. // *Wade R. W. The Keyboard Concertos of Carl Philip Emanuel Bach*. 1979. P. 29.

¹⁰ *Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preußen, Curland, Rußland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778*. Vol. 6, Leipzig, 1780. P.96–97.

¹¹ *Hogwood C. «Kenner und Liebhaber» Collections*. In: CPE Bach. *The Complete Works*. Introduction to the section «The Keyboard Music» // URL: <http://www.cpebach.org>

¹² *Suhalla E. Briefe von Carl Philip Emanuel Bach an Johann Gottlob Immanuel Breitkopf und Johann Nikolaus Forkel*. Tutzing, 1985.

¹³ *Bernoulli J. Op. cit.* P. 99–101.

¹⁴ После варшавских концертов Г. Пуньяни и Дж.Б. Виотти продолжили свой гастрольный тур и отправились в Петербург, где имели большой успех. В Королевской Академии музыки в Лондоне находится скрипка Страдивари, изготовленная в 1709 г., которую, предположительно, Екатерина II подарила Дж.Б. Виотти.

¹⁵ В собрании Британской Библиотеки имеется издание: *Three Quintettos for the Harpsichord or Piano Forte, Flute, Violin, Tenor and Violonchello, one by Pugnani and two by Schroeder*. London, 1780.

¹⁶ *Choron A.E., Fayolle F.J. Dictionnaire historique des musiciens: Artistes et Amateurs, morts ou vivants*. Vol. 2. 1811. Reprint 1971. P. 237. Я благодарю замечательного скрипача и педагога Питера Шеппарда Скаерведа за его доброжелательность, информативный и эмоциональный рассказ о Дж.Б. Виотти, и указание на источники информации.

¹⁷ URL: <http://www.peter-sheppard-skaerved.com>

¹⁸ Николо Джомелли (Niccolo Jommelli, 1714–1774), итальянский композитор, автор сакральной музыки и ряда опер. С 1753 г. по 1769 г. был придворным капельмейстером князя Карла-Евгения. Этот период считается вершиной его творчества. За это время Н. Джомелли поставил не менее тридцати опер в театре Штутгарта и придворном театре Карла-Евгения во дворце Людвигабурге.

¹⁹ Опера «Каллироэ» («Callirhoe») написана итальянским композитором Антонио Саккини (Antonio Maria Gasparo Sacchini, 1730–1786) на либретто Маттео Верази. Впервые была представлена при дворе Карла-Евгения в Людвигабурге в феврале 1770 г.

²⁰ «L'Olimpiade», опера Н. Джомелли на либретто П. Метастазии (1698–1782), впервые поставлена в Штутгарте в 1761 г., по случаю дня рождения герцога. В 1783 г. Карл-Евгений предполагал напечатать полное собрание опер Н. Джомелли. План не был осуществлен, и «L'Olimpiade» стала первой и единственной оперой Н. Джомелли, изданной в рамках этого проекта в 1783 г.

²¹ См.: *DeNora T. The Beethoven-Wolfl piano duel // Jones D.W. Music in Eighteenth Century Austria. 1996.*

²² С 1761 г. Йозеф Гайдн был капельмейстером при дворе венгерского князя Пауля Антона Эстергази (**Paul-Anton Esterházy, 1711–1762**) и его преемника **Николая Эстергази (1714–1790)**, известных знатоков музыки и покровителей искусств. Большую часть времени Й. Гайдн жил во дворце Эстергази в Айзенштадте (Австрия).

²³ Опера Кристофа Виллибальда фон Глюка (1714–1787). Премьера состоялась в парижской Опере 19 апреля 1774 г.

²⁴ Луиза Роза Тоди, урожденная де Агилар (Luísa Rosa de Aguilar Todi, 1753–1833), выдающаяся португальская певица, выступавшая в Англии, Италии, России, Франции. После триумфального выступления в первой серии «Духовных Концертов» в Париже в 1778 г. была названа лучшей иностранной певицей, когда-либо выступавшей во Франции. Л.-В. Теппер слышал ее в третьей серии этих концертов, когда возникло соревнование между Л.Р. Тоди и немецкой певицей Г. Мара.

²⁵ Гертруда Элизабет Мара (Gertrud Elisabeth Mara, 1749–1833), немецкая оперная певица, сопрано. В 1770-х гг. была признана величайшей немецкой певицей. Выступала в Берлине, Мюнхене, Лондоне, Париже, Вене. В начале XIX в. переехала в Россию. Умерла в Ревеле.

²⁶ *Ступель А.М.* Указ. соч. С. 366.

ВОЛЬТЕР В ВОСПРИЯТИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

А.Н. Полосина

кандидат филологических наук

Мемориальный и природный заповедник

«Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”»

Vitam independere vero

Девиз Вольтера

Произведения Вольтера всегда производили сильное впечатление на читателей. Их заучивали наизусть, начиная с трагедии «Эдип» (1718). Так, в вариантах «Войны и мира» Пьер Безухов читает наизусть отрывки из трагедий «Магомет» и «Альзира, или Американцы»¹ в присутствии французского офицера у себя дома в Москве, оставленной русскими войсками. Попутно отметим, что Ф. Ницше, например, советовал иногда перечитывать «Магомета», «чтобы ясно осознать, что европейская культура потеряла»² после Вольтера. Известно, что круг чтения героев произведений часто совпадает с авторским. Кстати, из «Войны и мира» видно, что семья Болконских, старый князь, младший Болконский и его сестра княжна Марья – все были питомцы скептического века Просвещения и вольтерьянства.

Не исключено, что Л.Н. Толстой, как и его персонажи, мог знать некоторые произведения Вольтера наизусть. Хорошо укомплектованная сочинениями Вольтера библиотека деда Льва Николаевича, князя Н.С. Волконского, располагала к чтению.

«Царствующей философией»³ той эпохи, которая описана в «Войне и мире», была философия Просвещения, а Вольтер, по словам А.С. Пушкина, был «предводителем умов и современного мнения». Мотив чтения наизусть – не просто признак просвещенности Пьера. Он созвучен одному из главных мотивов «Войны и мира» – мотиву прощения врагам, основной идеи трагедии «Альзира», и с авторской концепцией отношения к врагам: христианин должен жалеть и прощать врагов.

Все написанное Вольтером: сатирическая лирика, памфлеты, драматургия, философская и научная проза, – увлекательно, остроумно, отличается изяществом стиля. В вариантах к статье «О Шекспире и драме» Л.Н. Толстой признавался, что «смолоду был очень впечатлителен к поэзии», что «всегда живо чувствовал красоты поэзии во всех ее формах», «ценил... Корнеля, Расина, даже Вольтера», что «поднятый тон этих драм оставлял» его холодным, но он «не мог не любоваться изяществом языка»⁴. Как известно, язык вольтеровских произведений динамичен, философски насыщен, блещет умом, иронией и экзотической условностью.

Интерес к Вольтеру молодого Л.Н. Толстого обуславливался дворянской читательской традицией, а впоследствии – этической созвучностью собственным настроениям и взглядам. В этом свете наиболее близкими себе мыслителями Лев Николаевич считал Руссо, Вольтера, Канта, Лихтенберга, и говорил, что это «лучшие души и умы человечества по разрешению вопросов жизни»⁵.

Л.Н. Толстой собирался издавать переводы Вольтера в «Посреднике». В 1889 г. в связи с работой над списком ста лучших книг он прочел одну из лучших повестей Вольтера «Задиг, или Судьба» (1747), которая доставила ему большое удовольствие. В «Задиге» много смешных коллизий, комических ситуаций, головокружительных обстоятельств. По мнению А.С. Пушкина, философия Вольтера говорила общепринятым и шутивым языком. За завесой шуток, каламбуров, изысканных и веселых, проглядывала серьезность философских идей. Обращение Льва Николаевича к повести «Задиг, или Судьба» мотивировано интересом к проблеме судьбы, Предопределения, теодицеи. Согласно христианской традиции поведение человека предопределено, детерминировано волей Бога (Провидения). Иллюстрацией этого тезиса являются рассказ Л.Н. Толстого на тему теодицеи «Молитва» (1905). Имя Вольтера интегрировано в структуру текста этого рассказа, но он не герой повести, и не только сюжет разговора между матерью и ангелом. Он стал носителем идеи Предопределения⁶. В этом свете Лев Николаевич – наследник XVIII в., он следует излюбленному просветителями приему, когда герой предстает носителем какой-нибудь доктрины, концепции, учения, тезиса, идеи.

Л.Н. Толстой высоко ценил идейное наследие французских мыслителей эпохи Просвещения за то, что они, как сказал И. Кант,

«могли... надежно и хорошо пользоваться собственным рассудком в делах религии»⁷. Часто Лев Николаевич упоминал имя Вольтера в одном ряду с величайшими мыслителями Франции, таких глубоких, «как Паскаль, Гюго»⁸. 30 июля 1901 г. писатель сказал гостившему в Ясной Поляне Полю Буайе: «Ваши великие мастера восемнадцатого века – Вольтер, Дидро, Руссо – написали столько сильных страниц, прекрасных, *полезных для всякого, моральных!*»⁹. Вера в «сокровенную связь морали, знания и счастья»¹⁰ была основным мотивом творчества Вольтера. В этом же контексте – его суждение о Вольтере, записанное домашним доктором Л.Н. Толстого Д.П. Маковицким в 1905 г.: «Французы не имели в прошлом столетии ни одного философа. Вольтер, Руссо последние»¹¹.

Как известно, Вольтер признавал Бога в качестве мирового разума, создавшего мир и давшего ему законы и движение. Он верил в идею «верховного разума», то есть был сторонником деизма, особой «философской» религии. В «Философском словаре», в статье о Боге, о философии, о душе, приводятся доказательства бытия Бога. В «Метафизическом трактате» он писал о человеческой свободе, сомневался в бессмертии души. По Вольтеру, вера дает нравственное содержание, поэтому человек должен склоняться более к вере, чем к неверию. Он склонен найти нравственный закон внутри человека. Именно это более всего привлекало Л.Н. Толстого в Вольтере. Весьма чувствительный к этическим вопросам, Лев Николаевич в статье «Религия и нравственность» писал, что «самые передовые люди, если и не отвергали католичество, протестантство и православие, как это делали энциклопедисты конца прошлого столетия, то никто из них не отвергал того, что религия вообще была и есть необходимое условие жизни каждого человека. Не говоря о деистах, как Бернарден-де-Сен-Пьер, Дидро и Руссо, Вольтер»¹².

Именно от Просвещения Л.Н. Толстой унаследовал безмерную веру в разум, будучи предрасположен к этому от рождения. Девизу Вольтера: «Имей смелость мыслить самостоятельно» он следовал всю жизнь. Сам он обладал этим даром в полной мере и уже с юных лет мыслил самостоятельно. «С дерзостью, составляющей отличный характер» этого возраста, Лев Николаевич «приступал к предмету без малейшего страха»¹³. Независимость мысли он высоко ценил в других. Например, ему понравилась книга В.С. Соловьева «Кризис западной философии: Против позитивистов» (М., 1874):

«Еще один человек прибыл к тому малому полку русских людей, которые позволяют себе думать своим умом»¹⁴.

Поздний Л.Н. Толстой еще больше утвердился во мнении, что «мысль только тогда движет жизнью, когда она добыта своим умом. ... Мысль же чужая, воспринятая только умом и памятью, не влияет на жизнь и уживается с противными ей поступками»¹⁵.

Едва ли не главной особенностью Просвещения является критика религии с точки зрения разума и здравого смысла. Со времен «Философских писем» имя Вольтера стало синонимом безбожия, вольнодумия, неверия, его воззрения на религию сближали с атеизмом французских материалистов. Борьбу Вольтера с суевериями, с нетерпимостью католичества многие принимали и принимают за атеизм. Некоторые положения философии деизма действительно близки материализму: признавалось объективное существование материи, вечное движение, детерминизм природных и общественных явлений, сознание считалось атрибутом материи. Отсюда идет вера в его безоговорочный атеизм.

Из-за неприкрытого неприятия религии за Вольтером еще при его жизни в Европе и в России закрепилась репутация безбожника и атеиста¹⁶. То, что борется он не против веры, а против суеверий и предрассудков, не против религии, а против церкви – последующие поколения уже не различали¹⁷.

По мнению Ромена Роллана, «обреченный на гибель, старый мир знал, против кого таит злобу. Он возложил на Руссо и Вольтера ответственность за перевороты, происходившие в XIX в. “Это дело рук Вольтера! Это дело рук Руссо!” – насмешливо распевал Гаврош в “Отверженных” Виктора Гюго»¹⁸. В 1830-х гг. в Париже Г. Гейне писал, что «Вольтер и Руссо – те два писателя, которые более всех других подготавливали революцию, определили ее дальнейшие шаги и ныне еще руководят французским народом и властвуют над ним»¹⁹. И в Европе и в России господствовало и господствует мнение, что Вольтер – величайший безбожник и атеист. Так, А.В. Луначарский полагал, что «Руссо, по существу говоря, был уже террористом», а «Вольтер и Дидро были не только провозвестниками грядущей революции, но прямыми своеобразными выразителями буржуазии»²⁰. На самом деле, Вольтер был «одним из последних людей, которые могли сочетать высшую свободу духа с безусловно неревolutionным устроением»²¹.

Поздний Л.Н. Толстой также однажды оговорился и назвал Вольтера «полным атеистом». 5 декабря 1908 г. по поводу понравившегося ему письма от одного «христианина Пензенской губернии» он сказал: «Полный атеизм, вроде Вольтера»²². То же в письме к одному старообрядцу: «Не можем мы... притворяться, что не знаем всего того, что высказано было о смысле и назначении человеческой жизни, то есть религии, Сократом, Марком Аврелием, Буддой, Лаотзе, Магометом, Лютером, Спинозой, Кантом, Руссо... Я упоминаю только о религиозных писателях, умалчивая об отрицателях религии, вроде Вольтера»²³.

Характерно, что Лев Николаевич вслед за Руссо и Вольтером не избегал подобной рецепции ни при жизни, ни в наше время. Еще в 1893 г. священник Ф.П. Преображенский в очерке «Граф Л.Н. Толстой как мыслитель-моралист» писал, что он «то религиознейший человек, глубоко проникшим в дух истинного христианства, то... самый крайний пантеист, даже атеист, прикрывающий свой атеизм метафизическим туманом»²⁴. Сам Лев Николаевич в связи с такой тенденцией трактовки его взглядов в дневнике 3 августа 1898 г. признался, что «есть обычные, иногда умышленные, иногда неумышленные, недоразумения» о его взглядах, которые, кстати, его огорчали: «Я говорю, что Бог, сотворивший мир в шесть дней, пославший сына, сам этот сын, – не Бог, а что Бог есть... непостижимое благо, начало всего; против меня говорят, что я отрицаю Бога»²⁵. В наши дни диалог о том, атеист Л.Н. Толстой или нет, продолжается²⁶, так как в общественном сознании критика церкви закрепляется как безбожие и атеизм. Разумеется, такой подход к религиозным взглядам писателя умозрительен. Вольтер и Л.Н. Толстой – суть атеисты: это скорее факт сознания, а не истины.

В 1900-е гг. Лев Николаевич часто вспоминал о Вольтере. Осуждал его за то, что он «гнулся перед Фридрихом, Екатериной» и «писал историю, в которой восхвалял Екатерину, выставляя ее такой, какой она не была»²⁷. Считал, что «по вопросу о будущности католицизма и религии» «после Вольтера, Руссо, Канта» писать нечего²⁸, что бессмысленно приводить «рассуждения различных монсеньоров и светских авторов, как будто ни Вольтер, ни Руссо, ни Кант, ...ни многие другие великие умы, обсуждавшие этот вопрос, никогда не существовали. Все, что может быть сказано теперь

по вопросу о взаимоотношении между верой и католицизмом, уже давно высказано, и притом исчерпывающим образом. Достаточно перечислить Вольтера»²⁹. Действительно, Вольтер «и его время и до него шестнадцатый век высмеяли эти темы (изобретение брака и церкви); всякое остроумие в этой области теперь уже запоздало, и прежде всего, слишком дешево»³⁰.

Как доказательство враждебности церкви учению Христа высказывание «раздавите бесчестную» цитируется в трактате «Царство Божие внутри вас»: «Недаром Вольтер (Voltaire) называл ее l'infâme»³¹. В эти же годы Л.Н. Толстой рассказал Д.П. Маковицкому, что побывал в Фернее³² и «видел памятник Вольтеру – пирамиду с отломанной верхушкой»³³. Факт посещения Фернея биографы не отмечают. Между тем это могло произойти в 1857 г., когда Лев Николаевич более двух месяцев жил в Кларане и в Женеве. Он совершал поездки, прогулки по горным хребтам, деревням и городам Швейцарии.

В последние, самые мучительные годы жизни, когда разлад в семье достиг предела и требовал решения, Л.Н. Толстого заинтересовала личность фернейского патриарха, обстоятельства его жизни в Фернее и смерти в Париже. Он был в курсе биографических подробностей последних дней Вольтера, особенно остро воспринимая его отказ от причастия и его последние слова из Евангелия. Весной 1906 г. тема Фернея и смерти Вольтера вновь актуализируется. Лев Николаевич заговорил за обедом о княгине Е.Р. Дашковой, в «Записках» которой он прочел о смерти Вольтера³⁴: Он «говорил, что читал Дашкову, Дашкова дальше о Екатерине и Орлове. Екатерина писала свои мемуары, пока была великой княгиней, Дашкова была везде. У Вольтера в Ферне, ему, 86-летнему заболевшему, кровь пускали»³⁵. Здесь тема Ферне сопрягается со значимой для писателя темой смерти, основным вопросом его мировоззрения.

В середине 1910 г. к теме Фернея примыкает тема ухода, желание «уйти из мирской жизни» в «изгнание». В апреле-мае 1910 г. Л.Н. Толстой жил в Кочетах. В.Г. Чертков – в деревне Суворово, которая относилась к Орловской губ. Это напомнило Льву Николаевичу об «изгнании Вольтера, который построил свой Фернейский замок»³⁶ так, что гостиная в нем была во Франции, а спальня в Швейцарии»³⁷. Образ Фернея становится образом-мечтой, внутренней потребностью жить в уединении.

31 мая 1910 г. тема Фернея возвращается вновь. Теперь она связана с темой пути и смерти и с излюбленной идеей Просвещения – идеей терпимости и милосердия, в нее включается евангельская заповедь: «не ненавидь врага твоего». Она приобретает мистический акцент. Почти в 132-ю годовщину смерти Вольтера (он умер 30 мая 1778 г.) Л.Н. Толстой пожелал читать его книги. Он спросил у Д.П. Маковицкого, «что его есть в библиотеке? Как он хорош! Его прямо убили. Он жил в Ferney: спальня во Франции, столовая в Швейцарии. Когда ему было 84 года, его звали во Францию. Он, несмотря на запрещение, зная, что его репутация такая, что не могут его тронуть, поехал. В Париже, овации, в театре все бинокли на него. Он этого волнения не пережил»³⁸. То есть, Лев Николаевич, думая об уходе, понимал, что волнения, связанные с ним, могут закончиться для него не только уходом в «новую», «истинную» жизнь подобно уходу его героя Нехлюдова, но и уходом из жизни. Обстоятельства смерти Вольтера разволновали писателя, и через неделю (7 июня 1910 г.) он вновь пожелал читать его книги. «В библиотеке Вольтер оказался, но с очень мелким шрифтом, поэтому Л.Н. Толстой не стал его читать». Лев Николаевич сказал: Вольтер, умирая, молился: «Не ненавижу своих врагов»³⁹. Об этом же сохранилось свидетельство В.Ф. Булгакова. За несколько месяцев до ухода Л.Н. Толстой отметил, что ему «очень нравится то, что сказал перед смертью Вольтер, отказавшись от Причащения, о чем его просили близкие: я умираю, обожая Бога, любя своих друзей и не ненавидя своих врагов, и питаю отвращение к суеверию»⁴⁰.

В общественном сознании существовала и существует тенденция считать, как Вольтера, так и Л.Н. Толстого, идеологами и идейными вдохновителями: одного – Великой французской революции, другого – Февральской, затем Октябрьской революций. Ни Вольтер, ни Л.Н. Толстой по своим индивидуальным качествам, особенностям характера и личным целям, не революционеры, но они предчувствовали приближение новой эпохи и стали ее вестниками⁴¹. Нужно заметить, что даже люди из близкого окружения Льва Николаевича впадали в это заблуждение. Так его сын Л.Л. Толстой в статье против отца «Отрицание или самосовершенствование?» писал, что «как Руссо был подготовителем французской революции, так Толстой был зажигателем русской. Тот и другой были врагами существую-

ших государственных и общественных организаций своего, да и всякого времени». На самом деле, ни Вольтер, ни Л.Н. Толстой по своим психофизическим данным не революционеры, и не теоретики революций, типа Г.В. Плеханова и В.И. Ленина и др.

Примечания

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений («Юбилейное»): в 90 т. М., 1928–1958. Т. 14. С. 430.

² Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 354. Ф. Ницше имел в виду разрыв традиции развития трагедии, идущей из Греции. По его мнению, Вольтер «был последним великим драматургом, который укрощал греческой мерой свою многообразную, доступную величайшим трагическим бурям душу, ... ибо натура француза гораздо более родственна греческой, чем натура немцев» (Там же).

³ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 16. С. 8.

⁴ Там же. Т. 35. С. 561.

⁵ Там же. Т. 78. С. 59.

⁶ В «Молитве» Матреша оправдывает Бога и зло, существующее в мире: «Напрасно вы, сударыня, на Бога обижаетесь, Ему никак нельзя всех слушать. Они часто о таком просят, что одному сделаешь, другого обидишь. Вот сейчас по всей России молятся, ... чтобы Бог дал победу над японцами. ... А ведь это разве хорошее дело? И молиться об этом не годится, да и угодить-то Ему никому нельзя. ... Как же Ему быть?» (41, 130). Мать отвечает Матреше: «Да, это так. Это старое. Это еще Вольтер говорил. Это все знают и все говорят» (41, 130).

⁷ Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 27.

⁸ Маковицкий Д.П. У Толстого. «Яснополянские записки» // Литературное наследство. Кн. 4. М., 1979. С. 296.

⁹ Буайе П. Три дня в Ясной Поляне // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 367.

¹⁰ Ницше Ф. Указ. соч. С. 540.

¹¹ Маковицкий Д.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 277.

¹² Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 39. С. 5.

¹³ Там же. Т. 2. С. 286–287.

¹⁴ Там же. Т. 62. С. 128.

¹⁵ Там же. Т. 55. С. 269.

¹⁶ Стороженко Н.И. История французской литературы. СПб., 1880–1881. С. 163.

¹⁷ См. об этом: Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 155.

¹⁸ Роллан Р. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 14. М., 1958. С. 631.

¹⁹ Гейне Г. Собрание сочинений. М., 1958. С. 373.

²⁰ Луначарский А.В. Статьи о литературе. М., 1988. С. 397, 398.

²¹ Ницше Ф. Указ. соч. С. 354.

²² Маковицкий Д.П. Указ. соч. Кн. 3. С. 268.

²³ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 79. С. 55.

²⁴ Преображенский Ф.П. Граф Л.Н. Толстой как мыслитель-моралист // Русские мыслители о Льве Толстом. Ясная Поляна, 2000. С. 95.

²⁵ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 53. С. 207–208.

²⁶ Так, например, А.Д. Сухов на основательно проработанном материале в книге «Яснополянский мудрец: Традиции русского философствования в творчестве Л.Н. Толстого» (М., 2001. С. 55) приходит к выводу, что Л.Н. Толстой атеист и «философ-религиовед». По мнению исследователя В.Д. Шмелева, «атеистом Л.Н. Толстой не стал, так как он не отказался от религии вообще, а предлагал ее реформировать, чтобы поставить на службу свободному человеку» (Шмелев В.Д. Философско-теологическая концепция Л.Н. Толстого // Известия Уральского гос. университета. 2004. № 32. С. 149–156).

²⁷ Маковицкий Д.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 154.

²⁸ Там же. Кн. 2. С. 99.

²⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 76. С. 228.

³⁰ Ницше Ф. Указ. соч. С. 368.

³¹ Бесчестный, позорный, постыдный, отвратительный, гнусный, подлый (фр.). (28, 54–55)

³² В Фернее Л.Н. Толстой мог побывать в 1857 г., когда более двух месяцев жил в Кларане и в Женеве. Он совершал поездки, прогулки по горным хребтам, деревням и городам Швейцарии.

³³ Маковицкий Д.П. Указ. соч. С. 198, 501.

³⁴ Записки княгини Е. Дашковой // РС. 1906. № 3–7.

³⁵ Маковицкий Д.П. Указ. соч. Кн. 2. С. 99.

³⁶ Имение Ферней было расположено на французской территории в округе Жекс у самой швейцарской границы: «Женевское озеро расположено прямо против моих полей; я обладаю прекрасным замком на французской границе, убежищем Делис на территории Женевы и хорошим домом в Лозанне. Перекочевывая из одной норы в другую, я могу спастись от королей и неприятелей» См.: *Державин К.Н.* Вольтер. М. 1946. С. 431–432.

³⁷ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М, 1989. С. 194–195.

³⁸ Маковицкий Д.П. Указ. соч. Кн. 4. С. 267–268.

³⁹ Там же. С. 270.

⁴⁰ Булгаков В.Ф. Указ. соч. С. 235.

⁴¹ См. об этом: *Кассирер Э.* Указ. соч. С. 275.

ИСТОРИЯ НЕКОТОРЫХ НАХОДОК И ОТКРЫТИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЖИЗНИ КНЯГИНИ Е.Р. ДАШКОВОЙ

Е.Н. Фирсова

г. Москва

На протяжении двадцати лет Воронцовским и Дашковским обществами было найдено много материалов, в дополнение к ранее известным, по эпохе конца XVIII – начала XIX вв. и более позднего времени. Часто открывались и новые страницы жизни самых известных представителей рода Воронцовых.

С целью избежания повторов в исследованиях и для того, чтобы наиболее важные открытия и находки не затерялись среди богатого изданного материала, было бы приемлемо, в качестве итога за два десятилетия работы обществ, резюмировать самое главное для издания в отдельном сборнике. В Дашковском обществе таким главным является то, что сможет дополнить биографию княгини Екатерины Романовны. Это – факты, события, имена, опущенные ею в «Записках» по разным причинам. Это – открытие ранее неизвестных мест ее пребывания и т.п.

В этом рассказе я остановлюсь в основном на тех открытиях, к которым шла целенаправленно.

Читая впервые «Записки» Е.Р. Дашковой в 1986 г., я обратила внимание на слова княгини о том, что в заграничную поездку она отправилась как госпожа Михалкова, взяв это имя по названию подмосковной деревни своих детей. Я когда-то работала на Михалковской улице и бывала в расположенном рядом с ней парке имени Петра Алексеева. Я вспомнила, что постройки в нем напоминают Царицыно, и подумала о В.И. Баженове. Я поехала туда опять, увидела флигеля, ворота, беседки-купальни, пруды, аллеи. Памятники архитектуры, безусловно, относятся к XVIII в., но принадлежало ли это имение Е.Р. Дашковой? Ведь название Михалково – довольно распространенное.

В «Записках» княгиня упомянула дважды какую-то подмосковную деревню в семи верстах от Москвы, куда она ездила, еще

при жизни мужа, с детьми и сестрами Каменскими. Она не указала названия и той деревни, где прожила восемь месяцев с детьми после смерти мужа весной 1765 г. Екатерина Романовна сообщала, что она соорудила там маленький домик из старых, но крепких бревен и стала жить в строжайшей экономии, так как осталась в долгах.

Некоторые исследователи предполагали, что она могла жить в Щукине, где ей принадлежал лес, но нигде нет указаний, что там были жилые строения. Кроме того, Щукино находилось не в семи верстах от Москвы, а значительно дальше.

До сих пор кто-то считает, что она жила с детьми в Троицком, но Троицкое – это не подмосковная деревня, как обозначала Е.Р. Дашкова. Все сходилось на Михалкове, но это надо было еще доказать. Галина Николаевна Моисеева, издатель «Записок» княгини, была очень заинтересована в моих поисках, так как это добавило бы интересный комментарий к «Запискам».

Я принялась искать. И вот в архиве я держу в руках письма Е.Р. Дашковой к Екатерине II, написанные по-французски. Я, не зная языка, перелистываю страницы, и вдруг прямо на меня смотрит слово МИХАЛКОВО! Это слово с датой 19 апреля стоит в конце письма, написанного по-русски. Как будто специально для меня! Я пытаюсь разобрать почерк княгини, что в первый раз сделать весьма сложно. Переписываю письмо как есть – с понятными и непонятными словами. Княгиня пишет, что находится в своей «подмосковной» с «двумя сиротами». Значит это та весна 1765 г., о которой речь идет в «Записках» – но это все еще не доказывает местоположения деревни. И вот я нахожу фразу, в которой княгиня приводит названия соседствующих с Михалковым деревни Лихоборы и села Владыкино. Все сходится. Названия эти существуют по сей день в том же районе Москвы.

Позже, поднимая многие архивные материалы, я нашла историю села Михалкова, принадлежавшего князьям Дашковым. Тогда, в начале своей архивной деятельности, я посчитала это своим первым открытием.

Второе открытие тоже не было случайным. Меня заинтересовала личность некоего Воронцова, который сопровождал Е.Р. Дашкову в первой поездке за границу. Она называет его «нашим посланником в Гааге» и своим кузеном. Кто же этот Воронцов?

В книге, изданной Г.Н. Моисеевой, в комментариях указан Артемий Иванович Воронцов – двоюродный брат княгини. В издании Г.А. Веселой написано, что это был Ранцов – сводный брат Екатерины Романовны. И то, и другое мне показалось ошибочным, и я принялась искать.

В известном сборнике старинных бумаг П.И. Щукина я нашла «сговорную» графа Романа Илларионовича Воронцова, где одним из свидетелей указан «Иван Алексеев сын Воронцов – советник посольства».

В одном из писем княгини к отцу из города Спа она сообщает, что «Брат Иван Алексеич поехал на две недели с Александром Николаевичем Строгановым в Голландию». В другой раз она пишет, что брат Иван Алексеевич отправился вперед, чтобы снять им с детьми квартиру.

В своем завещании Р.И. Воронцов оставил Ивану Алексеевичу вологодские деревни, называя его «общим нашим родственником» и советником посольства.

Не оставалось сомнения в том, что в заграничной поездке с Е.Р. Дашковой был именно Иван Алексеевич Воронцов. О нем же она писала брату Александру Романовичу Воронцову перед ссылкой. Княгиня ждала, что он посетит ее первым, так как его вологодские земли были недалеко от Коротова.

В родословном древе Воронцовых я нашла нетитулованную ветвь, где и обнаружила Ивана Алексеевича. У деда Е.Р. Дашковой Иллариона Гавриловича были родные братья: Прокофий, Иван и Илья. У Прокофия Гавриловича был сын Алексей и внук Иван. Этот Иван, видимо, и был указанным кузеном Екатерины Романовны, а точнее – ее троюродным братом.

Третьим открытием считаю найденный адрес дачи Е.Р. Дашковой. Как следует из «Записок», во время ссылки княгини в Коротово в правление Павла I, в ее московском доме и на даче под Москвой были расквартированы солдаты и офицеры. Московскому дому они не принесли сильного ущерба, дача же изрядно пострадала. Кроме того, на ее отопление сплавляли по реке лес княгини (видимо, из Щукина). Е.Р. Дашкова решила продать любимую дачу, где жила обычно зимой, гуляя по расчищенным от снега дорожкам. Эта дача прослужила ей около тридцати лет.

Я поняла, что надо искать объявление о продаже в газете «Московские ведомости» за первые месяцы 1797 г. Действительно, очень скоро я нашла следующее: «В Рогожской части под № 123, близ дому графа Строганова, продается на каменном фундаменте деревянный загородный дом, в коем покоев 15, с имеющимися в оном мебелими, с флигелями, конюшнями и погребам, с регулярным садом и имеющимся в нем пространном с рыбою прудом, оранжереями и имеющимися в оных разными плодовыми деревьями. Желающие купить, о цене могут спросить в Тверской части, на Никитской улице, в доме Ея Сиятельства, Княгини Екатерины Романовны Дашковой, у живущего в ее доме титулярного советника Льва Исаенкова». Среди прихожан храма Сергия Радонежского, находящегося поблизости, числилась и Е.Р. Дашкова.

Я разыскала это место на берегу Яузы. Дача Строганова сохранилась. На месте же дачи Екатерины Романовны, если считать, что она была рядом, располагался вино-водочный завод «Кристалл», на территорию которого вход был запрещен. Позже я прочла в «Московских ведомостях» объявление о продаже дачи, расположенной в этом же приходе, хозяином которой был Куракин (родственник мужа княгини). В объявлении рассказывалось о красоте окрестных мест, о прекрасном виде на Яузу и Слободской дворец.

Я предположила, что это та самая дача Е.Р. Дашковой, так как во времена владения ею княгиней Куракин в данном приходе не значился.

Может быть, самое большое открытие за эти годы – название православного храма, построенного Екатериной Романовной в своем белорусском имении Круглое. В «Записках» об этой церкви содержится лишь небольшое упоминание. Видимо, княгиня священные лично для нее вещи считала мало интересными для западного читателя, на которого более, чем на российского, ориентировалась в своих «Записках».

Я надеялась найти ответ в самом селе Круглом, куда мы с Л.Я. Таёжной отправились в командировку от Дашковского общества. Мы нашли краеведческий музей, в экспонатах которого был один портрет Е.Р. Дашковой, очень неудачный. На расспросы о храме нам сообщили, что его разобрали после войны и из брёвен построили в соседней деревне клуб. Названия церкви никто не знал, даже местные

старожилы, ходившие когда-то в этот храм. В музее сообщили, что на месте старой церкви собираются строить новую.

В подарок от музея мы получили большую книгу «Память» на белорусском языке. Вернувшись в Москву, я взялась разбирать отрывки из архивов, которые были приведены в разделе, посвященном истории Круглого. Вот что я нашла: «У 1832 г. На тэрыторыі раёна... праваслаўныя цэрквы былі толькі у сяле Комсенічы (Канстанціна-Яленская) і прыпісаная да яе цэрква у мястэчку Круглае у імя Цудатворцау Бессярэбранікау Кіра і Іаана...». Е.Р. Дашкова первой построила в своем имении православную церковь, но с тех пор прошли годы, поэтому появилась вторая, в другом селе имения.

Я поняла, что речь идет о храме, возведённом Екатериной Романовной, так как название это могла дать только княгиня. Оно редкое и непривычное для восприятия, поэтому его не помнили прихожане. Новую же церковь собирались назвать Троицкой. Я пыталась связаться через музей с местными церковными властями, но безуспешно. Теперь на месте церкви Кира и Иоанна стоит Троицкая церковь.

Я еще раз прочла строчки из «Записок»: «На следующий год я поехала в Белоруссию, чтобы достроить и освятить новую церковь, сооруженную мною на большой площади в Круглом, а затем в июле месяце отправилась в Петербург, куда к тому времени должен был приехать мой брат Семен...».

Зачем Е.Р. Дашковой нужно было перед поездкой в Петербург посещать Белоруссию, ведь такое длительное путешествие было весьма сложным для ее возраста? Зачем так срочно ей понадобилось освятить церковь именами святых Кира и Иоанна, ведь миновало уже так много времени с того дня 28 июня 1762 года, когда произошли дорогие ее сердцу события, приведшие на трон Екатерину Великую? В честь этих святых княгиня когда-то уже назвала свою дачу по Петергофской дороге. В их честь, видимо, не без участия Е.Р. Дашковой, Екатерина II построила и освятила новый храм на Солянке в Москве. И вот опять, через много лет, княгиня вспоминает и знаменует этот лучший день в своей жизни... Я решила посчитать, сколько же лет прошло — и оказалось, что ровно сорок. Эта единственная православная церковь в Круглом была построена Е.Р. Дашковой и освящена в 1802 г. (видимо, 28 июня) к сорокалетию воцарения Екатерины II.

Вот такое важное событие в жизни княгини Екатерины Романовны по воле случая стало нам известно.

Позже я нашла в ОПИ ГИМ название дашковской церкви, упоминающееся в описании строений в местечке Круглое, датированное уже не 1832 г., а более ранним, 1816 г.: «В сем же местечке церковей две, деревянных, с колокольнями деревянными же: из коих 1я на самом рынке посередине местечка Греко-восточная во имя святых Кира Иоанна – 2я подле большой дороги в местечке же приходская ГрекоУниатская...».

Следующее, о чем хочу написать – исследование плана дома Е.Р. Дашковой в Москве на Никитской. Может быть, те заключения, которые я вывела, не являются открытиями, но для людей, интересующихся всем, что связано с жизнью княгини, это должно представлять интерес.

Найдя в ОПИ ГИМ план дома Екатерины Романовны начала XIX в. (выполненный архитектором Ф. Кампорези для М.С. Воронцова, желающего восстановить дом в его первоначальном виде после пожара 1812 г.), я принялась его изучать. Мне хотелось сопоставить план с воспоминаниями современников, и с отчетами графа Петра Львовича Санти о выполнении завещания княгини.

У П.И. Бартенева есть известное упоминание о старушках, которые в детстве ходили на поклон к Е.Р. Дашковой, принимавшей их в своем овальном кабинете в левой половине дома. Известно, что княгиня жила на первом этаже. На плане видно, что в покои Екатерины Романовны вели ступеньки с улицы. За дверью располагалась прихожая с винтовой лестницей на второй этаж и дверь в комнату. Я посчитала, что эта комната могла быть спальней княгини, и предположила, что ее кровать стояла у северной стенки далеко от печи, так как Екатерина Романовна не любила жары.

Из окон спальни Е.Р. Дашкова могла видеть парадный двор и храм Малого Вознесения. Можно сейчас подойти к этому месту здания консерватории и увидеть и двор, и церковь.

Через маленькую треугольную комнатку княгиня проходила в свой овальный кабинет, выходящий окнами на восток и юго-восток, где пила утренний кофе и принимала ранних посетителей. Из кабинета шел длинный коридор, о котором упоминала Кэтрин Вильмот.

Я определила, где была гостиная. Если войти в дом через центральный вход, куда входили гости, то налево будет дверь в при-

хожую, а затем в гостиную. Марта писала: «Представьте: в глубине гостиной на красном сафьяновом диване сидит княгиня. С противоположного конца комнаты входят гости...». О том, что красный диван был круглым, можно узнать из описи вещей, составленной графом П.Л. Санти.

Для круглого (вернее, скругленного) дивана в стене гостиной видно полукруглое углубление. Вероятно, диван заказывался под это углубление, а может быть – наоборот. Дверь для входа гостей была с противоположной стороны, как раз напротив дивана. В гостиную княгиня могла пройти из своего кабинета по длинному коридору и войти в нее сбоку.

Это и все остальные расследования опубликованы в сборниках Дашковского и Воронцовского обществ, и часть из них вошли в книгу «Москва в судьбе княгини Дашковой».

Хочу посетовать на то, что жизнь отца Е.Р. Дашковой, его братьев и их потомков в наших обществах изучаются сверх меры в ущерб изучению жизни сестер отца и их потомков. Считаю это несправедливым, так как сестры Дарья, Пелагея и Прасковья Воронцовы – тетки княгини – имели также достойных и интересных потомков.

Об их жизни мы почти ничего не знаем: немного о Бакуниных, немного о Павле Татищеве. Благодаря С.Р. Долговой более всех изучена жизнь племянницы Екатерины Романовны – А.П. Исленьевой, внучки Дарьи Илларионовны Хрущовой, урожденной Воронцовой. Но ведь у Е.Р. Дашковой со стороны теток было много любимых племянников и племянниц и их детей, с которыми она поддерживала самые теплые отношения и помогала им материально. Некоторым из них она приходилась крестной матерью, некоторые называли своих дочерей ее именем.

В своих исследованиях я постоянно пытаюсь найти что-нибудь об этих людях. Уже найдены некоторые подробности жизни сестер Кочетовых – внучек той же Дарьи Хрущовой, определено имя Жеребцовой, о которой толком ничего не знал ее родственник М. Бутурлин. Это – одна из трех дочерей Дарьи Илларионовны – Анна, в первом замужестве – Кошелева. Вторая дочь, Наталья, была замужем за Кочетовым, третья, Елизавета – за Исленьевым.

Мы практически не имеем ни одного изображения трех теток и их детей и внуков, в то время, как портреты дядей и их потомков у

нас в изобилии. Есть лишь портрет П. Татищева, и то в преклонном возрасте. Ни братьев Санти, ни сестер Исленьевых, ни Кочетовых, ни Жеребцовых, ни Долгоруких, ни Бакуниных.

Можно представить мой восторг, когда я случайно в краеведческом музее города Дмитрова нашла на стене портрет любимой племянницы Е.Р. Дашковой Татьяны Михайловны Норовой, урожденной Кошелевой, дочери Анны Петровны Жеребцовой. Это та Норова, которая помогала Екатерине Романовне в трудную минуту жизни – именно она ездила в дальнюю деревню зимой за невесткой княгини, она же присутствовала при отпевании князя П.М. Дашкова. В одном из писем княгиня упоминает семью Норовых как своих любимых. По совету Е.Р. Дашковой Норовы приобрели усадьбу Надеждино под Дмитровом. Вот оттуда и появились в музее портреты всей их семьи.

Считаю, что в Дашковском обществе надо более заниматься изучением жизни тех людей, которых княгиня знала близко, и которые оставили след в ее жизни. Надо искать изображения всех ее родственников для того, чтобы можно было составить полноценное древо не только тех, кто носил фамилию Воронцовых, но и тех, кто являлся таковыми по крови.

СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОДОВОМ ПОМЕСТЬЕ ГРАФА И.И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

В.А. Стручков

*Алгасовская средняя общеобразовательная школа,
Новотомниковский филиал (Тамбовская обл., с. Новотомниково)*

До конца XIX в. правители России не придавали особого значения развитию народного образования. Если русское дворянство не уступало (а во многом и превосходило) по уровню образования дворянство любой страны, то народное образование находилось в зачаточном состоянии.

Многие дворяне владели, как минимум, двумя иностранными языками, обладали вполне достойным уровнем знаний по литературе, родному языку, литературе, истории, географии, математике, культуре поведения, живописи, музыке – и это образование было только домашним. Существовавшая система государственного и негосударственного дворянского образования и воспитания (гимназии, лицеи, университеты, военные училища, а также учебные заведения Франции, Англии, Италии) позволяла русскому дворянству получать в полном объеме знания, накопленные человечеством к тому времени.

Совершенно другая ситуация складывалась с народным образованием. Оно в основном сводилось к обучению элементарной грамоте: дети крестьян по желанию и возможности родителей, учились основам письма, чтения, арифметики, православной грамоте.

Промышленный «бум» в России в конце XIX в. потребовал грамотных, профессионально обученных специалистов. Одним из первых необходимость коренного изменения подхода к народному образованию понял граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. В селе Новотомниково Моршанского района Тамбовской области его попечением была открыта трехлетняя начальная школа. Располагалась она в специально построенном деревянном здании с одной классной комнатой и квартирой для учителя. Им стал выпускник

тамбовского учительского института Петр Кузьмич Славцов. В школе обучалось двадцать мальчиков. К сожалению, до настоящего времени здание не сохранилось.

В 1890-е гг. попечением графини Варвары Давыдовны Воронцовой-Дашковой в Новотомникове открылась еще одна школа уже с двумя классными комнатами и квартирой для учителя. Здесь обучалось около пятидесяти человек. Учителями школы были Александра Тимофеевна Руге и Екатерина Григорьевна Ломакина. Здание школы сохранилось до настоящего времени.

В 1912 г. земство при материальной поддержке графа И.И. Воронцова-Дашкова построило двухэтажное кирпичное здание школы с четырьмя классными комнатами и двумя квартирами для учителей. Здесь совместно обучалось восемьдесят мальчиков и девочек. Учителями в школе были Зинаида Петровна Славцова (отдавшая обучения и воспитания молодежи более пятидесяти лет и награжденная уже в советское время высокой правительственной наградой – орденом Ленина), Николай Григорьевич Греков, Сергей Алексеевич Попов и Василий Иванович Стандровский. К тому времени население в селе Новотомниково составляло более пяти тысяч человек. В результате просветительной деятельности графа И.И. Воронцова-Дашкова все дети, которые хотели учиться, имели такую возможность. Кстати, учителя получали материальную поддержку от графа, что давало им возможность уделять больше внимания обучению и воспитанию детей, не отвлекаясь на ведение домашнего хозяйства (учителя имели возможность нанимать прислугу).

Имея добротное начальное образование, многие способные ученики направлялись графом в уездные реальные училища для получения профессиональной подготовки. Это дало возможность И.И. Воронцову-Дашкову комплектовать местными кадрами осуществляемый им проект превращения Новотомникова в современный аграрно-промышленный комплекс – действующую модель аграрного будущего России. Конный завод обслуживали местные конюхи и наездники, электростанцию и электроснабжение – электрики и механики. Жители села были кузнецами и плотниками, мельниками и садоводами, агрономами и учителями. птицеводами и мелиораторами. Все это способствовало превращению имения в высокодоходное хозяйство (чистый доход составлял около ста

тысяч рублей в год), основанное на последних достижениях науки и техники. В имении работали паровые машины, здания усадьбы и центр села были электрифицированы, действовали два спиртзавода, льно-теребильная фабрика, два кирпичных завода, три кузницы, семь мельниц (три из них – паровые), оранжерея, производившая круглый год свежие овощи, конный завод, пасека. Все это обслуживалось местными кадрами.

Такая деятельность Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова и его семьи дала положительные результаты. Жители Новотомникова на 90 % были грамотными, резко отличаясь одеждой, манерами и поведением от жителей окрестных сел. Когда произошли революционные события 1917 г., имение не было разрушено, как все соседние. Оно продолжает служить людям и в настоящее время.

Новотомниковская средняя школа, расположенная в бывшем особняке Воронцовых-Дашковых – одна из первых средних школ Тамбовской области. Она дала стране тысячи достойных граждан, среди которых – бывший ректор Тимирязевской академии М.И. Синюков, два героя Советского Союза Д.И. Барашев и П.Т. Харитонов, участники Великой Отечественной войны, секретарь президиума Верховного Совета Горкин, депутат Госдумы Оленев.

В заключение хочется сказать, что политика Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова в области образования, направленная на формирование активного, полезного своей стране и своему народу гражданина, актуальна и в настоящее время.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
ИВ	Исторический вестник
ИНИОН	Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук
ИРИ РАН	Институт российской истории Российской Академии наук
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
КФЖ	Камер-фурьерский церемониальный журнал
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ-1	Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1830)
РА	Русский архив
РБС	Русский биографический словарь
РВ	Русский вестник
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РС	Русская старина
Сб. РИО	Сборник Императорского Русского исторического общества
ЦИАМ	Центральный исторический архив г. Москвы

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Е.Р. ДАШКОВА И XVIII ВЕК

ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Редактор РИО – *Н.В. Бессарабова*
Компьютерная верстка *Н.В. Бессарабовой*

Подписано в печать 25.01.12. Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman Суг.
Усл.-печ. л. 21,5. Тираж 200 экз.

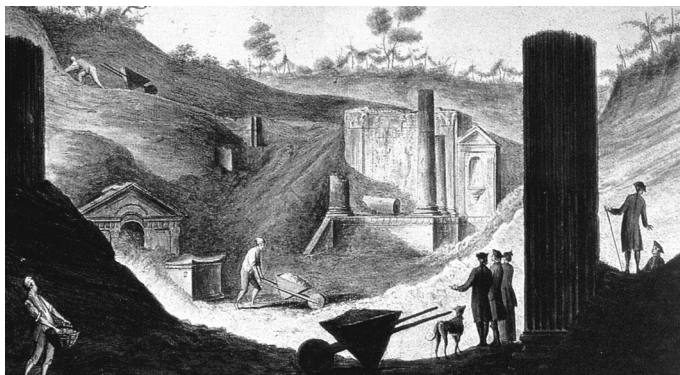
*К статье Е.И. Столбовой
«Новое в иконографии княгини Е.Р. Дашковой»*

Е.Р. Дашкова

Копия неизв. худ. с оригинала Д.Г. Левицкого. Кон. XVIII в.

*К статье Л.Я. Таёжной
«Неаполитанские встречи княгини Е.Р. Дашковой и их значение»*

Археологические раскопки у храма Исиды в Помпеях
Гуашь. Кон. XVIII в.

Вид на Помпеи с юго-востока. На заднем плане – Везувий
Литография XIX в.

*К статье Н.Я. Серебряковой
«Штрихи ушедшего времени»*

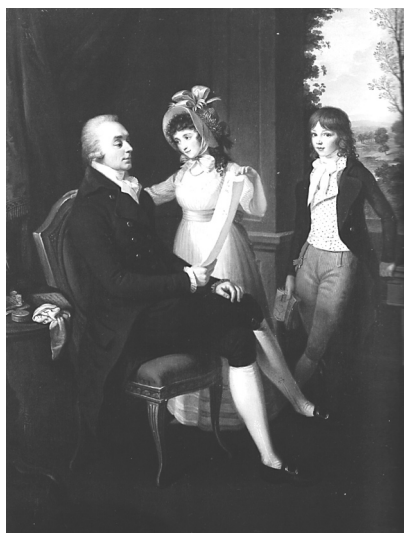
Е.А. Воронцова
Д.Г. Левицкий. 1783 г.
Государственный Русский музей

Е.А. Воронцова
Д.Г. Левицкий. 1783 г.
Ташкентский художественный музей

С.Р. Воронцов
Р. Эванс. 1828 г.

С.Р. Воронцов с детьми
Л. Гуттенбрунн. 1791 г.

*К статье Е.Н. Фирсовой
«Письма Е.Р. Дашковой из ссылки»*

Ярмарка в Весегонске
Фотография XIX в.

Деревня Коротово
Фотография Е.Н. Фирсовой. 2000 г.

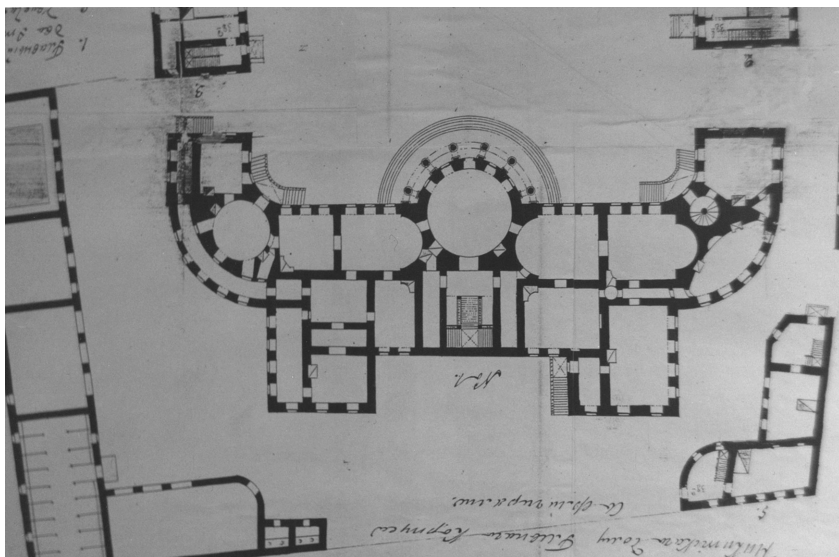

*К статье Е.Н. Фирсовой «История некоторых находок и открытий
при изучении жизни княгини Е.Р. Дашковой»*

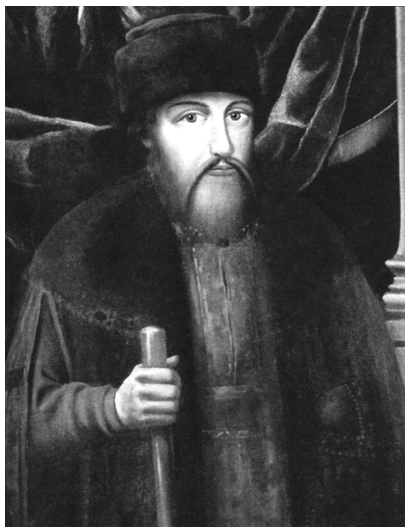

Имение Михалково. Пруд и ротонда-купальня
Фотография Е.Н. Фирсовой. Рубеж XX–XXI вв.

План дома Е.Р. Дашковой в Москве на Никитской улице
XIX в. ОПИ ГИМ

*К статье М.Ю. Коробко
«Е.Р. Дашкова и усадьба Узкое: к постановке проблемы»*

Т.Н. Стрешнев (?)
Неизв. худ. Кон. XVII – нач. XVIII в.

Церковь усадьбы Узкое
Фотография рубежа XX–XXI вв.

Южный кухонный флигель усадьбы Узкое
Фотография рубежа XX–XXI вв.

*К статье Е.В. Пчелова «Царица Херсониса Таврического:
крымский титул Екатерины Великой»*

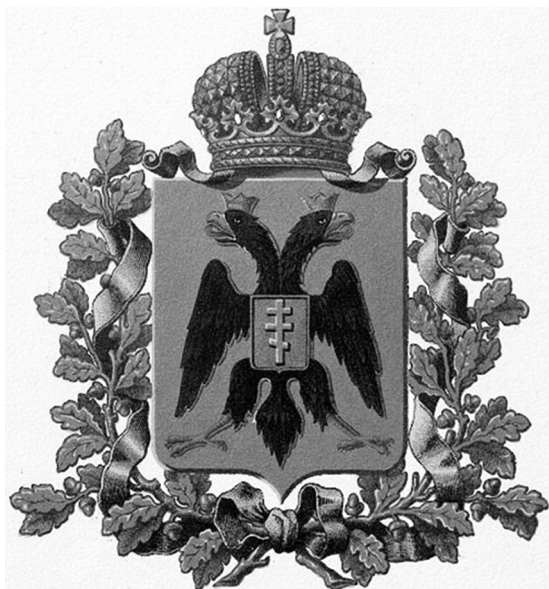

Герб Таврической области 1784 г.

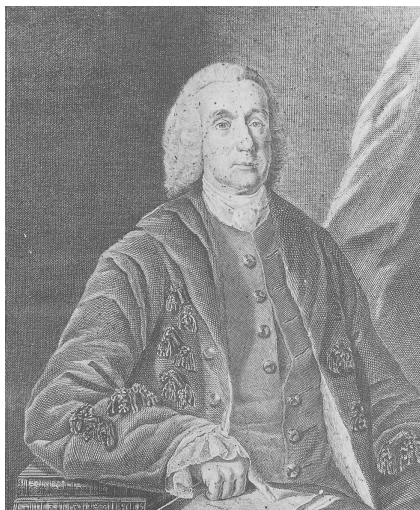

Герб Таврической области 1856 г.

Герб Царства Херсониса Таврического
в Большом государственном гербе Российской империи 1882 г.

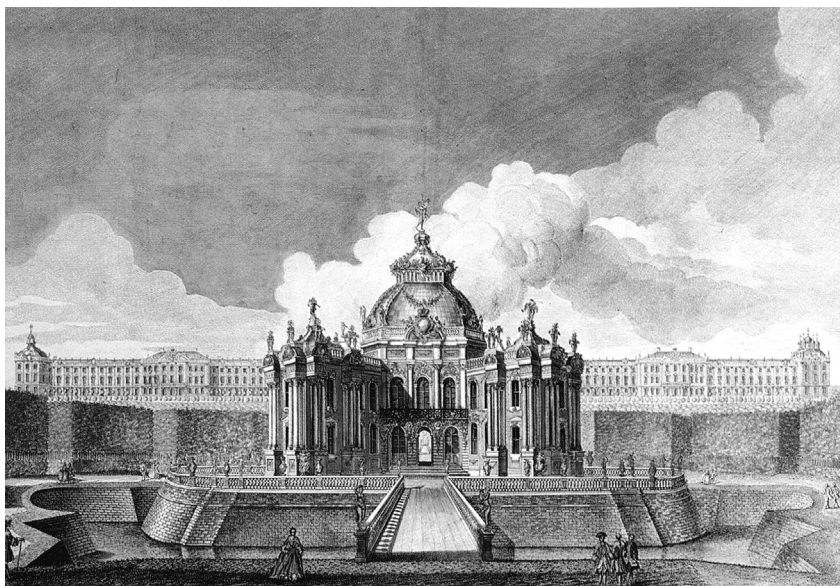

*К статье Т.Л. Лабутиной
«Визит британского врача Т. Димсдейла ко двору Екатерины II»*

Барон Димсдейл
Гравюра. Вторая пол. XVIII в.

Павильон «Эрмитаж» в парке Царского Села
Офорт с оригинала М.И. Махаева. 1759 г.

*К статье Е.Г. Гороховой и Г.С. Маришупы
«О малоизвестном изображении путешествия Екатерины II в Крым»*

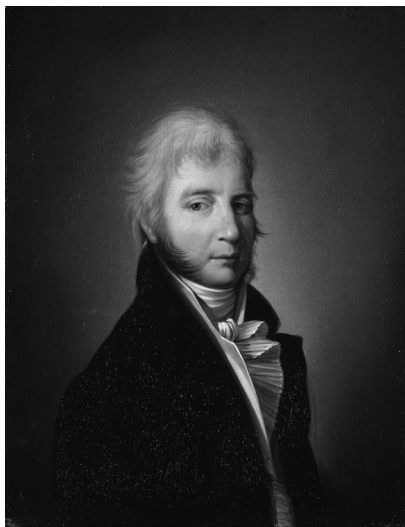
Фейерверк времен Екатерины II
Неизв. худ. Вторая пол. XVIII в. ГИМ

**Иллюминация Канева во время приезда Екатерины II
и Станислава-Августа в 1787 г.**
Я.Б. Плерш. Вторая пол. XVIII в. Львовская картинная галерея

*К статье Т.М. Фадеевой
«Екатерининская эпоха в трудах писателя П.И. Сумарокова»*

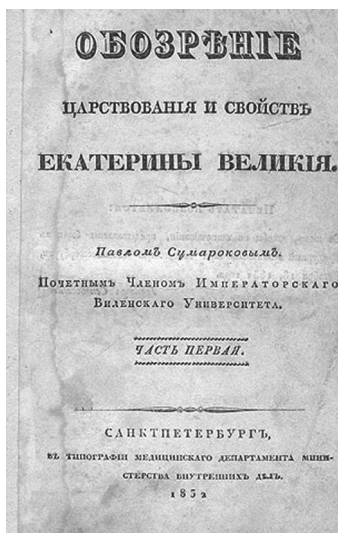

С.Ф. Голицын
Д. Ортолани. 1800-е гг.

Т.В. Голицына
Д. Ортолани. 1800-е гг.

**Титульный лист и иллюстрация
«Обозрения царствования и свойств Екатерины Великия»**

*К статье М.А. Яковлевой
«“Он верил в призвание России...”»: граф А.И. Рибопьер»*

И.С. Рибопьер

Гравюра неизв. худ. с оригинала
Д.Г. Левицкого. Кон. XVIII в.

А.И. Рибопьер

К.П. Брюллов. 1829 г.

Т.В. Юсупова – теща А.И. Рибопьера
К. Робертсон. Первая пол. XIX в.

Т.А. Рибопьер – дочь А.И. Рибопьера
Э. Магнус. 1838 г.

*К статье А.О. Мещеряковой «Английская мода и русские консерваторы:
к истории создания Ф.В. Ростопчиным трактата о плуге и сохе»*

Ф.В. Ростопчин
С. Тончи. Ок. 1800-е гг.

Усадьба Вороново
Фотография нач. XXI в.

*К статье К.Г. Боленко «Князь Н.Б. Юсупов в зеркале своей библиотеки:
книжные выставки музея-усадьбы “Архангельское” в 2010 году»*

Книжная выставка в музее-усадьбе «Архангельское»

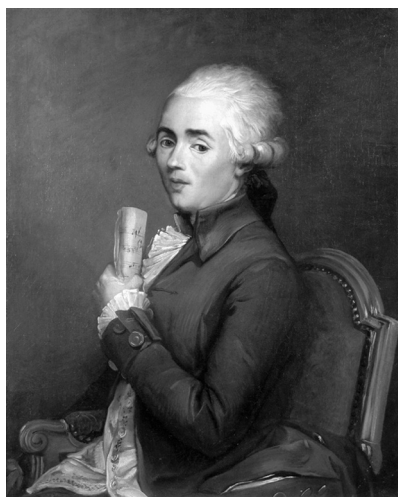

*К статье О.А. Байрд «“Из наслаждений жизни
одной любви музыка уступает...”»: Л.-В.Тенпер де Фергюсон...»*

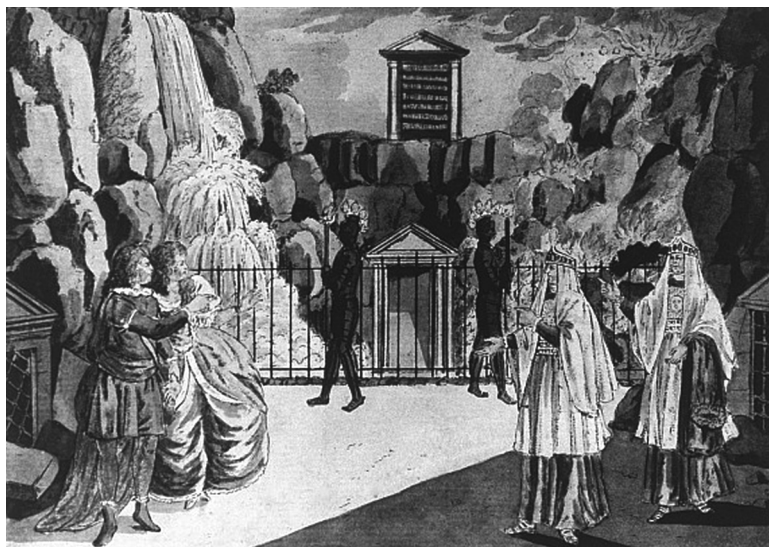

Г. Пуньяни
Неизв. худ. 1754 г.

Дж. Виотти
Неизв. худ. Ок. 1775 г.

**Сцена из оперы «Волшебная флейта»
Й. и П. Шаффер. 1793 г.**

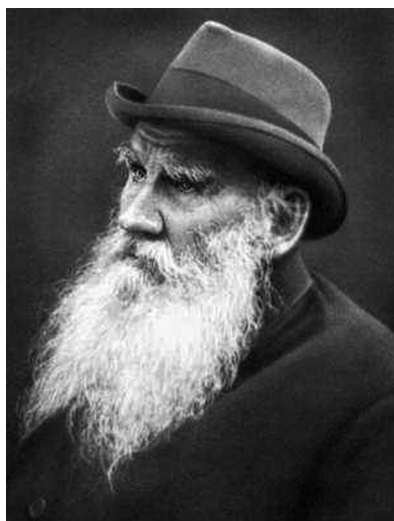

К статье А.Н. Полосиной
«Вольтер в восприятии Л.Н. Толстого»

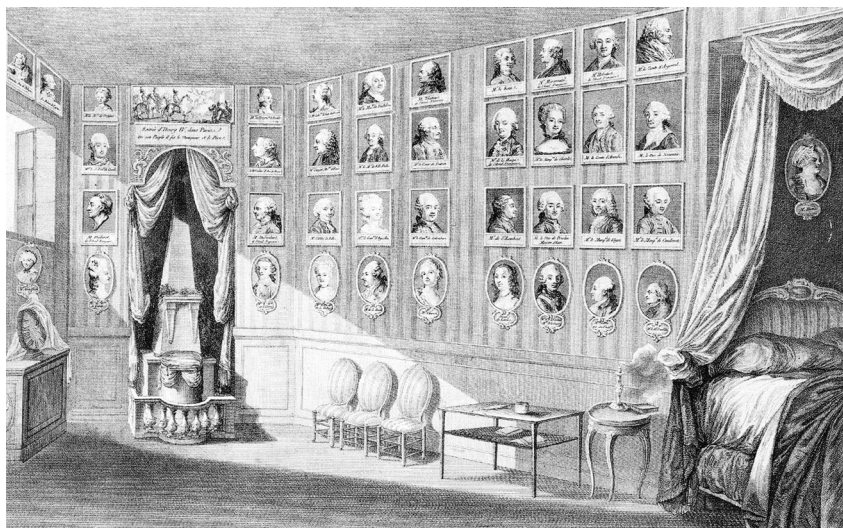

Вольтер
Н. де Ларжильер. 1718 г.

Л.Н. Толстой
Фотография В.Г. Черткова. 1908–1910 гг.

«Сердечная» комната Вольтера в Фернее
Гравюра Д. Не по оригиналу Г. Дюше. 1781 г.

*К статье Л.В. Тычиной и Р.Б. Мухина
«Дашковское общество. 2011 год: хроника событий»*

XVII Международные Дашковские чтения

**Председатель Дашковского общества Л.В. Тычина
вручает А.Б. Каменскому медаль «За служение Свободе и Просвещению»**

Заседание секции «Е.Р. Дашкова и ее время». Выступление К.Г. Боленко

